

Международный научно-практический форум

ЯЗЫКИ
КУЛЬТУРЫ
ПЕРЕВОД
ШЕБЕВОЙ
КЛРЛЛРЛ

30 июня - 10 июля 2013 г. Греция, Салоники

материалы форума

ЯЗЫКИ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕВОД

www.esti.msu.ru

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Высшая школа перевода

«ЯЗЫКИ. КУЛЬТУРЫ. ПЕРЕВОД»

Материалы международного научно-практического форума

30 июня – 10 июля 2013 г.

Издательство Московского университета

2013

УДК 81: 37.016

ББК 81.2

Языки. Культуры. Перевод. Материалы международного научно-практического форума. - М.: Изд. Московского университета. 2013. – 410 с.

ISBN 978-5-211-06568-0

В сборник включены материалы докладов, представленных на международном научно-практическом форуме «Языки. Культуры. Перевод».

Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Материалы форума будут полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Все статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 81: 37.016

ББК 81.2

ISBN 978-5-211-06568-0 © Высшая школа перевода МГУ, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ..... 6

Акберди М.И. Методы экспериментального исследования парониматического варьирования слов..... 7

Алтаева Г.А., Мансурова Г.Н., Кунгурова С.Н., Уразбаева М.Н., Г.Т. Макимова Г.Т. Использование программного обеспечения activstudio и activinspire в процессе преподавания русского языка в нерусской аудитории..... 17

Гириная Л.В. Этап постановки фонетических навыков в формате учебно-методического комплекса: русский язык как иностранный..... 31

Кулибаба Н.В. Перевод фразеологических единиц с компонентом зоонимом, как одна из проблем дидактики рки..... 43

Напольских М.Р. Использование тандемного метода в подготовке к экзамену турки-1..... 52

Полетаева О.А. Аспектное обучение русскому языку как иностранному в системе подготовки специалиста по межкультурной коммуникации..... 60

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА 69

Артемов Д.С. Способы минимизации ошибок при синхронном переводе и система оценки качества выполненного перевода..... 70

Бегдаuletova А.Б. Художественное своеобразие русскоязычной литературы Казахстана (к проблеме взаимодействия русской и тюркской культур) 80

Бочарова М.В. Лингвопрагматические особенности перевода фразовых эпитетов (на материале переводов романа Дж. Фаулза «коллекционер»)..... 94

Зырянова Н.А. Лингвостилистические аспекты перевода поэтического текста (на материале стихотворения Р.М. Рильке „von den fontänen“ и его русских переводов) 105

Иса Г.И. Проблемы технического перевода..... 118

Кондратенко А.А. Перевод как повторение процесса творчества (на примере авторского перевода рассказа Важа-Пшавела «высохший бук»)..... 130

Литинская Е.П., Лёвина Е.В. Жуковский как практик и теоретик перевода в свете истории и современных проблем переводоведения 141

Ломидзе С.Д. Роль культурологического подхода в переводе драматургических произведений (на материале перевода Акакия Церетели пьесы Мирзы Фатали Ахундова «визирь Ленкоранского ханства»)..... 160

<i>Лаврентьева Е.С.</i> Трудности перевода лингвостилистических особенностей художественных текстов в рамках игровой концепции языка.....	169
<i>Макаров И.О.</i> Перевод в эпоху Возрождения.....	180
<i>Малахова А.А.</i> Лингвостилистические особенности эвфемизмов и дисфемизмов (на материале современной англоязычной прессы)	185
<i>Мишкuroв Э.Н.</i> От хаоса интерпретаций к плюральности переводов	192
<i>Павленко Е.Г.</i> Украинская переводческая традиция: феномен 60-х	205
<i>Ундрицова М.В.</i> Лингопереводческие аспекты гастрономического дискурса.....	219
<i>Чугунова Е.Д.</i> Особенности перевода национально-маркированных фразеологических единиц	230
<i>Чуреева О.А.</i> Деформация как переводческая стратегия (на материале интерсемиотического перевода пьесы а.п. чехова «чайка» на язык театра)	243
<i>Шульженко А.М.</i> Структура знаний, необходимых переводчику	249
<i>Юханова Е.А.</i> Особенности языка интернета (русско-английские параллели)	262
КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИ:	275
<i>Айкынбаева Ф.А.</i> Взаимодействие языков и культур в билингвальной языковой среде (на материале функционирования русского языка в казахстане).....	276
<i>Багдасарян Ш.А.</i> Концептуальная метафора как основа культурной составляющей концепта <i>время</i> в инаугурационной речи президента США.....	287
<i>Беспярых А.О.</i> Ключевые смыслы и их репрезентации в неймах туристических агентств города Екатеринбурга.....	300
<i>Борман Ж.И.</i> Король Сильван, князь Гаральд, Варварша и другие пушкинские персонажи.....	309
<i>Борман Э.И.</i> Мультиmodalность как межкультурный и межъязыковой феномен	320
<i>Васильева А.П.</i> Репрезентация концепта «сылгы/лошадь» в языковом сознании носителей якутского языка	333
<i>Вашурина Е.А.</i> Коммуникативная категория «политическая корректность» в современной британской литературе.....	348
<i>Волотова М.Г.</i> «Домострой» как памятник средневековой культуры: структура, содержание, морально-этические нормы	362
<i>Обухова Т.М.</i> «Вненаходимость» в диалоге культур (по работам м.м. Бахтина).....	369
<i>Паниткова Э.Ю.</i> Проблема конструирования реальности с точки зрения языка и культуры.....	380

<i>Степанова Н.А.</i> Эволюция русской языковой картины мира: причины и следствия (на примере антропонимов русского языка)	392
<i>Фрольцова В.В.</i> Межкультурная коммуникация: взаимодействие языка и культуры	404
<i>Шахматова М.А.</i> Вопросы коммуникации в сфере туризма.....	416
<i>Шетиева А.Т.</i> Употребление императивных конструкций как отражение ментальных особенностей народа	428
<i>Юсупова С.М.</i> Взаимодействие ценностей в языках и культурах.....	438

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ
СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ

Акберди М.И.
КазНУ им. аль-Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Akberdi M.
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty (Kazakhstan)

МЕТОДЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРОНОМАТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ СЛОВ

METHODS OF THE PILOT STUDY OF PARONOMATIC VARIATION OF WORDS

В статье описаны этапы экспериментального исследования процесса выбора паронорматического варианта целевого слова. Целью исследования является определение роли константы частичной артикуляционной близости слов в процессе выбора паронорматонима целевого слова.

In the article stages of experimental studying of influence of constant of articulation affinity on the choice of paronomatonym for the target word are described. The purpose of the present work is to define the role of the constant of partial articulation affinity which is a possible way for activation of a mental lexicon's units during the selection of paronomatonym for the target word.

Ключевые слова: паронорматоним, целевое слово, константа частичной артикуляционной близости, субъективное шкалирование, направленный ассоциативный тест, прайминг-тест.

Key words: paronomatonym, target word, constant of partial articulation affinity, experiment based on subjective scaling, directed associative test, phonetic priming test

Целью экспериментального исследования проблемы выбора паронорматического варианта слова является проверка гипотезы о возрастании роли внутреннего проговаривания и, соответственно, роли константы частичной артикуляционной близости паронорматических вариантов слова при затруднениях в выборе целевого слова.

Анализ паронимических явлений осуществлялся с применением приёмов лингвистического наблюдения, интроспекции, внутриязыкового сравнения, логико-психологического приёма интерпретации. Кроме того, использована серия психолингвистических экспериментов, цель которых заключалась в верификации сформулированной гипотезы. Экспериментальное психолингвистическое исследование осуществлено с применением: а) субъективного шкалирования; б) направленного ассоциативного теста; в) фонетического прайминг-теста. Метод субъективного шкалирования был использован для доказательства действительной психологической значимости выделяемых в исследовании констант варьирования паронимов (грамматического и деривационного значения, слогового состава, ударной гласной и частичной артикуляционной близости); для проведения эксперимента по методу субъективного шкалирования из общего корпуса паронимов были выбраны 46 (23 пары) единиц, характеризующихся полным сохранением всех выделяемых констант. Направленный ассоциативный тест (18 стимулов из 8 паронимических пар и рядов, характеризующихся нарушением констант грамматического и деривационного значения) позволил выбрать из общего количества реакций варианты, иллюстрирующие нарушение констант грамматического и деривационного значений, слогового состава, ударной гласной в различных комбинациях с всегда сохранённой константой частичной артикуляционной близости. Отобранные таким образом единицы выступили словами-подсказками в фонетическом прайминг-тесте, нацеленном на оценку эффективности константы частичной артикуляционной близости, действенность которой проверялась на фоне нарушения других констант.

Метод субъективного шкалирования направлен на доказательство психологической значимости констант грамматического и деривационного значений, слогового состава и ударной гласной паронимических вариантов слова.

Характеристика испытуемых. В эксперименте принял участие 41 испытуемый (от 17 до 56 лет). Все респонденты были разделены на 4 группы.

Процедура проведения эксперимента. Испытуемые должны были выполнить два задания: 1) определить меру субъективного сходства заданных слов по значению; 2) определить степень близости звучания этих слов, основанную на субъективных представлениях испытуемых. Для этого респонденты получили

опросные листы, в которых попарно давались слова; испытуемые должны были обозначить баллами от 1 до 5 степень близости значения и звучания заданных слов, вписывая баллы, соответственно в две колонки «сходство слов по значению» и «сходство слов по звучанию».

Пятибалльная шкала была выбрана нами в связи с лёгкостью использования испытуемыми и удобством интерпретации единиц экспериментатором. Единицы принятой пятибалльной шкалы сходства сравниваемых объектов могут быть интерпретированы следующим образом: 1 – «объекты не имеют сходства»; 2 – «между объектами существует слабое сходство»; 3 – «количество признаков, определяющих сходство объектов равно количеству признаков, определяющих их различие»; 4 – «между объектами существуют минимальные различия»; 5 – «объекты идентичны».

Эксперимент был основан на 53-х парах слов, среди которых, кроме парониматов (22 пары с сохранными константами грамматического и деривационного значений, слогового состава и ударной гласной), были представлены синонимы (6 пар), антонимы (9 пар), варианты слова (4 пары), однокорневые паронимы (9 пар). Пары синонимов, антонимов, вариантов слова, однокорневых паронимов, имеющие другие константы варьирования по сравнению с парониматами, были использованы в эксперименте для определения активности выделяемых констант парониматов.

Условия эксперимента. Эксперимент проводился два раза в каждой группе испытуемых. Для испытуемых I-III групп при первом проведении была дана инструкция выполнять задания без ограничения времени реакции. В среднем на выполнение заданий обоих заданий было затрачено при этом условии около 10-15 минут. При повторном проведении эксперимента испытуемым первых трёх групп была дана инструкция выполнить задания эксперимента, затрачивая на каждое из них не более одной минуты. Максимальное время проведения эксперимента при втором условии – около 2,5 минут. Испытуемым IV группы было предложено при первом проведении эксперимента выполнить задания, затрачивая на выполнение каждого из них одну минуту. В целом, оба задания были выполнены за 2,5 минут. При повторном проведении эксперимента время выполнения заданий не

ограничивалось. Как и в первых трёх группах в среднем на выполнение заданий эксперимента было затрачено около 10-15 минут.

Повторные эксперименты проводились в каждой группе через недельный интервал. Инструкция повторного эксперимента в I-III группах отличалась от инструкции, данной испытуемым IV группы. Изменение очередности условий эксперимента для испытуемых IV группы связаны с предполагаемой разницей данных первого и повторного экспериментов. Важным для исследования является вопрос о том, насколько разными будут показатели сходства слов по значению в разных условиях (при ограничении времени показатели близости значения разнокорневых паронимов должны быть выше). Предполагалось, что показатели степени близости значений условных паронимов по данным первого эксперимента с ограничением времени, проведённого в IV группе, будут выше аналогичных показателей, зарегистрированных по данным повторного эксперимента, проведённого в I-III группах.

Обработка результатов. По результатам проведённого в каждой группе эксперимента (первого и повторного) для оценок степени сходства условных паронимов был вычислен средний балл. Результаты подсчёта интерпретировались в соответствии со шкалой, принятой для эксперимента. По результатам сравнения сходства слов по значению в разных группах был выведен процент ошибок для каждой пары паронимических вариантов слова. Процент ошибочных ответов выводился отдельно для первого и повторного экспериментов. Для каждой пары разнокорневых паронимов фиксировалось количество ответов, соответствующих той или иной единице шкалы.

Для *интерпретации результатов эксперимента* в работе был использован тот же принцип, по которому испытуемыми использовались шкалы для меры сходства слов по значению и звучанию. В качестве ошибочных расценивались следующие оценки сходства разнокорневых паронимов: 3 – «слова имеют одинаковое количество сходных и различных признаков»; 4 – «между словами существует небольшое различие»; 5 – «объекты идентичны». Соответственно в качестве правильных ответов воспринимались такие, как 1 – «слова не имеют сходства» и 2 – «между словами существует слабое сходство».

В эксперименте с ограничением времени реакции во всех группах наблюдалось возрастание процента ошибочных решений. Таким образом, даже при чётком разграничении значений условных паронимов, возможность ошибочного выбора увеличилась под влиянием условий выбора. Ставя условием повторного эксперимента ограничение времени реакции, мы попытались приблизить участников эксперимента к естественным условиям порождения речи.

Данные, полученные в первом и повторном экспериментах, позволяют сделать вывод о психологической реальности выделяемых констант парониматических вариантов слова. Об этом свидетельствует и большее количество ошибочных ответов, данных испытуемыми при оценке близости условных паронимов по значению в повторном эксперименте. Все это позволяет сделать вывод о действительном влиянии констант варьирования условных паронимов – сходства грамматического и деривационного значения, слогового состава, ударной гласной, частичной артикуляционной близости – на их смешение в речи.

Целью **направленного ассоциативного теста** была подготовка фонетического прайминг-теста. В качестве стимулов были использованы 18 парониматонимов с одновременным нарушением констант грамматического и деривационного значения.

В исследовании А.А. Залевской указывается, насколько важно изучение дистрибуции ассоциативных реакций на ряды связанных по какому-либо принципу слов [Залевская, 1983, с. 83]. Парониматические явления иллюстрируют один из возможных путей ассоциирования. Дж. Эйтчисон считает, что крупным недочётом ассоциативных экспериментов является то, что они могут сказать нам о возможной структуре ментального лексикона только частично, поскольку каждый испытуемый даёт только один ответ на отдельное слово, тогда как в действительности связи между словами разнообразны [Эйтчисон, 1994]. В наших экспериментах мы пытаемся спровоцировать активацию по звуковому принципу как одному из путей ассоциирования.

Характеристика испытуемых. В эксперименте приняли участие 23 испытуемые. Все участники тестировались с одинаковыми условиями без разделения на группы. Были протестированы респонденты без нарушений речевых функций в возрасте от 18 до 59 лет.

Процедура проведения эксперимента. Испытуемым было предложено произнести вслух слово, которое ассоциируется по звучанию с произнесённым экспериментатором. Вопрос к испытуемым звучал так: «После того, как Вы услышите слово, назовите, созвучное ему слово, которое первым придёт Вам в голову. Например, крошки – мошки». Дополнительно давалась следующая инструкция: «Если Вы затрудняетесь в ответе, назовите любое слово, первым пришедшее Вам в голову». Список составлен из 18 слов (8 парониматических пар и рядов, в которых нарушены константы грамматического и деривационного значений). К таким словам после предварительной систематизации и анализа материала исследования были отнесены единицы следующих парониматических пар и рядов: крошки / корочка; аппаратура / пиратство; паралингвистика / паронимия / параллелограмм / паранойя; стажировка / соискание; климакс / клинит; кстати / в курсе; атрофировано / в отрыве; сугубо / субстрат.

Условия эксперимента. Для снижения эффекта влияния графического облика слов-стимулов на выбор ассоциата слова-стимулы предъявлялись на слух. Список слов зачитывался экспериментатором без ограничения времени, затрачиваемого на реакцию.

Обработка результатов. По результатам проведённого эксперимента была составлена таблица ответов на заданные слова-стимулы. Был подсчитан общий процент реакций, отражающих частичную звуковую близость со стимулами – 39,6%.

Интерпретация результатов эксперимента. Общее количество ответов, полученных на заданные стимулы – 414 слов. Из них 164 примера были извлечены из ментального лексикона по принципу звукового сходства со словом-стимулом. В 65 случаях испытуемые ответили отказом на предъявленный стимул. Таким образом, при выборе ассоциата ориентировка на константу частичной звуковой близости произошла в 39,6%.

Фонетический прайминг-тест был построен с предъявлением фонетически близких слов, послуживших подсказками при сложностях выбора целевого слова. Эксперимент был направлен на доказательство достаточной самостоятельности константы частичной артикуляционной близости в процессе порождения речи. Для подтверждения данного предположения следовало использовать парониматонимы с нарушением констант грамматического и деривационного значения, слогового

состава и ударной гласной. По указанному принципу из 164 вариантов, связанных частичной звуковой близостью, выявленных по результатам направленного ассоциативного теста, был отобран 61 пароним с нарушением констант грамматического и деривационного значения, слогового состава и ударной гласной. Они были использованы в качестве слов-подсказок в фонетическом прайминг-тесте.

Процедура эксперимента. Проведённый тест представляет собой модификацию эксперимента, предложенного в исследовании L. James, D. Burke (2000). Модификация теста L. James, D. Burke была осуществлена с учётом оригинальной методики изучения tip-of-the-tongue в лабораторных условиях, предложенной в работах Брауна и Мак-Нейла (1966), по которой испытуемые, услышав словарную дефиницию, должны были поднять руку, если они почувствовали, что слово «крутится на кончике языка», а затем ответить на ряд вопросов о нем. В нашем эксперименте испытуемые должны были ответить на 18 вопросов, представляющих собой: а) словарные дефиниции, извлечённые из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (1986), Словаря по языкознанию (Алматы, 1998), Лингвистического энциклопедического словаря (1990); б) определения, которые были даны самими тестируемыми при проведении направленного ассоциативного эксперимента. Определения испытуемых были использованы в тех случаях, когда слово отсутствовало в нужном значении в перечисленных словарях (*клинит, в курсе*). В качестве вопросов были предложены следующие дефиниции:

1. Наружный твёрдый слой хлеба (уменьшит.). (*Корочка*). **Подсказки:** *окорочка, крошка.*

2. Мелкие частицы чего-н. (*Крошки*). **Подсказки:** *корочка, крошка, кошка, Круст.*

3. Приборы, механические устройства (собирает.). (*Аппаратура*). **Подсказки:** *микшер, апелляция, компьютер.*

4. Промысел пиратов, разбой. (*Пиратство*). **Подсказки:** *грабёж, разбойничество, грабительство.*

5. Совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации. (*Паралингвистика*). **Подсказки:** *паралич, параллель, параллелепипед, статистика, парапсихология.*

6. Явление частичного звукового сходства при семантическом различии слов. (*Паронимия*). **Подсказки:** *время, паранойя.*
7. Четырёхугольник, у которого стороны параллельны. (*Параллелограмм*). **Подсказки:** *программа, паралингвистика.*
8. Хроническая душевная болезнь, характеризующаяся тяжёлыми бредовыми переживаниями. (*Паранойя*). **Подсказки:** *Ной, Оле Лукойе.*
9. Традиционный персонаж итальянской «истории масок», паяц, шут. (*Арлекино*). **Подсказки:** *клоун, кукла, Артезианский, орёл.*
10. Регистрация с занесением в список лиц, состоящих где-н. (*Учёт*). **Подсказки:** *аудит, учеба.*
11. Люди, расположившиеся один за другим для получения или совершения чего-н. в последовательном порядке. (*Очередь*). **Подсказки:** *парамет, время, отряд, прочее, вечереть.*
12. Синоним слов *заедает, тормозит* (из молодёжного сленга). (*Клинит*). **Подсказки:** *клиника, климат.*
13. Период угасания функций половых желёз у женщины с приближением старости. (*Климакс*). **Подсказки:** *старость, листик, остановка, мать.*
14. Знать точно, быть осведомлённым. Иначе «быть...». (*В курсе*). **Подсказки:** *в горсть, разносторонний, в круизе.*
15. В дополнение к сказанному, в связи со сказанным. Вводное слово. (*Кстати*). **Подсказки:** *записка, статья, ксива, каста, курс.*
16. Истощено, потеряло жизнеспособность (медицинский термин). (*Атрофировано*). **Подсказки:** *газированный, трофей, рафинированный, атрибутивный, метаморфоза.*
17. 1) То, что лежит в основе каких-н. явлений, состояний; 2) совокупность черт языковой системы, невыводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространённому ранее на данной лингвогеографической территории. (*Субстрат*). **Подсказки:** *субстанция, содержание, суббота.*
18. Синоним слова *особенно* (книжн). (*Сугубо*). **Подсказки:** *сугроб, судьба, в сугробе, суровый, губы.*

Характеристика испытуемых. Эксперимент был проведён без разделения тестируемых на группы. В эксперименте приняли участие 28 испытуемых в возрасте от 18 до 45 лет.

Условия эксперимента оставались неизменными. Время теста не ограничивалось. Испытуемые имели возможность сигнализировать о затруднениях в выборе и просить экспериментатора прочитать подсказки. Важным условием эксперимента является то, что слова-подсказки не обнаруживают сходства с целевым словом по сочетанию инвариантов грамматического и деривационного значений, часто выпадают константы слогового состава и ударного слога.

Обработка данных. Отдельно фиксировалось количество таких ответов, которые испытуемый находил сам, не ориентируясь на слова-подсказки, которые были вычтены из общего числа ответов (всего 167 реакций). Слова-подсказки были распределены по сочетанию констант варьирования. Константа частичной артикуляционной близости вызвала активацию целевого слова: 1) несмотря на нарушение всех выделенных констант (Г-Д-С-У-)* – в 14,2% (50 активаций); 2) в сочетании с константой грамматического значения (Г+ Д-С-У-) – в 6,8% (24 активации); 3) в сочетании с константой ударной гласной (Г-Д-С-У+) – в 22% (78 активаций); 4) в сочетании с константой слогового состава и ударной гласной (Г-Д-С+ У+) – в 3,4% (12 активаций); 5) в сочетании с константой слогового состава (Г-Д-С-У+) – в 1,1% (4 активации) от общего количества положительных и отрицательных реакций. Константа частичной артикуляционной близости в сочетании 1) с константой деривационного значения (Г-Д+ С-У-); 2) с константами грамматического и деривационного значения (Г+ Д+ С-У-), а также 3) с константами грамматического значения и ударной гласной (Г+ Д-С-У+) не вызвала ожидаемой реакции ни в одном из случаев.

Результаты фонетического прайминг-теста подтверждают предположение о психологической реальности и достаточной самостоятельности константы артикуляционного сходства слов. Об этом говорит то, что говорящий довольно часто (47,7%) (168 активаций, 184 отказа) делает выбор, несмотря на отсутствие

* Г – константа грамматического значения; Д – деривационного значения; С – слогового состава; У – ударной гласной.

таких значимых параметров, как грамматическое и деривационное значение, слоговый состав и ударная гласная. Следует обратить внимание на разное сочетание этих активных параметров. В ряде случаев слова-стимулы не вызывали ожидаемой реакции, и испытуемые отвечали отказом. В целом, данные эксперимента подтверждают выдвинутое предположение.

Таким образом, данные проведённых экспериментов позволяют подтвердить гипотезу исследования, по которой константа частичной артикуляционной близости слов является значимым инвариантным признаком при затруднениях поиска слова.

Константы грамматического, деривационного значения, слогового состава, ударной гласной и частичной артикуляционной близости в модели выбора парониматического варианта слова представлены совпадением леммы, результатов морфологической, фонологической и фонетической кодировки. Информацию о константности признака артикуляционной близости вариантов могут нести кинестетические импульсы от речедвигательного аппарата. Константа артикуляционной близости является значимым инвариантом выбора. Её активность налицо даже при игнорировании таких важных признаков, как слоговый состав и ударный слог, следовательно, она является одним из наиболее активных признаков, по которым может происходить поиск слова

Список литературы

- Залевская А.А.* Проблемы психолингвистики. Калинин: КГУ, 1983. 136 с.
Aitchison, J. Words in the Mind. An Introduction to the Mental Lexicon. – 2nd edition. Blackwell, 1994. 290 p.

**Алтаева Г.А.
Мансурова Г.Н.
Кунгурова С.Н.
Уразбаева М.Н.
Макимова Г.Т.**

Таразский государственный университет
им. М.Х. Дулати
г. Тараз (Казахстан)

**Altaeva G.
Mansurova G.
Kungurova S.
Urazbaeva M.
Maksimova G.**

Taraz State University named after M.Kh. Dulati
Taraz (Kazakhstan)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ACTIVSTUDIO И ACTIVINSPIRE В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В НЕРУССКОЙ АУДИТОРИИ

USING ACTIVSTUDIO AND ACTINSPIRE IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING TO NOW RUSSIAN SPEAKERS

В современный период использование информационных технологий играет основополагающую роль в преподавании вузовских дисциплин. На занятиях по русскому языку мы используем программу Activstudio, что способствует активизации познавательной деятельности студентов. На данный момент практически по всем занятиям преподавателями кафедры составлены мультимедийные пакеты. На основе занятий с использованием современных образовательных технологий подготовлены электронные пособия «Русский язык-1», «Русский язык-2», которые применяются всеми преподавателями во время ведения занятий по русскому языку.

В дальнейшем планируется использование других информационных образовательных программ и подготовка электронного учебного курса.

Using of information technologies, nowadays plays of the most important roles in higher schools teaching. Teaching Russian we use Activstudio, that promotes cognitive activities of students. At present practically all lessons provided with multimedia. On the basis of modern educational technologies electronic educational complexes “Russian language – 1”, “Russian language – 2” are prepared, that are used by tutors in teaching Russian.

Furthermore the usage of other informative educational programs and preparation of electronic educational course is being planned.

Кардинальные изменения в социально-экономической, политической, духовно-нравственной сферах жизни общества, произошедшие в последние годы, предъявляют новые требования к личностным качествам человека, его ценностным ориентирам. В современных условиях реализации стратегических целей и задач социально-экономического развития Республики Казахстан, все большего укрепления его государственной независимости, роста международного авторитета, усиления интеграционных процессов в мировую экономику и культуру воспитание поликультурной личности является важнейшей составляющей развития нашего общества.

Воспитание творческой личности непосредственно затрагивает и такой социально значимый аспект, как формирование культуры профессиональной деятельности специалиста. От уровня творческого потенциала личности специалиста во многом зависит социальный прогресс нашего общества. Поэтому становится крайне важным аккумулировать весь ценный опыт, накопленный в сфере образования, по внедрению в учебный процесс методов, ведущих к совершенствованию обучения и воспитания студентов. В последние десятилетия ведущие страны мира вступили на путь преобразования своих образовательных систем. Это вызвано быстрыми социально-экономическими переменами в обществе, которые выдвигают новые задачи перед средней и высшей школой, требуют кардинального пересмотра традиционных методов преподавания. Для педагогической науки всё более характерным становится понимание связанности образования с общей ситуацией в мире и процессами, происходящими в республике. Так, по мнению Рахимбаевой И.Э. необходимы принципиальные изменения в образовании, целесообразна выработка такой образовательной парадигмы, которая обеспечила бы:

– «переход от утилитарно-прагматических целей образования, как совокупности знаний, умений и навыков для успешного осуществления производственной деятельности, к гуманистической цели – к субъекту, к личностному развитию;

- смену созерцательной установки в обучении на творческую деятельность;
- такое обучение, которое способствует полному раскрытию интеллектуального и творческого потенциала обучающихся;
- рост личности в интеллектуальном и эмоциональном планах и развитие её познавательных потребностей и интересов;
- познание и открытие учащимся самого себя как мотивирующий фактор в учении» [Концепция..., 1994].

Изменение целей образования приводит нас к пониманию того, что образованный человек в современном обществе – это не только человек, вооружённый знаниями, но умеющий добывать, приобретать знания, делать это целенаправленно по мере возникновения у него такой потребности при решении стоящих перед ним проблем, умеющий применять имеющиеся знания в любой ситуации.

Среди сложных и весьма значимых проблем вуза задачи совершенствования учебной и воспитательной деятельности находятся в числе самых важных. Необходимо внедрение новых форм работы, учитывающих многие обстоятельства, в том числе и в обучении русскому языку в нерусской аудитории.

Поиск методической доминанты в последние годы ведётся в сфере использования информационных технологий обучения. Многие выдающиеся педагоги справедливо обращали внимание на эффективность использования информационных технологий в процессе обучения. Вместе с тем остаётся немало вопросов, требующих более глубокого изучения и разработки в соответствии с коммуникативными и познавательными потребностями студентов, возникающими в процессе преподавания русского языка в вузовской аудитории.

В настоящее время понятие «технология» активно вошло в педагогический лексикон и в настоящее время является весьма распространённым в психолого-педагогической литературе. Это объясняется по-разному. Одни исследователи следуют модному направлению в использовании данного понятия; другие – расценивают технологию как средство достижения более высоких результатов обучения и воспитания; и мы придерживаемся этой позиции, видя в создании и переходе к новым

педагогическим технологиям закономерность процесса в решении актуальных и перспективных задач, выдвигаемых перед образованием грядущей информационной цивилизацией.

Мы разделяем мнение исследователей, утверждающих, что в определении понятий «образовательные технологии», «педагогические технологии», «технологии обучения» сложилась закономерная иерархия, в которой наиболее ёмким понятием является понятие «образовательные технологии». Оно включает в себя педагогические технологии, которые реализуются посредством различных технологий обучения.

Авторы утверждают, что образовательные технологии отражают принятую в разных странах систему образования, т.е. способ системной организации образовательной деятельности, её общую целевую и содержательную направленность, организационные структуру и форму, представленные в государственных программах и образовательных стандартах, общую стратегию развития единого образовательного пространства. С этой точки зрения, главная функция образовательной технологии – прогностическая, и, соответственно, один из основных видов её деятельности – проектный, поскольку он непосредственно связан с планированием общих целей и результатов, основных этапов, способов и организационных форм образовательно-воспитательного процесса, направленного на подготовку высококвалифицированных специалистов.

Далее в иерархии вышеназванных понятий стоят «педагогические технологии», которые отражают тактику реализации образовательных технологий с точки зрения закономерностей педагогического процесса и не зависят от специфики конкретного учебного предмета. В понятии педагогической технологии исследователи выделяют различные аспекты: проектный и результативный [Беспалько, 1989; Левина, 2001; Полат, 2003], управленческий, организационно-методический, системный [Управления... (Шамова, Давыденко, Шибанова), 2002; Селевко, 2005].

Определив место педагогической технологии в иерархии понятий, необходимо уточнить её смысловое значение, которое заключается в следующем: во-первых, в особенностях перевода замысла преподавателя на язык предварительного проектирования педагогического процесса; во-вторых,

основными моментами в проекте выступают структура и содержание учебно-познавательной деятельности обучающегося, а не педагогического воздействия преподавателя; в-третьих, построение деятельности преподавателя осуществляется в определённой целостности и последовательности, а выполнение предполагает достижение необходимого результата и имеет прогнозируемый характер.

Наиболее существенными признаками инновационных педагогических технологий в высшей школе выступают следующие:

- технология разрабатывается под конкретный педагогический замысел, в её основе лежит определённая методологическая, философская позиция автора;

- технологическая цепочка педагогических действий выстраивается строго в соответствии с целевыми установками, имеющими форму ожидаемого результата;

- технология предусматривает взаимосвязанную деятельность педагога и студента с учётом принципов индивидуализации и дифференциации, оптимальной реализации человеческих и технических возможностей;

- элементы педагогической технологии должны, с одной стороны, быть воспроизводимы любым преподавателем, с другой – гарантировать достижение планируемых результатов обучающимися;

- органической частью педагогической технологии является диагностический компонент, содержащий критерии, показатели и инструментарий измерения результатов деятельности.

Важнейшей целью использования инновационных технологий является достижение результата совместной познавательной деятельности (обучения) обучающегося и обучаемого. Педагогическая суть инновационных технологий – активизировать познавательную деятельность студента, повысить его самостоятельность, превратить его из потребителя информации в пользователя, формировать необходимые личностные качества будущего специалиста.

Важное место среди образовательных технологий занимают информационные технологии. В качестве развиваемых и внедряемых инновационных приёмов в процессе обучения следует признать использование

информационных средств и мультимедийных технологий, позволяющих рационально организовать учебный процесс, как во время аудиторных занятий, так и в условиях самостоятельной работы обучающихся. Основными же дидактическими целями использования электронных средств в обучении являются сообщение сведений, формирование и закрепление знаний, формирование и совершенствование умений и навыков, повышение мотивации к учению, контроль усвоения и обобщение.

Сегодня различные компьютерные технологии открывают перед преподавателем новые возможности в области образования. Совершенно очевидно, что использование интерактивных технологий в образовании имеет ряд преимуществ, которые делают их использование максимально востребованным. Интерактивные технологии предлагают приёмы и методы, которые позволяют сделать занятие необычным, более насыщенным и интересным, качественно осваивать учебный материал и включать мотивационную сферу ученика.

Интерактивная доска – новый тип информационных технологий в обучении в любой образовательной области. Использование в учебном процессе интерактивных досок, выводит процесс обучения на качественно новый уровень, позволяет сделать преподавание любого предмета увлекательным и динамичным, упрощая процесс взаимодействия с аудиторией, классом.

Интерактивная доска вдохновляет преподавателя на поиск новых подходов к обучению, стимулирует профессиональный рост; удобна при работе с большим количеством обучающихся; даёт возможность сохранять, распечатывать копировать, все записи и изображения; позволяет импровизировать, создавая рисунки и записи поверх любых приложений, использовать все возможные виды наглядного материала.

На наш взгляд, использование возможностей интерактивной доски с программным обеспечением Activstudio и ActivInspire при обучении студентов существенно повышает мотивацию к изучаемому предмету и способствует более быстрому формированию у обучающихся необходимых навыков и умений, лучшему усвоению материала.

Сегодня перед учителями стоят более сложные задачи, диктующие необходимость пересмотра всего арсенала педагогических средств воздействия на ум, волю, чувства студента с целью его быстрейшего введения в богатый мир русской речи во всех её видах – чтении, говорении, аудировании, письме. Но особого внимания требует развитие именно связной устной речи будущих специалистов, т.к. она является залогом их успешной профессиональной деятельности. В связи с этим возникает проблема повышения качества овладения связной речью на занятиях по русскому языку.

Как утверждает О.Д. Митрофанова: «В настоящее время широкое распространение получили активные методы обучения. Применение этих методов требует тщательной подготовки как со стороны обучающего, так и со стороны обучаемых. Среди ведущих методических установок этих методов можно назвать: самостоятельную и активную речевую деятельность с преобладанием устных форм общения, опора на зрительно-слуховые образы как источники семантизации языкового материала и др.» [Митрофанова, 1999].

В результате обострилась уже существовавшая ранее проблема – каким способом можно быстрее включить обучаемого в реальный процесс коммуникации, ускорив его адаптацию к новой языковой среде, повысить эффективность обучения? Каким образом можно овладеть не изменившимся объёмом материала за меньшее количество времени?

На занятиях по русскому языку в нерусской аудитории для неязыковых специальностей мы применяем такую программу как Activstudio. Данная программа позволяет повысить познавательную активность студентов. В соответствии с типовой программой дисциплина обязательного компонента «Русский язык» составляет 8 кредитов и изучается в первом, втором и шестом семестрах. Изучение русского языка в нерусской аудитории вызвано необходимостью помочь студентам с казахским языком обучения овладеть дополнительным по отношению к родному языку средством общения, формируя новые умения и навыки, связанные с научной сферой коммуникации.

Работа по русскому языку способствует развитию умений, необходимых студентам казахских отделений для профессионально ориентированной коммуникации в научно-практической деятельности: для чтения литературы

по специальности, конспектирования и аннотации текстов, участия в работе семинарских и практических занятий, для построения собственных монологических высказываний, а также для адекватного диалогического и полилогического общения. Кроме того, работа нацелена на формирование умений и навыков работы с научным текстом в процессе дальнейшей работы над курсовыми и дипломными работами по специальности.

На наш взгляд, использование возможностей интерактивной доски с программным обеспечением Activstudio в процессе преподавания русского языка в нерусской аудитории повышает мотивацию к изучаемому предмету и способствует более быстрому формированию у обучающихся речевых навыков и умений, лучшему усвоению языковых явлений. В процессе изучения русского языка нами посредством программы Activstudio и ActivInspire составлены мультимедийные пакеты по основным темам. В качестве примера предлагаем сценарии нескольких занятий.

1. Тема занятия: «Виды письменной научной речи. Конспектирование». Оно построено в виде единого флипчарта.

Этап 1. Повторение пройденного материала. Повтор сведений о видах компрессии научного текста. Знакомство с новой темой, с понятием конспект. Выступление преподавателя с использованием презентации: Демонстрация видеофильма «Учимся конспектировать» (видеокурс Полонейчика И.И.), вопросно-ответная беседа по видеофильму. Данный этап порождает мотивацию к изучению нового материала.

Этап 2. Предтекстовая работа. Состоит из двух этапов

- работа с лексическим минимумом;
- составление словосочетаний, предложений с лексическим минимумом на тему: Виды письменной научной речи. Конспектирование.

Поскольку это казахские группы, то значение многих слов может быть непонятным для студентов. Задача преподавателя – найти эквиваленты данных слов на родном языке, объяснить значение слов, заменив их синонимами. Данный этап работы позволит обогатить словарный запас по теме занятия.

Этап 3. Знакомство со структурой и особенностями написания конспекта, с видами конспекта. В данном случае идёт развитие навыков работы с устными

формами научной речи. Работа на данном этапе способствует развитию ассоциативного мышления.

Этап 3. Закрепление нового материала в виде устного опроса и выполнения практических заданий. Студенты выходят к доске, с помощью инструмента произвольного выбора составляют из разрозненных фрагментов конспект. Продолжая закреплять навыки по составлению конспекта, предлагаем студентам в готовый текст вместо точек вставить необходимые слова и словосочетания, которые являются характерными для данного жанра научной речи. Цель – обучение конспектированию.

Этап 4. Вновь возвращаемся к просмотру видеоролика: «Эффективное конспектирование» (автор Полонейчик И.И.). Перед просмотром видеоролика на интерактивной доске заранее представлены вопросы:

1. Умеете ли вы конспектировать?
2. Возникают ли у вас трудности в конспектировании содержания книг, лекций, статей и др.
3. Можно ли обойтись без конспектов?
4. В чем недостатки традиционного конспектирования?

Данный этап работы способствует определению мотивационных моментов к необходимости изучения данного материала.

Этап 5. Работа с текстом. Текст – на интерактивной доске.

Студенты конспектируют данный текст. На интерактивной доске продемонстрирован алгоритм работы над конспектированием:

1. Выполнение заданий по составлению конспекта.
2. Анализ содержания каждого фрагмента текста, выделение основной смысловой части. Работа на данном этапе способствует формированию умений выделять основные положения научного текста, составлять конспект.

Этап 6. Работа с пазлами. Студенты делятся на три группы. Даются три готовых конспекта. Тексты конспектов разрезаны на несколько частей. Задача студентов – восстановить тексты конспектов. Работа на данном этапе способствует умению выделять из абзацев необходимую информацию.

Этап 7. Творческая работа. Составление кластера по ключевому слову лексической темы. Данный этап работы способствует развитию ассоциативного мышления.

Этап 8. Контроль знаний. Тестирование. Тесты представлены на интерактивной доске. Если студент выбирает неправильный вариант ответа, то его невозможно установить на месте, он «убегает». При выборе правильного варианта ответа, он становится на место. Работа на данном этапе направлена на закрепление пройденного материала.

Таким образом, мы подвели их к главной цели занятия: формированию навыков продуцирования вторичного научного текста. Работа проводилась в группах. Каждая группа в составе 5 человек составляла свой вариант и затем защищала его. После анализа составленных текстов, был продемонстрирован правильный, требуемый вариант конспекта. Он был представлен в виде презентации, созданной с помощью компьютерной программы Power Point.

2. Тема занятия: «Аннотация как жанр научной речи». Занятие также построено в виде единого флипчарта.

Этап 1. Повторение пройденного материала. Мобилизующий этап. Повтор сведений о видах компрессии научного текста. Знакомство с новой темой, с понятием аннотация. Данный этап порождает мотивацию к изучению нового материала.

Этап 2. Словарная работа. Работа с лексическим минимумом: аннотация, клише, шаблоны, стереотип. Для лучшего усвоения новых слов нами предложены следующие задания: переведите данные слова на родной язык, подберите синонимы, составьте словосочетания, составьте правильно предложения. Данный этап работы способствует обогащению словарного запаса. На интерактивной доске слева будут записаны слова на русском языке. Синонимы же будут скрыты. Как только студенты сами подберут эквивалентные синонимы, при помощи инструмента «волшебная лупа» преподаватель демонстрирует свои варианты синонимов.

Этап 3. Работа со слайдами. На интерактивной доске представлены примерные образцы аннотаций в виде презентации, созданной с помощью компьютерной программы Power Point. Студенты читают образцы аннотаций,

работают с терминами, заполняют таблицу. Данный этап работы способствует формированию умений анализировать научный текст.

Этап 4. Работа с текстом. Текст – на интерактивной доске. Студенты выполняют следующие виды заданий: чтение, составление вопросов, написание аннотаций. В процессе работы студенты широко применяют богатые возможности программного обеспечения Activstudio и ActivInspire: инструменты – камера, прожектор, волшебные чернила, шторки и т.д. Данный этап работы способствует формированию навыков продуцирования вторичного текста.

Этап 5. Работа с пазлами. На интерактивной доске даются разрозненные фрагменты аннотаций. Студенты, используя ручку интерактивной доски, перетаскивают фрагменты и устанавливают в нужном месте, таким образом, восстанавливают текст аннотации. Данный этап способствует формированию навыков аннотирования первичного текста в устной форме.

Этап 6. Тестирование. Тесты представлены на интерактивной доске. Если студент выбирает неправильный вариант ответа, то его невозможно установить. При выборе правильного варианта ответа, он становится на место. Работа на данном этапе направлена на закрепление пройденного материала.

3. Тема занятия: «Средства массовой информации. Грамматическая тема: Причинно-следственные отношения в бессоюзном сложном предложении и сложноподчинённом предложении, средства связи и пунктуация». Оно также построено в виде единого флипчарта. В процессе проведения занятия студенты широко используют возможности программного обеспечения Activstudio и ActivInspire.

Этап 1. Вступительное слово преподавателя. Объявление темы, типа занятия, методики подготовки и проведения занятия.

Этап 2. Знакомство с темой «Средства массовой информации». На данном этапе формируется мотивация к изучению нового материала.

Этап 3. Просмотр видеофильма «Как создаётся газета». Вопросно-ответная беседа. Перед просмотром на интерактивной доске демонстрируются вопросы:

1. Что интересного вы узнали из этого фильма?
2. Что считают прообразом газеты?

3. Когда и где появился термин «газета»?
4. С чем связано происхождение слова «газета»?
5. Кем был изобретён печатный станок?
6. Как называют людей, создающих газету?
7. Какая информация в газете интересует вас и ваших друзей?
8. Какие газеты издаются в нашей области?

Данный этап работы способствует расширению кругозора, развитию навыков монологической речи.

Этап 4. Словарная работа. Для лучшего усвоения новых слов, нами предложены следующие задания: переведите данные слова на родной язык, подберите синонимы, составьте словосочетания, составьте правильно предложения. Данный этап работы способствует обогащению словарного запаса. На интерактивной доске слева будут записаны слова на русском языке. Синонимы же будут скрыты. Как только студенты сами подберут эквивалентные синонимы, при помощи инструмента «волшебная лупа» преподаватель демонстрирует свои варианты синонимов.

Этап 5. Творческая работа. Студентам предлагается составить кластер по ключевому слову речевой темы: «СМИ». Затем они дополняют речевую тему «СМИ» собственной информацией. Данный этап способствует расширению кругозора, развитие навыков монологической речи.

Этап 6. Объяснение грамматического материала. Студенты выполняют грамматические задания.

Этап 7. Ролевая игра. «Жулдызбен жездесу». Один студент играет роль звезды казахстанской эстрады, второй – журналиста, организующего интервью со звездой. На данном этапе у студентов развиваются навыки диалогической речи.

Этап 8. Домашнее задание. Написать сочинение на тему: «Моя любимая телевизионная передача». Данный этап работы способствует формированию у студентов умений составлять рассказ, писать сочинение.

На протяжении всего занятия студенты выполняют различные задания, используя возможности интерактивной доски.

В процессе обучения научному стилю русского языка нами созданы флипчарты по темам: «Аннотация как жанр научного стиля речи»,

«Однородные члены с характером перечисления», «Научный стиль речи: особенности, языковые средства», «Тезисы как жанр научной речи», «Реферат как жанр научной речи», «Морфология научного стиля речи», «Рецензия и отзыв как жанровые разновидности научной речи». Все этапы по изучению той или иной темы реализуются с помощью интерактивной доски: составление кластеров, просмотр слайдов, видеосюжетов, прослушивание аудиозаписей, работа с пазлами, письменная работа у доски, реализация речевых ситуаций, задачи ролевой игры, контроль усвоенных знаний. Владея программным обеспечением интерактивной доски, преподаватель может моделировать занятие сообразно своим целям и задачам.

Таким образом, использование информационных технологий, в частности, программное обеспечение Activstudio и ActivInspire позволяет значительно интенсифицировать учебный процесс. Применение разнообразных видов наглядности способствует более успешному формированию у студентов казахских групп речевых навыков и умений, прочному усвоению языковых явлений, так как прочность запоминания информации зависит от степени эмоционального воздействия вызванного зрительным и слуховым восприятием.

Список литературы

Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. С. 192.

Концепция гуманитарного образования в Республике Казахстан. Алматы: Казахстан, 1994. С. 32.

Левина М.М. Технологии профессионального педагогического образования. М., 2001. С. 272.

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учебное пособие для студентов педагогических вузов и системы повышения квалификации педагогических кадров / Под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2003. С. 271.

Управление образовательными системами: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / Т.И. Шамова, Т.М. Давыденко, Г.Н. Шибанова; под ред. Т.И. Шамовой. М.: Издательский центр «Академия», 2002. С. 384 .

Селевко Г.К. Альтернативные педагогические технологии. М.: НИИ4 школьных технологий, 2005. С. 224.

Митрофанова О.Д. Лингводидактические уроки и прогнозы конца XX века. Матер. IX Конгресса МАПРЯЛ, Братислава, 1999, с. 347.

Гиринская Л.В.
Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Girinskaya L.
People's Friendship University of Russia
Moscow (Russia)

ЭТАП ПОСТАНОВКИ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В ФОРМАТЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА: РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

STAGE PRODUCTIONS OF PHONETIC SKILLS IN A FORMAT TRAINING COMPLEX: RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Этап постановки фонетических навыков является важнейшим периодом в изучении любого иностранного языка, значимость которого определяется ролью фонетики в создании функциональных особенностей речевых единиц. Возрастающие требования к владению иностранным языком как инструментом профессионального общения в условия глобализации экономики и политики, понимание современного образования как непрерывного процесса актуализируют проблему создания учебных пособий, способствующих успешному осуществлению поставленных задач. В статье предлагается вариант реализации этапа постановки фонетических навыков русского языка как иностранного при получении высшего профессионального образования в иноязычных условиях впервые в формате учебно-методического комплекса (УМК). Статья адресована преподавателям РКИ, представляет структуру и методику обучения, содержит необходимый иллюстративный материал.

Stage productions of phonetic skills is a crucial period in the study of any foreign language, the significance of which is determined by the role of phonetics in the creation and functional features of speech units. Increasing requirements for proficiency in a foreign language as a tool for professional communication in the context of globalization of the economy and politics, the modern understanding of education as a continuous process of urgency to the problem of creating teaching materials that can successfully accomplish its task. The paper proposes an embodiment of the stage productions of phonetic skills of Russian as a foreign language in the preparation of higher education in the foreign-language terms for the first time in the format of teaching complex . The article is addressed to teachers provides a framework and methodology for training, contains the necessary illustrations.

Ключевые слова: вводный курс, практическая фонетика РКИ, учебно-методический комплекс, фонетические навыки, алгоритм постановки, слуховое наблюдение, языковая компетенция.

Key words: introduction, practical phonetics RCT training complex, phonetic skills, the algorithm performances, listening watch, language competence.

Этап постановки фонетических навыков занимает особое место в обучении любому иностранному языку, обусловленное ролью фонетических средств в качестве обязательных составляющих всех речевых единиц, изучение которых составляет цель и содержание программы языкового образования. Роль средств фонетической системы, в свою очередь, обосновывает задачу вводного курса практической фонетики – традиционной формы реализации этапа постановки и в обобщённом виде позволяет представить её как создание устойчивых навыков восприятия и воспроизведения звуковых сигналов, организующих речевые единицы.

Кратковременность вводного курса в практике РКИ (не более 2-3-х недель в зависимости от специализации учащихся) на фоне возрастающих требований к владению языком в условиях непрерывного потока информативно – информационной продукции актуализирует поиск средств обучения, отвечающий требованиям социума к качеству образования, одним из которых является утвердившийся на рынке образовательных услуг учебно-методический комплекс как современная форма организации и презентации учебного процесса. Значимость периода постановки слухопроизносительных навыков в программе и процессе изучения русского языка как иностранного, отсутствие в реестре современных средств обучения представления учебного материала обсуждаемого периода в подобном масштабе и перспективы использования формата учебно-методического комплекса в названных целях мотивировали создание УМК соответствующего назначения, структура, содержание и методика проведения которого составили предмет настоящей статьи.

УМК «**Фонетический практикум по русскому языку для иностранных учащихся**» [Гиринская, 2010] представляет материал обучения практической

фонетике русского языка на этапе постановки и формирования слухопроизносительных навыков в соответствии с содержанием и требованиями, представленными «Образовательной программой по русскому языку» [«Образовательная программа по русскому языку», 2001].

Структура заданий и объем учебного материала предполагают решение следующих задач:

- **формирование языковой компетенции учащихся** на основе знаний о фонетической системе современного русского литературного языка;
- **постановку и формирование слухопроизносительных навыков** единиц сегментного и суперсегментного уровней языка с целью овладения предусмотренными учебной программой навыками видов речевой деятельности на русском языке.

Состав УМК «Фонетический практикум по русскому языку для иностранных учащихся» определяется следующими изданиями: **«Тетрадь студента», «Пособие для чтения», «Лингафонное пособие», «Методические рекомендации».**

«Тетрадь студента» предназначена для работы в аудиторных и внеаудиторных условиях, содержит тематически подобранный учебный материал для развития слуховых и графических навыков учащихся, для формирования знаний теории фонетики русского языка, лежащих в основе произносительных навыков, соответствующих орфоэпическим нормам современного русского языка. Материалом для формирования графических навыков служат элементы знаковой системы языка и способы их соединения, данные в печатном и письменном вариантах. Подобное представление материала преследует цели формирования индивидуальной манеры письма на основе и праве её выбора, а также создания навыков практического владения печатным видом графической системы языка, востребованным в настоящее время при заполнении официальных документов в государственных и коммерческих учреждениях России. **Становление навыков распознавания и использования знаковой системы языка интенсифицируют задания по переводу графики одного вида в другой.**

Особое внимание к навыкам письма объясняется и их прямой связью с формированием произносительных навыков овладевающего иностранным языком человека.

Основным назначением **«Пособия для чтения»**, имеющего отчётливо выраженную фонетическую направленность учебного материала и рекомендуемого для работы в аудиторных условиях, является создание и развитие произносительных навыков. Ориентация содержания материала обучения на лексический минимум элементарного уровня способствует усвоению программного лексико-грамматического курса в режиме опережения. Многократное использование одного и того же фактического материала в различных типах заданий создаёт необходимые и естественные для усвоения условия по автоматизации формирующихся навыков.

«Лингафонное пособие», предназначенное для работы во внеаудиторных условиях, представлено в виде печатного издания и звукового приложения к нему. Озвученный материал лингафонного пособия выступает в роли дополнительного источника формирования слухопроизносительных навыков, увеличивающего время обучения и позволяющего использовать его в индивидуальном режиме, снабжает и насыщает слуховую память учащихся необходимой для создания слухового образа нормативного уровня информацией, а возможность сопоставления исполнения задания носителем языка с собственным создаёт необходимые условия для коррекции наблюдаемых учащимися отклонений в своём произношении.

Структура уроков **«Тетради студента»** и вводного курса **«Пособия для чтения»**, за исключением первого, содержит разделы повторения материала предыдущего этапа и вновь изучаемого материала, предполагающие примерно равные затраты времени на выполнение программы каждого из них. Уроки **«Лингафонного пособия»** ориентированы только на тематику текущего занятия, в конце каждого урока даётся словарь слов, рекомендуемых учащимся к активному усвоению.

«Методические рекомендации» адресованы преподавателям РКИ с целью предоставления необходимой информации по организации урока и практических материалов по развитию слуховых навыков учащихся в период проведения вводного курса практической фонетики современного русского

языка. В комментариях к урокам указываются характерные особенности рассматриваемого фонетического явления, трудности его усвоения, методические приёмы, способствующие его изучению; в приложении содержится необходимый для преподавателя иллюстративно-справочный материал.

Предлагаемый вводный курс практической фонетики русского языка включает в себя 12 уроков и в целевом назначении соответствует вводно-фонетическому курсу, понимаемому традиционной методикой преподавания РКИ как спецкурс по созданию слухопроизносительных навыков на предметно-специализированном языковом материале в отведённое для этих целей программой обучения время. Отсутствие в практике преподавания РКИ соответствующего задачам этапа полноценного средства учебной коммуникации в большинстве случаев компенсируется использованием одного из европейских языков, выступающих в этой роли. Принимая во внимание объективные сложности при использовании языка-посредника в УМК предлагается использование особого языка формализованной записи различного целевого назначения и характера: при обозначении необходимых для выполнения заданий действий вводится однозначно толкуемая

символика: слушать , писать , читать , словарь ; в изложении

содержания задания на этапе объяснения и формирования навыков впервые используется логико-формализованная запись общенаучного характера. Основанием для её применения на этапе постановки служит прикладной характер такой формы записи, позволяющий представить предметно-содержательную сторону изучаемого явления в однозначном толковании причинно-следственных связей составляющих его элементов, минимизирующим или исключаящим необходимость в любого рода дополнительных комментариях. Использование формализованной записи создаёт основу для реализации принципов поэтапного формирования умственных действий учащихся в период обучения, поскольку позволяет представить структуру подлежащего исполнению действия как совокупность его составляющих, а последовательность операций выполнения как алгоритм процесса обучения. Как инструмент обучения формализованная запись

применяется в период отсутствия в арсенале учащихся требуемого для этих целей лексико-грамматического материала. Формализованная запись заполняет сферу учебного общения на условиях формирования у учащихся необходимой фонетической компетенции, обуславливающей естественное появление и использование искомого лексико-грамматического материала.

Практика обучения РКИ традиционно строится на использовании практически всех видов речевых единиц уже на начальном этапе обучения, обязывая тем самым ВФК сформировать соответствующие навыки. Решение проблемы предполагает выбор стратегии и методы обучения. Стратегически правильным представляется подход к изучению фонетики по существу копирующий путь развития языка как системы через реализацию принципа от простого к сложному. В контексте этого утверждения можно говорить о наличии во вводном курсе фонетического практикума двух условно выделяемых по признакам структурно-сегментной организации фонетических единиц концентров.

Содержание **первого** из них представлено единицами простейшей структурно-сегментной организации: от отдельных звуков до односложных структур различных по форме звуковых комбинаций: согласный-гласный(СГ),гласный-согласный(ГС),согласный-гласный-согласный(СГС), выступающих в функции слога/слова : при постановке артикуляции, известно, выбор позиции как учебно-демонстрационной модели играет решающую роль. Отдельное и особое внимание отводится работе со звуками как строевыми элементами любой фонетической единицы: «Поставить незнакомый звук во фразе и даже в слове, – писал Л.В. Щерба, – совершенно невозможно, так как контроль слуха и мышечного чувства при этом дробится и не может быть сосредоточен на нужных моментах» [Щерба, 1963, с. 4]. Представленный в первых четырёх уроках материал изучается с позиций сегментного и знакового состава языка, системных свойств русских согласных: глухости/звонкости и твёрдости/мягкости, введения понятия тона в дифференцирующих ИК признаках высоты и формах движения тона.

Второй концентр продолжает работу над системными свойствами русских согласных, используя усложнение консонантной структуры слов в качестве материала и инструмента их формирования. Основное внимание концентрира

сосредоточено на многосложных структурах, формирующих русский вокализм как систему: понятиях ударности/безударности гласных, видах редукции безударных гласных, зависимости форм движения тона в фонетических единицах от локализации ударных, соотносённости восприятия форм движения тона с видами коммуникативных высказываний и индексацией ИК.

В качестве **основного**, на использование которого ориентирована система заданий и содержание представленного в УМК учебного материала, принят **метод слухового наблюдения**. В пользу выбора – целевое назначение каждой из его составляющих.

Как форма и метод познания наблюдение психологически и интеллектуально соотносится с творческими способностями человека, которые сегодня в центре внимания инновации современного образования: раскрытие творческого потенциала учащихся – основная задача методики обучения; учебный процесс программируется как творческий союз партнёров. Метод наблюдения в представляемом УМК используется в рамках учения о поэтапном формировании умственных действий учащихся [Гальперин, 1966].

Выбор метода продиктован пониманием слуха как уникального природного механизма, направляющего деятельность человека на восприятие и воспроизведение любого по происхождению, назначению и сложности звукового сигнала. Любая стадия преобразования слухом звукового сигнала сопряжена с моторикой: «Для того, чтобы создать надлежащую ассоциацию между слуховым и двигательным представлением, необходима комбинированная тренировка слуха и произносительных органов, тренировка внимания, приучающая осознавать и запоминать слуховое впечатление как эффект определённых, осознанных и закреплённых в памяти произносительных движений» [Бернштейн, 1975, с. 11]. Воспринятый слухом звуковой сигнал преобразуется в слуховой образ. Средоточием слуховых образов становится слуховая память, в которой по мере увеличения количества поступлений, происходит коррекция и совершенствование слухового образа до состояния эталона, что способствует формированию в долговременной памяти обучаемого эталонных зон единиц фонетической системы языка. Очевидно, что недостаточное внимание к развитию слуха становится мощным препятствием на пути создания аудитивной модели

чужеродного языка, становясь причиной возникновения и сохранения явлений, объединённых общим термином «иностранный акцент», снижения восприятия иноязычной речи в амплитуде от частичной потери информации до её полного исчезновения.

Перцептивные характеристики позволяют определить возможные пределы артикуляторно-акустических свойств речевых сигналов и их фонологический статус. Формирование фонологического слуха осуществляется на основе взаимодействия фонологической системы и артикуляционной базы языка как перцептивно-артикуляционной базы в речи на изучаемом языке [Логинова, 1999, с 208-209.] Следующий фрагмент учебного материала из «Методических рекомендаций» к уроку № 2 иллюстрирует материал введения по теме глухости /звонкости русских согласных: *«Понятие звонкости/глухости как системного свойства русских согласных осознается учащимися уже на этапе постановки звуков в изолированной позиции и находит своё продолжение в изучении закона оглушения/озвончения согласных в определённых позициях, одной из которых является позиция конца слова, представленная в заданиях 2.3.1 – 2.3.2.*

Предлагаемые задания состоят в установлении учащимися соответствия/несоответствия буквы в конце слога/слова воспринимаемому слухом звуку. Для выполнения заданий подобного типа преподавателю предлагается выбор тактики их проведения: один из них основан на полной самостоятельности принимаемого учащимся решения, чему соответствует форма задания 2.3.1 в тетради студента:

...б[б...]: аб, об, уб, ыб

...д[д...]: ад, од, уд, ыд

...в[в...]: ав, ов, ув, ыв

...ж[ж...]: аж, ож, уж, ыж

...г[г...]: аг, ог, уг, ыг

...з[з...]: аз, оз, уз, ыз

*Другой – на частичной, за счёт введения преподавателем в номенклатуру выбора дополнительного, соответствующего правильному, элемента. Превращение первого вида записи во второй будет выглядеть так ... **б[б,п ?]** и т.п. Чтобы направить внимание учащихся в нужном направлении, такого рода подсказку можно сделать на двух-трёх примерах. Выполнение задания заканчивается обобщением преподавателя, иллюстрирующим полученные учащимися данные примерами (по одному на каждый согласный, участвовавший*

в задании): аб [ap], ав [af] и т.п. Учащиеся сами могут продолжить это обобщение у доски или в тетради под контролем преподавателя.

Задание 2.3.2 содержательно и методически аналогично заданию 2.3.1 и проводится на материале слов. Задание 2.3.2 желательно выполнять только по первому варианту, учитывая приобретённый в предыдущем задании опыт, с написанием учащимися транскрипции всех слов. По окончании выполнения обоих заданий преподаватель подводит итоги проведённой работы в виде записи, которая может быть продолжена и самими учащимися: ... б→...[п], ...в→...[ф] и т.п., где точки символизируют начало структуры слога/слова, а звонкий - согласный конечную позицию, в которой, как ясно из транскрипции, звонкий оглушается». Прделанная работа расценивается как первый шаг к системному осмыслению учащимися изучаемого материала.

Обращение к слуху создаёт реальную возможность вплотную подойти к разработке алгоритма по постановке и формированию единиц акцентологической системы языка, впервые представленного в УМК. Постановка навыков интонирования начинается с введения управлять голосом, составляющим материальную сторону интонационных навыков, которые в практике обучения представлены, в основном высотой голоса и формой движения тона. Фрагменты введения их в практику обучения с последующим переносом на единицы фразового уровня демонстрируют следующие задания выполняемые учащимися уже в первом уроке: « Задания 11-12 в тетради студента связаны с введением понятия тона в параметрах, используемых методикой РКИ при изучении русской интонации – высоты и направления движения тона.

11. ♪ $h_1, h_2 \begin{cases} h_1 = h_2, \\ h_1 \neq h_2; \\ h_1 > h_2; \\ h_2 > h_1 \end{cases} ?$:

h_1
а
о
у
ы
э

h_2
а
о
у
ы
э

Задание 11 включает в себя две части и выполняется в два этапа, после каждого из которых преподаватель обобщает полученные учащимися данные в виде записи на доске правильной комбинации. Суть задания

определяется установлением дифференциации восприятия высоты тона в предъявляемых учащимся звучащих образцах. Высота тона представлена в задании символом **h**. В качестве материала обучения выступают гласные **а, о, у, ы, э**, представленные в задании двумя одинаковыми по содержанию колонками под символами **h₁** и **h₂**; в колонке **h₁** гласные оформляются нисходящим (по типу ИК 1) тоном, в колонке **h₂** – восходящим (по типу ИК3). Звучащие образцы предъявляются преподавателем для прослушивания попарно, в естественной манере исполнения с двух-трёхкратным повторением и интервалом, равным двукратному проговариванию образца (т.е. пары) про себя.

Первый этап задания устанавливает идентичность/неидентичность высоты тона в предъявляемых образцах, чему соответствует запись задания в тетради студента: **h₁ = h₂, h₁ ≠ h₂**? Преподаватель, проверив ответы учащихся в тетради, обобщает правильный ответ записью на доске в форме второй комбинации.

Второй этап задания предполагает установление соотношения величин представленного в образцах признака: **h₁ > h₂, h₂ > h₁**. Вторая комбинация соответствует тому, что восходящий тон **h₂** превышает по показателю нисходящий тон **h₁**, что и является формой обобщения.

12. I ы, э, а, о, у; II ы, э, а, о, у, I = , ? II = ?

I	II
ы	ы
э.....	э.....

В задании 12 учащимся предстоит установить направление движения тона на идентичном заданию 11 материале в знакомом виде представления и звукового оформления. **Вопросы** задания выражены в вариантах: I =   ?

II = ? Методика проведения и обобщения материала идентична методике предыдущего задания, порядок предъявления звучащих образцов изменен: вначале каждая из гласных первой (I) группы произносится с ИК 1 и учащиеся отвечают на вопрос задания по каждой гласной. В аналогичном порядке проводится предъявление гласных второй группы, произносимых с ИК 3. Представленные учащимся данные обобщаются отдельно по группам в виде записи: I = для нисходящего тона, II = для восходящего тона.

Произносительные навыки отрабатываются на аналогичных заданиях в пособии для чтения и лингафонном курсе в материалах урока». Следующий

фрагмент иллюстрирует этап работы над формированием навыка восприятия ритмомоделей русских слов.

1.2. ´ : *спасибо, кризис, критика, здравствуй, деканат, спрашивай, ректорат, учебник, города, ошибка, гастроном, прекрасно, откуда, который, суббота, газетный, ответы, вопросы, продукты, книжный, пишите, скажите, пишут, платит, слышит, читаем, пожалуйста, предлог, союз, падеж, глагол, словарь, слово, тетрадь, наука, откройте, закройте, этажи.*

Соотнесённость высоты и формы движения тона в речевой единице с видом коммуникативных высказываний демонстрирует следующий вид заданий (Тетрадь студента)

2.4.1. слушать, тон = , писать .!?:

- *алло, привет, слушай, слушайте, здравствуйте, правильно*
- *вечером, яблоки, в комнате, холодно, улица, музыка, временно*
- *коротко, к пятнице, базовый, уровень*
- *сколько*

Учебный материал в каждом из разделов УМК подаётся в комплексно-тематическом виде, определяемом взаимосвязью и взаимообусловленностью фонетических явлений в системе языка и в потоке речи, что позволяет использовать материал как на этапе предъявления материала, так и в условиях коррекции уже имеющихся у учащихся навыков, приобретённых ими при изучении материала (целиком или фрагментарно) в национальных образовательных учреждениях своих стран.

Грамотная организация первых шагов в изучении русского языка, представляемая в учебном процессе вводно-фонетическим курсом, является залогом успешного овладения русским языком, идущим из понимания создающего его звукового пространства и обрётённой уверенности в возможности его освоения.

Список литературы

Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношения / Вопросы фонетики и обучения произношению. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975, с. 5-49.

Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий./Исследование мышления в советской психологии. М., 1966, с. 236-277.

Гириная Л.В. Фонетический практикум по русскому языку для иностранных учащихся. Элементарный уровень. Вводный курс. Тетрадь студента; Фонетический практикум по русскому языку для иностранных учащихся. Элементарный уровень. Пособие для чтения; Фонетический практикум по русскому языку для иностранных учащихся. Элементарный уровень. Вводный курс. Лингафонное пособие; Фонетический практикум по русскому языку для иностранных учащихся. Элементарный уровень. Вводный курс. Методические рекомендации.

Жинкин Н.И. Механизм речи. М, 1958, С. 370.

Логина И.М. Постановка артикуляционной базы в период вводно-фонетического курса / Обучение российских и иностранных граждан на подготовительных факультетах в условиях международной интеграции высшего образования. М.: РУДН, 1999. с. 65-66.

Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Предвузовское обучение. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный. М.: РУДН, 2001.

Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1963.

Кулибаба Н.В.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kulibaba N.
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ДИДАКТИКИ РКИ

TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT NAMES OF ANIMALS, AS ONE OF THE PROBLEMS OF DIDACTICS IN RFL (RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)

В данной статье рассмотрена проблема перевода фразеологических единиц с компонентом зоонимом и их подача при обучении русскому языку студентов, изучающих русский язык. Перевод фразеологических единиц представляет собой одну из самых сложных и интересных проблем, разрабатываемых в рамках современной теории перевода. Трудности перевода фразеологических единиц, объясняются сложностью их семантической структуры. Фразеологизмы – это своеобразные «микротексты», вбирающие в себя разнообразную информацию об объектах реальной действительности. Они не только называют предметы реальности, но и передают информацию о психоэмоциональном состоянии говорящего и о его эмоциональном отношении к предмету речи. В связи с этим, в статье приводятся примеры из проведённого опроса среди иностранных студентов и стажёров Высшей школы перевода (факультет), говорящих на французском, английском, китайском языке. Студентам и стажёрам требовалось прочесть список часто используемых фразеологических единиц с компонентами зоонима в русском языке и сопоставить их с родным языком. Опрос включал в себя вопросы, связанные с эквивалентностью значений зоонимов, заменой понятия (использование других названий животных), конкретизацией (заменой конкретным понятием целого). Также среди фразеологических единиц с компонентом зоонима на русском языке были найдены те, которые не имеют значения с названием животных или, которые не были поняты при переводе. В результате выявлено полное или частичное несоответствие при переводе зоонимов на другие языки, а, следовательно, допустимо поставить вопрос необходимости использования зоонимов при обучении иностранных студентов.

This article deals with the problem of translation of phraseological units with the component names of animals and their usage in teaching Russian language for foreign students. Translation of phraseological units is one of the most complex and interesting issues emerging in the modern theory of translation. Difficulties in translation of phraseological units, explained by the complexity of their semantic structure. Idiom - it's a kind of "microtexts" takes in a variety of information about the objects of reality. They do not just call things a reality, but also convey information about the psycho-emotional state of the speaker and his emotional attitude to the subject of the question. In this regard, the article provides examples of the quiz among foreign students and trainees of the Higher School of Translation (faculty), speaking in French, English and Chinese. Students and trainees required to read the list of frequently used components of phraseological units with names of animals in the Russian language and to compare them with their own language. The quiz included questions related to the equivalence of the values zoonyms, changing concepts (the use of other animal names), concretization (the replacement of a specific concept). Also among phraseological units with the component names of animals in Russian have been found by those that have no value to the name of animals or that can not be understood in translation. The result showed a complete or partial non-conformity with zoonyms translation into other languages, and, consequently, it is permissible to ask zoonyms need to use when teaching foreign students.

Ключевые слова: зоонимы, фразеологизм, опрос, эквивалентность, конкретизация, перевод.

Key words: zoonyms, phraseological unit, quiz, equivalence, concretization, translation.

Фразеология (от греч. *phrasis*, «выражение» и *logos* «учение») – фразеологический состав языка (то есть совокупность всех фразеологизмов), а также раздел языкознания, его изучающий. Хотя фразеологизмы состоят из нескольких слов, они по значению (значение имеет весь фразеологизм в целом, а не составляющие его слова) и использованию в речи (фразеологизм – один член предложения) подобны слову, поэтому изучаются в курсе лексикологии. Значение фразеологизма не складывается из значений составляющих его слов, компоненты фразеологизма обычно нельзя поменять местами, заменить на другие.

Фразеологизм эквивалентен слову не только по значению, но и по синтаксической роли: он всегда является одним членом предложения (*Настоящий морской волк никогда не растеряется* – подлежащее; *Он всегда*

выходит сухим из воды – сказуемое; *Он сделал это в мгновение ока* – обстоятельство).

Итак, фразеологизм отличается от свободного сочетания слов постоянством состава и единым значением, является одним членом предложения, воспроизводится «в готовом виде», а не создаётся в речи. Фразеологизм обладает следующими признаками: структурная расчленённость или раздельное оформление.

Фразеологизм – более сложная единица языка, чем слово и с точки зрения структуры и с точки зрения семантики. Но для большинства фразеологизмов характерна функциональная близость слову и эквивалентность слову. Семантическая целостность, постоянство компонентов и структуры определяют важную особенность структуры фразеологизма. В системе языка фразеологизмы существуют как готовые единицы, они не создаются в процессе речи, а извлекаются из памяти в готовом виде.

В зависимости от степени мотивированности значения фразеологизма значениями слов, входящих в его состав, и от степени их спаянности выделяют следующие типы фразеологизмов (классификация была предложена академиком В.В. Виноградовым)[Виноградов, 1977, с. 140-161].

Фразеологизмы классифицируются на основании того, с какой частью речи по значению и синтаксической роли в предложении соотносится весь фразеологизм:

- глагольные (*бросаться словами, точить лясы «разговаривать, болтать», делать из мухи слона «преувеличивать»*);
- именные (*хождение по мукам «мучение»*);
- адъективные (*кровь с молоком «красивый, здоровый»*);
- наречные (*непечатый край «много», от корки до корки «целиком»*).

Фразеологизм может быть по своему строению подобен не только словосочетанию, но и предложению, но и в этом случае по своей

синтаксической роли и значению соотносится со словом: *Это ещё бабушка надвое сказала (Это ещё неизвестно). Денег кот наплакал (Денег мало).*

Хотя фразеологизмы – устойчивые сочетания слов, возможно существование нескольких вариантов одного фразеологического оборота. Такие варианты могут различаться отдельными элементами лексического состава, иногда – стилистической окраской, но эти различия не нарушают тождества фразеологического оборота, во фразеологических единствах сохраняется единый образ: *гроша ломаного не стоит – гроша медного не стоит.*

От вариантов фразеологического оборота необходимо отличать синонимические фразеологические обороты: *без сучка <и> без задоринки – как по маслу; бить баклуши – валять дурака, лодыря гонять.*

Обычно фразеологизмы имеют одно значение, но бывают многозначные фразеологизмы (*знать на память, дарить на память; по праву «заслуженно» и по праву «по причине»*), а также фразеологизмы-омонимы (*обсудить кого-нибудь за глаза и за глаза в значении «достаточно, много чего-нибудь»*).

Фразеологизмы часто бывают омонимичны свободным сочетаниям слов: *плыть по течению, махнуть рукой.*

Фразеологизмы могут вступать со словами и между собой в синонимические и антонимические отношения, например: *за тридцать земель – у черта на куличиках – далеко (синонимы); засучив рукава / хорошо – спустя рукава / плохо (антонимы).* Как и слова, фразеологизмы могут иметь ограниченную сочетаемость (*засучив рукава, спустя рукава – только с работать, трудиться, делать*).

Как и слова, фразеологизмы могут устаревать. Так, устаревшим, непонятым для большинства говорящих является фразеологизм *убить бобра* со значением «*обмануться в расчётах*». Фразеологический фонд языка пополняется за счёт фразеологизмов-неологизмов.

Широко представлены кальки, то есть пословно переведённые иноязычные устойчивые сочетания слов: *чёрная дыра, не в своей тарелке.*

Фразеологизмы в той или иной степени отражаются в толковых словарях. Существуют и специальные словари фразеологизмов. В 1967 году

вышел «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова, в котором объяснено более 4000 фразеологизмов. В 1984 году был издан «Учебный фразеологический словарь русского языка» Е.А. Быстровой, А.П. Окуновой, Н.М. Шанского, где объяснено около 800 фразеологизмов. В 1995 году вышел «Фразеологический словарь русского литературного языка» под редакцией А.И. Фёдорова, а также в 2006 году вышел «Краткий словарь библейских фразеологизмов», где объяснено более 350 фразеологизмов, по своему происхождению восходящих к Библии.

В условиях увеличения межкультурных контактов и объёма переводной литературы как художественного, так и информативного характера возрастает необходимость правильной, точной и единообразной передачи зоонимов в переводе, что чрезвычайно важно для обеспечения взаимопонимания.

Несмотря на то, что названия животных неоднократно становились предметом рассмотрения лингвистов, они изучались большей частью в диахроническом аспекте, с точки зрения этимологии (Н.Д. Подольская, А.В. Суперанская). В немногочисленных работах, рассматривающих названия животных в синхронном плане, с точки зрения их семантики и функционирования, зоонимы анализируются как класс в целом (А.В. Суперанская, В.А. Никонов, Д.И. Ермолович) или на примере отдельных разрядов, в частности, антропонимов и топонимов (К.М. Ирисханова, Е.С. Петрова, М.Э. Рут, А.В. Пономаренко).

Зоонимы (названия животных), являющиеся сложными смысловыми единицами со значительным информационным потенциалом, не получили достаточного освещения в лингвистике, и поэтому рассмотрение особенностей их функционирования перевода представляет особый интерес.

Для эмоционально-оценочной характеристики человека в разговорной речи употребляются сравнения и метафоры, основанные на установлении подобия между представителями разных классов (человек - животное) и привносящие таким образом в высказывание элемент образности.

Гносеологическое сходство (адекватность) образа и предмета состоит в следующем:

- 1) в соответствии качественной характеристики образа (и его элементов) природе оригинала (и его элементов);
- 2) в соответствии структуры образа структуре оригинала;
- 3) в соответствии количественных характеристик образа и оригинала;
- 4) в семантическом отношении, которое отличает психическое отражение (как собственно отражение) от отражения в неживой природе.

Материальными носителями речевого образа являются языковые единицы, понимаемые как единство знака и значения.

Однако сами языковые единицы – слова, словосочетания – образностью не обладают. Их отношение к явлениям объективной действительности носит знаковый характер. Образными могут быть индивидуальные, невоспроизводимые выражения, адекватно отражающие объект. Например, слово *заяц* не обладает образностью само по себе. Но это же слово, произнесённое в конкретных обстоятельствах, может создать образ. Называя *зайцем* трусливого человека, мы уже не просто имеем дело со словесным знаком. Говоря: *Заяц!* – мы в свёрнутой и образной форме выражаем суждение (этот человек труслив; *заяц* труслив, следовательно, этот человек подобен зайцу).

Зоонимы в русском языке являются прямым отображением этнокультурных условий, в которых формировался лексический фонд этого языка. Зооморфизмы, как и другие образно-выразительные фразеологические единицы, придают речи особую яркость, красочность. Это достигается тем, что в их построении удачно использованы самые разнообразные средства образной выразительности: переносное, метафорическое значение, сравнение, гипербола, аллитерация и т. д. Зооморфизмам русского языка присуще оценочное значение, т.е. положительная или отрицательная характеристика лица или предмета со стороны его устойчивых, постоянных свойств, а не случайных и временных.

Таким образом, сопоставление с животными даёт большой ряд изобразительных эффектов, создаёт целую серию образно-выразительных средств, которые в отличие от индивидуально-авторских сравнений не только

характеризуются общеупотребительностью, определённой частотностью использования, воспроизводимостью, но и не уступают им в чёткости, выразительности образа, в эмоционально-экспрессивных достоинствах. В связи с этим, были рассмотрены примеры зоонимов, часто употребляемых в русском языке на основе опроса бельгийских, китайских и новозеландских студентов. Так, были взяты 10 фразеологических единиц с компонентом зоонима и после перевода их иностранными студентами, был сделан анализ. В опросе задавались следующие вопросы:

1. Существуют ли эквиваленты фразеологизмов с зоонимами (ФЗ) в вашем родном языке?
2. Существуют ли значения с другими названиями животных?
3. В каких фразеологизмах не используется название животных?
4. Был ли понятен фразеологизм?

Итак, в ходе опроса было выяснено, что ФЗ «играть в кошки-мышки» во всех языках находит эквивалент:

- 猫捉老鼠的游戏 (mao zhuo lao shu de you xi) (кит.)
- *jouer au chat et à la souris* (франц.)
- *play cat and mouse* (англ.)

Такая же ситуация происходит с ФЗ «хитёр как лиса»:

- 狡猾狐狸 (jiao hua hu li) (кит.)
- *rusé comme un renard* (франц.)
- *as cunning as a fox* (англ.)

ФЗ «устал как собака» имеет эквивалент как в английском: dog-tired, так и в китайском языке: 累得像狗一样 (lei de xiang gou yi yang). Во французском языке данный ФЗ не используется, но он понятен при прочтении и переводе, а также его можно заменить другими вариантами: *je suis crevé (mort)*, *je suis sur les rotules*. (перевод: умирать от усталости; быть на коленях от усталости).

Способы передачи и перевода ФЗ «нем как рыба» разнятся во всех трёх языках. Так, в китайском языке не существует такого зоонима, но можно

подобрать фразеологизм со схожим значением: 木头木脑 (mu tou mu nao), что в дословном переводе означает «нем как дерево». Во французском языке используется способ конкретизации, то есть замена общего понятия конкретным: *muet comme une carpe* (перевод: нем как карп). В английском языке используется эквивалент: *as dumb as a fish* (перевод: нем как рыба).

ФЗ «свободный как птица» имеет эквивалент только в китайском языке: 自由飞翔的小鸟 (zi you fei xiang de xiao niao). Во французском и английском языке данный ФЗ не используется, но он понятен при прочтении и переводе, а также его можно заменить другими вариантами: *libre comme l'air* (перевод: свободный как воздух), *footloose and fancy free* (перевод: свободный).

ФЗ «сонный как муха» имеет эквивалент только в китайском языке: 困倦的苍蝇 (kun juan de cang ying). Во французском и английском языке данный ФЗ используется с названием другого животного: *dormir comme une marmotte* (перевод: спать как сурок), *like a tired butterfly* (перевод: как уставшая бабочка).

ФЗ «трудолюбивый как пчела» при переводе находит эквиваленты во всех языках:

- 勤奋得像蜜蜂 (qin fen de xiang mi feng) (кит.)
- *abeille ouvrière* (перевод: рабочая пчела) (франц.)
- *busy as a bee* (перевод: занятой как пчела) (англ.)

ФЗ «ползти как черепаха» имеет эквивалент только в китайском языке: 慢得像乌龟一样 (man de xiang wu gui yi yang). Во французском и английском языке данный ФЗ используется с названием другого животного: *aller comme un escargot* (перевод: идти (ползти) как улитка), *as slow as a snail* (перевод: быть медленным как улитка).

ФЗ «паршивая овца» имеет эквивалент в названии животного во французском и английском языке: *le mouton noir* (перевод: чёрная овца), *a black sheep* (перевод: чёрная овца). В китайском языке данный ФЗ используется с названием другого животного: 丧家之犬 (sang jia zhi quan) (перевод: паршивая собака).

ФЗ «когда рак на горе свистнет» не находит эквивалентов во всех трёх языках. Так, в китайском языке в похожем фразеологизме не используется название животного: 太阳从西边升起(tai yang cong xi bian sheng qi) (перевод: когда солнце выглянет с Запада). Во французском и английском языке используется другое название животных, которые выполняют различные действия: *quand les poules auront des dents* (перевод: когда у кур появятся зубы), *when pigs fly* (перевод: когда свиньи полетят).

ФЗ «как мухи на мёд» имеет эквивалент в названии животных в английском языке: *as flies to sugar* (перевод: как мухи на сахар). В китайском языке данный ФЗ употребляется с названием другого животного: 如蚁附膻 (ru yi fu shan) (перевод: как муравьи на запах). При переводе и дальнейшем объяснении этого ФЗ на французский язык, похожих в значении эквивалентов найдено не было.

В итоге проведённого опроса было выявлено, что в странах опрашиваемых существуют фразеологические единицы с компонентом зоонимом, но в разговорной речи они практически не употребляются. Тем не менее, преподавателю, работающему с иностранными учащимися, следует помнить, что работу с фразеологизмами в иноязычной аудитории следует проводить с учётом уровня их языковой подготовки по русскому языку, в соответствии с которым будут определяться в дальнейшем формы и методы, используемые преподавателем в учебном процессе.

Список литературы

Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Л., 1946.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. Учебник. М.: Изд-во Моск. ун- та, 2004.

Телия В.Н. Первоочередные задачи, методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. М: Языки русской культуры, 1999.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка // Русский язык. 1979.

Напольских М.Р.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Napolskikh M.
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАНДЕМНОГО МЕТОДА В ПОДГОТОВКЕ К ЭКЗАМЕНУ ТРКИ-1

PREPARATION FOR TRKI-1 IN TANDEM LANGUAGE EXCHANGE

Данное исследование посвящено проблеме подготовки к сертификационным экзаменам ТРКИ-1 и TestDaF с использованием тандемного метода. В частности, мы рассматриваем стратегии, преимущества и трудности работы в дистанционном тандеме при подготовке к разделам «Говорение» и «Письмо».

The subject of this article is the use of tandem language learning in TRKI-1 and TestDaF training. We describe strategies, advantages, and problems of distant tandem learning, and focus on preparation for writing and speaking sections.

Ключевые слова: тандем, дистанционный тандем, ИКТ, ТРКИ-1, TestDaF.

Key words: tandem language learning, distant tandem learning, TRKI-1, TestDaF.

Подготовка к сдаче сертификационных экзаменов на сегодняшний день является важной составляющей в изучении иностранного языка. В фокусе данного исследования находится вопрос о том, каким образом использование дистанционного тандема может помочь в подготовке к экзаменам ТРКИ-1 (русский язык как иностранный) и TestDaF (немецкий язык как иностранный) и в каких случаях это наиболее оправдано.

Мы определяем языковой тандем как занятие в рамках организованного обучения иностранному языку для двух (или более) студентов, носителей различных языков [Herfurth, 1993, p. 22]. Изучаемый язык одного участника должен быть родным языком другого участника, каждый из них является для партнёра специалистом по родным языку и культуре. Преподаватель иностранного языка, присутствующий на тандемных занятиях, выполняет функцию консультанта и «доверенного лица» и не вмешивается в сам учебный

процесс. Чаще всего материалом для языкового тандема являются специально разработанные двуязычные рабочие листы с вопросами для обсуждения или самоконтроля.

Тандемное обучение основывается на принципах языкового паритета, взаимности и автономности [Brammerts, Kleppin 2001, p. 44].

Принцип языкового паритета заключается в делении занятия на две части, каждая из которых посвящена одному из языков. Части могут непосредственно следовать друг за другом или проводиться в разные дни. При этом использование третьего языка, а также смешение языков крайне нежелательно. Таким образом, каждый участник тандема вынужден говорить на изучаемом языке, чтобы достичь коммуникативной цели.

Принцип взаимности выражается в том, что участники поочередно меняются ролями ученика и эксперта. Оба партнёра, хотя бы субъективно, должны получать одинаковую пользу от сотрудничества. На оба языка должно отводиться одинаковое количество времени, каждому из партнёров необходимо помогать другому и т.д. Каждая из ролей связана с определённым набором правил и заданий, о которых должен помнить участник. Например, в роли учителя участник обязан говорить на своём родном языке, предельно ясно выражаться, исправлять ошибки партнёра и мотивировать его для общения на иностранном языке. Для роли ученика, в свою очередь, важны внимательность, умение повторять за партнёром и признавать свои ошибки.

Принцип автономности выражается в том, что партнёры по тандему сами решают что, где, когда и как изучать, а также как долго они намерены этим заниматься. Этот принцип может быть по-разному интерпретирован, в зависимости от того, является тандем интегрированным (проводится в школе, университете и связан с учебным планом) или осуществляется по взаимной договорённости между партнёрами (индивидуальный тандем). В первом случае предусматривается некоторый контроль со стороны преподавателя, который будет отвечать за теоретическое и практическое наполнение тандемных встреч. Во втором случае (в индивидуальном тандеме) автономность подразумевает большую долю свободы в установлении степени ответственности и взаимности.

Так как в большинстве случаев занятия в тандеме являются частью языковых курсов, то нам представляется вполне оправданным применение тандема в подготовке к сертификационным экзаменам по иностранному языку (в данном случае *TestDaF* и ТРКИ 1) участниками с примерно одинаковым уровнем языка (в рамках ступени В1 – В2 *Общеввропейской шкалы владения иностранным языком*). Тандемные занятия позволяют не только компенсировать недостаток устной и письменной практики на занятиях по подготовке к экзамену, но индивидуализировать процесс обучения, сконцентрироваться на личных трудностях каждого участника, а также получить дополнительные знания о культуре страны изучаемого языка.

Сертификационные экзамены *TestDaF* (немецкий как иностранный) и ТРКИ 1 (русский как иностранный) имеют в силу своей специфики много общих черт. Например, оба они являются обязательными для поступления в высшие учебные заведения Германии и России соответственно. Экзамен *TestDaF* рассчитан на кандидатов, уровень которых соответствует примерно В1.2 – С2 *Общеввропейской шкалы владения иностранным языком*. Экзамен ТРКИ 1 соответствует уровню владения В1: считается, что данный уровень является достаточным для удовлетворения основных коммуникативных потребностей при общении с носителями русского языка в социально-бытовой, социально-культурной и учебно-профессиональной сферах деятельности. Также оба рассматриваемых экзамена включают в себя такие части, как чтение, аудирование, письмо и говорение. В экзамен ТРКИ-1 включён дополнительный лексико-грамматический блок.

Занятия в тандеме по подготовке к сертификационным экзаменам проходили следующим образом: тандемные пары встречались два раза в неделю по два часа (по часу на каждый язык) в течение месяца, встречи осуществлялись с помощью программы *Skype* (базовая) и других на выбор участников. В течение этого времени участники тандема должны были совершенствовать свои умения в говорении и письме, а также выступать консультантами по своему родному языку для своих партнёров. Тандемные встречи проходили по определённому сценарию, при этом использовались пробные варианты экзаменов *TestDaF* и ТРКИ-1, а также специально

подготовленные рабочие листы по подготовке к блокам «Письмо» и «Говорение».

Перед началом занятий все участники были проконсультированы насчёт специфики работы в тандеме (взаимопомощь, исправление ошибок партнёра) и предупреждены о возможных сложностях (культурных, технических и организационных). Участникам тандема рекомендовалось разделить тандемное занятие на три части:

1. вступление, включающее в себя приветствие, обмен клише, обмен новостями

2. основную работу в тандеме

3. подведение итогов встречи (что узнали, чему научились, какие трудности возникли)/

В конце обучения участникам было предложено оценить свою работу в тандеме, высказать свои пожелания.

Первые четыре тандемных занятия были посвящены теме «Письмо». Сравнение блоков «Письмо» экзаменов *TestDaF* и ТРКИ 1 показало, что задания в этих блоках можно разделить на два типа: репродуктивно-продуктивные и продуктивные (развёрнутый комментарий на основе предложенного материала, как графика в *TestDaF*, написание письма и письменное выражение своего мнения по предложенной проблеме, включающее сравнение со своей страной) [Есина 2001, с. 64], см. также [Glienicke, 2007, p. 122-123]. Также можно отметить, что экзамен *TestDaF* больше направлен на проверку готовности к обучению в Германии и включает в себя задания, типичные для немецкого университетского контекста (анализ графиков, выступление на семинарах). Задания экзамена ТРКИ-1 имеют общий характер.

На данном этапе большая часть работы проводится самостоятельно. Обучающийся пишет тексты по предложенным заданиям, затем тандемный партнёр высказывает своё мнение по работе, дополняет и корректирует её. Исключением может стать репетиция экзамена.

Рекомендуемый сценарий работы над блоком «Письмо» выглядит так:

1. Работа над заданиями *TestDaF* (описание графика, развёрнутый комментарий по предложенной теме)

2. Обсуждение написанных текстов с тандемным партнёром (на немецком языке), выявление проблемных мест
3. Обращение к дополнительным материалам (специальная лексика, рекомендации по выстраиванию ответа, справочники)
4. Работа над ошибками, выполнение аналогичных заданий
5. Работа над заданиями ТРКИ 1 (комментарий к предложенному тексту, написание письма с развёрнутым ответом на вопросы)
6. Обсуждение написанных текстов с тандемным партнёром (на русском языке), выявление проблемных мест
7. Обращение к дополнительным материалам, обсуждение контекста предлагаемой ситуации
8. Работа над ошибками, выполнение аналогичных заданий
9. По желанию участников может быть проведена репетиция обоих экзаменов/

Тандем является точкой соприкосновения двух языков, а это, согласно У. Вайнрайху, является условием возникновения лингвистической интерференции [Weinreich, 1953, p. 1-7]. Так как изучаемый язык одного партнёра является родным языком другого, становится возможным более тщательное выявление лексической, грамматической, стилистической интерференций в письменной речи обучаемых и их преодоление. Например, видя в сочинении своего немецкого партнёра предложение **Я два часа ждал на мою подругу*, русский партнёр не только исправит ошибку, но и тут же обратит внимание на различие употреблений глаголов *ждать* в русском языке и *warten auf* в немецком языке. Для удобства исправления ошибок участникам тандема рекомендуется договориться о способах исправления ошибок в текстах (выделение, специальные символы), а также ведении списков ошибок, допущенных как ими самими, так и их партнёрами. Ведение списка ошибок является сильным мотиватором, позволяющим увидеть собственный прогресс, достигнутый за несколько занятий. Списки ошибок также могут быть использованы при подготовке немецкоязычных участников к лексико-грамматическому блоку ТРКИ-1.

Последующие четыре тандемных занятия были посвящены блокам «Говорение». Если в экзамене TestDaF собеседником экзаменуемого является

компьютер, то в экзамене ТРКИ 1 устная часть проводится в форме диалога между кандидатами или между кандидатом и экзаменатором. Сравнение блоков «Говорение» экзаменов *TestDaF* и ТРКИ 1 показало, что задания этого блока можно разделить на три типа: высказывания, связанные с определённой коммуникативно заданной установкой; монологические высказывания репродуктивного типа на основе прослушанного или прочитанного текста; выражение собственного отношения к фактам, действующим лицам и поступкам, указанных в тексте [Есина, 2001, с. 65], см. также [Glienicke, 2007, p. 124-128].

Рекомендуемый сценарий работы над блоком «Говорение» выглядит так:

1. Работа над заданиями *TestDaF* (проводится на немецком языке)

Пример задания:

Вы собираетесь начать учиться в Бохуме и можете приехать в Бохум в последнее воскресенье перед началом семестра. Вы хотите узнать, как происходит заезд в выходные дни. Позвоните в студенческий совет и выясните нужную информацию (Перевод мой – М. Н.) [Glienicke, 2007, p. 125].

2. Обсуждение с партнёром специфики ситуации (в данном случае – разговора по телефону)

3. Разыгрывание ситуации (рекомендуется записать монолог)

4. Обсуждение с партнёром трудностей и ошибок

5. Смена ролей (тандемный партнёр разыгрывает роль экзаменуемого)

6. Работа над заданиями ТРКИ 1 (проводится на русском языке).

Пример задания:

Вы пришли в библиотеку. Объясните библиотекарю, что Вам нужно. [Андрюшина, 2004, с. 47]

7. Обсуждение с партнёром правил разговора по телефону, есть ли различия

8. Разыгрывание ситуации (тандемный партнёр играет роль собеседника, диалог рекомендуется записать)

9. Обсуждение возникших трудностей, разбор ошибок

10. Смена ролей (тандемный партнёр играет роль экзаменуемого).

Проблема интерференции в говорении стоит более остро, чем в письме. По сравнению с письмом, не все ошибки, допущенные в устной речи, могут быть исправлены партнёрами. Часто в ходе общения тандемные партнёры ради удобства не исправляют повторяющиеся ошибки партнёров, что приводит к закреплению неправильных вариантов произношения и употребления слов. В этом случае партнёрам рекомендуется записывать тренировочные монологи и диалоги и сразу исправлять повторяющиеся ошибки и ошибки, препятствующие пониманию смысла высказывания. Записи также можно использовать впоследствии для самоконтроля.

Также мы хотели бы затронуть вопрос фонетической интерференции. Хотя большинство участников тандема отмечают существенное улучшение произношения во время участия в тандеме, что связано с постоянным общением с носителем языка и подражанием ему, мы считаем, что перед началом тандема русскоговорящие участники должны ознакомиться с основными интонационными конструкциями русского языка и обращать внимание на интонацию тандемного партнёра.

Несмотря на то, что блоки «Аудирование», «Чтение» и «Лексика/Грамматика» (ТРКИ-1) не были специально затронуты в ходе обучения, участники регулярно консультировались со своими тандемными партнёрами во время самостоятельной подготовки.

В ходе работы у тандемных партнёров также возникали некоторые трудности, связанные как с культурологическими различиями, так с трудностями в объяснении некоторых языковых явлений, исправлении ошибок и т.д. Для предупреждения этих трудностей мы рекомендуем:

1. Провести вводное занятие по этикету общения в сети и специфике работы в тандеме. Это занятие также может включать в себя обзор некоторых языковых явлений, которые могут вызвать трудности у изучающих иностранный язык;

2. Провести культурологический тренинг, включающий в себя знакомство с основными коммуникативными стратегиями работы в тандеме (дополнение высказывания, упрощение, переформулирование, метадискурсивные действия, невербальные стратегии), основные тактики разрешения конфликтов, а также обзор табу-тем в стране изучаемого языка;

3. Не включать в первые тандемные заседания темы, которые могут спровоцировать конфликт (религия, стереотипы, гендерные различия и т.д.);
4. Консультировать участников тандема по особо сложным языковым и культурологическим вопросам и в случае конфликта, причём участники тандема должны чётко осознавать возможность консультации;
5. Русским участникам необходимо ознакомиться с основными интонационными конструкциями русского языка;
6. Необходимо отметить, что после проведения тандемных занятий участники отметили существенное улучшение навыков письма и говорения, существенное улучшение произношения, большую уверенность в себе, а также отметили существенное снижение языкового и культурного барьеров, что положительно сказалось на результатах экзамена.

Список литературы

Андрюшина Н.П. Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень / Андрюшина Н.П., Макова М.Н., Пращук М.И. М., 2004. 54 С.

Есина З.И. Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень / Есина З.И. (и др.). М. 2001. 134 С.

Brammerts, Helmut. Selbstgesteuertes Sprachenlernen im Tandem. / Brammerts, Helmut; Kleppin Karin (Hrsg.). Tübingen: Stauffenberg Verlag, 2001. 300 P.

Glienicke, Stefan. TestDaF: Oberstufenkurs mit Prüfungsvorbereitung / Glienicke, Stefan, Katthagen, Klaus-Markus. Hueber Verlag, 2007. 144 P.

Herfurth, Hans-Erich. Möglichkeiten und Grenzen des Spracherwerbs in Begegnungssituationen. Zu einer Didaktik des Fremdsprachenlernen im Tandem. Muenchen: Iudicum, 1993. 284 P.

Weinreich, Uriel. Languages in Contact. N.Y. 1953 (1st ed.).

Поletaева О.А.
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск (Республика Беларусь)

Poletaeva O.
Minsk State Linguistic University
Minsk (Belarus)

АСПЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

TUITION OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE WITH RESPECT TO VARIOUS ASPECTS SO AS TO PREPARE AN INTERCULTURAL COMMUNICATION SPECIALIST

В докладе рассматривается роль и функции русского языка в системе подготовки выпускника по специальности «Лингвистическое обеспечение межкультурной коммуникации». Анализируются базовые компетенции, позволяющие сформировать основы профессиональной квалификации специалиста. Особое внимание уделяется специфике преподавания русского языка в условиях близкородственного русско-белорусского билингвизма. Сообщается о методическом обеспечении аспектного преподавания русского языка в МГЛУ, в частности, о разработке электронного образовательного портала кафедры, который содержит учебные материалы для организации как аудиторной, так и самостоятельной работы в процессе обучения иноязычному межкультурному общению. Данный образовательный ресурс содержит электронные конспекты лекций; комплекты слайд-презентаций по лекционным курсам; комплекты электронных лингвистических кроссвордов, тренажёров, тестов для самоконтроля; электронную библиотеку словарей, учебников и учебных пособий, научных статей для реферирования; электронные хрестоматии, включающие не только текстовые, но и аудио-, видеофрагменты; аудиоматериалы (аудиокниги, фрагменты устных высказываний различной ситуативной и стилистической принадлежности); видеоматериалы (художественные, документальные, учебные фильмы), комплекты дидактических разработок к аудио-, видеоматериалам.

The role and functions of the Russian language in the system of tuition of a specialist in "Linguistic provision of intercultural communication sphere" is studied in this report. Basic competencies allowing to form the professional background of the specialist are analyzed. Especial attention is paid towards the particularity of the Russian language tuition in case of

bilingualism between the closely related Russian and Belarusian languages presence. The description of the methodological provision of the Russian language tuition at MSLU is addressed: in particular, the process of development of the e-Portal for the Department of Slavic Languages, containing various methodological materials for both in-class and individual work during the tuition of the specialist in the intercultural communication based on the foreign language is described. This educational resource contains e-based lecture notes and slides, packages of e-based linguistic crossword puzzles, exercises, tests for self-checking, e-library of the dictionaries, e-based course books and additional course-related literature, scientific articles for referring to, e-based anthologies containing not only text materials, but also audio materials (such as audio books, fragments of oral statements in various situational and stylistic contexts), video materials (such as films, documentaries, educational films) and finally packages of tuition kits for the media content.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникативная компетенция, образовательный портал, аспектное преподавание языка, близкородственный билингвизм.

Key words: intercultural communication, communicative competence, educational portal, the aspect of language tuition, bilingualism between the closely related languages.

Доминантной парадигмой научного знания в последние годы стала антропоцентрическая парадигма, одной из ключевых фигур в которой является языковая личность. По Ю.Н. Караулову, «языковая личность – это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [Караулов, 1989, с. 5].

Целью современного языкового образования становится не только формирование у будущего специалиста базовых языковых, коммуникативных, социокультурных компетенций, но и создание так называемой «вторичной языковой личности», которая способна реализовывать языковые модели в соответствии с нормами коммуникативной деятельности иноязычного и инокультурного социума в ситуациях межкультурного взаимодействия [Семяновска, 2012, с. 100].

Основой профессиональной квалификации специалиста в области межкультурной коммуникации являются профессионально значимые компетенции, в ряду которых, наряду с традиционными для переводчика собственно лингвистической, коммуникативной и социолингвистической, особое место занимают межкультурная и культурно-языковая компетенции. Это обусловлено тем, что специалист по межкультурной коммуникации должен не только порождать и адекватно интерпретировать информацию на иностранном языке, но и осуществлять межличностные контакты с представителями инокультурного социума, используя при этом различные коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в общении с иноязычными партнёрами для реализации конечных целей коммуникации.

Известно, что разноязычная межкультурная коммуникация осуществляется либо на языке, который для одного из участников общения является родным, а для другого иностранным, либо на языке-посреднике. При этом очевидно, что эффективность подобного взаимодействия во многом предопределяется уровнем коммуникативного владения языком общения.

В системе подготовки иностранных студентов по специальности «Лингвистическое обеспечение межкультурной коммуникации» особая роль принадлежит русскому языку, который выступает не только в качестве объекта изучения, но и становится, по мнению Т.М. Бережной, «средством управления – установления коммуникативного контакта с обучаемым, средством передачи опыта деятельности, которой он обучает, а также основной формой существования знаний о профессиональной деятельности» [Бережная, 2008, с. 20], выполняя при этом такую важную функцию, как метаязыковая. Кроме того, русский язык выступает в качестве языка-посредника в общении между студентами – представителями разных стран, реализуя в полном объёме коммуникативную и контактоустанавливающую функцию.

Необходимо обратить внимание на целый ряд особенностей обучения русскому языку в Беларуси, которые необходимо учитывать при организации учебного процесса.

1. В свете культуроведческого подхода необходимым становится включение в контекст обучения фактов не только русской культуры, но и

культуры белорусского народа. В связи с этим перед преподавателем русского языка как иностранного в образовательном пространстве Беларуси стоит целый ряд важных задач: он должен формировать у учащихся-иностранцев интерес не только к русской, но и к белорусской культуре, в связи с чем в учебный процесс должны вовлекаться материалы, демонстрирующие черты национального менталитета, культуры, быта не только русских, но и белорусов.

На ознакомление с культурным наследием белорусов направлена и большая часть внеаудиторной работы преподавателя, который организует посещения выставок белорусских художников, мастеров народных ремёсел, экспозиций этнографических и исторических музеев, концертов народных музыкальных коллективов. Студенты-иностранцы регулярно принимают участие в литературно-музыкальных вечерах, посвящённых культуре, искусству, традициям белорусов («Колядки», «Масленица», «Купалье»), которые помогают не только познакомить студентов-иностранцев с ключевыми фигурами и явлениями белорусской культуры, но и в значительной мере обогатить их языковые навыки, поскольку каждое подобное мероприятие превращается в занятие по практике устной речи, обладающее высоким мотивирующим потенциалом.

2. В одной группе, как правило, обучаются студенты из разных стран, что исключает возможность использование принципа ориентации на родной язык учащихся, но имеет, на наш взгляд, и целый ряд преимуществ: студенты приобретают навыки сопоставления языковых явлений изучаемого и родного языков, учатся выявлять их место в системе координат «своё – чужое», знакомятся с экономикой, политическим устройством, культурой и традициями разных стран, приобретают опыт межнационального общения. Все это не может не способствовать совершенствованию коммуникативной и межкультурной компетенций обучаемых.

3. Преподавания русского языка в Беларуси осуществляется в условиях русско-белорусского двуязычия. Близкое родство русского и белорусского языков, сходство их фонетической, лексической и грамматической систем, билингвизм многих жителей Республики Беларусь способствуют проникновению элементов белорусского языка в русскую речь белорусов. Это

приводит к нарушению орфоэпических, акцентологических, лексических, морфологических, синтаксических норм русского литературного языка.

Студенты-иностранцы на всех этапах обучения сталкиваются с интерферентными явлениями в разговорной речи не только городского населения, но и студентов-белорусов, с которыми они контактируют в процессе обучения (многие из белорусских студентов являются носителями диалектной белорусской речи, что не может не повлиять на их русскую речь). Существенным фактором, приводящим к ошибкам в русской литературной речи, является функционирование (в том числе и в речи городских жителей, даже имеющих высшее образование) так называемой «трасянки» – разновидности просторечия, которая по своему языковому составу является неупорядоченным, недифференцированным сочетанием, смешением русских и белорусских языковых явлений, как правило, просторечных в своей основе. В речи молодёжи употребление «трасянки» часто приобретает характер языковой игры, интерес к которой поддерживается в молодёжной субкультуре использованием данной разновидности речи в текстах таких популярных музыкальных групп, как «Леприконсы», «Крамбамбуля» (например, *«Панаехала гасцей з иншаземных абласцей, не няправільна гасцеў з иншаземных абласцёў»*).

В связи с этим особенно важным представляются умение преподавателя РКИ грамотно квалифицировать явления русско-белорусской интерференции, которые наблюдают студенты в окружающей языковой среде, а также умение включать их учебный процесс.

В целях предупреждения проникновения ошибок интерференционного характера в речь иностранных студентов преподаватель РКИ должен обращать внимание студентов на подобные явления, грамотно их истолковывать и предлагать упражнения, в которых отрабатывается и закрепляется орфоэпические, акцентологические, грамматические нормы литературного русского языка.

Указанные обстоятельства требуют от преподавателя РКИ наличия особых качеств, таких, как повышенное внимание и критичность к качеству собственной речи, постоянное её совершенствование, умение выявлять и предупреждать факты русско-белорусской интерференции.

Именно поэтому в числе основных целей курса по русскому языку как иностранному стоит задача не только формирования основ культуры русской речи, но и развитие языкового чутья, что влечёт за собой необходимость выбора рациональных методов, форм и средств обучения.

Таким образом, мультикультурализм образовательной среды, а также особая языковая ситуация в Республике Беларусь требуют от преподавателя русского языка как иностранного хорошо сформированной социокультурной компетенции, которая предполагает умение вызвать и поддержать у учащихся-иностранцев интерес не только к русской культуре, но и к культуре других стран, в том числе Беларуси, формировать навыки самостоятельного познания культурной реальности, максимально корректно излагать факты и явления политической, экономической и культурной жизни, используя при этом различные аутентичные материалы. Важной задачей преподавателя становится подбор учебных текстов, в которых должны находить отражение специфические черты национального менталитета, культуры, речевого этикета разных стран, в том числе Беларуси.

Все вышесказанное предопределяет важность современного методического обеспечения и грамотного планирования языковой подготовки будущего специалиста в сфере межкультурных коммуникаций. Типовой учебный план подготовки по специальности «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций» (специализация «Коммуникативные технологии в бизнесе») включает в себя целый ряд дисциплин, обеспечивающих аспектное преподавание русского языка как иностранного.

Образовательный процесс в системе обучения русскому языку на первом и втором курсах ставит своей целью формирование базовых языковых и коммуникативных умений и навыков и потому включает в себя такие традиционные в изучении русского языка дисциплины как «Практическая фонетика», «Практическая грамматика», «Практика устной и письменной речи», «Аудирование», «Культура русской речи».

Начиная с третьего года обучения основной упор, наряду с совершенствованием уже освоенных знаний, делается на формирование межкультурной и дискурсивной компетенций обучаемых. Этой цели позволяет достичь включение в программу таких дисциплин, как «Практикум по

культуре речевого общения» (3 курс), «Дискурсивные практики коммуникации» (4 курс), «Стратегии коммуникативного поведения» (4 курс), «Язык средств массовой коммуникации» (4 курс), «Интерпретация коммуникативного поведения» (5 курс), «Культурный контекст профессионального общения» (5 курс).

Остановимся более подробно на целевых установках данного блока дисциплин, базовой среди которых является формирование у иностранных учащихся знаний об основных стратегиях и тактиках коммуникативного поведения, различных типах русского дискурса и правилах их построения, способах и средствах коммуникации, особенностях массовой, публичной, групповой и межличностной коммуникации в различных сферах профессионального общения, особенностях дифференцирования и композиционного оформления речевого материала в соответствии с ситуацией общения, его целями и участниками. Изучение общекультурных, групповых и ситуативных коммуникативных норм строится в первую очередь на знакомстве с русскими традициями и обычаями, русским речевым этикетом и спецификой ментальности русских. При этом должны развиваться умения и навыки в рецептивных и продуктивных видах речевой деятельности на материале тем, связанных с национальными культурными традициями и жизнью русских.

В целях методического обеспечения аспектного преподавания русского языка преподавателями кафедры славянских языков осуществляется разработка электронного образовательного портала, который содержит учебные материалы для организации как аудиторной, так и самостоятельной работы в процессе обучения иноязычному межкультурному общению.

Данный образовательный ресурс содержит электронные конспекты лекций; комплекты слайд-презентаций по лекционным курсам; комплекты электронных лингвистических кроссвордов, тренажёров, тестов для самоконтроля; электронную библиотеку словарей, учебников и учебных пособий, научных статей для реферирования; электронные хрестоматии, включающие не только текстовые, но и аудио-, видеофрагменты; аудиоматериалы (аудиокниги, фрагменты устных высказываний различной ситуативной и стилистической принадлежности); видеоматериалы

(художественные, документальные, учебные фильмы), комплекты дидактических разработок к аудио-, видеоматериалам.

Большой удельный вес в мультимедийных продуктах образовательного портала кафедры имеют аудиоматериалы, которые используются в образовательном процессе в первую очередь в курсе практической фонетики. Фонограммы играют значительную роль в обучении учащихся аудированию и технике чтения, при этом очень важно, чтобы фоноупражнения носили коммуникативный характер.

На занятиях по дисциплинам «Практикум по культуре речевого общения», «Дискурсивные практики коммуникации», «Язык средств массовой коммуникации» используются аудиоматериалы, представляющие собой фрагменты высказываний различной ситуативной и стилистической принадлежности. Эти аудиофайлы извлекаются из различных радиопередач и аудиозаписей Интернет-пространства и представляют собой фрагменты интервью известных политических, общественных и политических деятелей, записи бесед и дискуссий по актуальным проблемам российского и белорусского социума, а также различные репортажи, новостные программы и т.п. Обучаемые получают возможность слышать на занятии и во время внеаудиторной работы голоса разных носителей изучаемого языка, а не только речь преподавателя. При этом студенты слышат в том числе и живую естественную речь белорусских носителей русского языка, которая не всегда представляют собой образцовые в орфоэпическом отношении тексты. Это, с одной стороны таит в себе определённую опасность, но с другой – может способствовать формированию таких коммуникативных качеств русской речи иностранных студентов, как правильность, точность и уместность. В данном случае особенно велика роль преподавателя, который должен научить студентов умению замечать интерферентные явления в русской речи белорусов.

Учебная видеотека портала сформирована из видеофайлов, отобранных из медиапространства Беларуси. Неозвученные визуальные материалы могут использоваться в качестве содержательной опоры для говорения. Такие же видеоматериалы, как озвученный кинофильм, а также его фрагменты, документальный фильм, учебная видеозапись позволяют задействовать

зрительный и слуховой каналы получения информации одновременно. Звучащий текст сопровождается видеорядом, который способствует более эффективному восприятию содержания и развивает навыки не только лингвистической догадки, но и верной интерпретации различных ситуаций речевого и неречевого характера с точки зрения культурных особенностей конкретной страны.

Таким образом, успешность обучения иностранных студентов русскому языку в Беларуси, уровень их профессиональной подготовки в значительной степени зависит от того, насколько преподаватель и иностранный студент учитывают особенности своих языков и культур, систем образования и их взаимодействие между собой.

Список литературы

Бережная Т.М. Учёт характеристик языкового сознания преподавателя РКИ при моделировании лингводидактической компетенции / Бережная Т.М. // Лингводидактические компетенции преподавателей русского, других этнических и иностранных языков: модели описания и формирования // Отв. ред. проф. Тарева Е.Г. Тезисы докладов Международного научно-практического круглого стола (17-20 ноября 2008 г.). М.: МГЛУ, 2008. 20 с.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. Сб. ст. М.: Наука, 1989. С. 3-8.

Семяновска У. Роль межкультурной коммуникации в изучении русского языка польскими студентами / Семяновска У. // Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: сб. науч. тр.: в 2 ч. / под ред. С.С. Ваулиной. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, Ч. 2. 2012. С. 100-105.

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Артемьев Дмитрий Сергеевич
МГУ имени М. В. Ломоносова
Москва (Россия)

Artemyev Dmitry
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СПОСОБЫ МИНИМИЗАЦИИ ОШИБОК ПРИ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ И СИСТЕМА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ВЫПОЛНЕННОГО ПЕРЕВОДА

THE METHODS TO MINIMIZE MISTAKES DURING THE SIMULTANEOUS INTERPRETING

Данная статья посвящена анализу ошибок при синхронном переводе, на основе которого выделяются способы минимизации этих ошибок. Автором приводится ряд характеристик, которыми должен обладать синхронный переводчик, и описываются задачи, которые ему необходимо решать в процессе перевода.

This article is dedicated to the analysis of mistakes during simultaneous interpreting, on the basis of which the methods to minimize mistakes are formulated. The author names the qualities that the simultaneous interpreter has to possess and describes the tasks that he needs to complete during the process of translation.

Ключевые слова: ошибки, синхронный перевод, анализ перевода, качества и задачи переводчика.

Key words: mistakes, simultaneous interpreting, the interpreting analysis, qualities and tasks of an interpreter.

Перевод – это сложное многоаспектное явление, требующее от переводчика целого ряда качеств и умений. Мы рассмотрели ошибки при синхронном переводе, проанализировали причины и последствия этих ошибок и попытались предложить определенные способы минимизации ошибок при синхронном переводе, а также создать систему оценки качества синхронного перевода.

К сожалению, эта область ещё очень мало изучена. Синхронный перевод появился значительно позже других видов перевода, и пока у этого вида перевода нет устоявшейся теоретической базы. Исследователи в области

синхронного перевода во многом являются первопроходцами в этой области, и поэтому эта статья является актуальной. Мы надеемся, что она будет полезна как начинающим синхронистам, так и переводческим компаниям, которые хотят правильно оценить качество синхронного перевода.

Синхронный перевод – вид устного перевода, который осуществляется одновременно с восприятием на слух (вдобавок иногда зрительно «с листа») однократно предъявляемого устного сообщения на исходном языке и в процессе которого перерабатывается информация строго ограниченного объема (Г.В. Чернов, 1987г.).

Важной особенностью синхронного перевода является его линейность. Переводчик слышит оригинальное сообщение лишь один раз, причем оно развертывается постепенно. Таким образом, в отличие от других видов перевода, у переводчика нет времени проанализировать сообщение целиком, оценить стиль автора, важность конкретной фразы, смысл конкретного слова в начатой фразе и т.п. Всё это усложняет процесс перевода и неизбежно приводит к возникновению различных ошибок в условиях цейтнота. Проблемой ошибок при переводе занимались такие ученые, как Гарбовский Н. К., Швейцер А. Д., Куниловская М. А., Миньяр-Белоручев Р. К. и другие. При написании этой статьи мы опирались на идеи этих ученых.

Ошибки в переводе неизбежны, особенно в переводе синхронном. В то время как стилистические ошибки не передают лишь оттенки значения, лишь малую часть смыслов, заложенных в оригинале, фактические ошибки и искажения смысла приводят к несостоявшейся коммуникации. Поскольку синхронный перевод обычно выполняется на политических заседаниях, встречах торговых компаний и других ответственных мероприятиях, цена ошибки значительно возрастает. Неверный перевод может привести к политическому конфликту, отказу от заключения торгового контракта и т.д. В синхронном переводе недопустимы грубые искажения смысла. История знает много примеров, когда в результате работы некомпетентного синхрониста люди, слушавшие перевод, не понимали оратора.

Мы рассмотрели некоторые примеры, которые иллюстрируют допущенные синхронистами ошибки, проанализировали их, предложили свой вариант перевода и нашли причины этих ошибок.

Для большей наглядности в левом столбце мы расположили оригинальный текст высказывания на английском языке, в среднем столбце - перевод, выполненный синхронным переводчиком, а в правом мы предложили свой вариант перевода, в котором исправлены ошибки, допущенные переводчиком. После каждого примера следует комментарий, в котором объясняется суть ошибки и причина выбора нами именно такого варианта перевода. Те фрагменты, которые вызвали у переводчика трудности и о которых пойдет речь, выделены жирным курсивом и подчеркиванием.

Пример 1.

Together we agreed to impose tougher sanctions against the government of Iran.	Мы договорились вместе усилить те санкции, которые были введены по отношению Ирана.	Мы договорились ужесточить санкции в отношении Иранского правительства.
--	---	---

Комментарий: В данном примере, взятом из выступления Барака Обамы на совместной пресс-конференции по итогам российско-британских переговоров в июне 2010 года, мы видим сразу два нарушения лексической сочетаемости. Со словом «санкции» в русском языке обычно употребляется глагол «ужесточить», который имеет негативную коннотацию, а предложенный вариант «усилить» имеет положительный оттенок значения, которого в оригинальном сообщении нет. Также переводчик смешал два варианта перевода – «в отношении Ирана» и «по отношению к Ирану». Эти нарушения являются ошибками на этапе выражения мысли на русском языке.

Пример 2.

Czechs have made great contributions to the United States over many decades including in my home town of Chicago.	Чехи проделали большой вклад в дело Соединенных Штатов, включая в моем личном городе Чикаго.	Чехи внесли большой вклад в дело Соединенных Штатов в том числе в моем родном городе Чикаго.
---	--	--

Комментарий: Мы проанализировали отрывок из выступления Барака Обамы во время пресс-конференции после подписания Договора о сокращении и ограничении СНВ в апреле 2010 года. Как видно из таблицы, переводчик дважды совершил ошибку в выражении мысли на переводящем языке. В русском языке есть устойчивое выражение «внести вклад», а слово «проделать»

в данном случае привело к нарушению лексической сочетаемости. Также неверным мы считаем перевод «личный город». Он называет его своим родным, а не приписывает себе какие-либо полномочия или права на владение. Также стоит обратить внимание на то, что в переводе отсутствует фрагмент информации «over many decades», который было необходимо отразить.

Пример 3

<p>During our interactions he proved to be straightforward, the president of Russia, he is clear about the interests of the friendship, but he is also interested in finding out the profits for Russian people and also for the American.</p>	<p>Во время всех наших контактов я считаю, что президент Обама очень искренний, правдивый. Он интересуется и глубоко заинтересован в интересах российского народа и понимает интересы американского народа.</p>	<p>Во время наших контактов президент России показал себя искренним человеком, который не только осознает выгоду от наших взаимоотношений, но и заинтересован в том, чтобы от этого выиграли российский и американский народы.</p>
--	---	--

Комментарий: Здесь приведен фрагмент перевода речи Барака Обамы на совместной пресс-конференции по итогам российско-американских переговоров в июле 2009 года. Первая ошибка переводчика – фактическая. Поскольку речь произносит сам Обама, очевидно, что он говорит о президенте России, тем более, что он сам это уточняет. Следовательно, синхронист допустил грубую фактическую ошибку. Затем он допускает тавтологию, что значительно ухудшает впечатление от перевода и от этого страдает стиль. Переводчику следовало лексически разнообразить свою речь, чтобы в переводе в одном предложении не повторялся четыре раза один корень. Перевод выглядит скучным и однообразным.

Пример 4.

<p>*Звук мотора* It is not a Lada. It is heavy, it is big... It is definitely a Bugatti. *Звук мотора* Ok, again.</p>	<p>*Звук мотора* Значит, не Лада, понятно. Тяжелый звук такой, большой. Это явно Бугатти. *Звук</p>	<p>*Звук мотора* Это не Лада. Звук тяжелый, машина большая. Это явно Бугатти. *Звук</p>
---	---	---

Not a Lada.	мотора* Ещё разок. Не Лада.	мотора* Опять-таки. Это не Лада.
-------------	-----------------------------	----------------------------------

Комментарий: Это перевод речи известного британского комика Роуэна Аткинсона, когда он в эфире юмористической передачи «Прожекторперисхилтон» угадывал автомобиль по звуку мотора. Его синхронным переводчиком на русский язык был известный советский переводчик В. О. Горчаков. В данном примере мы видим, как он неверно расшифровывает смысл, заложенный в высказывание. Фразу «ok, again» он переводит как «ещё разок», а не «опять-таки», «снова» и т.п. Проблема заключалась в том, что между этой и следующей репликой говорящего прошло несколько секунд, и после небольшой паузы он был вынужден, не дослушав последующей фразы для более точного понимания смысла, дать свой перевод, потому что неизвестно было, когда последует следующая фраза. Это существенно усложняло выбор эквивалента, однако даже без следующей фразы очевидно, что он не просит включить звук мотора ещё раз, а рассуждает о том, что это за машина. Это ошибка была вызвана тем, что переводчик не понял смысла исходного сообщения.

Пример 5.

Of course, most of the people have probably seen the film.	Конечно, большинство из народов видели фильм наверняка.	Наверняка, большинство собравшихся видели фильм.
--	---	--

Комментарий: Материалом для этого анализа нам послужило выступление Марка Цукерберга в МГУ. Синхронный переводчик неверно выразил мысль на русском языке, перепутав значение слов «people» (люди) и «peoples» (народы). Более того, в данном случае мы можем предположить, что говорящий имеет в виду не всех людей, а именно собравшихся, окружающих его в данный момент, поэтому мы предлагаем перевести словом «собравшиеся».

Итак, мы разобрали пять примеров синхронного перевода, в котором были допущены ошибки. Часть из них связана с проблемами на этапе расшифровки смысла. Это свидетельствует о недостаточном владении иностранным языком или о невнимательности. Другая часть ошибок вызвана

недостаточным владением русским языком, неспособностью выразить полученную мысль средствами переводящего языка.

Чтобы максимально улучшить качество синхронного перевода, следует сделать выводы относительно того, чего не хватает современным синхронистам и на что им следует обратить внимание. Итак, в результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что для успешного перевода синхронист должен соответствовать ряду требований:

1. В совершенстве владеть русским языком. Незнание лексической сочетаемости слов, грамматики и маленький словарный запас приводят к самым частотным ошибкам при выражении сообщения на переводящем языке.

2. Прекрасно знать иностранный язык, с которого осуществляется перевод. В обратном случае переводчик может не понять исходного сообщения и допустить смысловые ошибки и искажения, которые могут привести к гораздо более серьезным последствиям, чем стилистические.

3. Уметь полностью сконцентрироваться на время перевода. Такие качества, как усидчивость и сопротивление усталости помогут избежать тех случаев, когда переводчику кажется, что он понял мысль, и он, не дослушав оратора, начинает её интерпретировать.

4. Быть внимательным. Невнимательные люди во время перевода будут пропускать слишком много информации, что скажется на качестве перевода.

5. Быть стрессоустойчивым и спокойным. Синхронисту часто приходится работать в сложных условиях, часто он плохо слышит оратора или подводит техника – в любом случае, задачей переводчика является осуществление максимально качественного перевода независимо от внешних факторов.

6. Быть эрудированным и обладать широким кругозором. В случае невыполнения этого требования каждое отклонение от главной темы выступления будет вызывать у переводчика проблемы.

7. Быть изобретательным. Процесс перевода – это вечный поиск наиболее точного эквивалента. Иногда для более точного выражения мысли требуется полностью перестроить фразу, что требует определенной выдумки.

8. Обладать хорошо поставленной быстрой речью, но в то же время спокойным и размеренным голосом. Крайне важно обладать этими качествами,

чтобы производить хорошее впечатление на слушателя, поскольку помимо качества перевода также важна подача.

9. Обладать переводческим прогнозированием. Во время перевода очень важно правильно угадывать последующие слова оратора, чтобы перевести данную фразу. Это качество приходит с опытом.

Человек, обладающий вышеперечисленными качествами, может стать успешным переводчиком-синхронистом. С какими задачами он сталкивается в процессе перевода? Мы перечислим основные из них:

1. Важно ознакомиться с голосом оратора, которого предстоит переводить. Если есть возможность, следует прослушать записи речи этого человека, чтобы привыкнуть к тембру голоса, его манере говорить, обратить внимание на некоторые особенности.

2. Перед началом перевода нужно сконцентрироваться и абстрагироваться от внешнего мира. Синхронный перевод – это состояние отрешенности, при котором переводчик настолько глубоко погружается в процесс перевода, что не может думать ни о чем другом и его ничего не должно отвлекать.

3. В процессе перевода важно сохранять оптимальное отставание от оратора. Если оно будет слишком большим, то неминуемо это приведет к потере части информации, а также добавит нагрузку на память переводчика, что лишь усложнит задачу. Если переводить слишком быстро, есть риск неправильно перевести фразу, не получив необходимой для расшифровки сообщения информации.

4. Следует уходить от синтаксической структуры оригинального высказывания. Не стоит всегда сохранять грамматическую структуру предложения, потому что иногда на русском языке она будет звучать неудобоваримо и логика высказывания будет нарушена.

5. Важно следить за интонацией. Во-первых, не следует сохранять иноязычную интонацию, несвойственную для русского языка. Во-вторых, даже если оратор повышает голос и интонацией воздействует на слушателя, недопустимо, чтобы переводчик повторял за ним. Его задача – спокойно и наиболее точно изложить мысли автора.

6. В том случае, если переводчик пропустил какой-то фрагмент информации, его задача – как можно быстрее «включиться» и продолжить переводить. Поможет ему в этом стрессоустойчивость и сосредоточенность.

7. Переводчик может иногда допускать стилистические ошибки, однако допускать смысловые искажения – неприемлемо. Необходимо вслушиваться в речь оратора и понимать, что стоит за его словами, а не фокусироваться на словах, которые он произносит.

Если переводчик будет следовать этим советам, качество его перевода возрастет. В примерах, которые мы разобрали ранее, переводчики нарушали какие-то из этих правил, что привело к ошибкам. На основе проанализированных примеров, ряда сформулированных требований к переводчику и ряда задач, поставленных перед ним, мы создали систему оценки качества перевода.

Многие заказчики устного перевода сталкиваются с тем, что не могут оценить качество выполненного перевода. Мы предлагаем свою систему оценки, основанную на проанализированных ошибках и требованиях к переводчику.

1) Первое, на что стоит обратить внимание – это на количество смысловых ошибок в переводе. Даже небольшое их количество свидетельствует о том, что переводчик недостаточно владеет иностранным языком и у него возникают проблемы с пониманием сообщения. Искажение смысла – самая грубая ошибка, которой профессиональный синхронный переводчик допускать не должен. Смысловая ошибка означает, что те, кто слышит перевод, получают абсолютно противоположную по значению фразу, что неизбежно приведет к непониманию, а возможно и к ещё более серьезным последствиям, возможно даже к конфликту. От таких ошибок качество перевода страдает больше всего.

2) Вторым по значимости является количество стилистических ошибок: нарушений лексической сочетаемости, ошибок, вызванных языковой интерференцией, калькированием синтаксических конструкций и т.п. Такие ошибки вызваны недостаточным владением переводящим языком и не являются такими серьезными, как смысловые ошибки. Стилистические ошибки в синхронном переводе неизбежны, поскольку у переводчика нет

времени редактировать свой перевод из-за линейности синхронного перевода. Однако, необходимо свести их количество к минимуму, поскольку для не знающего иностранный язык человека стилистические ошибки даже более заметны, чем смысловые, и они сразу обратят внимание на недочеты переводчика. Именно поэтому от него требуется свободное владение различными конструкциями русского языка, богатый словарный запас и разнообразная речь.

3) Недочеты в переводе, вызванные «скачущей» интонацией, порывистостью речи, длинными паузами, лишними звуками, чрезмерно громким дыханием и т.п. также очень часто встречаются при синхронном переводе. Следует избегать всех этих ошибок, поскольку во многом это тренируется и с опытом вырабатывается привычка правильной подачи информации и спокойного поведения во время перевода.

Мы пришли к выводу, что важно правильно понять причину ошибки и правильно оценить её серьезность. Многие люди неверно оценивают качество перевода, потому что им кажется, что раз нет стилистических ошибок, то перевод удался, ведь они не могут оценить количество смысловых ошибок. Верно и обратное: часто, если перевод выполнен верно, но у переводчика неприятный голос или его речь порывистая, его перевод оценивают как плохой, хотя на самом деле, как мы уже знаем, он лучше, чем в предыдущем примере.

Наша статья посвящена анализу ошибок при синхронном переводе и способам повышения качества перевода и системе его оценки. Мы привели различные классификации ошибок, проанализировали особенности синхронного перевода и последствия ошибок при данном виде перевода. Мы провели анализ ошибок, допущенных профессиональными переводчиками-синхронистами. В результате исследования мы сделали выводы, которые позволили нам понять причины ошибок, насколько они серьезны и что следует делать, чтобы избегать таких ошибок. Результаты исследования позволили оценить те качества, которыми должен обладать переводчик, и те требования, которые он должен выполнять. Мы вычислили такую стратегию, при которой переводчик сможет свести к минимуму количество фактических ошибок, стилистических ошибок и недочетов. На основе проделанной работы мы

разработали систему оценки качества перевода, которой могут пользоваться как заказчики перевода, так и люди, обучающиеся переводу.

В современном мире синхронный перевод приобретает всё большую ценность из-за экономии времени, на синхронных переводчиков повышается спрос в международных компаниях и организациях, и качеству перевода уделяется всё большее внимание. Мы убеждены, что тема нашей работы является очень актуальной, а выводы, сделанные нами в результате сопоставительного анализа ошибок, помогут в изучении сложного процесса перевода.

Список литературы

Гарбовский Н. К. Теория перевода. — М., 2004

Куниловская М. А. Понятие и виды переводческих ошибок // Сборник материалов семинара «Переводческая ошибка в теории и практике перевода». – Тюмень, 2008.

Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? — М.: Готика, 1999.

Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. — М.: Московский Лицей, 1996.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика – М.: Наука, 1988.

Бегдаулетова А.Б.
КазНУ им. аль-Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Begdauletova A.
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty (Kazakhstan)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАЗАХСТАНА (К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ И ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУР)

ARTISTIC ORIGINALITY OF RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE OF KAZAKHSTAN (TO THE PROBLEM OF INTERACTION OF RUSSIAN AND TURKIC CULTURES)

Жанр русского классического романа с наибольшей полнотой отразил становление национального самосознания, важнейшей стороной которого была «всемирная отзывчивость» и связанный с нею многонациональный характер Российского государства. Национальные черты русского народа являются основой многонационального государства. Русская литература отразила синтез идеи всемирной отзывчивости с осознанием своей ответственности за судьбы человечества. Это стало чертой русского реализма. В традициях русской литературы современная многонациональная советская литература выявляет главное, что помогает человеку выстоять в больших исторических испытаниях, внести частицу своего нравственного опыта в систему человеческих отношений. Литература обращается к «истокам», стремится разглядеть в национальном характере лучшее, «особенное», благодаря этому нация имеет «общее» и неповторимое, придающее многоцветие исторической общности разных народов. Литература разных народов и лучшие её произведения всегда пытаются отразить то, к чему призывала лучшая часть человечества: сохранить всё то, что отобрано народом за всю свою историю и возведено им в степень уважения такие человеческие качества, которые являются эталонами для любого народа – честность, ответственность, совесть, доброта и человечность.

Abstract Genre English classic novel with the greatest completeness reflects the formation of national consciousness, the most important aspect of which was the "world support" and affiliated with the multinational nature of the Russian State. National features of the Russian people are the Foundation of a multi-ethnic State. Russian literature has reflected a synthesis of the ideas of the world in the knowledge of the responsiveness of their responsibility for the fate of mankind. It became a feature of Russian realism. In the tradition of Russian literature of modern multinational Soviet literature identifies the main thing that helps a person to survive

in the big historical tests to make his moral experiences in the particle system of human relations. Literature refers to the "roots", aims to make out in the national character better, "special", this nation has "General" and the inimitable, confers to the tapestry of the historical community of different people. Literature of various peoples and the best it works always try to reflect that, as called for by the best part of mankind: keep everything that is selected by the people in its history, and erected them in respect for such human qualities that are standard for any people-honesty, responsibility, conscientiousness, kindness and humanity.

Ключевые слова: русская литература, проблема национального своеобразия, жанр русского классического романа, историческая общность разных народов.

Key words: Russian literature, the problem of national identity, the genre of Russian classical novel, the historical community of different people.

Необходимо отметить, что литература способствует возникновению духовного родства между писателями разных стран на основе общечеловеческих ценностей. История и современность соединились в сегодняшнем литературном творчестве, а романы и повести прошлого подчас становятся определяющими вехами современного литературного процесса. Многие романы остались как бы в стороне, но большее их количество никогда не исчезнет для читателя, по словам Г. Державина, каким бы не было «грозным судьёй – потомство». Пример этому – повесть А. Платонова «Котлован», опубликованная гораздо позже её написания, и прозвучавшая как одно из глубочайших выражений русского национального самосознания после революции и гражданской войны. С. Залыгин в журнале «Новый мир» написал: «Ведь Платонов – ещё и та страница нашей отечественной словесности, которая и после классики XIX века снова удивила мир, заставила его вздрогнуть и даже растеряться пред лицом всё той же русской литературы, настоятельную необходимость в которой испытывает человек любой национальности, если только он стремится к пониманию человечества» [Залыгин, 1982].

Глубоко гуманистическая тенденция пронизывает всю русскую классическую литературу, писатели шли через личностное отношение, порой сокровенное и интимное, обращаясь в своих произведениях к жизни народа и судьбам России. Достоевский в своей речи о Пушкине, составившей эпоху в истории русской критики, определил наследие Пушкина как подвиг в

становлении национального самосознания русского народа. Впервые было сказано о всемирном значении его творчества, которое проявилось через национальное. Чем более писатель национален в истинном смысле слова, тем ярче раскрывается его всемирность. Жанр русского классического романа с наибольшей полнотой отразил становление национального самосознания, важнейшей стороной которого была «всемирная отзывчивость» и связанный с нею многонациональный характер Российского государства. Не было бы этой национальной черты русского народа, не было бы, очевидно, и многонационального государства. Русская литература отразила синтез идеи всемирной отзывчивости с осознанием своей ответственности за судьбы человечества. Это стало чертой русского реализма. В традициях русской литературы современная многонациональная советская литература выявляет то главное, что помогло человеку выстоять в больших исторических испытаниях, внести частицу своего нравственного опыта в систему человеческих отношений. Литература обращается к «истокам», стремясь разглядеть в национальном характере то лучшее, «особенное», чем обогатила нация «общее», придав многоцветие исторической общности разных народов.

Проблема национального своеобразия впервые с методологической позиции возникает в эпоху романтизма и связана с крушением казавшихся прежде незыблемыми универсалий человеческого сознания, на которых строилось здание европейского классицизма. С позиции эстетики классицизма то или иное национальное проявление в литературе осознавалось как неправомерное отклонение от «общечеловеческой» нормы, которая имеет рациональное основание. Напротив, для романтиков характерно «осознание национальной целостности культуры», поскольку обращение романтиков к народному творчеству обогатило национальные литературы представлением о словесном воплощении в литературе общей народной души. Романтики всегда настаивали на существенном единстве национальной культуры. В русской литературной критике значение национального компонента стало предметом заинтересованного обсуждения в двадцатые годы XIX века. А.С. Пушкин в статье «О народности в литературе» указывает, что «народность есть «достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками – для других оно или не существует, или даже может

показаться пороком» [Пушкин, 1965].

В этой же статье указаны «параметры» народности, дающие «каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии»: это по Пушкину «климат, образ правления, вера». Различный у каждого народа «образ мыслей и чувствований» по-своему отражается в литературном творчестве. Следует сказать, что также и В.Г. Белинский утверждал и был убеждён в том, что «народности суть личности человечества». Это определяет «тайну» национального своеобразия: «тайна национальности каждого народа заключается в его, так сказать, манере понимать вещи». Очевидно, что и Пушкин, и Белинский сходятся в признании национального начала в литературе не как поверхностного местного колорита, а как выражения надисторического «духа народа». Писателями понятие национального воспринималось как общенародное. Заметим, что в словаре В.И. Даля народное и национальное вообще являются синонимами. В данном вопросе, как утверждают учёные, может возникнуть сложности понимания народного и национального, которые являются незаменимыми в любой национальной культуре, сохраняющими свой собственный вектор развития, определяемый не только внешними факторами и закономерностями, но и глубоко связанными с константами национального образа мира. Нравственные константы по-разному воплощаются в языках в зависимости от ценностных установок национальной культуры. Обоснованно подчёркивал В.В. Колесов: «Трудно судить о чужой ментальности, не укореняясь... в духовном пространстве данного языка» [Колесов, 1995]. Так, В.Н. Захаров указывает на необходимость создания особой научной дисциплины – этнопоэтики, которая «должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур, их место в мировом художественном процессе» [Захаров, 1995]. Именно такой подход является современным продолжением перспективных тенденций сравнительного литературоведения, противостоящих унификации национальных культур и литератур.

Литература начала XX века отличается многообразием форм художественного многонационального освоения мира, проявляющегося в динамике жанров. Романное мышление проникает и в повести, нередко романы именуется повестями, это, конечно делается условно, но все-таки

отражает представление о романе как о широком эпическом повествовании, а повесть выступает как часть большого эпического полотна.

Так, формулируя своё понимание искусства Л.Н. Толстой писал: «Я давно уже составил себе правило судить о всяком художественном произведении с трёх сторон: 1). Со стороны содержания – насколько важно и нужно для людей то, что с новой стороны открывается художником, потому что всякое произведение тогда только произведение искусства, когда оно открывает новую сторону жизни, 2). Насколько хороша, красива, соответственна содержанию форма произведения и 3). Насколько искренно отношение художника к своему предмету, т.е. насколько он верит в то, что изображает. Это последнее достоинство мне кажется всегда самым важным в художественном произведении. Оно даёт художественному произведению его силу, делает художественное произведение заразительным, т.е. вызывает в зрителе, слушателе и читателе те чувства, которые испытывает художник» [Толстой, 1954]. Именно Л.Н. Толстой впервые заявил о моральной ответственности писателя, он считал, что свобода даётся человеку для того, чтобы почувствовать, понять и осознать в себе человеческое начало, найти в себе человека. Это один из главных принципов литературного творчества писателя, на основе которого многие другие писатели продолжали создавать свои произведения независимо от национальности и эпохи.

Обращаясь к творчеству писателей другой эпохи – эпохи XX века следует отметить, что интеграция, глобализация и всемирность литературного процесса объединила многонациональные формации и общества. Среди других стран Казахстан всегда был многонационален, эта полиэтничность досталась людям ценою крови, массовых репрессий, многочисленных переселений, миллионных эвакуаций во время Великой Отечественной войны, всё это обусловило огромный социально-культурный синтез, который способствовал интернационализации и созданию многонациональной литературы. Несмотря на различные тяготы жизни и сложные проблемы, писатели и поэты оставались всегда в строю и осваивали новую жизнь в новых художественных произведениях.

Русскоязычная литература, созданная представителями самых разных национальностей, удивительна и неповторима. Многонациональная

литература Казахстана – неотъемлемая часть общелитературного процесса страны и в то же время самостоятельное творческое явление, которое оказывает существенное воздействие на духовную, моральную и социально-культурную атмосферу социума. Это немаловажный фактор, определяющий концентрацию взаимовлияния и взаимосвязей литератур, что является закономерной движущей силой эволюции и прогресса литературы. Большая плодотворная ветвь русской литературы функционирует давно и довольно активно. Истоки её обозначены следующими именами: Дм. Фурманов, Вс. Иванов, П. Васильев, Л. Мартынов, С. Марков, И. Шухов, А. Сорокин, И. Щеголихин, М. Симашко, Ю. Домбровский и многих других. Отталкиваясь от этих имён можно проследить «времен связующую нить» – развитие казахско-русских взаимосвязей, литературных взаимодействий. Справедливо замечено, что региональная русская литература, связанная корнями со славянской, способствовала развитию и укреплению литературных связей между Казахстаном и Россией на протяжении многовековой истории. Ведущие русские и двуязычные казахские авторы – носители не только национальной культуры, традиционного знания, но и знания общецивилизационного порядка. Поколение казахских и русскоязычных писателей XX века – это профессиональные литераторы, владеющие различными литературными методами, обладающие яркой индивидуально-авторской манерой письма. В своём творчестве они не замыкаются в узких национальных границах, выходят на уровень глобальных обобщений. Разветвлённая мифопоэтика, понятийно-смысловая многоплановость, углублённый психологизм, «поток сознания», автоматическое и орнаментальное письмо, документализм, монтаж, жанровые и межжанровые эксперименты – далеко неполный перечень характерных черт современной художественной казахстанской прозы.

Литературно-эстетические открытия, удачные жанрово-стилевые находки актуализируют вопросы выделения и научного обоснования новой парадигмы применительно к истории и современной теории, методологии казахской и русской литературы и искусства. В этой связи исследователи определяют, что «жанрово-стилевой подход к исследованию поэтики казахской прозы предопределён в «Эстетике словесного творчества» М. Бахтина». В настоящее время вопросы жанрово-видовых и стиливых

модификаций в современной казахской прозе выступают одними из важных и научно значимых направлений отечественного литературоведения. Новые литературные факты и события требуют их серьёзного критического анализа и всестороннего изучения в аспекте целостной художественной системы самого произведения и одновременно художественно-эстетической концепции автора.

Как никогда актуально углублённое исследование особенностей современной литературной ситуации в Казахстане – это и выявление, творческое осмысление, и анализ основных тенденций развития современной казахской прозы, как наиболее продуктивных прозаических жанров, изучение авторского стиля и соотношения традиции и новаторства и др. В этом же ряду вопросы билингвизма казахских авторов, сохранения национальной специфики, богатой художественной традиции казахской литературы, её способности воспринимать новое.

Многие произведения, написанные на хорошем русском языке, неся в себе чёткую национально-стилевую нагрузку, разрабатывают проблемы мирового, глобального порядка: императива совести, единение добрых, позитивных сил в борьбе против сил зла. Одновременно в произведениях авторов можно найти достаточно сильные внутренние смысловые и стилистические связи с великой русской культурой. Интересно, что это происходит часто на глубинном, подсознательном уровне, когда тот или иной мотив, образ наталкивают читателя на аналогичные компоненты иной, близкой и далёкой, русской культуры.

В казахской литературе распространён билингвизм, который претерпевает определённые изменения. Эта важная тема волнует литературную и культурную общественность Казахстана. Так, в г. Алматы на базе Национальной библиотеки под председательством известного публициста, писателя, филолога М.М. Ауэзова был проведён «круглый стол» с участием писателей, критиков, учёных, журналистов, общественных деятелей, где поднимались и обсуждались вопросы расширения мультикультурализма современной казахской литературы, поиска «выхода из инобытия» (М. Ауэзов).

Русский язык был и остаётся востребованным современной казахстанской культурой, социумом. Вместе с тем справедливы замечания ряда

деятелей, что русскоязычные казахские авторы должны стремиться к адекватному воспроизведению своих замыслов на родном казахском языке.

Следует привести высказанные на этом форуме слова профессора В. Бадикова: «Надо помнить, что нас сближает не только общая история, грустная и трагическая, нас сближает будущее». Казахские литераторы, блестяще владея, русским языком с его богатейшим арсеналом образности, метафоричности, создают национальные образы, выражают национальное самосознание сквозь призму общечеловеческих принципов и в контексте изменившейся глобальной ситуации». В утверждении гуманизма, в нравственном и духовном развитии человечества большую роль играют культура, наука, техника. В мировой литературе с древнейшей поры до наших дней многосторонне, художественно отражён социально-нравственный облик человека-творца. Проблемы места людей интеллектуального труда, связи интеллигенции с народом, с его наиболее важными вопросами бытия, восприятия и отражения жизни, природы, общества весьма актуальны в современном мире, и в литературе многих народов относятся к числу наименее изученных. В критике и литературоведении на территории бывшего СССР рассматривались в основном аспекты отношения интеллигенции к науке, производству, к своему долгу. Проблема взаимоотношения интеллигенции и народа во многом сглаживалась темой труда, показом жизни и быта так называемых простых людей, весьма отличающихся от интеллектуальной части населения. Это прослеживается в литературоведческих исследованиях, посвящённых творчеству казахских писателей М. Ауэзова, З. Шашкина, И. Есенберлина, А. Нурпеисова, М. Магауина, Д. Исабекова и других. Однако это не значит, что писатели в своих произведениях не отразили интеллигенцию как органическую часть народа, взаимосвязь и взаимодействие между ними. В лучших творениях мастеров слова показаны динамика жизни, многообразие мира, полнота бытия, богатство и ценность каждой личности, а также сложность и противоречивость времени.

Литературоведами России в различных аспектах исследованы проблемы интеллигенции, её нравственности в произведениях советских писателей XX века. В монографиях и статьях русских учёных также рассмотрены вопросы связи интеллигенции и народа. Многие критики наряду с обращением к

собственно социальным проблемам раскрыли события и факты эпохи, тесно связывая их с насущными вопросами жизни и запросами народа.

В исследованиях казахских литературоведов З. Ахметова, С. Кирабаева, Р. Бердибаева, Ш. Елеукунова, Г. Какишева, отражено, что литературное движение в 60-е годы прошлого столетия в своём развитии преодолел новый важный рубеж. «Для казахской литературы последних лет, – подчёркивал З. Ахметов, – характерна углублённая разработка темы морали, вопросов о нравственном совершенствовании человека» [Ахметов, 1978]. Данную мысль дальше развил Ш. Елеукунов: «Заострение нравственной проблематики становится эстетическим принципом современной казахской прозы. Оно принимает различные формы» [Елеукунов, 1968].

Писатели, по мнению критиков, стремятся обогатить содержание романа не нагромождением событий, а сосредоточением внимания на максимальном раскрытии духовного состояния, моральных качеств, внутреннего мира героя. Попытки художниками внести новые для казахской литературы принципы разработки характеров показывают отход писателей от широко бытовавшего в тот период простейшей формы повествования – естественно-событийной последовательности. Они рассматривают взаимосвязанность нравственных, социальных, экономических, экологических проблем с обликом современников.

Ю. Лотман считал, что литература и культура имеет не только коммуникативную, но и символическую природу, область культуры – это всегда область символизма. В каждой национальной культуре и литературе существует репертуар символов, возникших в ходе её развития. Яблоко у христианских народов – это символ раздора, оливковая ветвь – символ Мира. А.Ф. Лосев в качестве существенного признака «символа в настоящем смысле слова» называл предельную обобщённость: символ «есть такая образная конструкция, которая может указывать на любые области инобытия, и в том числе также на безграничные области» (1997). Человеческое мышление на ранних этапах существования отождествляло живое и неживое, придавало огромное значение аналогии, сходству, смежности, оперировало возникающими на их основе магическими символами и образами. Полет птиц, шелест листьев, плеск воды, встреча с тем или иным человеком или животным,

находка той или иной вещи – все это интерпретировалось как хорошие или дурные символы, жизнь или смерть. Символ (от греч. symbolic – знак, условный знак) – это вещь, награждённая смыслом. Например, дерево предметно, осязаемо и зримо, имеет форму, цвет. В русском национальном сознании *берёза* выступает символом родины, России. Вещные, визуально воспринимаемые признаки берёзы становятся деталями символического образа берёзы – России. Для казахов символом родины является *оку сан* – полынь. В этом символе ярко отражается национальная специфика концептуализации действительности: вещь, предмет концептуализируется в символический образ на основе признаков, воспринимаемых обонянием, а не зрением, как в случае с символом *берёза*. Действительно, полынь – внешне, с визуальной точки зрения невзрачное, неприметное растение. Главное в нем для казаха – запах полыни, передающий запах родных степей.

Помимо символов, в мире существует множество стереотипов, навязываемых нам культурой. Они усваиваются человеком в процессе его социализации с момента, когда он начинает идентифицировать себя с определённым этносом, определённой культурой и осознавать себя их элементом. Стереотипами регулируется деятельность, поведение, в их основе лежат нормативные представления человека, находящие отражение и в языке. К наиболее типичным способам выражения стереотипов в языке относятся предложения – высказывания, носящие обобщённый характер, например, *Нельзя обижать слабых, Поступай всегда по совести* и т.п. К стереотипам можно отнести и предубеждения – общепринятые устойчивые психологические установки, передающие отрицательное отношение общества к чему или кому-либо, причём это отношение не всегда носит объективный, обоснованный характер. Дж. Лакофф называл подобные стереотипы «быстрыми суждениями о людях», потому что они не требуют длительного периода для изучения характера человека, чтобы обоснованно судить о нем, а используют готовые, принятые в данном социуме мнения. Например, *Немцы сентиментальны, Японцы всегда скрытны, Все мужчины – эгоисты*. Стереотипы обусловлены не только этнически, но и социально. С.Е. Никитина приводит следующий пример социальной обусловленности стереотипов: о светлой лунной ночи представитель сельской, крестьянской культуры скажет *Светло так, что*

можно шить, в то время как городской житель, скорее всего в этой типовой ситуации скажет *Светло так, что можно читать*.

Эталоны, наряду со стереотипами, отражают национально-культурные нормативные представления о мире. Эталоны – результат национально-типического соизмерения действительности. В них образно измеряется мир. Чаще всего эталоны репрезентируются в языке в виде сравнений, например, в русском языке: *глуп как валенок, стройна как берёзка* и т.д. Устойчивое сравнение в киргизском языке *глаза как у коровы* отражает эталон красивых глаз у киргизов. У носителей русского языка подобное сравнение вызовет, скорее, обратную реакцию. В устойчивых сравнительных оборотах казахского языка *күмістей күлкі* «смех как серебро», *күмістей сыңғырлаған дауысы* «голос как звон серебра» в качестве национального эталона чистоты души, которая проявляется в звонком смехе, звонком голосе, выступает серебро.

Литературный процесс глубоко историчен, подвижен. Он вбирает в себя огромный общественный и нравственный потенциал, в нём содержится целый комплекс проблем, а также ожидания и надежды читателя. В художественной прозе XX века произошли значительные перемены в эстетическом и художественном познании, обновление её образно-повествовательных, аналитических и символических структур. Литература разных народов и лучшие её произведения всегда пытаются отразить то, к чему призывала лучшая часть человечества: сохранить всё то, что отобрано народом за всю свою историю и возведено им в степень уважения такие человеческие качества, которые являются эталонами для любого народа – честность, ответственность, совесть, доброта и человечность.

Современные писатели, независимо от их принадлежности к тому или иному направлению и течению, стремятся осмыслить судьбу гражданина в современном обществе. В большинстве своём они сами представляют собой тип европейского индивида, воспитанного в Азии, но живущего универсальными для информационной цивилизации проблемами и темами. Они живут в открытом мире без границ, сосуществуют в общем культурном пространстве с российскими и европейскими писателями, но все же творчество казахстанских романистов имеет свои особенности.

Литературный критик Н. Ровенский указывал на отличительное свойство русской литературы, влияние которой, несомненно, было оказано на творчество писателей и поэтов других народов: «Русский поэт, живущий среди другого народа, обладает тем дополнительным преимуществом, что может свободно пересекать этнографическую границу и становится обладателем ценнейших знаний, новых, ярких и поэтических образов» [Ровенский,1983]. Изучение литературного творчества основывается на познании действительности в форме художественного обобщения, сопровождается оценкой и интерпретацией. Литературное произведение любого автора является объектом познания, содержит в себе картину жизни определённой исторической эпохи, преображённую и обобщённую на основе художественного вымысла, субъективной авторской оценки в свете определённого эстетического идеала.

По мнению учёных, историзм сознания есть аксиологическая ориентация, стимулирующая эмоциональную и интеллектуальную деятельность при чтении художественного произведения. Дух эпохи оказывает прямое воздействие на человека, а историзм мышления констатирует и помогает понять события прошлого. Эпическому и драматическому писателю, так же как историку, нужно было вглядываться в факты, правильно их сопоставлять, отыскивая внутреннюю связь, отделяя главное от второстепенного, и делать лишь те выводы, которые подсказывает логика исторических ситуаций, их видоизменений, их взаимной обусловленности.

Историко-культурный подход направлен на освоение исторически изменчивой картины мира, данной культуры и образа самого человека различных культурных эпох. В этом вопросе неоценимую помощь оказывают художественные произведения, как подчёркивал М. Бахтин: «Первая задача – понять произведение так, как понимал его сам автор, не выходя за пределы его понимания. Вторая задача – использовать свою временную культурную вменяемость» [Бахтин, 1986].

В исторический период литературные связи Казахстана и России развивались на основе социально-экономического и культурного сближения двух народов. Передовые русские учёные, литераторы, исследователи, общественные деятели утверждали общественное мнение о казахском народе,

как о собрате русского народа. Они выступали защитниками поправленных прав людей кочевых аулов и стремились помочь им в преодолении социально-экономической и культурной отсталости, в приобщении к русской культуре. Одновременно с русскими солдатами и офицерами, прибывавшими в казахские степи, в Казахстан были посланы и первые переселенцы, представлявшие передовую русскую культуру, науку и литературу. Первые русские переселенцы прокладывали пути для демократической цивилизации, устанавливали дружеские контакты с местным населением, выступали защитниками интересов казахского и других народов, становились их лучшими друзьями. Особенно важную роль в развитии идейно-литературных связей играли сосланные в Казахстан участники освободительного движения. Лучшие представители русской интеллигенции, вынужденные исполнять служебные обязанности, связанные с проведением колонизации, также делали много и полезного для казахского народа. Передовая русская интеллигенция в прошлом принимала активное участие в вопросах социально-экономического сближения окраинных народов и России, что имеет большое прогрессивное значение для развития национально-культурных отношений.

Необходимо отметить, что национальная картина мира в современной литературе Казахстана как особый феномен, отражающий духовность народа, его культурные традиции, особенности казахского и русского менталитета, взаимовлияния и взаимообогащения народов, получила как теоретическое, так и практическое осмысление в коллективной монографии «Национальный космос в контексте современной литературы Казахстана» [Абишева, 2010]. Авторы коллективной монографии исследуют социальные, нравственно-философские и другие аспекты национальной жизни народов. Исследователь У.К. Абишева указывает, что главное – это национальный Космос и образы Мира в Слове художника, где стержневыми выступают проблемы миропонимания, диалектики духовности/бездуховности в современной жизни. Анализ в плане жанрово-тематическом и стилистическом позволяет учёным воссоздать художественный мир прозы Казахстана в её развитии и становлении с середины двадцатого века до настоящего времени. Русская литература, связанная корнями со славянской, способствовала развитию и взаимообогащению литературных связей между Казахстаном и Россией. Уже к

началу 20-х годов XX века выявляются два направления в подходе к казахской тематике: созерцательное отношение к историческому прошлому казахского народа, стремление идеализации старины в традиционно-романтическом плане и прогрессивное восприятие и освещение всего, что связано с жизнью казахов. Литературоведение и критика Казахстана постоянно обращаются к проблемам развития русской литературы республики как составной части современного литературного процесса.

Список литературы

Абишева У.К. Национальный космос в контексте современной литературы Казахстана. Алматы, 2010.

Ахметов З.А. Современное развитие и традиции казахской литературы. Алма-Ата, 1978.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Елеукенов Ш.Р. Казахский роман и современность. Алма-Ата, 1968.

Залыгин С. Журнал «Новый мир». №7, 1982.

Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX вв. Петрозаводск, 1994.

Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.8. М.,1965.

Ровенский Н. Портреты, обзоры, рецензии, литературные портреты. Алма-Ата, 1983.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: Юбил. изд. М.,1954.

Бочарова М. В.
Северо-Кавказский федеральный университет
г. Ставрополь (Россия)

Bocharova M.
North-Caucasus Federal University
Stavropol (Russia)

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗОВЫХ
ЭПИТЕТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА ДЖ. ФАУЛЗА
«КОЛЛЕКЦИОНЕР»)

PHRASE EPITHETS: LINGUO-PRAGMATIC PECULIARITIES OF
TRANSLATION (BASED ON TRANSLATION VERSIONS OF “COLLECTOR”
AFTER J. FOWLES)

В статье рассматривается специфика фразового эпитета в английском языке. Проводится анализ специфики воспроизведения данного вида эпитета в англо-русском переводе. В результате анализа выявлены коммуникативно-прагматические принципы перевода рассматриваемого явления.

The article presents the peculiarities of phrase epithets in English. It highlights the analysis of English-Russian translation and communication-pragmatic translation aspects of the phenomenon in question.

Ключевые слова: фразовый эпитет, дискурс, оценочность, переводческий прием, цитата, эмфатизация.

Key words: phrase epithet, discourse, evaluation, translating method, quotation, emphasisation.

Одной из характерных особенностей современного английского языка являются определения, имеющие сложный структурный характер. Сюда относятся так называемые атрибутивные группы, фразовые определения, которые по существу являются особым структурным видом эпитета. Проблема изучения эпитета как средства выражения личного, оценочного компонента в высказывании, является одной из ведущих проблем стилистики, что подчеркивает важность определения способов наиболее адекватного перевода данного стилистического приема.

Эпитет как разновидность тропа изучали многие выдающиеся филологи и лингвисты: В.М. Жирмунский (1977), И.Р. Гальперин (1981), А.Н. Веселовский (1989), И.В. Арнольд (1981), Б.В. Томашевский (1959), М.Д. Кузнецов, Ю.М. Скребнев (1960), И.Б. Голуб (2006) и др.

По утверждению В.М. Жирмунского, в лингвистике существует два подхода к рассмотрению эпитета. Так, эпитет может рассматриваться с широких и узких позиций. В широком смысле в роли эпитета выступает любое определение, выделяющее в понятии существенный признак. А под эпитетом в узком смысле слова выступает определение, которое не вводит нового признака, но усиливает признак, уже заключенный в какой-либо степени в определяемом слове [Жирмунский, 1977, с. 355].

Широкая трактовка эпитета характерна для германистов (И.В. Арнольд, Ю.М. Скребнев и др.), что представляется вполне логичным, поскольку в английском языке имена прилагательные не вполне четко противопоставлены по своим морфологическим признакам иной частеречной принадлежности.

Так, И.В. Арнольд, определяет эпитет как лексико-синтаксический троп, выполняющий функцию определения, обстоятельства или обращения, отличающийся необязательно переносным характером выражения его слова и обязательным наличием эмотивных и экспрессивных коннотаций, выражающих отношение автора к предмету [Арнольд, 2002, с. 104].

В свою очередь, И.Р. Гальперин под эпитетом понимает «стилистический приём, основанный на взаимодействии предметно-логического и контекстуального значений в определении, которое может быть выражено словом, фразой или даже предложением». Это определение раскрывает индивидуальное эмоционально-окрашенное отношение автора к предмету, который он описывает [Гальперин, 1981, с. 167].

И.Р. Гальперин классифицирует эпитеты по трём принципам:

1) по принципу закреплённости-незакреплённости (*здесь и далее подчеркнуто мной – М.Б.*) эпитеты делятся на языковые (language epithets) и речевые (speech epithets). К языковым (стёртым) эпитетам И.Р. Гальперин относит словосочетания, ставшие стабильными литературными клише, в готовом виде воспроизводимые в речи. Иначе они называются постоянными,

фиксированными (fixed) эпитетами. Речевыми (свежими) являются оригинальные эпитеты, созданные автором текста.

2) по семантическому принципу эпитеты делятся на ассоциированные и неассоциированные. Ассоциированные эпитеты указывают на признаки, присущие предмету по самой его природе. Неассоциированные эпитеты характеризуют предмет, добавляя сходство, которое может быть присуще ему только в данных, обрисованных в тексте обстоятельствах.

3) согласно морфолого-синтаксическому принципу в английском языке выделяется ряд структурных моделей эпитета:

- A+N – наиболее часто встречаемая модель, в которой эпитет выражен прилагательным в препозиции. Прилагательное может быть простым и сложным. Сложные прилагательные могут быть обособлены с помощью суффикса -ed или построенные с помощью слова like.

- Participle+N – вторая по распространённости модель, в которой эпитет выражен причастием. Эпитет может быть выражен: причастием настоящего времени, причастие прошедшего времени.

- В роли эпитета может выступать существительное, употреблённое в функции определения, N+N. Эпитет, состоящий из двух существительных, может быть объединен с помощью of-phrase. Такие эпитеты И.Р. Гальперин называет “reversed epithet” «обратным эпитетом».

- Adv.+A – модель эпитета, характерная для языка художественной литературы, эпитет выражен наречием при прилагательном.

- В качестве эпитета могут употребляться словосочетания и целые предложения, стягиваемые в одно слово с помощью дефисов, так называемых hyphenated phrases. И.Р. Гальперин предлагает для этого структурного типа термин фразовый эпитет (phrase epithet).

Фразовые эпитеты представляют для нас наибольший интерес. Данный вид эпитета все чаще используется в современном английском языке и не только в художественной литературе, но и в публицистике. Таким образом, возникает необходимость более детального исследования данного тропа. Фразовые эпитеты почти всегда являются речевыми. Создание подобной речевой формации является контекстуально обусловленным и определяется интенцией максимально точной номинации уникального признака. Именно

уникальность структурных и семантических характеристик фразовых эпитетов ставит перед переводчиком задачу поиска приемов наиболее адекватного воспроизведения их семантического потенциала.

В теории перевода, как правило, рассматриваются способы перевода атрибутивных сочетаний. Так, некоторые рекомендации по переводу данных единиц предлагает Л.И. Сапогова [Сапогова, 2009, с. 80]:

- 1) почти всегда атрибут можно перевести как цитату;
- 2) содержание атрибута можно передать с помощью целостного переосмысления;
- 3) более развёрнутые атрибуты подтипа атрибутивных сочетаний с внутренней предикацией переводятся с добавлением к определяемому слову дополнительных слов, как бы вводящих атрибут в ткань сочетания.

Заметим, что способы передачи непосредственно фразовых эпитетов не рассматриваются. Поэтому мы посчитали целесообразным обратиться к практическому материалу, проанализировать и установить способы передачи фразовых эпитетов, используемых разными переводчиками.

В качестве источника практического материала для анализа потенциально возможных способов перевода фразовых эпитетов был выбран роман Джона Фаулза «Коллекционер» и его переводы на русский язык, сделанные А.В. Михеевым в 1989 году и И.М. Бессмертной, издание 2003 года. Данный роман насыщен фразовыми эпитетами. Выбранные переводы отличаются по своей эмоциональной выразительности. В целом перевод И.М. Бессмертной более эмфатичен, изобилует просторечиями. Перевод А.В. Михеева лаконичный и эмоционально сдержанный.

Роман «Коллекционер» состоит из двух частей: повествование рассказчика Клегга и повествование персонажа Миранды. Речь автора в произведении отсутствует, он занимает позицию стороннего наблюдателя. Таким образом, значительная роль в повествовании отводится диалогам и внутренним монологам героев, чьи реплики насыщены исследуемыми фразовыми эпитетами.

Внутренняя пустота Клегга проявляется в его способности выражать мысли при помощи безликих фраз, клише и избитых выражений. Лексика, используемая героем, также лишена какой бы то ни было выразительности – в

ней нет метафоричности и образности, за исключением описаний Миранды, где героиня пытается подражать высокому стилю, используя в своей речи возвышенную лексику. Употребление разговорной лексики также свидетельствует о духовной ограниченности, отсталости и несовременности героя.

Миранда является полной противоположностью Клегга. Её артистизм, творческая натура проявляется в той лёгкости, с какой девушка выражает свои мысли. Речь героини насыщена разнообразными стилистическими приёмами и изобразительно-выразительными средствами языка, что свидетельствует о многогранности личности. Эпитеты в высказываниях героини также акцентируют её образованность, ум и богатый словарный запас.

Таким образом, общий объем выбранных нами фразовых эпитетов составил 65 контекстов. Сравнительный анализ оригинала и переводов соответствующих контекстов позволил выявить следующие способы представления перевода фразовых эпитетов:

1) *полная предикация*: «I didn't answer their thank-you letters» – «письма с благодарностями».

2) *цитата*, то есть использование при переводе соответствующих ксенопоказателей: «The prisoner-warder idea was silly» – «Принцип «заключенный – тюремщик» – глупость».

3) *целостное переосмысление* – перефразирование переводимого речевого отрезка, иногда очень далекими от слов подлинника значениями: «a la-di-da voice» – «голосок жеманный, фу ты ну ты, тон барский».

4) *сравнительная конструкция*, то есть перевод с использованием соответствующих сравнительных моделей: «tea-cosy hats» – «неизменная бежевая шляпка, как колпак на чайник».

5) *скрытое сравнение* – передача значения предмета или явления на основе сходства: «in a very matter-of-fact voice» – «таким равнодушным тоном. Холодным».

6) *эмфатизация*, то есть усиление или нейтрализация передаваемого потенциала текста с помощью соответствующих эмоционально-выразительных средств: «she had a one-track mind» – «Шарики у нее в одну только сторону крутиться могли».

7) комбинация целостного переосмысления и цитаты, то есть сочетание при переводе приема перефразирования текста и использование ксенопоказателей цитаты, кавычек: «The mock-humble. Ever-so-sorry» – «Притворно униженный. «Всегда пожалуйста» или «простите великодушно».

8) комбинация цитаты и сравнения, передача значения высказывания с помощью сравнительной конструкции и кавычек: «And she gave him her stupid listen-to-me laugh – И она издала глупенький смешок, словно бы говоря: «Ах, послушать только, что я такое мелю!»

9) условность понятия – передача замысла автора с помощью некоего сходства или отношения предмета к определенным явлениям: «...when Caroline was going on in her silly woman-of-advanced-ideas way» – «когда Кэролайн снова заговорила в этом дурацком стиле «женщины весьма передовых взглядов».

В результате анализа нами было установлено, что оба переводчика чаще всего использовали такие способы перевода фразовых эпитетов, как комбинация цитаты и сравнения, сравнительная конструкция и полная предикация. Приведем примеры контекстов, демонстрирующих реализацию разных приемов при переводе, и охарактеризуем специфику воспроизведения их семантики.

Обратимся к следующему контексту:

«He was one of those ever-so-cultured types with a plum in their throat. The I'm-a-friend-of-the-boss type» (здесь и далее подчеркнуто мной, курсив мой – М.Б.)

«...из тех, у кого мохнатая лапа имеется там, наверху»

(И.М. Бессмертная)

«Этакий «мы с моим боссом...» - что-то в таком роде» (А.В. Михеев).

И.М. Бессмертная полностью переосмысливает данный эпитет. Переводчица использует устойчивое выражение «мохнатая лапа», знакомый и близкий носителям русского языка, тем самым придавая эпитету культуроспецифичную коннотацию. Михеев в своем переводе реализует сравнительную конструкцию «что-то в таком роде» как средство зарисовки образа, а использование ксенопоказателей цитаты, т.е. кавычек, обеспечивает стилистическую близость к оригиналу.

Различия в подходе наблюдаются и в последующих контекстах:

«*He was sitting still looking at the book with an Art-Is-Wonderful air about him (for my benefit, not because he believes it, of course)*»

«Он сидел очень тихо, уставившись в альбом и всем своим видом демонстрируя, что ИСКУССТВО ПРЕКРАСНО (ради моего удовольствия, а вовсе не потому, что сам так думает)» (И.М. Бессмертная)

«Он сидел тихо, глядел в альбом с выражением восхищения на лице (для меня старался, естественно)» (А.В. Михеев)

В переводе И.М. Бессмертной реализован прием эмфатизации. Эффект усиления был достигнут с помощью написания перевода эпитета *Art-Is-Wonderful air* заглавными буквами. Текст, написанный таким образом обычно трудно быстро прочесть. Переводчица использует прием, обеспечивающий привлечение внимания и подчеркивание сказанного. При этом данное написание заглавными буквами отражает общую иронию всего высказывания. Михеев же переосмыслил данный эпитет и для отражения реального отношения героя к живописи обратился к переводу последующего уточнения, представленного в скобках.

«*...an extraordinary selection of week-end-in-Paris underwear, night-dresses*».

«*...набор белья, как для поездки с кем-нибудь в Париж на выходные...*» (И.М. Бессмертная),

«*...подбор нижнего – «в Париж на субботу и воскресенье» – белья...*» (А.В. Михеев).

Первый вариант перевода передает замысел автора с помощью сравнительной конструкции. Использование же Михеевым цитаты говорит о стремлении переводчика придать больше выразительности тексту перевода и как можно более точно донести слова автора читателю.

«*When you use words. The gaps. The way Caliban sits, a certain bowed-and-upright posture – why?*»

«*Описания. Какая пропасть между мыслью и словом. Например, как Калибан сидит – очень напряженно и слегка пригнувшись. Почему так?*» (И.М. Бессмертная).

«*В отношении словесного выражения мыслей. Слабость слов, их недостаточность. Вот то, как Калибан сидит – будто аршин проглотил. Что это?*» (А.В. Михеев).

В данном примере Бессмертная использует приём переосмысления, просто характеризуя состояние и положение Клегга. Михеев передал этот образ с помощью скрытого сравнения, при этом употребив исконно русское устойчивое выражение *проглотить аршин*. Таким образом, перевод Михеева для носителя русского языка является более «иллюстрированным» и доступным.

Фразовый эпитет обладает значительным потенциалом для передачи нюансов эмоционального состояния. В следующих примерах переводчики работали с экспрессивным компонентом эпитета.

«That stupid clumsy frightened-of-being-soft English male cruelty to the truth».

«Ох, эта идиотская, неуклюжая, типично английская жестокость: настоящий мужчина не должен ни в чем проявлять слабость». (И.М. Бессмертная).

«Эта вечная тупоголовая, неуклюжая, чисто английская боязнь показаться мягким и добрым» (А.В. Михеев).

В переводе И.М. Бессмертной наблюдается значительная эмфатизация. Такие слова и выражения, как «*идиотская*», «*типично английская жестокость*», «*не должен проявлять слабость*», категоричны и эмоционально выразительны и поддерживают общий стиль перевода. В то время как А.В. Михеев при переводе лаконичен и стремится больше к нейтрализации. Сочетая в одном предложении такие слова, как «*тупоголовая*», «*неуклюжая*» и «*мягким*», «*добрым*», он создаёт менее экспрессивно эмоциональное впечатление о персонаже.

«You're no better than a common street-woman, I said»

«Чем вы лучше уличной девки?» (И.М. Бессмертная).

«Вы не лучше, чем обыкновенная уличная женщина, сказал я» (А.В. Михеев).

Оба переводчика в данном случае реализовали способ полной предикации. Но необходимо отметить, что Бессмертная использовала разговорную, стилистически сниженную лексику «*девка*», а Михеев употребил нейтральное слово «*женщина*». Расхождения при выборе лексем обусловлено интенцией поддержания общего стиля каждого из переводов.

Сходство при выборе способов перевода фразовых эпитетов наблюдается и в следующих контекстах:

«*Like Peter Catesby, I said. (That was the young man with the sports car's name.)*
"Him! I haven't seen him for months. He's just a middle-class suburban oaf».

«Ну да, вроде Питера Кэйтсби, говорю. (Это тот парень со спортивной машиной.) – Питер? Да я его не видела уже целую вечность. Он просто богатый балбес и мещанин к тому же» (И.М. Бессмертная).

«Как Питер Катесби, сказал я (это был тот парень со спортивным автомобилем). «О ком вы?! Я не видела его уже несколько месяцев. Это элементарный буржуа с окраины, неотёсанный как пень» (А.В. Михеев).

Для передачи характеристики персонажа Бессмертная использовала лексику, вписывающуюся в рамку российских реалий определённой эпохи «мещанин». Михеев же в своём переводе использовал западноевропейский эквивалент «буржуа». При этом оба переводчика добавили нотку просторечия: «балбес» и «неотёсанный как пень», соответственно. В данном контексте и Михеев, и Бессмертная реализовали приём целостного переосмысления.

«*He annoyed me, it didn't mean anything to him, and he made it clear in his miserable I'll-take-your-word-for-it way that he didn't really care. To him I was just a child amusing herself».*

«Он меня разозлил: все это ничего для него не значит, и он дал мне понять своим униженным «Поверю вам на слово», что на самом-то деле все это его ничуть не интересует. А я для него – дитя малое» (И.М. Бессмертная).

«В конце концов, он утомил меня. Все это для него ничего не значило. По одному этому его ужасному «я полагаюсь на ваш выбор» уже было видно, что ему все безразлично. Для него я всего-навсего забавляющееся дитя» (А.В. Михеев).

В данном контексте Миранда пытается передать отношение Клегга к живописи. Бессмертная и Михеев для передачи поведения главного героя использовали цитирование, тем самым максимально приближая читателя к словам автора.

Таким образом, можно сделать вывод, что фразовые эпитеты допускают множественность интерпретации, их истинный смысл может быть выведен только на основании микро- или даже макроконтраста. Соответственно,

перевод фразовых эпитетов в значительной степени зависит от стилевой принадлежности самого оригинала текста, а также степени выразительности этих эпитетов.

У обоих переводчиков наблюдается совпадение при выборе способ перевода отдельных фразовых эпитетов. Это может говорить о системном подходе к переводу определённых многочленных атрибутов. В целом можно отметить, что расхождения при выборе способов перевода фразовых эпитетов обусловлены образно-эмоциональным восприятием оригинала переводчиком.

Особый интерес представляют контексты, в которых фразовые эпитеты передаются как цитата, хотя в тексте оригинала они не имеют соответствующих ксенопоказателей. В анализируемых переводах наиболее часто встречался именно приём цитирования. С помощью формальных признаков цитаты, Бессмертная и Михеев стремились передать эпитеты, которые были представлены как слова автора или главного героя. Очевидно, что это влечёт изменение прагматического потенциала эпитета: цитата представляет аутентичную речь, реализует функцию авторизации, нежели просто служит созданию некоего образа.

В целом анализ переводов позволяет не только расширить представление о номенклатуре наиболее адекватных способов перевода для каждого из типов фразовых эпитетов, но и установить некоторые закономерности, характерные для каждого из них. Использование выявленных приёмов может быть экстраполировано на перевод фразовых эпитетов в других видах дискурса.

Список литературы

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. М.: Флинта. Наука, 2002. 317 С.

Бессмертная И.М. Перевод романа Фаулза Дж. «Коллекционер». М., 2003.

Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. М., 1981.

Бирманский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Издательство / В.М. Жирмунский. Л.: Наука, 1977. 322 С.

Михеев А.В. Перевод романа Фаулза Дж. «Коллекционер». М., 1989.

Сапогова Л.И. Переводческое преобразование текста: учебное пособие / Л.И. Сапогова.
М.: Флинта. Наука, 2009. 320 С.

Зырянова Н.А.
Самарская государственная академия культуры и искусств
г. Самара (Россия)

Zyryanova N.
Samara State Academy of Culture and Arts
Samara (Russia)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Р.М.РИЛЬКЕ „VON DEN FONTÄNEN“ И ЕГО РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ)

LINGUISTIC AND STYLISTIC ASPECTS OF POETIC TEXT TRANSLATION (ON A MATERIAL POEM OF R.M. RILKE “ABOUT THE FOUNTAINS” AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS)

Данная статья посвящена проблеме перевода поэтического текста. Вопрос о точности и верности поэтического перевода был и остаётся актуальным в теории и практике перевода. В отличие от прозы, поэзия по-другому отражает действительность, главным объектом которой является внутренний мир автора, его восприятие и эмоциональное отношение к жизни. Поэтому особое внимание уделяется переводу поэтических произведений и возникающим трудностям в передаче поэтического текста на другой язык. Проблема переводческой адекватности, которая часто рассматривается как воссоздание коммуникативной и информационной близости текстов, является ключевым вопросом современной лингвистической теории.

Given article is devoted to a problem of translation of the poetic text. The question on accuracy and correctness of poetic translation was and remains actually in the translational theory. The poetry reflects the validity differently than prose against. The most important is here a private world of the author, his understanding and the emotional attitude communications by a life. Therefore the especial attention to translation of poetic factories and arising difficulties is given by transfer of the poetic text on other language. The problem of translation adequacy, which is often viewed as reconstruction of communicational and informational agreement of the two texts, is pointed out to be the key problem of the modern linguistic theory of translation.

Ключевые слова: поэзия, стихотворение, поэтический текст, оригинал, перевод

Key words: the poetry, a poem, a poetic text, an original text, a translation

Перевод – это процесс межъязыковых преобразований, направленный на получение результата, нового текста, равноценного оригиналу в функциональном, структурном и содержательном отношении. Это творческая деятельность, осуществляемая переводчиком, основывается на законах и принципах науки о переводе.

Один из основателей отечественного переводоведения А.В. Федоров, для которого материалом анализа «служат только тексты как речевые произведения», считает, что перевод означает умение «выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров, 2002, с. 10]. Комиссаров В. Н. определяет перевод как «вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передаётся на другой язык путём создания на этом языке коммуникативно равноценного текста» [Комиссаров, 2004].

Наиболее целесообразным мы считаем определение перевода как вызванного общественной необходимостью процесса и результата передачи информации (содержания), выраженных в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного (адекватного) текста на другом языке. Под информацией здесь понимается все содержание, все сведения как смыслового, так и стилистического, эмоционально-экспрессивного, функционального, оценочного, жанрового, эстетического характера, закреплённые в оригинальном тексте и подлежащие передаче при переводе на другой язык. Под эквивалентностью (адекватностью) понимается наиболее полное и идентичное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия оригинала и всей разнообразной информации, содержащейся в тексте подлинника. Эквивалентность перевода оригиналу понятие относительное. Её уровень и специфика меняются в зависимости от способа и жанра переводного текста [Виноградов, 2001, с. 10-12].

Перевод художественного произведения – это сложная деятельность по созданию на переводящем языке нового речевого произведения, которое оказывает эстетическое воздействие на переводимую речь. Огромную сложность представляет работа с поэтическим текстом. Она требует от переводчика знания сопоставляемых языков и определённых умений и навыков. Поэзия характеризуется большей обобщённостью при неизмеримо меньшем объёме. Поэзия объединяет в единое целое композицию,

лексические, грамматические, фонетические и метрические средства, с помощью которых формируется идейный смысл поэтического произведения.

Перевести стихотворение средствами другого языка означает создать такое произведение, которое было бы максимально похоже на оригинал. Переводчику приходится преодолевать трудности в сохранении смысла, в правильном выборе слов и синтаксических конструкций, в передаче образности языковых единиц, в сохранении ритмического рисунка оригинала.

Перевод стихотворений Р.М. Рильке представляет трудность для переводчиков, так как его поэзия отличается символизмом, возвышенностью, глубокой образностью. Поэзия Рильке отличается предметностью, которая достигается доминированием существительных. Они несут основную семантическую нагрузку, определяя поэтический мир стихотворений. Средствами образности выступают прилагательные, которые в основном стоят в препозиции, характерной для системы немецкого языка.

Стихотворения Р.М. Рильке характеризуются ритмичностью и динамичностью. Звучность и эмоциональную динамику стихам придают фонетические средства (звуковые повторы, аллитерация), сложная поэтическая техника (строчные переносы, нарушение структуры немецкого предложения, сравнения, метафоры), экспрессивный синтаксис (анафорические повторы, вопросительные предложения, которые несут риторический характер, сложные конструкции предложений).

Передача одновременно внешней простоты и внутренней символичности и возвышенности, динамично организованной архитектоники, интонационного и смыслового единства является трудной задачей для переводчиков.

Стихотворение «Von den Fontänen» одно из самых известных стихотворений поэта, созданное в начале его творческого пути – в ноябре 1900г. Оно входит в сборник «Книга картин», где уже проявляется предметность поэзии Рильке. Предметы здесь даны в их движении и изменении. Динамичны и самый путь постижения предметов, которым идёт автор, и вся поэтика многих стихотворений, в том числе и представленного.

Это стихотворение имеет необычную композицию. Оно состоит из сорок одной строки, которые поделены на четыре строфы, причём в каждой строфе

разное количество строк: в первой – пять, во второй – девять, в третьей – двенадцать и в последней – пятнадцать.

Стихотворение написано пятистопным ямбом. Некоторые строки имеют безударные слоги, следующие за последней стопой, – клаузулы которые в счёте стоп не учитываются.

Что касается рифмы, то в стихотворении используются строгие конечные рифмы в различных способах рифмовки (*Fontänen – Tränen, reichen – ohnegleichen – weichen – bleichen, geschah – wiedersah usw*). Также наблюдается преобладание женских рифм (*wandten – brannten – Uferkanten, oben – eingewoben – loben usw*) при сравнительно меньшем количестве мужских (*Glas – vergaß, Melodie – sie usw*). По звуковому составу почти все рифмы точные, т. е. с совпадением ударных гласных и всех последующих звуков.

Все это говорит о строгой и чёткой композиции стихотворения. Поэтому при переводе очень важно воссоздать метро-ритмическую организацию оригинала.

Главная тема стихотворения – противопоставление взлётов и падений в жизни лирического героя – подчёркивается частыми звуковыми повторами. При помощи аллитерации, повтора согласных звуков [f] и противоположного ему [v], автор усиливает это противопоставление. Например, повтор звука [f] в словах «*Fontänen*», «*ergriffen*», «*vergeudetete*», «*vergaß*», «*vielen*», «*Aufstieg*», «*fremden*» usw и повтор звука [v] в словах «*weiß*», «*wie*», «*weichen*», «*wirklich*», «*werden*», «*welche*», «*Wasser*» usw.

Это стихотворение, как и многие другие стихи, входящие в сборник «Книга картин», отличается предметной динамичностью, которая определяется доминированием существительных и глаголов. При частичном речевом анализе стихотворения было выявлено:

- существительных – 47, при этом слова *Fontänen, Himmel, Teichen, Welt, Stern* повторяются дважды;
- прилагательных – 14 (если не учитывать отглагольные прилагательные);
- глаголов – 40, при этом глагол *vergaß* повторяется трижды, а глагол *weiß* дважды.

Объединяясь в тематические ряды, они семантически структурируют тему данного стихотворения: противопоставление верха (*Himmel Hände reichen zu vielen Dingen / im Aufstieg alter Parke / steigenden Gesängen, die überfließen aus der Melodie*) и низа (*die Last des Niederfalles / von Zweigen, die sich abwärts wandten / von Stimmen, die mit kleiner Flamme brannten*).

Итак, внутренний мир стихотворения определяется предметами и действиями, причём количественно преобладают абстрактные существительные (*Fontänen, Tränen, Träumen, Stimme, Flamme, Wasser, Großheit, Melodie, Himmel, Gott, Welt usw*) и глаголы – это глаголы восприятия (*fühlen, wiedersehen, sehen, anschauen*) или движения (*erreichen, gehen, wanden, treten*), либо передающие, подразумевающие движение (*wiederholen, reichen, überfließen, sich verschließen*). Поэтому эту предметность и динамичность нужно было сохранить и в переводах.

Средствами образности и наглядности выступают прилагательные и отглагольные прилагательные, которые уступают в количественном отношении существительным. Они занимают типичную для немецкого языка препозицию («*großen Träumen*», «*alter Parke*», «*westlichen Wäldern*»), лишь одно прилагательное стоит в постпозиции («*Großheit ohnegleichen*»). Они служат средством изобразительности, сохраняют ритмичность в стихотворении, а также несут особую семантическую нагрузку. Например, при помощи прилагательных автор охарактеризовал существительное «*der Gesang*» («*in bleichen aus fremden Mädchen steigenden Gesängen*»).

В стихотворении наблюдается чередование настоящего и прошедшего времени (*weiß – vergeudete – vergaß, sah – überfließen, erinnern – geschah usw*). Оно служит для приближения читателя к событиям, для создания образной картины происходящего.

В качестве лирического героя выступает личное местоимение в первом лице единственного числа «*ich*», которое автор употребил в стихотворении восемь раз. Но в последней строфе автор обобщает образ при помощи личного местоимения первого лица множественного числа «*wir*» в разных падежах, а также при помощи притяжательного местоимения «*unsere*».

Рассмотрим подробнее организацию стихотворения. Первая строфа состоит из двух предложений. Первое – это простое предложение, осложнённое

приложением, которое характеризует существительное *Fontänen*. Оно состоит из препозитивного определения и двух существительных («*den unbegreiflichen Bäumen aus Glas*»). Автор сравнивает здесь фонтаны с твёрдым предметом – стеклом.

Второе предложение первой строфы – это сложноподчинённое предложение. В главном предложении автор использует конъюнктив для выражения не вполне уверенного действия. Придаточное определительное предложение относится к существительному *Tränen* и осложнено однородными сказуемыми и обособленным причастным оборотом, которые придают ритмичность высказыванию. При помощи варьирующего повтора наречия «*einmal*» автор подчёркивает неожиданность действия. Для придания образности использует сравнение «*wie von eignen Tränen*».

Вторая строфа состоит из двух вопросительных предложений, которые можно рассматривать как риторические вопросы. Лирический герой обращается сам к себе, но ответов не даёт. Первое предложение – это сложноподчинённое дополнительное предложение. Автор нарушает здесь структуру немецкого предложения и ставит глагол в придаточном предложении на третье место для сохранения рифмы и выделения других членов. При помощи метафоры автор придаёт небу одушевлённые черты «*Himmel Hände reichen*».

Второе предложение – это сложноподчинённое предложение с двумя придаточными. Главное предложение осложнено однородными распространёнными обстоятельствами места, которые выражены существительными с предлогами. Также существительные определяются прилагательными. Например, существительное «*die Gesänge*» охарактеризовано при помощи распространённого определения («*in bleichen aus fremden Mädchen steigenden Gesängen*»), придаточного определительного («*die überfließen aus der Melodie und wirklich werden*») и придаточного сравнительного («*als müßten sie sich spiegeln in den aufgetanen Teichen*»). Это описание метафорично. Песни девушек становятся более реальными, приобретают форму, объём, образы постоянно сменяют друг друга. Главное слово *der Aufstieg* (подъём, вознесение) подчёркивает тему этой строфы. Также строчные переносы (анжамбеманы)

поддерживают тему возвышения, взлёта и придают образность стихотворению.

Третья строфа распадается на два сложных предложения. В первом предложении можно увидеть ключевые слова этой строфы «*die Last des Niederfalles*» (тяжесть падения), которые передают главную тему этой строфы. В конце первого двуступишия автор использует тире для замедления речи и создания эмоциональной паузы. Второе предложение содержит однородные дополнения, которые распространены придаточными определительными. Главные слова – «*Zweigen*», «*Stimmen*», «*Teichen*», «*Abendhimmeln*» – носят абстрактный характер. Строчные переносы подчёркивают противоположную второй строфе тему падения. Однородные сказуемые («*traten*», «*wölbten*», «*dunkelten*», «*taten*») придают ритмичность и динамичность. Описание носит метафорический характер, так как для создания образности автор использует здесь метафоры («*von verkohlten Wäldern*», «*von Stimmen, die mit kleiner Flamme brannten*»). Многоточие в конце строфы служит для замены глагола-связки *haben* и для создания эффекта обрыва мысли.

Четвертая строфа начинается с анафорического повтора второй строфы («*Vergaß ich denn*»). Таким образом автор возвращается к теме второй строфы. Для создания возвышенности и ритмичности автор использует здесь строчные переносы, различные синтаксические конструкции: вопросительные предложения, простые и сложные предложения. Для создания эффекта незаконченности высказывания автор ставит в конце стихотворения многоточие.

Итак, задача, стоявшая перед переводчиками, была сложна, потому что передать эту возвышенную поэтическую космогонию средствами другого языка, конечно, нелегко. Не менее трудная задача – одновременно воссоздать и богатейшую музыкальную фактуру стиха Рильке. Также нужно передать ритмический, лексический, грамматический рисунок оригинала, а главное сохранить смысловое содержание стихотворения.

Перевод, выполненный А. Карельским, достаточно близок к оригиналу, как в смысловом, так и в структурном отношении. Переводчик сохранил композицию оригинала. В переводе были соблюдены размер (пятистопный ямб с безударными слогами в некоторых строках), строгие конечные рифмы в

различных способах рифмовки, преобладание женских рифм (*фонтанов – обманов, случайным – изначальным, прощальном – печальном, объятья – заклатья* и т. д.) над мужскими (*фантом – потом, ночных – их, мной – иной* и т. д.).

А. Карельский попытался воспроизвести звуковые повторы оригинала при помощи согласных звуков [с] и противоположного ему [з]. Например, повтор звука [с] в словах «*суть*», «*стеклянных*», «*слезы*», «*растерял*», «*случайным*», «*старинный*», «*песен*», «*сонных*» и т.д. И повтор звука [з] в словах «*загадку*», «*слезы*», «*грёз*», «*позабыл*», «*изначальным*», «*звук*», «*заклатья*», «*зеркальном*» и т.д.

В переводе, как и в оригинале, преобладают существительные и глаголы (существительных – 64, глаголов – 33, при этом повторы тоже учитывались). Причём количественно преобладают абстрактные существительные («*слезы*», «*грёзы*», «*объятия*», «*мгновение*», «*мир*», «*мрак*», «*пламя*» и т. д.), глаголы мышления («*понял*», «*позабыл*»), движения («*ищут*», «*выгнулись*», «*отпрыгнули*»). Поэтому внутренний мир текста определяется предметной динамичностью.

Количество существительных в русском переводе больше чем в оригинале стихотворения, а количество глаголов меньше. Это можно объяснить различиями в системах русского и немецкого языков, а также тем, что при переводе стихотворения преобразования, потери, изменения, добавления – неизбежны. Например, для сохранения ритма и соблюдения рифмы автор вводит дополнительные существительные такие как «*фантом*», «*обманов*», «*мрак колодца*», «*мгновенье*» и т.д. Также в переводе происходит перераспределение частей речи:

- прилагательное с существительным заменяется двумя существительными (*sehr großen Träumen* – во взлете грёз);
- два существительных заменяются прилагательным с существительным (*Bäumen aus Glas* – стеклянных крон);
- глагол заменяется существительным (*sich spiegeln* – отраженье).

В качестве лирического героя в переводе выступает личное местоимение «я», а в конце стихотворения происходит обобщение образа при помощи употребления личного местоимения «мы» в различных падежах.

Рассмотрим подробнее перевод. Уже в первом предложении можно увидеть структурные преобразования. В переводе простое предложение осложнено однородными дополнениями вместо приложения в оригинале. Для сохранения сравнения фонтанов со стеклом автор заменяет существительное «*das Glas*» в немецком варианте на прилагательное «*стеклянный*» в русском. Переводчик не передаёт конъюнктива, но для сохранения неуверенного действия употребляет дважды тире, которые замедляют речь.

Вторая строфа, как и в оригинале, состоит из двух вопросительных вопросов, которые можно рассматривать как риторические вопросы. Во втором предложении изменяется подлежащее: личное местоимение «*ich*», обозначающее лирического героя, меняется на неодушевлённое существительное «парк», которое вместе со сказуемым образует метафору «парк дышал». Ключевое слово этой строфы «*der Aufstieg*» передаётся в переводе причастием «*вздымавшийся*», которое относится к существительному «парк» и образует с ним метафору. Строчные переносы поддерживают тему строфы – вознесение, взлёт, а также придают образность. Здесь переводчик вводит сравнение «*девичьих песен, темных, как заклятья*», которое отсутствует в оригинале. Все эти преобразования несколько нарушают смысл строфы.

В третьей строфе также происходят структурные преобразования. Вся строфа составляет одно предложение, что не соответствует оригиналу. Здесь переводчик отказывается от прямого перевода ключевого слова этой строфы «*der Niederfall*», а употребляет второстепенное значение этого слова «*низвержение*». Описание сохраняет метафорический характер, так как А. Карельский использует здесь эпитеты («*рощ закатных*», «*мраком поглощённых*»), метафоры («*мир ветвей, глядящих в мрак колодца*», «*мир голосов, чьё пламя еле бьётся*»).

Структура четвертой строфы практически не нарушена. Переводчик здесь использует различные виды предложений, вопросительное предложение, чередование простых и сложных предложений, что придаёт ритмичность высказыванию. А Карельский сохраняет при переводе такие стилистические приёмы как анафорический повтор («*Ужель я позабыл*»), строчные переносы, многоточие в конце строфы.

Итак, несмотря на отклонения на синтаксическом и лексическом уровнях, в целом перевод выполнен достаточно близко к оригиналу. А. Карельский попытался воспроизвести музыкальность оригинала, сохранить авторский стиль и смысл стихотворения, поэтому можно говорить об эквивалентности данного перевода.

Перевод, выполненный Г. Ратгаузом, достаточно близок к оригиналу, несмотря на многочисленные отклонения. Переводчик изменил композицию оригинала. Г. Ратгауз увеличил количество строк в третьей строфе на две, возможно для того, чтобы ближе передать содержание этой строфы. В переводе были соблюдены размер (пятистопный ямб с безударными слогами в некоторых строках), строгие конечные рифмы в различных способах рифмовки, преобладание женских рифм (*неустанно – нежданно, тянет – манит, многом – строгом* и т.д.) над мужскими (*стекла- отошла, толпой – той, край – май*).

Что касается словарного состава перевода, то здесь большую семантическую нагрузку несут также существительные и глаголы (существительных – 62, глаголов – 43). Причём, как и в оригинале, количественно преобладают абстрактные существительные (*«память», «мечтанья», «жизнь», «голос», «вода»* и т.д.). Число прилагательных в оригинале и переводе совпадает, при этом они в основном занимают препозицию (*«старинный парк», «безвольный пруд», «бледным пламенем»*), лишь некоторые прилагательные занимают постпозицию (*«ветвь живая», «девушки чужие»*).

В качестве лирического героя выступает личное местоимения «я», в конце стихотворения автор использует личное местоимение «мы» для обобщения образа, что соответствует оригиналу.

На структурном уровне многие предложения преобразованы. Переводчик вводит дополнительные слова и целые предложения, которые нарушают смысл всего стихотворения, например, предложение *«У темноты как бы – иная мера, / И у самих небес – иная сфера, / Переменило все свою чреду.»* отсутствует в оригинале. Здесь переводчик домысливает и своевольно распространяет описание.

Также автор опускает важные для смысла стихотворения слова, например, ключевое слово второй строфы «*der Aufstieg*» в переводе никак не передано.

Для придания изобразительности и наглядности Г. Ратгауз использует, как и автор оригинала, различные стилистические приёмы. В первой строфе переводчик сравнивает фонтаны со стеклом, что передаёт содержание оригинала.

Во второй строфе для создания возвышенности сохраняются строчные переносы, риторический характер предложений, хотя третье предложение этой строфы повествовательное, что не соответствует оригиналу. Семантически точно переведена метафора «*Himmel Hände reichen*» как «небо руки тянет». Но здесь автор вводит дополнительное предложение, которое нарушает смысл.

В третьей строфе строчные переносы подчёркивают противоположную второй строфе тему падения. Переводчик попытался сохранить метафорический характер, используя определения («*бледным пламенем*», «*чёрный лес*», «*ветвь живая*») и метафоры («*безвольный пруд*», «*голос, бледным пламенем мерцая*»). Но здесь отсутствуют однородные сказуемые, которые создавали ритмичность в оригинале, а также многоточие в конце строфы.

В четвертой строфе сохраняется анафорический повтор («*Забыл ли я*»), что связывает тематически вторую и четвертую строфы. При переводе этой строфы Г. Ратгауз использовал различные синтаксические конструкции, что подчёркивает ритмичность оригинала. В конце стихотворения можно увидеть многоточие, которое служит для создания эффекта обрыва мысли.

Итак, несмотря на отклонения на композиционном, структурном и лексическом уровнях, смысл стихотворения был сохранен, хотя автор не передал в данном переводе всей возвышенности и поэтичности оригинала.

Интерес представляет собой перевод, сделанный М.Л. Гаспаровым, известным теоретиком стиха. Он сознательно жертвует важными элементами поэтической культуры, как метр и рифма, в целях более точной передачи смысла стихотворения. Этот перевод сделан верлибром. Верлибр – это свободный стих, без ритма и рифмы, в котором единственное средство

выразительности – членение стиха на длинные и короткие строчки: единственное, но зато тем более осязаемое.

Переводчик изменил композицию оригинала. М.Л. Гаспаров увеличил количество строк во второй строфе на две, возможно для того, чтобы ближе передать содержание этой строфы.

Как и в оригинале, в переводе доминируют существительные и глаголы, поэтому внутренний мир текста определяется предметной динамичностью.

В качестве лирического героя здесь, как и в других переводах, выступает личное местоимение «я», а для обобщения образа личное местоимение «мы».

На структурном уровне некоторые предложения преобразованы, но это не нарушило смысла. Автор попытался сохранить стилистические приёмы, используемые в оригинале. Это строчные переносы, определения (*«бледных песен», «старых парков», «вечерние небеса» и т. д.*), сравнения (*сравнение фонтанов со «стеклянными деревьями»*), метафоры (*«парков, вставших навстречу», «небеса, которые отшатнулись», «обугленных закатом лесов»*), риторические вопросы, различные синтаксические конструкции.

Конечно, не для всякого перевода хорош верлибр. Но при переводе этого стихотворения он вполне уместен, так как, не смотря на то, что форма не была сохранена, зато содержание и смысл стихотворения были переданы очень полно. Хотя верлибр придавал тяжеловесность переводу.

При переводе происходят различные преобразования. В характере всех этих преобразований, нередко неизбежных, оказываются важными многие факторы: например, фактор сохранения композиции оригинала, стремление передать смысловое содержание стихотворения и при этом не потерять свой индивидуальный стиль. Но, прежде всего, преобразования оправданы в силу различий и возможностей двух языков на разных уровнях: лексическом, фонетическом, грамматическом.

При переводе стихотворения «Von den Fontänen» А. Карельский сохранил композиционную, метро-ритмическую организацию и динамическую предметность оригинала. Но переводчик допустил некоторые отклонения на лексическом, синтаксическом и структурном уровнях. В переводе Г. Ратгауза был отмечен ряд отступлений на лексическом, синтаксическом, структурном и композиционном уровнях, на который повлияла субъективность переводчика

в передаче идейного содержания. Особый интерес представляет собой перевод стихотворения «Von den Fontänen», сделанный М.Л. Гаспаровым. Он сознательно жертвует важными элементами поэтической культуры, как метр и рифма, в целях более точной передачи смысла стихотворения. Этот перевод сделан верлибром. Также здесь можно отметить некоторые отступления на композиционном, синтаксическом и структурном уровнях. Но в общем при переводе этого стихотворения верлибр вполне уместен, так как не смотря на то, что форма не была сохранена, зато содержание и смысл стихотворения были переданы очень полно, хотя музыкальность оригинала была утеряна.

Естественно, что переводчикам было трудно передать неповторимость образов, создаваемых Рильке, возвышенность поэтического мира поэта, поскольку они, являясь посредниками между двумя культурами, руководствуются, прежде всего, установкой на приближение перевода к русской действительности, к образной системе своего языка, что часто приводит к изменениям лексического содержания оригинала, его синтаксиса и метрики, а иногда и общего смысла стихотворения.

Таким образом, поэтический перевод – это сложный творческий процесс, направленный на получение результата – нового речевого произведения, осуществляемый переводчиком, главной целью которого является сохранение инвариантного значения текста подлинника, его ритмического строя и индивидуального стиля автора.

Список литературы

Виноградов В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. М.: ИОСО РАО, 2001. 224 С.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. М.: ЭТС, 2004. 420 С.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. М.: ООО Издательский дом «Филология три», 2002. 426 С.

Иса Г.И.
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Issa G.
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty (Kazakhstan)

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

THE PROBLEMS OF TECHNICAL TRANSLATION

В статье рассмотрены основные проблемы, возникающие при переводе технических текстов с русского языка на казахский. Перевод – сложное многогранное понятие, требующее от специалиста не только безупречного знания языка, но и умения различать смысловые, стилевые оттенки письменной или устной речи; знания истории языка и знание самой истории и развития культуры общества. Поэтому при научно-техническом переводе требуется наряду с точным воспроизведением отраслевых терминов обязательная передача смысловых связей и стиля. Адекватная передача содержания текста на всех уровнях языковой системы – вот что отличает качественный перевод. В статье уделяется внимание анализу переводческих ошибок и трудностей, включающие такие факторы, как: своеобразие каждого из языков, профессиональная компетенция специалиста-переводчика и особенности типа текста и конкретного текста оригинала. Сделанные в данной статье выводы об основных проблемах перевода научных и технических текстов служат основой для дальнейшего исследования вопроса научно-технического перевода на казахский язык.

The article describes the main problems arisen at translating technical texts from Russian into Kazakh. Translation is a complex multifaceted concept, requiring not only language fluency from specialist, but also the skill to distinguish semantic and stylistic shades of written or spoken language, knowledge of language history and cultural development of society. Therefore, along with exact translation of industry terms a compulsory convey of semantic links and style is required in scientific and technical translation. Adequate convey of text content at all levels of language system – that is the thing which distinguishes a high-quality translation. The article focuses on the analysis of translation errors and difficulties, including such factors as: individuality of each language, professional competence of translator and features of text type and particular original text. Findings made in the article concerning scientific and technical translation main problems provide the basis for further study of scientific and technical translation into Kazakh issue.

Ключевые слова: научно-технический перевод, казахский язык, переводческие ошибки, сопоставительный анализ текста, терминология, профессионализмы.

Key words: *scientific and technical translation, the Kazakh language, translation mistakes, a text comparative analysis, terms and definitions, professional.*

Технический перевод один из самых сложных видов перевода. От других видов перевода технический перевод отличается специфической терминологией и стилем изложения. Техническому переводчику вместе со знанием языка требуются отраслевые знания в области темы перевода и терминов. Перевод рассматривается как две жизни одного содержания текста. Содержание текста «совокупность элементов семантики и структуры текста, фиксируемых получателем и участвующих в формировании смысла текста, который в свою очередь не сводится только к значениям, реализованным в тексте, но представляет собой глобальное целостное понимание текста, основанное, в том числе, на фоновых знаниях, представлениях о положении дел в реальном мире, знаниях предметной области, о которой идёт речь, знании ситуации общения» [Максютина, 2010, с. 49]. Как писал выдающийся мыслитель, исследователь языка М. Бахтин «Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность всегда разыгрывается на рубеже *двух сознаний, двух субъектов*», [Вестник ТГПУ, 2010, с. 325].

Немаловажная роль в переводоведении отводится именно выявлению и изучению переводческих ошибок. Классифицируя ошибки в устном и письменном переводе, учёные переводоведы анализируют возможные причины этих ошибок. В настоящей статье попробуем представить наиболее значимые и часто встречающиеся переводческие ошибки на казахском языке.

Проблемам межъязыковой коммуникации посвятили свои труды учёные В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, Л.К. Латышев, А.Ф. Ширяев, Е.В. Бреус, Н.Я. Галь, С.Г. Тер-Минасова, Ю.А. Сорокин.

Известный теоретик перевода В.Н. Комиссаров подразделяет ошибки на две группы. Ошибки первой группы:

- 1) полностью искажающие смысл текста;

2) неточности перевода, не передающие или неправильно передающие какую-то часть смысла, но не искажающие полностью его содержание;

3) шероховатости стилистического характера, связанные с неудачным выбором слова или громоздкой структурой фразы и требующие редакторской правки, хотя и не влияющие на точность передаваемой информации.

Вторая группа включает всевозможные нарушения норм и узуса языка перевода: сочетаемости слов, грамматических, орфографических, пунктуационных и т.п. [Бахтин, 1979, с. 48].

Л.К. Латышев объясняет все ошибки недостатками в трансляции исходного содержания и в адаптации содержания и формы текста на языке перевода к коммуникативной компетенции адресатов [Комиссаров, 1997, с. 134]. Первые, с точки зрения автора, представляют собой:

1) искажения, при которых переводной текст вводит в заблуждение относительно предмета сообщения, вызывает неадекватные представления и эмоции;

2) неточности – искажения «с меньшей степенью дезинформирующего воздействия, меньшей степенью неадекватности потенциального коммуникативного эффекта»;

3) неясности – «функционально-содержательный изъян переводного текста, в результате которого затемняется смысл переводного высказывания, достаточно чётко выраженный в исходном тексте, то есть в переводе не вполне ясно, что хотел сказать автор» [Комиссаров, 1997, с. 134].

Западногерманский лингвист В. Виллс в своём труде «Переводческая наука: Проблемы и методы» считает, что в основе переводческих ошибок и трудностей лежат такие факторы, как своеобразие каждого из языков, отличительные черты переводчика, участвующего как в роли адресата текста оригинала, так и в роли автора текста перевода, а также особенности типа текста и конкретного текста оригинала. В. Виллс предлагает различать типичные и нетипичные ошибки, которые классифицируются в зависимости от породивших их причин.

Среди типичных ошибок при переводе научно-технических текстов с русского языка на казахский на первом месте находится дословный перевод. Такая ошибка, которая должна корректироваться на этапе постпереводческого

анализа, допускается как при передаче терминов, так и при передаче грамматических конструкций.

Предложения научно-технического текста строятся в строгой логической последовательности. Вместе с тем синтаксис научного стиля в русском и казахском языках имеют свои характерные отличия, которые зависят от типологического устройства сопоставляемых языков. Казахский язык относится к агглютинативной группе языков, русский – к флективным языкам; эти языки – разносистемные, они качественно отличаются друг от друга. Сопоставительное изучение лексических объединений двух контрастирующих языков (русского и казахского) остро развивается в русле проблем русско-казахского и казахско-русского перевода.

В текстах научно-технического характера широко употребляется грамматическая конструкция, которую учёные называют пассивной или страдательной.

В.В. Виноградов отметил «У современных грамматистов больше всего тревоги возбуждает категория творительного падежа» [Виноградов, 1972, с. 142.]. Д.Э. Розенталь приводит 14 видов применения этого падежа, один из которых – творительный производителя действия. «Творительный производителя действия (действующего лица) указывает на субъект действия в страдательном обороте или в безличной конструкции. *Ошибка допущена учеником. Молнией зажгло дерево*». Страдательный оборот русского языка вызывает затруднения при переводе на казахский язык, потому что функция данной пассивной конструкции в казахском языке отличается от грамматического показателя страдательного залога в русском. «Страдательный залог по значению соотносится с действительным залогом, но имеет свою морфологическую и синтаксическую характеристику. Страдательный залог выражается присоединением к глаголам действительного залога аффикса -ся (ср.: *Рабочие строят дома. – Дома строятся рабочими*). ...Важнейшим грамматическим показателем страдательного залога является творительный падеж существительного со значением деятеля, реального субъекта действия» [Валгина, Розенталь, Фомина, 2002]. То есть на примере «Дома строятся рабочими» присутствует деятель действия (рабочие), выраженный творительным падежом.

Русским глаголам страдательного залога без субъекта действия обычно соответствуют казахские глаголы того же страдательного залога «дом построен – үй салынды». Однако страдательное значение русских глаголов наиболее ясно проявляется при наличии субъекта действия, который оформляется творительным падежом. В казахском языке при глаголах страдательного залога субъект отсутствует. Русским страдательным конструкциям с творительным падежом (страдательным оборотам) обычно соответствуют действительные обороты в казахском языке: дом построен строителями – дом построили строители.

Данная конструкция в русском языке является «ловушкой» для неопытных переводчиков. В научно-технических, рекламных текстах на казахском языке часто допускается ошибка при переводе страдательных оборотов по причине того, что не учитывается вышеизложенная грамматическая особенность страдательного залога в казахском языке и данные конструкции переводятся дословно, что противоречит правилам грамматики казахского языка.

В казахском языке, как и в других тюркских языках, значительную роль в словообразовании играет морфологический способ словообразования: аффиксация (суффиксация и префиксация). В данной статье рассмотрим применение при переводе лично-притяжательных окончаний.

В казахском языке лично-притяжательные окончания используются очень часто, значительно чаще русских притяжательных местоимений. По данному признаку казахский язык схож с английским. В английском языке широко используется предлог *of* для передачи видо-родовых отношений, а в казахском для выражения принадлежности кроме притяжательных местоимений применяются лично-притяжательные окончания. В русском языке принадлежность обозначается при помощи притяжательных местоимений: мой дом, твоя книга и т.д. Эта особенность и толкают переводчиков к ошибке. Например, *высотные здания, характеризующиеся большими и неравномерными нагрузками на фундамент и основание...* В данном обороте «фундамент», «основание» и «нагрузки» принадлежат зданиям, но так как в русском языке нет притяжательного окончания, принадлежность определяется на логическом уровне, а на казахский язык переводится с соответствующим окончанием: *іргетас+ы мен негіздіг+іне түсетін үлкен әрі әрқелкі жүктемелер+імен сипатталатын зәулім ғимараттар...*

Сейчас в Казахстане и во всех постсоветских странах идёт процесс создания своей терминологической базы во всех областях научно-технической и хозяйственной деятельности. Однако этот процесс усложняется тем, что перевод терминов на родной язык не всегда является качественным. Терминологические трудности при переводе связаны, как правило, со следующими причинами:

- расхождения в значении терминов в разных языках;
- расхождения в терминосистемах;
- отсутствие готового соответствия в языке перевода;
- синонимия терминов;
- многозначность терминов;

– широкая семантика терминов.

Из-за различия терминосистем исходного языка и переводного языка возникают проблемы достижения эквивалентности перевода. Составляющие терминосистему – слова (словосочетания), обозначающие понятие специальной области знания или деятельности [Бархударов, 1975, с. 6]. Термины имеют различную структуру: термины-слова, или однословные термины (к ним могут быть отнесены сложные термины, образованные сложением основ и имеющие слитное или дефисное написание) и термины-словосочетания (составные, многокомпонентные термины).

В казахском языке затруднение при переводе составляют термины, образованные от корневых компонентов интернациональных терминов с помощью соединительных гласных русского языка о, е. В терминологическом словообразовании традиционно действует правило сложения терминов из интернациональных составных частей, базовых терминологических элементов, при этом членимость даже незнакомого слова очевидна [Дьяченко, 2002]. Например, газозлектросварка, металлокерамика, электродрель и т.д. Особенности перевода данных слов на казахский язык являются перевод первой части по функциональному признаку. Например, металлокерамика – *металл қыш* (признак керамики), газозлектросварка – *газбен-электрмен дәнекерлеу* (средство сварки). Большую проблему создает многокомпонентные термины, функциональные характеристики которых обозначают средство выполнения каких-то действий. Например, пароводяные подогреватели, водоводяные подогреватели. Если переводить как изафетную конструкцию, получается бусужылытқыштар, сусужылытқыштар. В первой конструкции обратный перевод дает значение подогреватели пара и воды, во второй - подогреватели воды и воды. В подобных случаях обязательна консультация с отраслевыми специалистами, мы же приведем определение данного термина: «Подогреватели пароводяные предназначены для нагрева воды в тепловых системах горячего водоснабжения и отопления насыщенным паром от паропроводов низкого давления или паровых котлов», то есть вода нагревается паром, а в случае с водоводяными подогревателями – водой. Первые компоненты данных конструкций «*пар*» и «*вода*», которые являются

средством выполнения процесса нагрева, переводится на казахский язык творительным падежом, который обозначает средство, орудие действия: бумен сужылытқыш, сумен сужылытқыш. Конечно, данные конструкции не отвечают требованиям терминотворчества об экономии слова, но данная принадлежность одного из компонентов в структуре терминов исходного языка и языка перевода к различным частям речи можно объяснить различиями в грамматическом строе языков и исторически сложившимися особенностями каждого языка.

Изафетные сочетания является продуктивным методом терминообразования в архитектурной и строительной отрасли. Исследователи различают в казахском языке три типа изафета: первый тип - сочетание двух существительных путём примыкания; второй тип – определяемое принимает аффикс принадлежности третьего лица; в третьем – определение употребляется в родительном падеже, а определяемое имеет аффикс принадлежности.

При переводе на казахский язык некоторые трудности создаёт первый тип изафета. Например, в словосочетаниях «картонная упаковка», «бетонная конструкция», «каменное сооружение» первые компоненты являются прилагательными, образованные от существительных с помощью суффиксов. Эти суффиксы и вводят в заблуждение переводчиков. Особенность данного типа казахского изафетного сочетания заключается в том, что первое существительное из двух сочетаемых в данной конструкции является субстантивным прилагательным и не требует соединения суффикса, образующего прилагательное -лы/-лі, -ды/-ді, -ты/-ті. Итак, приведённые словосочетания нужно переводить как «қатырма қаптама», «бетон құрылма», «тас имарат», без суффикса путем сочетания субстантивированного прилагательного и существительного. Данное правило относится и к интернациональным компонентам подобных конструкций: асфальтовая (*asphalt*) дорога – асфальт жол, вертикальный (*vertical*) шов – вертикал жік, номинальная (*nominal*) величина – номинал шама.

Конечно, нельзя исключить применение суффиксов -лы/-лі, -ды/-ді, -ты/-ті в образовании прилагательных от существительных. Например, тас+ты топырақ – каменистый грунт, құм+ды қабат – песчаный слой, тау+лы өңір –

горный регион. Из этих примеров видно, что данный суффикс обозначает присутствие, наличие какого-то предмета в составе чего-либо, и может переводиться с модальным значением «бар» (есть). Например, *көп бала+лы отбасы – көп баласы бар отбасы – многодетная семья.*

В общенаучной лексике часто встречаются субстантивные существительные, образованные методом словообразовательной конверсии, которые также являются ложными друзьями переводчика. Например, термин «устройство» может означать и процесс (глагол), и механизм, прибор (имя существительное). Можем привести в качестве примера название нормативного документа – СНиП РК 3.02-10-2010 «Устройства систем связи, сигнализации и диспетчеризации инженерного оборудования жилых и общественных зданий. Нормы проектирования». В названии на государственном языке фраза «устройства» переведен как процесс, действие – «орнату», а в данном контексте рассматриваемое слово стоит во множественном числе, что свидетельствует о принадлежности к существительному, поэтому слово переводится как «құрылғылары», т.е. в значении «прибор».

Таких существительных, переходящих в глаголы, очень много, например, организация (ұйым, ұйымдастыру), перевод (ауыстыру, аудару, аударма, тәржіме), строительство (құрылыс, салу) и т.д., в словарях часто даётся только одно значение.

В некоторых случаях общеупотребительное слово в определённом контексте используется для обозначения предмета, который оно не означает в широком смысле, тогда такое слово также может быть отнесено к профессионализмам. Переводчик должен обращать пристальное внимание на контекст употребления слов и выражений, чтобы избежать ошибок и не попасть в ловушку «ложных друзей переводчика». Например, слова, образующиеся от корня «актив». Слово «активный» в русско-казахских словарях, даже в двуязычных терминологических словарях переводится как «белсенді», «активность» – «белсенділік». В Словаре казахского литературного языка приведены значения данного слова: 1. Қажырлы, ынталы, жігерлі, что означает энергичный, усердный, активный. 2. Үздіксіз, тынымсыз – непрерывный, беспрерывный. [Словарь казахского литературного языка, 2006,

с. 254]. Актив, активный имеет многозначный характер, а перевод его одним словом сужает семантический объем понятия. Приведём в пример строительный термин *активная зона основания*. Под активной зоной основания принимается «толща грунта под подошвой фундамента, на нижней границе которой дополнительное давление от веса фундамента составляет 20% бытового давления на этой глубине». Ни один вариант из приведённых в Словаре казахского литературного языка не раскрывает данное значение, поэтому в данном контексте целесообразно оставить термин без перевода.

Определённые трудности может вызывать у переводчиков общенаучная лексика, в частности, слова с широким диапазоном значений, низкочастотные слова с узкой семантикой и стилистически окрашенные лексические средства. Возможности отраслевых словарей по отражению общенаучной лексики ограничены, и, к сожалению, в настоящее время большое количество общенаучной лексики не зарегистрировано ни в общеязыковых, ни в технических словарях. Например, слово «помещение» в словарях переводится как «бөлме», «үй-жай». Название СНиП РК 3.02-11-2010 «Животноводческие, птицеводческие и звероводческие здания и помещения» звучит так: «Мал шаруашылығына, құс шаруашылығына және аң шаруашылығына арналған ғимараттар мен үй-жайлар». Первая часть сложного слова «үй-жай» означает «дом», и применяется только к жилищу человека. А в указанном контексте правильно употребить слово «қора-жай». Как сказал известный казахский учёный-лингвист К. Жубанов: «В языке редко встречаются слова, точно соотносящиеся по значению с каким-либо словом другого языка. Например, в русском языке есть родовое понятие «пастух», но нет видového «қойшы», «жылқышы», и, наоборот, имеются видовые понятия «хлев», «конюшня»».

Часто встречаются случаи, когда значения, в которых выступает термин, могут принадлежать различным узким областям науки и техники. В качестве наиболее показательного примера подобной межотраслевой полисемии можно привести термин «разработка». «РАЗРАБОТКА, -и, ж. 1. см. разработать – тщательно, всесторонне исследовать, подготовить.... 2. Способ добычи ископаемых, а также место такой добычи (спец.). Подземная р. Открытая р.» [Ожегов, 1961, с. 644]. В первом значении обозначает *әзірлеу, әзірleme*, во втором – *қазу, қазылым*. Еще один пример: ПЛОЩАДЬ – 1. В математике: часть

плоскости, заключённой внутри замкнутой геометрической фигуры. *П. треугольника*. 2. Незастроенное большое и ровное место (в городе, селе), от которого обычно расходятся в разные стороны улицы. *Красная п. в Москве*. 3. Пространство, помещение, предназначенное для какой-то цели. *Расширение посевной площади* [там же, с. 515]. В первом значении данное слово переводится как *аудан*, во втором и третьем – имеет аналог *алаң*. В переводе на казахский язык часто происходит перевод данного термина несоответствующим значением в контексте аналогом.

Трудности при переводе возникают при переводе практически в любых языковых парах и большинство переводческих ошибок совершается вследствие некомпетентности переводчика, которая характеризуется незнанием отраслевых особенностей текста, терминологии, буквализацией значения слов и выражений. Тех переводчиков, которые профессионально занимаются научно-техническим переводом, можно разделить на две категории: 1. переводчики-инженеры, 2. переводчики-филологи. Это разделение отражает весьма важный признак уровня специальной компетенции – наличие филологического или специального образования. Но такое идеальное сочетание, при котором и предметная, и лингвистическая компетенция переводчика находятся на высоком уровне за счёт наличия двух высших образований – переводческого/филологического и специального, встречается достаточно редко. Но есть переводчики, которые умело пользуются справочной литературой в данной сфере и прибегают к помощи отраслевых специалистов, это способствует достижению эквивалентности при переводе научно-технических текстов, применению терминологии и профессионализмов, заложению основ информационной культуры, профессиональных базовых знаний и умений. Мы надеемся, что данное исследование поможет избежать проблем и ошибок при переводе в области архитектуры и строительства.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Бельгер Г. Ода переводу. А.: Дайк-Пресс, 2005.

Борисова Л.И. Лексические трудности перевода научно-технической литературы с английского языка на русский. М.: ВЦП, 1979.

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972.

Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык, М., 2002.

Дьяченко В.В. Новые слова-сложения со связанными корневыми компонентами интернационального характера в современном русском языке, 2002.

Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М.: Рема, 1997.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.

Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения. М., 1981.

Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания перевода. М.: Просвещение, 1998.

Максютина О.В. Переводческая ошибка в методике обучения переводу // Вестник ТГПУ. 2010. № 1(91). с. 49-52.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М, 1961.

Сагандыкова Н. Основы художественного перевода. А.: Санат, 1996.

Словарь казахского литературного языка. В 15 томах. Том 3, Алматы: Арыс. 2006.

Кондратенко А.А
Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)

Kondratenko A.
Tbilisi Javakhishvili State University
Tbilisi (Georgia)

ПЕРЕВОД КАК ПОВТОРЕНИЕ ПРОЦЕССА ТВОРЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА РАССКАЗА ВАЖА-ПШАВЕЛА «ВЫСОХШИЙ БУК»)

TRANSLATION AS A REPETITION IS A WORK PROCESS (ON THE EXAMPLE OF COPYRIGHT TRANSLATION OF VAJA PSHAVELA'S STORY “AN OLD BEECH”)

В настоящей работе представлен авторский перевод рассказа Важа-Пшавела «Высохший бук» и даётся его сравнение с переводом, выполненным Ф. Твалтвадзе и В. Орджоникидзе. На основе данного сравнения выявляются особенности интерпретации художественного текста. Метод сравнения тех или иных решений, являющихся результатом интерпретации, позволяет в большей мере пролить свет на само понятие интерпретации и выявить наиболее актуальные её проблемы, имеющие место во время перевода и как следствие, зачастую, реализующиеся в таких понятиях как ошибки перевода, искажение текста оригинала, неправильной передаче идеи того или иного произведения, его стилистики и особенностей, что позволяет утверждать, что именно с интерпретации начинается перевод, определяются его композиция, особенности звучания, подбор лексики, построение предложений, а также осуществляется выбор эмоционально-экспрессивных средств.

There is given its comparison with F. Tvaltvadze's and V. Orjonikidze's translation. On the basis of this translation the peculiarities of fiction interpretation are revealed. The comparison method helps to clarify the notion of interpretation as well as to demonstrate its most active problems that take place during the translation process. This is shown in notions such as the translation error, distortion of the original text, conveying a wrong idea as well as style and peculiarity. This supports the fact that translation begins from interpretation, that its composition, the selection of vocabulary and sentence forming are revealed and that the selection of emotional-expressive means is carried out.

Ключевые слова: авторский перевод, интерпретация художественного текста, ошибки перевода.

Key words: author's translation, interpretation of a literary text, translation errors.

Явление «интерпретации» в современном переводоведении вызывает все больший интерес, в особенности соотносимость интерпретации и перевода как такового. В наших рассуждениях мы исходим из того, что «... интерпретация – это обоснованное (в собственно лингвистическом, прагматическом и когнитивном аспектах) вербализованное понимание текста...» [Наер, 2001, с. 3-13].

Как известно, интерпретация является аналитической деятельностью, направленной на «всеобъемлющее раскрытие содержания» текста, причём раскрыть содержание означает «не просто извлечь ... содержательную информацию о внешнем мире, но и уяснить механизмы её кодирования и обосновать правомерность и продуктивность используемых приемов и способов декодирования информации...» [Псурцев, 2002, с. 3]. Изучение данных механизмов и приёмов интерпретации имеет важное значение, так как они представляют собой как сам процесс перевода, во время которого переводчик анализирует исходный текст, параллельно осуществляя тот или иной выбор оговорённых решений, так и его итог, собственно сам переводной текст. Таким образом, прояснение данных понятий и выявление проблем, связанных с ними, может привести к упрощению переводческой деятельности, а также к качественному улучшению её результата, т.е. повышению качества самих переводов. Это особенно важно, когда речь заходит о переводе художественных произведений, в которых интерпретация играет одну из важнейших ролей, являясь, собственно, точкой отправления процесса перевода, его вектором. Именно с интерпретации начинается перевод, определяются его композиция, особенности звучания, подбор лексики, построение предложений, осуществляется выбор эмоционально-экспрессивных средств, в соответствии с их уместностью или неуместностью, и т.п. На наш взгляд, именно метод сравнения тех или иных решений, являющихся результатом интерпретации того или иного переводчика, позволяет в большей мере пролить свет на само понятие интерпретации, а также выявить наиболее актуальные её проблемы, имеющие место во время перевода и как следствие, зачастую, реализующиеся в

таких понятиях, как ошибки перевода или искажение текста оригинала, неправильной передаче идеи того или иного произведения, его стилистики и особенностей. Ведь «интерпретация должна ответить на вопрос, какую идею утверждает автор, какой нравственный импульс несёт его прагматическая установка, и доказать справедливость своих выводов исходя из материальной данности текста» [Кухаренко, 1988, с. 189].

С учётом вышесказанного, мы считаем целесообразным полностью привести наш перевод рассказа грузинского писателя и поэта Важа-Пшавела.

Высохший бук

Я, как и все другие, люблю высокую, усыпанную зеленью и цветами гору, запах весны, свежевыросшую траву, что уже успела одолеть едва растаявший лёд, цела и невредима кажет она свою головку и смотрит на солнце, на родную землю, таится, нежится, но её хрупкое, томное личико заволокло невысказанной радостью: «Ожила я, благословен будь, мой Создатель!», – словно лепечет она. Глаз ликует при виде того, как одни из озябших за зиму деревьев распускают листья, а другие уже зацветают, влекомые весенним теплом. Что может сравниться с густым, дремучим, непроходимым лесом?! Но я обо всем забываю – сейчас передо мной один лишь высохший бук. Он в дремучем лесу, на вершине одной скалы. А скала эта обтянута мхом, подобным зелёному бархату. Деревья стоят поодаль от сухого бука, словно тревожно отстраняясь, гордо его оглядывают. Возле сухого бука возшло несколько кустиков малины, олень и косуля надкусили их нежные листики. Они же тянутся изо всех сил в стремлении взглянуть вниз, на речку, а ещё меж корней бука пробилось несколько стеблей волнолистой лакрицы, зелёной зимой и летом. Сухой бук лишился всех признаков жизни: лишь три ветки остались на его стволе, верхняя часть расщепилась и провалилась в овраг. Из этих трёх веток в году раз лишь у одной, пожалуй, и выйдет три-четыре листочка, да и те блеклые, иссохшие, пожелтевшие. А взглянешь на другие деревья – стоят обильно увешанные плодами природы. Они ни во что не ставят высохший бук, не обращают на него никакого внимания. Лишь по зиме, когда и сами они начинают походить на высохший бук, потеряв подвенечное платье, тогда, может взглянут на него раз другой, да и то вскользь, свысока. Это случается ровно тогда, когда является светлоликая лесная фея в сиянии ниспадающих локонов и в утешение природе заводит сказки о любви, святости и жизни. Тогда они принимаются ворчать на сухой бук: «Что стоишь оцепеневший, несчастный? Послушай, что она сказывает!». Высохший бук вздыхает с глубоким стоном и вовсе

перестаёт слушать эти гордые растения, но внимает сказкам лесной феи, каждое слово которой копьём врезается ему в сердце, и безмолвно льёт слезы. Бедняга бук! А ведь были времена, когда и он стоял, глубоко запустив свои корни, возвышаясь над всеми другими деревьями, и своей богатой листвой и ветвями, словно кровлей, укрывал весь лес. Слетевший с гор на равнину орёл отдыхал на его вершине, заливаясь гордым клёкотом, а сейчас лишь взирает на готовый вот-вот свалиться высохший бук. На стволе, в нескольких местах, у бедняги содралась сухая корка, обнажив голые бока. С одной стороны длинный кусок коры свисает аж до самой земли. Может показаться, что бук изрезали кинжалом, выпотрошили его. Должно быть, много червей у этого бука, как ни пройду рядом все вижу дятла, сидящего на нем. Этот проклятый сидит и что есть силы долбит бук своим окаянным клювом. Да, чтоб он у него отсох! При этом ещё прикрикивает, присвистывает, словно упрекает бук в его немощи. Вон, в скольких местах продолбил он сухой бук до самой сердцевины. Вот-вот и возьмётся сверлить сердце. А бук все стоит, стоит невозмутимо, словно оцепенев. Не проронит ни злого, ни доброго слова. Когда же задувает ветер, деревья начинают раскачиваться, лишь высохший бук не шелохнётся. А раньше, когда он был полон сил и жизни, во время ветра он волновался сродни морю. Его ветки и листья шумели, словно гром. Ветви высохшего бука гордо хлестали мать-землю, врезались в неё. Да, теперь уж высохший бук не заволнуется по-старому ветру во след, подобно другим деревьям, он более не в силах так упорно выставлять грудь навстречу вихрю. Его уже не согнуть, разве что сломать, что уж тут скажешь... переломится, упадёт, завалится на бок, корни его оголятся, запрокинут головы, словно молятся, умоляют Бога, просят его об избавлении. Летом высохший бук вызывает ещё больше жалости. Другие деревья наряжены в зелёные листья, невредимые, беззаботные. Птицы тысячами слетаются к ним распевать свои песни, дикие голуби воркуют в их ветвях. Лазоревка затаит нескончаемые трели, а зарянка заглушает все вокруг своим свистом и беспокойно скачет с ветки на ветку. Их тени ищут олени и серны, гордо запрокинув головы. Эти усыпанные листьями деревья надменно взирают на бедный высохший бук, стыдятся его и ропщут: «Хоть бы ты не уродовал нас!» – им неведомо, что высохший бук вспоминают чаще их самих, ведь встречаются ещё люди, которым нравится высохший бук, которые любят его в его несчастьи. В селе раза три на дню, да, и вспомнят высохший бук. «Где вы сегодня пасли скот?» – если спросит отец своих детей, то те указывают ему в сторону высохшего бука, по ту или по эту сторону, в одном или в другом конце. «Говорят, что пониже сухого бука, в скалах, тигрица устроила логово, – слух пронёсся по селу, – должно быть, родила». Охотники видели вокруг высохшего бука следы тигрицы и её детёнышей. «Этот древесный гриб я срезал на сухом буке» –

говорит другой. Да, и не знают глупые деревья, что люди пока не забыли имя сухого бука, что они ещё помнят его величие.

Али всё, что уж увяло (a)
Людям в миг постылым стало?! (a)
Мёртвый в десять раз ценнее (b)
Тысяч тех, чьё сердце ало. (a)
Лишь узрел как ты злосчастен (c)
Горе моё сердце сжало. (a)
Вижу, что стоишь заброшен, (d)
Обездоленный немало. (a)
Словно звон заупокойный (e)
Вдруг тревога зазвучала. (a)

Я желаю ту, что целый (e)
Век в душе перекипала (a)
Разделить тоску с тобою, (f)
Чтоб слезами заливало. (a)
Сирый, для чего явился (g)
Разве о тебе стенало (a)
Чьё-то сердце?! Ни спасенье, (h)
Ни погибель не настала. (a)
Кто же гроб тебе сколотит, (i)
Кто засветит в церкви свечку?.. (j)
Как же тяжко, коль отходит (i)
Меркнет имя в бесконечность. (j)

По ночам, раз в сто лет, на сухой бук прилетает сова и осипшим голосом начинает кликать душераздирающим зовом: «Не нашли?» и лишь, когда изнурится от этих кликов, услышит ответ: «Нет, нет!», тогда опечаленная она опускает голову и «уу-у!» – ухает, тихим голосом взывает к сердцу.

Зимой, раз от разу, высохший бук навещает волк, притулится к нему и завоет, изнурённый голодом. А бук все стоит, стоит невозмутимо, словно оцепенев. Не проронит ни злого, ни доброго слова. Он не знает ни жалости, ни ненависти. Ни враждой не вскипит его сердце, ни добром не озарится. Размышляет высохший бук о себе, о прошлом, о настоящем и о будущем; глубоко в сердце его, словно засела печаль. Время от времени глядит он на единственный, взошедший на одном из его корней, крошечный росток, который ждёт солнца и дождя, чтобы вырасти. Лишь в нем его утешение.

Важа-Пшавела, как никто другой в грузинской литературе, сумел создать поразительные по силе своей художественной образности картины грузинской природы. На наш взгляд, его творчество сродни творчеству М.М. Пришвина, которое также характеризуется необычайным лиризмом описания русской природы. Также рассказам Важа-Пшавела свойственно особое звучание, мелодичность прозаического текста, что сближает его со «Стихотворениями в прозе» И.С. Тургенева, которые в свою очередь необычайно мелодичны и полны поэтическими приёмами и свойствами.

Как известно, на сегодняшний день существует множество переводов рассказов Важа-Пшавела на русский язык, но на наш взгляд, даже лучшие из них не способны передать истинной художественности оригинала, тем самым произвести должное впечатление на русскоязычного читателя. Именно поэтому, мы сочли необходимым осуществить перевод данного, а также некоторых других рассказов, чтобы на их примере, в частности на примере вышеприведённого рассказа, осуществить анализ правильности тех или иных переводческих решений, являющихся следствием интерпретации текста оригинала тем или иным переводчиком. «Ведь художественный текст также можно рассматривать как результат последовательности актов выбора, осуществляемых его отправителем на различных этапах формирования текста и

обусловленных целым рядом объективных и субъективных, личностных факторов [Кухаренко, 1988, с. 4].

Как было сказано выше, согласно нашей интерпретации рассказа Важа-Пшавела, имя автора для нас неразрывно связано с именами великих русских писателей М.М. Пришвина и И.С. Тургенева, творчество которых в свою очередь повлияло на принятие нами тех или иных решений во время процесса перевода данного рассказа. Так, особая мелодичность, свойственная «Стихотворениям в прозе» И.С. Тургенева, легла в основу того принципа, согласно которому мы осуществляли подбор лексики, и порядка построения предложений. Это привело к гармоничности звучания текста перевода, что особенно проявилось в предложеном нами переводе стихотворения, имеющего место в произведении. Здесь, примечательным является тот факт, что мы сохранили порядок рифмовки, а также стихотворный размер (восемь слогов, как и в тексте оригинала), что на наш взгляд, делает перевод максимально приближенным к оригиналу. Ведь, как известно, ритм играет важнейшую роль в стихотворном произведении, определяя его эмоциональную составляющую. Так, стихотворения, строки которых малосложны, являются более динамичными по звучанию, их чаще используют в народных, песенных произведениях, в то время как многосложные строки приближают стих к разговорной речи или прозе, чего, зачастую, требуют минорные стихотворения, сходные потоку сознания. Согласно У. Джеймсу, данный термин обозначает «поток внутренних переживаний человека» [Кухаренко, 1988, с. 163]. Способ рифмовки также влияет на ритм стихотворения, задавая настроение произведению. Например, перекрёстная рифма тяготеет к классическому стихосложению. Самый большой процент русскоязычных стихотворений зарифмован именно таким способом. Следовательно, данный размер наиболее распространён и не претендует на оригинальность. В то время, как смежная рифма более динамична, цепная же наименее распространена.

С нашей точки зрения, прежде чем приступить к переводу поэтического текста, следует провести его тщательный анализ. Для наибольшей наглядности мы считаем необходимым привести перевод стихотворения из рассматриваемого рассказа, выполненный Ф. Твалтвадзе и В. Орджоникидзе (слева), а также подстрочник данного стихотворения вместе с порядком рифмовки, обозначенным приведёнными сбоку латинскими буквами:

Разве всё, что погибает, (a)	Разве всё что высохло (a)
Быть должно людьми забыто? (b)	Должно быть отвергнуто человеком? (a)
Даже ста живых достойней (c)	Тысяч живых во много раз (b)
Иногда один убитый... (b)	В десять раз лучше один мертвец (a)
Но едва тебя увижу – (d)	При виде тебя, несчастный, (c)
Сердце полнится тоскою, (e)	Тяжкое горе переполняет сердце (a)
Прозябаешь ты, бедняга, (f)	Когда я вижу как ты стоишь (d)
Без призора, без покоя, (e)	Одинокий и безпризорный, (a)
Будто слышу звон тревожный, (g)	Как будто тревога звучит (e)
Что печально так струится, (h)	Как погребальный звон. (a)
Как мне хочется с тобою (e)	Хочу с тобой поделиться (e)
Горькой думой поделиться (h)	Той тоской, что долгое время (a)
И горючими слезами (i)	Вскипала и перекипала в душе, (f)
Над тобой дождём пролиться!.. (h)	Чтобы текли у меня потоки слёз. (a)
Но ни мёртвый, ни живой ты (j)	Зачем ты пришёл, несчастный, (g)
Не запишешь в поминанье – (k)	Некому оплакать тебя умершего?! (a)
Нет в раю тебе спасенья, (l)	Ни спасения тебе нет, (h)
Нет в аду тебе страданья. (k)	Ни гибели нет (a)
Кто свечу затеплит плача (m)	Кто сколотит тебе гроб (i)
Над останками твоими? (n)	Кто свечу зажжет (j)
Ох, как горько, если гибнет, (o)	Ох, как тяжело, когда умирает, (k)
Если исчезает имя... (n)	Когда теряется имя. (j)

Как мы видим, переводчики неоправданно изменили порядок рифмовки, что максимально отдалило мелодику стихотворения от звучания оригинала. Также были искажены поэтические образы. Так, образ «мертвеца», «умершего», «усопшего» в тексте перевода был заменён другим образом, а именно, образом насильственной смерти – «убитый», что также является ложной отсылкой к молодости, которую насильственно оборвали или ко бравым подвигам, что сродни гибели на войне, в то время как в оригинале явно подразумевается угасание, старение, постепенное нисхождение в небытие. Также мы находим

совершенно неуместной заменой такого устойчивого словосочетания, как «сколотить гроб» строкой «над останками твоими», т.к. в тексте оригинала используется устойчивое словосочетание, которое в переводе с грузинского звучит «пошить гроб», подогнать под кого-либо размер гроба. С нашей точки зрения, совершенно неправильным является допускать подобные отклонения, в то время, как в языках перевода и оригинала уже имеются готовые языковые соответствия.

Немаловажным является и умение переводчика прогнозировать и правильно оценивать те ассоциации, которые могут возникнуть при введении тех или иных образов и метафор. Например, переводчики Ф. Твалтвадзе и В. Орджоникидзе вводят в текст перевода рассматриваемого рассказа следующий образ: «Это бывает всегда в те вечера, когда круглолицая, светлая лесная фея появляется в чаще со своими распущенными волосами и утешает природу, рассказывает сказки о любви, свете и жизни». Общеизвестно, что вплоть до XX века женщины с распущенными волосами имели дурную репутацию. Ходить с распущенными, «простыми» волосами могли лишь представительницы древнейшей профессии. В русском языке даже существовало выражение «опростоволоситься» (опозориться), т.е. быть застигнутой с неубранными волосами, что считалось равноценным позору. Также, согласно народным поверьям, длинные всегда распущенные волосы приписывались мистическим девам-русалкам, но и они в сознании людей всегда связывались с нечистой силой. Таким образом, на наш взгляд, предложенный Ф. Твалтвадзе и В. Орджоникидзе перевод искажает образ светлого, лесного духа, созданный Важа-Пшавела, бросает тень на его добродетель. С нашей стороны мы предлагаем следующий перевод: «Это случается ровно тогда, когда является светлолицая лесная фея в сиянии ниспадающих локонов и в утешение природе заводит сказки о любви, святости и жизни». «Ниспадающие локоны» являют собой те же распущенные волосы, но лишены посторонних смыслов и негативной окраски. В созданном нами образе фея, бесспорно, положительная героиня повествования.

Зачастую излишний буквализм лишает текст перевода художественности, свойственной литературному языку. Мы можем наблюдать это здесь же, когда речь заходит о «кустиках лакрицы» и переводчики описывают её следующим образом: «Её зазубренные по краям листья всегда зелены – и зимой и летом».

«Зазубренные по краям листья» – это словосочетание лишено какой-либо образности и с учётом определённой тематики вполне может быть приписано любому учебнику ботаники. Предложенный нами перевод – «... а ещё меж корней бука пробилось несколько стеблей волнолистой лакрицы, зелёной зимой и летом» – полон поэтической благозвучности и художественной образности, так необходимых в описании природы.

Довольно распространённым является мнение, что переводить произведения Важа-Пшавела очень сложно. Следует отметить его справедливость. Сложность перевода произведений Важа-Пшавела заключена в особенности его восприятия природы, ему свойственно её очеловечивание. Эта персонификация природы проявляется в том, что во многих произведениях Важа-Пшавела нет места авторскому повествованию, в них природа говорит как бы от первого лица. Деревья и животные сами о себе рассказывают, делятся своими переживаниями и радостями в свойственной им, по мнению Важа-Пшавела, манере изложения. Оленёнок и фиалка жалуются на жестокость мира, в их речах слышен детский трепет и страх, горы и скалы, мудрые и старые, лишены этого трепета, в их словах уверенность, величие и бессмертие. Особую важность имеет тот факт, что рассказы Важа-Пшавела крайне метафоричны, каждый листик в них – это человек, с его особой, неповторимой судьбой. Рассказ Важа-Пшавела «Высохший бук» являет собой не столько повествование об увядающем дереве, сколько о человеке, дни славы которого остались позади. Именно это глубокое знание природы и её циклов позволяет Важа-Пшавела создавать подобные метафоры.

Напоследок считаем уместным привести ещё один пример, являющийся следствием неправильной оценки переводчика степени важности того или иного образа в тексте оригинала. Так, в оригинале рассматриваемого рассказа автор, описывая пробуждающуюся после зимы природу, говорит о том, что одни виды деревьев распускают листьями, а другие сперва зацветают и лишь затем покрываются ими. В то время как в тексте перевода, предложенного Ф. Твалтвадзе и В. Орджоникидзе, мы имеем: «... деревья, обвеваемые весенним теплом, покрываются нежной листвой и цветами». Искажается целая мысль.

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы считаем справедливым определение интерпретации «как освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации художественного произведения, осуществляемое путём воссоздания авторского видения и познания действительности» [Кухаренко, 1988, с. 6].

Список литературы

Важа-Пшавела. Избранная проза; пер. с груз. Ф. Твалтвадзе, В. Орджоникидзе. Тб.: Мерани, 1985. 104-107 с.

Важа-Пшавела. Сборник рассказов / Рассказ козлёнка. Груз. яз. Тб.: Советская Грузия, 1987. 41-45 с.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. С. 192.

Наер В.Л. Понимание и интерпретация (к основам интерпретации текста как аналитической деятельности). / Сборник научных трудов МГЛУ. Выпуск 459. Проблемы современной стилистики. М., 2001, с. 3-13.

Псурцев Д.В. К проблеме перевода и интерпретации художественного текста: об одном критерии адекватности. Статья / Перевод и дискурс: Вестн. МГЛУ. Вып. 463. М.: 2002. С. 16-26.

Литинская Е.П.,

Лёвина Е.В.

Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск (Россия)

Litinskaya E.,

Lyovina E.

Petrozavodsk State University
Petrozavodsk (Russia)

ЖУКОВСКИЙ КАК ПРАКТИК И ТЕОРЕТИК ПЕРЕВОДА В СВЕТЕ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

ZHUKOVSKIY AS A PRACTITIONER AND THEORETICIAN OF TRANSLATION IN VIEW OF HISTORY AND MODERN ISSUES OF TRANSLATION STUDIES

В статье рассматриваются вопросы переводческих стратегий и художественной практики В. А. Жуковского. Устанавливается его знакомство с французской теорией «украшенных» переводов и применение этих принципов в переводах современных и древних поэтов. В своих теоретических статьях о переводе Жуковский подчёркивает прежде всего необходимость соответствия духовно-душевной настроенности автора подлинника и сопереживанию его темы. Опыт перевыражения «Слова о Полку Игореве» приводит Жуковского к овладению стратегией «буквального» перевода, которой он воспользуется и при переводах латинского эпоса и гомеровских поэм, отрывков из «Илиады» и «Одиссеи». В отечественной филологии переводы Жуковского традиционно считались вольными. Современная наука оставила несбыточное требование тождественности переводов. Вследствие этого был оправдан в области художественного перевода и свободный перевод, а творческая практика Жуковского была признана вершиной переводческого искусства.

Issues of translation strategies and art practice of V.A. Zhukovskiy are discussed in the article. The author determines the familiarity with French theory of “decorated” translations and using the principles of translation of modern and ancient lyric poets. In his theoretical articles, Zhukovskiy insisted on the importance of harmony of spiritual emotional attunement of the original author and empathy to the topic. The experience of expression of The Tale of Igor's Campaign led Zhukovskiy to acquisition of word for word translation strategy, which he used in the translation of the Latin epos and Homeric poems, the fragments of The Iliad and The Odyssey. In the native philology Zhukovskiy's translations traditionally were deemed as liberal interpretations. Contemporary science left the desire of identical translation unfeasible.

Consequently, the liberal interpretation was also proved in the area of literary translation and Zhukovskiy's creative practice was acknowledged as the top of the art of translation.

Ключевые слова: Жуковский, русская литература, теория перевода, практика перевода, современное переводоведение.

Key words: Zhukovskiy, Russian literature, translation theory, practice of translation, modern translation studies.

В творчестве Жуковского переводы занимают большое место, и не только по их количеству, но и по их значению. Самое масштабное его произведение – перевод 12 000 стихов гомеровской «Одиссеи». Единственная законченная его большая драма – перевод «Орлеанской девы» Шиллера. Пересоздание в русском слове различных национальных эпосов, испанских песен о Сиде, немецких рейнских сказаний, фрагментов индийской «Махабхараты» и персидской «Шах-Наме» (по немецкому переложению Ф. Рюккерта) – его вклад в создание всемирной литературы на русском языке. В любимом им жанре баллады написаны 39 произведений, из них только 5 – авторские, остальные переводы, среди них есть и свободные, русифицированные, так называемые «переделки на наши нравы», как, к примеру, первая баллада Жуковского «Людмила». Даже в лирике, среди самых пронзительных лирических признаний исследователи отмечают примыкание, опору на иноязычные источники – стихотворения Гёте, Шиллера, Маттисона или оды Сапфо и Горация.

Это удивительное слияние *своего* и *чужого* чувствовал и сам автор-переводчик. «Я часто замечал, – пишет Жуковский Гоголю 6 (18) февраля 1847 г. из Франкфурта-на-Майне, – что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое или по поводу чужого – и все, однако, моё» [Жуковский, 1960, т. 4, с. 544].

Как тайну таланта Жуковского отмечают этот парадоксальный факт и пронзительные его критики. Так, Белинский писал ещё в 1840 году [Белинский, 1953, т. 3, с. 508]: «О Жуковском говорят, что у него мало своего, но

почти все переводное: ошибочное мнение! – Жуковский – поэт, а не переводчик: он воссоздаёт, а не переводит, он берёт у немцев и англичан только своё, оставляя в подлинниках неприкосновенным их собственное, и потому его так называемые переводы очень несовершенны как переводы, но превосходны как его собственные создания. <...> От всех поэтов он *отвлекал* своё или на их темы разыгрывал собственные мелодии, брал у них содержание и, переводя его через свой дух, претворял в свою собственность». Более подробно высказывается критик по этому вопросу в 1843 году в статье «Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая» [Белинский, 1953, т. 7, с. 167]: «Хотя Жуковский всегда действовал как необыкновенно даровитый переводчик, но на него не должно смотреть только как на превосходного переводчика. Он переводил особенно хорошо только то, что гармонировало с внутреннею настроенностью его духа, и в этом отношении брал *своё* везде, где только находил его, – у Шиллера по преимуществу, но вместе с тем и у Гёте, у Маттисона, Уланда, Гебеля, Вальтера Скотта, Томаса Мура, Грея и других немецких и английских поэтов. Многие он даже не столько переводил, сколько переделывал, иное заимствовал местами и вставлял в свои оригинальные пьесы. Одним словом, Жуковский был переводчиком на русский язык не Шиллера или каких-нибудь поэтов Германии и Англии: нет, Жуковский был переводчиком на русский язык романтизма средних веков, воскрешённого в начале XIX века немецкими и английскими поэтами, преимущественно же Шиллером. Вот значение Жуковского и его заслуга в русской литературе». Приведём ещё несколько красноречивых и верных высказываний Белинского о Жуковском из этой же статьи: «Неизмерим подвиг Жуковского, и велико значение его в русской литературе! Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзии элевзинскою богиней Церерою: она дала русской поэзии душу и сердце, познакомив её с таинством страдания, утрат, мистических откровений и, полного тревоги стремления в «оный таинственный свет», которому нет имени, нет места, но в котором юная душа чувствует свою родную, заветную сторону». «Жуковский – это поэт *стремления, душевного порыва к неопределённому идеалу*» (*курсив – наш*) [Белинский, 1953, т. 7, с. 220].

Суждения Гоголя о Жуковском, поэте-переводчике, относятся к 1846 году, когда он писал статьи «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в

чем же её особенности» и «Об “Одиссее”, переводимой Жуковским» (вошедшие затем в его книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» СПб., 1847). Приведём из них важнейшие места, касающиеся интересующей нас проблемы: «В последнее время в Жуковском стал замечаться перелом поэтического направления. <...> стих его стал крепче и твёрже, все приутоплялось в нем на то, дабы обратить его к передаче совершеннейшего поэтического произведения, которое <...> при таком напоенье всего себя духом древности и при таком просветлённом, высшем взгляде на жизнь, *покажет непременно первоначальный, патриархальный быт древнего мира в свете родном и близком всему человечеству, – подвиг далеко высший всякого собственного создания, который доставит Жуковскому значение всемирное*» (курсив – наш) [Гоголь, 1994, т. 6, с. 156-157]. Гоголь говорит здесь о переводе Жуковским «Одиссеи» Гомера. В специальной статье он разовьёт свои мысли подробнее. Писатель указал на значение гомеровской «Одиссеи», изображающей благоустроенность быта и бытия древнего мира. Эта универсальная по своему содержанию поэма оказала формирующее воздействие на всю историю европейской литературы, но в настоящее время в Европе позабыта. Отчасти потому, что современное человечество уклонилось, ушло от гармонии патриархальной жизни. Отчасти и потому, что не было ещё такого её перевода, который был бы не «рабской передачей», а *живым словом*, способным возратить читающее человечество к патриархальным истокам. Теперь такой перевод создан Жуковским (когда Гоголь писал свою статью, была готова только половина «Одиссеи», но, к счастью, поэт сумел завершить свой труд в 1848-1849 гг.). Создан на русском языке, «полнейшем и богатейшем всех европейских языков, русским поэтом, образовавшим свой талант на перевыражении образцов всей европейской литературы, выросшей из гомеровского зерна, и воспитавшим свою душу чувством гармонии природы и природной жизни и, главное, истинами христианства. Далее Гоголь выражал надежды, даже уверенность, что «Одиссея» Жуковского благотворно подействует на русскую жизнь, на всех и на каждого. Уверенность Гоголя показалась наивной. Между тем Гоголь был прав и в оценке содержания «Одиссеи», более универсального в сравнении с «Илиадой», воспевавшей один из эпизодов Троянской войны, (правда, в контексте «жизни божески-всемирной»), между тем как предмет «Одиссеи»

справедливо определяется как изображение судьбы человека в мире. Верно отметил писатель и факт забвения Гомера в Европе середины XIX века (к счастью, временного), ибо литература тогда следовала в основном либо романтическому, либо романтически-реалистическому направлению, а филологическая наука занималась развенчанием гомеровского эпоса и уничтожением Гомера. И только в XX веке благодаря многим художественным подражаниям Гомеру («Улисс» Дж. Джойса, «Презрение» А. Моравиа и др.) «Одиссея» восстановила свой авторитет неувядаемого шедевра. Справедливо оценил Гоголь и перевод Жуковского, услышав в нем *слово живо* и предсказал его благодетельное воздействие, если не на жизнь России, то на её литературу. Если русские писатели получили с этой поры в своё творческое распоряжение, в свою память всего русского Гомера, не одну героическую «Илиаду» Гнедича, но и лирико-идиллическую «Одиссею» Жуковского, то это для развития русского языка и литературы такое благодетельное явление, которое ещё недостаточно понято и оценено. Имея в виду приоткрывающуюся только сейчас безусловную верность высказываний Гоголя, необходимо, думается, привести их здесь текстуально: «Появление “Одиссеи” произведёт эпоху. “Одиссея” есть решительно совершеннейшее произведение всех веков. Объем её велик; “Илиада” пред нею эпизод. “Одиссея” захватывает весь древний мир, публичную и домашнюю жизнь, все поприща тогдашних людей, с их ремёслами, знаньями, верованьями... словом, трудно даже сказать, чего бы ни обняла “Одиссея” или что было бы в ней пропущено. В продолжение нескольких веков служила она неиссякаемым колодезем для древних, а потом и для всех поэтов. Из неё черпались предметы для бесчисленного множества трагедий, комедий; все это разнеслось по всему свету, сделались достоянием всех, а сама “Одиссея” позабыта. Участь “Одиссеи” странна: в Европе её не оценили; виной этого отчасти недостаток перевода..., отчасти недостаток языка...

Теперь перевод первейшего поэтического творения производится на языке, полнейшем и богатейшем всех европейских языков.

Вся литературная деятельность Жуковского была как бы приготовлением к этому делу. Нужно было бы его стиху выработаться на сочинениях и переводах с поэтов всех наций и языков, чтобы сделаться потом способным передать вечный стих Гомера <...> нужно было совершиться внутри

самого переводчика многим таким событиям, которые привели в большую стройность и спокойствие его собственную душу, необходимые для передачи произведения, замыслённого в такой стройности и спокойствии; нужно было, наконец, сделаться глубже христианином, дабы приобрести тот прозирающий, углублённый взгляд на жизнь, которого никто не может иметь, кроме христианина, уже постигшего значение жизни. Вот скольким условиям нужно было выполниться, чтобы перевод “Одиссеи” вышел не рабская передача, но послышалось бы в нем *слово живо (курсив – наш)*, и вся бы Россия приняла бы Гомера как родного.

Зато вышло что-то чудное! Это не перевод, но скорее воссоздание, восстановление, воскресенье Гомера. Перевод как бы ещё более вводит в древнюю жизнь, чем сам оригинал. Переводчик незримо как бы стал истолкователем Гомера, стал как бы каким-то зрительным, выясняющим стеклом перед читателем, сквозь которое ещё определительней и ясней выказываются все бесчисленные его сокровища.

“Одиссея” своей русской одеждой, в которую облёк её Жуковский, может подействовать значительно на очищение языка... кажется, как бы пропал вовсе всякий слог и склад речи: их нет, как нет и самого переводчика. На месте его стоит перед глазами, во всем величии, старец Гомер, и слышатся те величавые вечные речи, которые не принадлежат устам какого-нибудь человека, но которых удел вечно раздаваться в мире...» [Гоголь, 1994, т. 6, с. 25-27, 31]. Таким образом, уже в прижизненной критике сложилось авторитетное мнение о Жуковском как о превосходном переводчике и вместе с тем – оригинальном поэте. Он способен был показать переводимый памятник даже ярче, художественно убедительнее, чем он был в оригинале. И одновременно его перевод свидетельствовал о собственных вкусах, чувствах, мыслях русского автора, и тем более о его языковом чутье и таланте.

Разумеется, такое впечатление складывалось уже непосредственно из чтения переводов Жуковского. Каждый же такой опыт, воплощённый в художественную ткань произведения, сознательно обдумывался исполнителем и был как бы «сама теория».

Надо вспомнить, однако, что переводческая практика сопровождалась или предварялась его теоретическими высказываниями или даже отдельными

эссе, в которых он разъяснял свои переводческие стратегии. Впервые о принципах перевода мы читаем у Жуковского в его статье «О басне и баснях Крылова» (Вестник Европы, 1809. Ч. 45. № 9, с. 35-67). В разборе первой опубликованной книги басен Крылова Жуковский обнаружил самостоятельность оценок и тонкое критическое чутье. А в своих общих литературно-теоретических рассуждениях о жанре автор, как показывают современные исследователи [Реморова, 1988, с. 409-423; Разумова, 1984, с. 35-74, с. 55-56], опирался на многочисленные литературно-эстетические трактаты западноевропейских философов и писателей, в частности на «Элементы литературы» Мармонтеля. К сочинениям Мармонтеля, а именно к статье «О переводе» («Traduction»), предположительно, восходят и общие требования к переводам [Разумова, 1984, с. 66-68], высказанные Жуковским как при рассмотрении переводов басен, так и в рассуждении о переводе трагедии в следующей статье «Радамист и Зенобия: трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинения Кребиллона. Перевел с французского Степан Висковатов» (Вестник Европы, 1810. Т. 54. № 22, с. 102-120). Эти требования следующие: знание языков, поэтики жанров, риторики, техники стиха, стилистический вкус, понимание большей сложности перевода стихотворений простых, нежели возвышенных, имеющих нечто общее в слоге на разных языках, но главное, – это поэтический талант и сходство переводчика с автором оригинала в характере таланта и воображения, как и жизненных предпочтений. При их исполнении переводчику удастся создать новое произведение, равноценное оригинальному тексту, и самому, будучи творцом выражений в родном языке, стать автором оригинальным.

Не оспаривая вероятности предположения о статье Мармонтеля как об источнике воззрений Жуковского на перевод, заметим ясное а priori значение и многих других источников, как и собственных мыслей автора, добытых в процессе переводческого опыта. Важно отметить, что рассуждения русского поэта о переводе начинается с эффектной формулы, источник которой не найден: «Переводчик в *прозе* есть раб, переводчик в *стихах* – соперник» (*курсив – наш*) [Жуковский, 1985, с. 189]. Этот афоризм принадлежит Жуковскому и представляет заострённое осмысление его переводческого и даже жизненного опыта. Имея за плечами переводы элегии Т. Грея и баллады Г.А. Бюргера,

прославившие его имя и опубликованные даже с изменёнными названиями: «Сельское кладбище»¹ и «Людмила»², Жуковский с полным правом мог себя почувствовать не только автором оригинальным, соперником иностранных поэтов, но и победителем в поэтическом состязании. О своих прозаических переводах Жуковский всегда вспоминал неохотно. Но они, бесспорно, дали ему большой опыт перевыражения иноязычных текстов, формируя его «переводной слог», который, по слову Пушкина, «останется всегда образцовым» [Пушкин, 1996, т. 13, с. 13].

При этом, когда Жуковский переводил с текста-посредника, он знакомился и со взглядами западноевропейских авторов на перевод. Так, Флориан, с французской переделки которого поэт перелагал роман Сервантеса «Дон Кихот», в предисловии изложил и своё понимание памятника, свои принципы «украшенного» перевода. Считая его важным, русский переводчик начал свою работу с перевыражения этого предисловия: «Все читают Дон Кишота как роман забавный и приятный; не все находят в нем сию натуральную философию, которая смеётся над предрассудками, свято храня чистоту морали. Все, что герой говорит не о рыцарстве, как будто внушено мудростью и дышит любовью к добродетели; самое безумство его есть, в испорченном смысле, сия же любовь к добродетели. Дон Кишот – сумасшедший делами, мудрый мыслями. Он добр: его любят; смеются ему и всюду охотно за ним следуют» [Жуковский, 1815, с. 2]. И далее о правилах принятой во французской литературе концепции исправленного перевода: «... есть недостатки в Серванте; некоторые шутки часто повторяются, иные слишком растянуты; есть неприятные картины. Сервантес не везде имел очищенный вкус, он платил дань своему веку! Сверх того всякая нация имеет свой особенный вкус <...> я ослабил некоторые слишком сильные выражения, переделал многие стихи; выбросил повторения, наконец, быстротою слога заменил красоты, которых не мог найти в родном языке <...> Люди, не слишком строгие, которые не лишают переводчиков смысла и вкуса, могут поверить моей любви к Серванту, что я выбросил из него только то, что не могло быть

¹ Элегия Т. Грея называлась «Элегия, написанная на сельском кладбище» – «Elegy written in a Country Churchyard».

² Баллада Бюргера называлась по имени героини – «Ленора» («Lenore»).

его достойно в переводе. Знатоки в испанском языке не будут винить меня за то, что я осмелился сократить сию книгу, превосходную, несомненно приятную, в своём роде единственную. Они столько же знают, как и я, что мне иначе поступить было не можно. Красоты одного языка нередко исчезают в другом. Что же делать в таком случае переводчику? Пропускать или писать своё?» [там же, с. 5-9]. Надо сказать, что вольности классицистического перевода нередко сочетались с точностью передачи иных «красот» подлинника. Так, по Флориану, «одну из главных красот сего оригинала составляет приятность, разнообразие слога. Сервант, заставляя говорить Дон Кишота, нередко возвышает свой тон, становится ритором. В разговорах Санчи всегда комическая простота и колкость. Совсем другой язык для пастухов, натуральный весёлый и всегда приятный. Слог историка чист, лёгок, в иных местах несколько пышен, но везде гладок и непринуждён. Остаётся желать, чтобы все это нашли в моем переводе» [Жуковский, 1815, с. 9-10]. Русский переводчик добавляет: «И мне тоже». Согласно наблюдениям современного исследователя, Жуковский придерживался в своём переводе примера Флориана, следуя ему и в принципе точной передачи «красот», и в перedelке или пропуске недостатков [Багно, 1987, с. 293-311]. Использовал он и характерный для французской теории приём замены, позволяющей компенсировать невозможность перевода конкретного выражения эквивалентным дополнением. В качестве примера такого «сдвинутого эквивалента» исследователь приводит перевод Жуковским речи Дон Кихота: «Санчо! – воскликнул он в восхищении, – все пословицы справедливы, но эта всех справедливее: *одна дверь на замок, а другая настезь!* Прошедшим вечером плутовка фортуна изрядно подшутила над нами, но *утро* вечера мудрёнее». И даёт ему следующий комментарий: «Ощутив фольклорную основу скалькированной Флорианом испанской пословицы («donde una puerta se cierra otra se abre») и не подобрав ей прямого русского эквивалента, Жуковский решил компенсировать утрату чуть ниже в этой же фразе подлинной русской пословицей, между тем, как французский текст оснований для этого не давал. С другой стороны, благодаря обыгрыванию слова *вечер* (во всем тексте – курсив наш) оказался восстановленным столь важный для Сервантеса принцип

словесной игры (в оригинале обыгрывается слово «la puerta» – «дверь»), утраченный у Флориана» [Багно, 1987, с. 305-306].

В общей форме приём «сдвинутого эквивалента» как принцип замен был обоснован аббатом Делилем в предисловии к его переводу вергилиевых «Георгик»: «Les Géorgique de Virgile, traduites en vers française. Par M. l'Abbé De Lille. Discours préliminaire (pp. 57-64). Paris, 1784». Эта книга в издании 1784 года (Discours préliminaire (pp. 57-64)) была в библиотеке Жуковского и имеет его пометы [Библиотека В.А. Жуковского: описание, 1981, с. 314]. А главное, русский поэт не только был с нею хорошо знаком, но и полностью разделял взгляды французского теоретика. Точное изложение основных его правил Жуковский опубликовал в виде статьи под названием «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» в журнале «Вестник Европы» (Вестник Европы, 1810. Ч. 49. № 3, с. 190-198) с указанием на её переводной характер пометой «С французского» и с обозначением своего участия подписью автора-переводчика инициалом: «Ж.» «Сильные черты, – пишет Жуковский вслед за Ж. Делилем, – надобно выражать с свойственной им краткостью; следовательно, сказанное автором в одном стихе должно быть и переводчиком выражено в одном же стихе: сила теряется от распространения. <...> должность переводчика <...> состоит в том, чтобы он везде в переводе своём старался произвести то действие, которое производит подлинник. Он обязан, сколько возможно, представить нам если не те же самые красоты, то по крайней мере такое же количество красот. Переводчика можно сравнить с должником, который обязывается заплатить если не тою же монетою, то по крайней мере ту же сумму. Например, ему невозможно в переводе своём сохранить того или иного образа – пускай заменит его мыслию; он не может живописать для слуха – пускай живописует для ума; не может быть силен – пускай заменит силу гармониею; не может быть краток – пусть будет богат; предвидит, что принуждён будет ослабить оригинал свой в этом месте, – пускай усилит его в другом и возвратит в конце похищенное в начале; словом, он непременно должен держаться системы строгого вознаграждения, стараясь, однако, возможно, быть близким к главному характеру подлинника. Из всего сказанного выше следует, что никогда не должно сравнивать стихов переводчика с стихами, соответствующими им в подлиннике: о достоинстве

перевода надлежит судить по главному действию целого. Но чтобы переводить таким образом, необходимо нужно не только наполниться, как говорят, духом своего стихотворца, заимствовать его характер и переселиться в его отечество; но должно искать его красот в самом их источнике, то есть в природе; чтобы удобнее подражать ему в изображении предметов, надлежит ему самому видеть сии предметы, и в таком случае переводчик становится творцом. Ты хочешь переводить Томсона – оставь город, переселись в деревню, пленяйся тою природою, которую хочешь изображать вместе с своим поэтом: она будет для тебя самым лучшим истолкователем его мыслей» [Жуковский, 1985, с. 286].

Судя по тексту статьи, Жуковский полностью разделяет принципы «классицистического» перевода Делиля, хотя в истории переводческого искусства русского поэта принято относить к следующему – романтическому периоду [Эткинд, 1973, с. 55-114; Левин, 1985, с. 8-25]. Очевидно, что в представлении Жуковского между этими периодами нет разрыва, что в правилах иноязычного перевыражения светской литературы в классицизме и романтизме больше единства, чем противоположности, почему он и иллюстрирует французскую классицистическую теорию примером предромантического английского автора³.

Действительно, и в эпоху классицизма и в эпоху романтизма переводчики стремятся к пересозданию подлинника в духе «прекрасной природы» или в свете идеала, требуют сочувствия, сопереживания автору, используют замены и понимают воссоздание источника в родном языке как творческое состязание двух оригинальных поэтов в широком пространстве и «большом времени» (вечности) настоящего искусства: «переводчик в стихах – соперник». Этим общим принципам свободного, «исправительного» или «украшающего» перевода пытались противопоставить теорию «реалистического» перевода, будто бы создающего точное перевыражение поэтического подлинника на ином языке и в иной поэтической традиции. Но анализ переводов авторов, придерживающихся концепции максимально верного перевода, обнаружил в их художественной практике достаточно

³ Заключающий статью пример Томсона добавлен Жуковским. В переводе Предисловия Делиля В.В. Капнистом он отсутствует. См. *Капнист В.В. Избранные произведения*. Л.: Советский писатель, 1973. С. 137.

большую степень свободы – отклонений от подлинника, замен, необходимых с точки зрения языка или восприятия новой поэтической традиции. Так, в частности, обстоит дело и с поэтическими переводами Пушкина, хотя они и характеризовались как образцы реалистически верной передачи подлинника, ибо отдельными запоминающимися чертами воспроизводят и «авторов стиль», и «цвет» времени и места источника, в силу использования неизбежных замен должны быть квалифицированы как *вольные*. Это, с одной стороны, ещё раз показало принципиальную невозможность совершенно *точного* поэтического перевода, характерно смягчение степени точности в эволюции определения: от точного к адекватному (от *adequatus* – приравненный) и далее к *полноценному* или *эквивалентному* (от *aequivalens* – равнозначный, равноценный). И, с другой стороны, поставило под сомнение правомерность периодизации истории перевода в соответствии со сменой направлений в развитии литературы. Хотя перевод и принимает в различные времена некоторые особенности стиля эпохи (так, в эпоху романтизма можно обнаружить большее внимание к местному колориту, чем в эпоху классицизма), главное в нем определяется интенциями переводчика, едиными на протяжении многих веков в различных этнонациональных традициях. Это противоположные установки: одна – на буквальный, пословный или построчный, сформировавшаяся при переводе сакральных текстов и впоследствии перенесённая на принципы переложения текстов научных; и другая – сложившаяся при перевыражении текстов изящной литературы, преимущественно поэтических, стихотворных, установка на вольный поэтический перевод, добивающийся адекватности художественного впечатления у читателя в иноязычной поэтической традиции.

Именно эти две противоположные трансисторические установки в перевыражении иноязычного подлинника выделил Пушкин в своей статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного Рая”». Одну из них он связал с французской традицией «исправительных переводов», другую обозначил стремлением дать подстрочный перевод *«слово в слово»*. Показательно, для объективности поэта, что он оценивает критически обе противопоставленные тенденции. Казалось бы, убеждённый в просветительской функции перевода (по остроумно-шутливой его формуле:

«переводчики – почтовые лошади просвещения» – [Пушкин, 1997, т. 12, с. 179]), Пушкин должен был бы осудить «украшенные» переводы и стать на сторону переводчиков, стремящихся к «буквальной» точности. Но... Достижение названной цели Пушкин признает невозможным: «Нет сомнения, – пишет он, – что стараясь передать Мильтона *слово в слово*, Шатобриан однако не мог соблюсти в своём переложении верности смысла и выражения. Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Возьмём первые фразы: *Comment vous portez-vous; How do you do*. Попробуйте перевести их слово в слово на русский язык» [там же, с. 144]. Неисполнимость буквального перевода в целом, как и неудача Шатобриана в переводе «Потерянного Рая», не побудили Пушкина признать безоговорочно противоположные этим установкам поэтические переводы, в частности переложение Мильтона «в стихах аббата Делиля, который ужасно поправил его грубые недостатки и украсил его без милосердия» [там же, с. 138], как и другие «подкрашенные» переводы Летурнера или Флориана. Абсолютизация рационалистических правил классицистического вкуса французскими переводчиками представляется Пушкину совершенно неправомерной: «В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы не находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике, а с тем вместе оказать услугу и нашему автору, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить образованный вкус французского читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и перед <кем> извинял таким образом и вот к чему ведёт невежественная страсть к народности!.. Наконец критика спохватилась. Стали подозревать, что г. Летурнер мог ошибочно судить о Шекспире, и не совсем благоразумно поступил, переправляя на свой лад Гамлета, Ромео и Лира. От переводчиков стали требовать более верности, и менее щекотливости и усердия к публике – пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде. Даже мнение, утверждённое веками и принятое всеми, что переводчик должен стараться передать дух, а не букву, нашло противников и искусные опровержения» [там же, с. 137].

Эти размышления Пушкина о переводе датируются второй половиной 1836 г. Жуковский нашёл их после смерти поэта в его бумагах и подготовил их к печати в журнале «Современник» (1837. Кн. V. с. 127-137). Рассматриваемая Пушкиным проблема была Жуковскому очень близка, это была проблема его жизни и творчества. Ему были известны, продуманы в теории и испытаны в творческой практике и первая установка на художественный, свободный перевод, и вторая – на перевод буквальный. Эту вторую установку он обдумывал и осуществлял при перевыражении древнего памятника «Слово о полку Игореве» в 1817-1819 годы. Позднее он выскажется о ней в «Обзоре русской литературы за 1823 год», критически оценивая перевод древнерусского памятника Н. Ф. Грамматиным: «Но в переводе стихотворном он часто удаляется от оригинала и тем самым его портит. В переводах такого рода нужно одно: буквальная верность, ибо мы хотим только понимать с точностью оригинал; все, что его изменяет, не может иметь никакой для нас цены, именно потому, что оно уже новое» [Жуковский, 1985, с. 316].

Размышления Пушкина о переводе, датируемые второй половиной 1836 года, Жуковский читал уже в 1837 году, когда после смерти поэта нашёл статью в его бумагах и готовил её к печати в пушкинском журнале (Современник, 1837. Кн. V. С. 127-131). Внимание Жуковского, очевидно, привлекали новые пушкинские акценты в понимании близкой проблемы. Вероятно, он обсуждал их и в беседах о статье Пушкина с друзьями (с А. И. Тургеневым в феврале 1837 г., с К. Фикельмоном и Н.Н. Раевским в августе 1837 г.) и пытался воплотить двуединое пушкинское требование верного воспроизведения подлинника без насилия над родным языком и достижения художественного впечатления при необходимых заменах в своих поздних переводах из гомеровского эпоса. Между тем и в прижизненной критике и в позднейших исследованиях Жуковского продолжали упрекать за допущенные им отступления от гомеровского подлинника. По-видимому, массовым литературно-критическим сознанием не была понята предложенная Пушкиным концепция диалектического единства буквального и свободного перевода, совмещения противоположных установок, принятых в должную меру. Теория перевода до конца XIX – начала XX века и далее в советский период двигалась в прежнем направлении противопоставления точного и вольного переводов, с предпочтением точного

и осуждением вольных, с различением классицистических, романтических и реалистических переводов и подражаний [Чешихин-Ветринский, 1895, с. 57-112; Шестаков, 1902, с. 7-42; Толстой, 1935, с. 36-44; Егунов, 1964, с. 331-401; Федоров, 1968, с. 57-67; Эткинд, 1973, с. 55-114; Левин, 1985, с. 8-25; Тураев, 1988, с. 275-288; Ярхо, 2000, с. 330-346]. И только в середине 1980-х годов в статье Г. М. Фридлендера среди актуальных вопросов изучения творчества Жуковского была названа и проблема переоценки критики переводов Жуковского [Фридлендер, 1987, с. 25-28], а в комментариях к их публикации в издательстве «Радуга» были напечатаны и некоторые опыты их нового освещения [Аверинцев, 1988, с. 253-254].

Переоценка переводов Жуковского, оправдание их вольности (опущений, дополнений, замен) осуществилась в последнее десятилетие. Она стала результатом не только более внимательного и объективного их прочтения, но и существенного поворота в понимании проблем переводоведения. Поворот наметился ещё в 1980-е годы и был продиктован необходимостью теоретически осмыслить резкое увеличение переводных текстов в связи с глобализацией современной культуры, расширением сферы международного общения, выходом проблем перевода за пределы художественной литературы и поэзии в область чисто информативных текстов, научных работ, технических рекомендаций, деловых документов, юридических законов, социальных манифестов, политических деклараций, международных договоров и т.д. Область информативно-прагматического перевода требовала особой точности, почему и возник вопрос о её границах. Лингвистическое изучение проблематики показало с полной очевидностью, что создание полного подобия оригиналу в переводе – задача неисполнимая. В силу различия языковой картины мира, семантики отдельных слов, их семантического поля, сферы употребления, стилистической окраски, неадекватности грамматической системы и синтаксических структур, тексты в подлиннике и переводе, даже при обретении буквальности перевыражения, не могут быть тождественными. Таким образом, лингвистическая теория перевода подтвердила истину, сформулированную Пушкиным в статье о переводе 1837 года: «Подстрочный перевод никогда не может быть верен» [Пушкин, 1997, т. 13, с. 144].

Отказ в переводоведении от несбыточной утопии точного перевода привёл, с одной стороны, к оправданию необходимых замен в лексическом и синтаксическом перевыражении источника, а с другой стороны, – к смягчению критерия оценки верности перевода в понятии эквивалентности – условного (а не реального, лексико-синтаксического) соответствия образа или выражения в исходном языке перевода. Особенно часто это бывает при исполнении задачи перевыражения речевых формул, предупредительных надписей, общепринятых пожеланий, определяемых обиходным узусом в разных языках.

С подобными случаями достижения коммуникации при неполной передаче содержания оригинала с помощью условных эквивалентов мы сталкиваемся и в других аспектах переводимого текста в зависимости от его цели. С точки зрения так называемой скопос-теории, входящей в современную коммуникативно – или функционально – лингвистическую теорию перевода, *не все переводимо и не все должно быть переведено*. Если текст имеет прагматическую цель или информативно-технический характер, то перевод должен соответствовать оригиналу в прагматическом смысле или точно передавать описание технического прибора, как и руководства по его применению. В отличие от *коммуникативно-информативных переводов*, основная функция которых заключается в передаче каких-либо сведений делового, научного, общественно-политического и тому подобного характера иноязычному реципиенту, *художественный перевод* – перевыражение произведений художественной литературы, кроме информативных функций, имеет также и цель – *«художественно-поэтическую»*. «Основная задача переводчика в этом виде перевода», – по определению специалиста, – *«передать художественно-эстетические достоинства оригинала, создать полноценный художественный текст на языке перевода. Ради достижения этой главной цели переводчик более свободен в выборе средств, жертвуя отдельными деталями переводимого текста»* [Комиссаров, 2000, с. 115]. Художественный перевод является по преимуществу *свободным*, допускающим опущения, дополнения и замены. Однако, на современный взгляд, и *«свободный перевод может быть признан адекватным (равным, вполне соответствующим, обладающим высоким уровнем эквивалентности. – Е.Л.)*

если с его помощью решается определённая прагматическая задача или обеспечиваются высокие достоинства перевода» [там же, с. 153].

Так современная наука о переводе, отказавшись от несбыточных утопий, целей тождественного перевыражения оригинала на другом языке, оправдала *свободный* перевод, признав его возможную адекватность, высокую степень эквивалентности при всех изменениях лексико-синтаксической организации подлинника. Отказалась современная теория и от дифференциации свободных художественно-поэтических переводов в зависимости от литературного метода классицизма, романтизма и реализма или от формальных коэффициентов *точности* (числа сохранённых слов в переводе относительно общего количества лексических единиц) и *вольного* (количество слов, добавленных переводчиком) [Гаспаров, 1971, с. 88-128] и вернулась к такому главному критерию, как достижение художественного эффекта, создание живого произведения инонациональной литературы.

Таким образом, можно сказать, что результатом современной науки о художественном переводе стало возвращение к переводческим стратегиям Жуковского и полное оправдание его художественной практики, признание её вершиной переводческого искусства не только в области русской литературы, но и литературы европейской, от её начал вплоть до сегодняшнего дня. Вот как говорится о нем в уже цитируемой нами книге «Современное переводоведение»: «Жуковский был одним из величайших мастеров перевода за всю историю этой деятельности» [Комиссаров, 2000, с. 100].

Переводческие стратегии и художественная практика Жуковского привлекают внимание специалистов по сравнительному литературоведению и в настоящее время. Принципы перевода в критической мысли и творчестве Жуковского вновь анализируются в исследовании Н.В. Захарова. В специальном разделе монографии «Рецепция Шекспира в творчестве Жуковского» исследователь говорит о мастерстве русского поэта в перевыражении текстов английских авторов: «...его переводы В. Скотта, Байрона, Саути, Кемпбелла, Мура... превосходят оригиналы. По крайней мере, благодаря переводческому таланту Жуковского, для русской поэтической традиции эти произведения значат больше, нежели в родной английской» [Захаров, 2008, с. 83]. А в разделе «Требование к переводу в пушкинскую эпоху» автор монографии справедливо

отмечает: «Близость теории Жуковского к пушкинскому пониманию переводческих задач очевидна» [там же, с. 116].

Список литературы

Аверинцев С.С. Размышления над переводами Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII - XIX века: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; отв. ред. В.Ю. Троицкий; [предисл. В.Ю. Троицкого и др.]. М.: Наука, 1988. 253-254 с.

Багно В.Е. Жуковский – переводчик «Дон Кихота» // Жуковский и русская культура: сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); [редкол.: Р.В. Иезуитова (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 293-311 с.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. Т. 3, 7.

Библиотека В.А. Жуковского: описание / сост. В.В. Лобанов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 416.

Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. Сборник восьмой. М.: Советский писатель, 1971. 88-128 с.

Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 6.

Езунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII - XIX веков. М.-Л.: Наука, 1964. 331-401 с.

Жуковский В.А. Собр. соч.: в 4 т. / вст. ст. И.М. Семенко; подг. текста и примеч. И.М. Семенко, Н.В. Измайлова, В.П. Петушкова, И.Д. Гликмана. М.-Л.: Гослитиздат. 1959-1960. Т. 4. С. 783.

Жуковский В.А. Предисловие / В.А. Жуковский // Дон Кишот Ла Манхский. Соч. Серванта. Переведено с франц. Флорианова перевода В. Жуковским: в 6 т. М.: Университетск. тип., 1815. Т. 1. 2–10 с.

Жуковский В.А. Эстетика и критика / вст. ст. Ф.З. Кануновой и А.С. Янушкевича, подгот. текста, сост. и примеч. Ф.З. Кануновой, О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. М.: Искусство, 1985. С. 431.

Захаров Н.В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2008. 320 с.

Капнист В.В. Избранные произведения / В.В. Капнист; подг. текста и примеч. Г.В. Ермаковой-Битнер и Д.С. Бабхина; вступит. ст. Г.В. Ермаковой-Битнер. Л.: Сов. писатель, 1973. 615 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2000. 187 с.

Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. С. 8-25.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 19 т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 12, 13.

Разумова Н.Е. В.А. Жуковский – читатель «Элементов литературы» Мармонтеля // Библиотека В.А. Жуковского в Томске: в 3 ч. / ред. Ф.З. Канунова (отв. ред.), Н.Б. Реморова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. Ч. 2. С. 35-74.

Реморова Н.Б. Прозаические басни Лессинга в переводе Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске: в 3 ч. / ред. Ф.З. Канунова (отв. ред.), Н.Б. Реморова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. Ч. 3. С. 409-423.

Толстой И.И. Одиссея в переводе Жуковского // Гомер. Одиссея. М.-Л.: Academia, 1935. С. 36-44.

- Тураев С.В.* Шиллер в переводах В.А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII – XIX века: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; отв. ред. В.Ю. Троицкий; [предисл. В.Ю. Троицкого и др.]. М.: Наука, 1988. С. 275-288
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистич. очерк). М.: Высшая школа, 1968. 393 с.
- Фридлиндер Г.М.* Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского // Жуковский и русская культура: сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); [редкол.: Р.В. Иезуитова (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. С. 25-28.
- Чешихин-Ветринский В.Е.* Жуковский как переводчик Шиллера. Рига: Б. и., 1895. 172 с.
- Шестаков С.П.* В.А. Жуковский как переводчик Гомера. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. 43 с.
- Эткинд Е.Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973. 248 с.
- Ярхо В.Н.* В.А. Жуковский – переводчик «Одиссеи» // Гомер. Одиссея. М.: Наука, 2000. С. 330-346.

Ломидзе С.Д.
Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)

Lomidze S.
Tbilisi Javakhishvili State University
Tbilisi (Georgia)

РОЛЬ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПЕРЕВОДЕ
ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА
АКАКИЯ ЦЕРЕТЕЛИ ПЬЕСЫ МИРЗЫ ФАТАЛИ АХУНДОВА «ВИЗИРЬ
ЛЕНКОРАНСКОГО ХАНСТВА»)

ROLE OF CULTUROLOGICAL APPROUCH IN THE TRANSLATION OF
DRAMATIC WORKS (BASED ON THE TRANSLATION OF MIRZA FATALI
AKHUNDOV'S PLAY «VIZIER OF LENKORAN KHANATE» BY AKAKI
TSERETELI)

Осознание значимости профессии переводчика в современном мире становится причиной появления научных исследований, рассматривающих переводчика как носителя двух культур и языков. Переводчик – это языковая личность, которая проявляет себя и свою субъектность не только через предметную деятельность, но и через общение, которое немислимо без языка и речи. В данной работе материалом для лингвокультурологического сопоставления служит художественный текст, в частности переводный текст драматургического произведения. В ней исследуются особенности перевода пьесы Мирзы Фатали Ахундова «Визирь Ленкоранского ханства», выполненного Акакием Церетели. Переводчик широко использовал в переводе текста комедии живую грузинскую разговорную речь, подвергнув её глубокой художественной обработке. Как показали наши наблюдения, постановка переводной пьесы направлена на однократное и мгновенное восприятие текста на слух, и на первый план здесь выходит продуктивность коммуникации со зрителем, которая чаще всего достигается за счёт приёмов прагматической адаптации, значительно трансформирующих оригинал, вместе с тем в переводе важно сохранять те элементы, которые реципиентом перевода могут быть восприняты как носители национальной специфики.

Realizing the meaning of a translator's profession in the modern world becomes a basis for creating research studies that discuss translator as a person who is knowledgeable of the two cultures and languages. Translator is a Linguistic identity who expresses himself/herself and

individuality by means of communication which is unimaginable without language and speech. Here, source for culturological comparison is a literary text, specifically translational text of dramatic work. This work investigates the special aspects of Akaki Tsereteli's translation of the play written by Mirza Fatali Akhundov named «Vizir of Lenkoran Khanate». In his translation of the comedy A. Tsereteli widely used Georgian spoken language, which he treated artistically. As our research shows, performance of translated plays are oriented on realizing and understanding the text instantly by listening. Translation is focused on productivity of communication with audience, which is mainly reached by using pragmatic adaptation that transform original one, along with it, it is important to retain the elements, which recipients consider as bearers of national characteristics.

Ключевые слова: языковая личность переводчика, особенности перевода драматургического произведения, культурологический подход к переводу.

Key words: linguistic identity of a translator, characteristics of translation of a dramatic work, culturological approaches of translation.

Осознание значимости профессии переводчика в современном мире становится причиной появления научных исследований, рассматривающих переводчика как носителя двух культур и языков.

Исследование характера восприятия художественного текста другой культуры через перевод позволяет определить культурные расхождения. Возникает вопрос о том, может ли одна культура понять другую на уровне художественного перевода и возможно ли выявить факторы, которые обеспечивают культурную адекватность художественных текстов, т.к. перевод представляет собой новую интерпретацию оригинала, позволяющую ему войти в другую культурную систему.

Следовательно, с этой точки зрения текст представляет собой одну из форм существования культуры. Особенность нашего подхода к переводу с точки зрения культурологии состоит в том, что материалом для лингвокультурологического сопоставления служит художественный текст, в частности переводный текст драматургического произведения. Различия в этических и эстетических нормах, культурных традициях, художественных образах разных народов часто приводят к трудностям понимания инокультурного текста.

Как известно, переводчик – это языковая личность, которая проявляет себя и свою субъектность не только через предметную деятельность, но и через общение, которое немислимо без языка и речи.

Языковая личность – вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психические, и этические, и социальные и другие компоненты, но преломлённый через её язык, её дискурс [Караулов, 1987, с. 86]. Одним из функциональных аспектов общечеловеческой языковой личности является языковая личность переводчика, находящаяся на стыке двух или более культур и играющая роль медиатора между ними. Как известно, с одной стороны, переводчик должен сохранить авторские культурные маркеры, а с другой стороны, помочь реципиенту распознать инокультурные маркеры, часто адаптируя их, делая их приемлемыми для восприятия реципиента.

С этой точки зрения интерес представляет исследование особенностей перевода драматургических произведений. В данной работе исследуются особенности перевода пьесы Мирзы Фатали Ахундова «Визирь Ленкоранского ханства», выполненного Акакием Церетели.

Прежде всего, следует отметить, что проблемы перевода драматургических произведений затрагиваются в очень немногих работах. Однако, с точки зрения ряда учёных, драматургический текст нельзя переводить так же, как прозу, так как сама пьеса читается по-иному: она воспринимается как нечто незавершённое, поскольку полный её потенциал может раскрыться только в ходе театрального представления. На наш взгляд, с этим связана и главная проблема переводчика, который должен решить, следует ли переводить пьесу как обычный художественный текст либо как элемент другой, более сложной, системы.

При переводе театральных пьес необходимо учитывать, что язык, на котором написана пьеса, представляет собой лишь один из элементов сложной системы слуховых и визуальных знаков. Кроме того, как известно, текст пьесы содержит и жестикуюляционный подтекст, определяющий движения актёра на сцене в ходе спектакля. По мнению ряда исследователей, в отличие от процесса чтения, по сути представляющего собой контакт отдельного читателя с текстом, роль театральной публики имеет публичный характер. Поэтому переводчик

должен воспринимать текст как отдельный элемент театральной постановки, находящийся в сложных отношениях с публикой.

Как известно, жизнь любого произведения в чужой стране определяется степенью близости иностранного перевода к языку оригинала. Но успешно перевести пьесу – значит учесть, как перевод зазвучит со сцены. На наш взгляд, А. Церетели, который был известен не только как создатель поэтических и прозаических произведений, но и как переводчик драматических произведений и лирики, а также блестящих переводов басен Крылова, приступая к переводу комедии Ахундова «Визирь Ленкоранского ханства» руководствовался именно этими критериями.

Считаем целесообразным рассмотреть переводческие принципы, которым следовал А. Церетели при переводе драматургических произведений.

Прежде всего, следует отметить, что он категорически выступал против дословного перевода.

В своих статьях Акакий Церетели ставил вопрос о так называемой «акклиматизации» переводного произведения, его адаптации на новой почве [Буржанадзе 1992, с. 206].

Как известно, А. Церетели являлся руководителем и режиссёром Грузинского театра. Одним из главных недостатков переводных драматургических произведений он считал то, что переводчик заменял только собственные имена и географические названия, а само действие оставлял без изменений. Следовательно, по мнению Акакия Церетели, в театральном произведении следовало изменять не только собственные имена, но и все ситуативное действие. Как полагал А. Церетели, индивидуальность переводчика проявляется и в том, каких авторов и какие произведения он выбирает для воссоздания на родном языке.

Переводческий процесс для А. Церетели является творческим процессом, поэтому, по его мнению, художественный перевод должен быть всесторонне осмыслен с точки зрения оригинала, и здесь трудно обойтись только знанием иностранного языка, здесь нужно особое чутье, мастерство – уметь чувствовать языковые формы, игру слов, и уметь передать художественный образ. Теоретические принципы А. Церетели нашли своё проявление в его переводческой практике.

За перевод пьесы «Визиря Ленкоранского ханства» Ахундова, основоположника азербайджанской драматургии, «азербайджанского Мольера», Акакий Церетели взялся потому, что он изучил азербайджанский язык на факультете восточных языков в Петербургском университете, а Мирза Фатали Ахундов был одним из его любимых писателей.

Как известно, по просьбе грузинского театрального общества Ахундов перевёл все свои пьесы с азербайджанского языка на русский, именно этим переводом воспользовался А. Церетели.

В своей комедии «Визирь Ленкоранского ханства», критикуя небольшое деспотическое государство, Ахундов выявлял антинародный характер феодальной власти, языком художественных образов доказывал невозможность дальнейшего существования подобного ханства, необходимость устранения несправедливых и деспотических правителей и создания государства во главе с гуманным и умным правителем.

Интересно отметить, что А. Церетели назвал пьесу «Визирь хана». Именно поэтому вместо следующего подробного описания времени и места действия *«Происходит пятьдесят лет назад, на берегу Каспийского моря, в городе Ленкорань, в доме визиря Мирзы-Хабиба»* (здесь и далее курсив наш – С.Л.), в переводе даётся только указание *«Дом Мирзы-Хабиба»* (здесь и далее перевод с грузинского наш – С.Л.). Такое образное обобщение, на наш взгляд, предполагает, что в конкретной картине человеческой жизни, описанной автором, читатель видит обобщённый смысл, проблему, поставленную в произведении. Акакий Церетели не говорит о том, когда происходит действие пьесы, чтобы показать, что данные события могли произойти в любое время. Также он не указывает место действия и тем самым как бы переносит историю из одного определённого города в любой другой город или даже страну, давая понять, что эти события не характеризуют одну какую-то определённую культуру, а свойственны любому народу. В какой-то мере такое отступление от оригинала оправданно, так как именно актуальностью пьесы можно объяснить, почему спустя 50 лет после её написания Церетели взялся её переводить.

Считаем целесообразным привести несколько наиболее показательных примеров, иллюстрирующих переводческие принципы А. Церетели.

В первую очередь следует рассмотреть подход А. Церетели к передаче реалий. Для этого достаточно привести первый стих из первого действия пьесы.

*Визирь. Хаджи-Салах, ты должен заказать в Реште **нимтене** из голубой парчи, да такое, чтобы подобного ему нельзя было найти в Ленкорани.* В переводе вместо незнакомого грузинскому читателю **нимтене** А. Церетели вводит реалию **катиб** – название грузинской национальной одежды, представляющей собой женскую не очень длинную одежду, надеваемую поверх платья. Здесь же следует обратить внимание ещё на одну деталь, в частности при описании **нимтене** в стихе *Заказываешь для любимой жены нимтене с **золотыми пуговками**?* (Зиба-ханум) переводчик говорит о *жемчужных пуговицах*. Конечно, и в данном случае переводчик преследовал определённую цель. Жемчуг являлся самым любимым камнем у многих грузинских цариц. Жемчугом расшивали грузинский национальный головной убор. Кроме того, жемчужина олицетворяет лунное начало, силу вод, женское начало океана, свет, посвящение, справедливость. Считалось, что жемчужина образуется вследствие пробивания раковины молнией, поэтому она рассматривалась как соединение огня и воды (двух оплодотворяющих начал), символ рождения и возрождения.

Как известно, жемчуг символизирует явление Бога во Вселенной, тайну трансцендентального, которое становится видимым, одухотворение материи, трансмутацию элементов, венец их развития. Это символ души или духа, заключённого в тело, внутреннего центра, Тайного знания, истины, до которой можно прийти, лишь прилагая усилия, потому что она скрыта, как жемчуг внутри ракушки. В Священном Писании Царствие Христово уподобляется драгоценной жемчужине, которую покупает купец, продав все, что имел (Мф. 13:46). У Матфея жемчужины служат символическим выражением слова Божьего: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими...» (Мф. 7:6). Славное состояние святых на небесах изображается в виде 12-ти ворот из драгоценных жемчужин (Отк. 21:21).

С. Влахов и С. Флорин выделяют реалии в особую категорию средств выражения. Под реалиями они понимают «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий

(эквивалентов) других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 1980, с. 47].

Как известно, среди трудностей, возникающих при переводе реалий выделяют следующие: отсутствие в переводимом языке соответствия (эквивалента) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта) и необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) – её национальную и историческую окраску.

Здесь же следует отметить, что А. Церетели опускает красочное изображение *нимтене* и заменяет пространное поэтическое описание несколькими предложениями. И в данном случае такой подход переводчика к тексту пьесы совершенно оправдан, так как спустя более века современные режиссёры по-прежнему настаивают на том, что «излишне литературный перевод» может оказаться губительным для текста драмы, так как от переводчика, склоняющегося к поэтическим красотам, ритмике, лексической окрашенности текста, может ускользать технология действия, необходимая для режиссуры.

Показателен также перевод следующих стихов.

Когда первая жена визиря Зиба-ханум в первом действии раскрывает обман мужа, она обращается к нему с такими словами: *«Мне ли не знать твою сестру? Из скупости она кладёт сыр в банку и только снаружи прикасается хлебом к её стенкам»*. В переводе читаем: *«Разве не знаю я твою сестру? От излишней скупости она наливает мёд в кувшин, посуду облизывает снаружи, а для другого же не пожалеет катиб в сто туманов?»*.

Естественно, А. Церетели мог дать адекватный перевод, но в данном случае, на наш взгляд, он стремился создать совершенно новый метафорический образ. Что же такое мёд в кувшине?

Мёд – символ чистоты, Божьего Слова, вдохновения, красноречия и поэзии, пища богов, бессмертных и поэтов. Мёд приравнивался к блаженству Нирваны в Индии и к райским наслаждениям в Китае и на Западе. Он считался первозданно чистой священной пищей и служил приношением высшим божествам. Символ инициации, бессмертия и возрождения, мёд использовался в обрядах посвящения и очищения; его употребляли при поминовении умерших и

приносили в жертву хтоническим богам. У христиан мёд символизирует земное пастырство Христа и сладость Слова Божия. Акридами и диким мёдом питался в пустыне Иоанн Предтеча. По библейскому описанию, в Земле обетованной «течёт молоко и мёд».

Можно также объяснить, почему слово **банка** переводчик заменяет словом **кувшин**. И этому можно найти реальное объяснение. Ведь как и другие сосуды, **кувшин** являлся символом материнского лона, источника жизни и живительной влаги. В Древнем Египте кувшин считался атрибутом Исиды и Осириса. Аллегорическая фигура Умеренности часто изображалась льющей воду из одного кувшина в другой. С кувшином изображалась и Геба, прислужница олимпийских богов. Так возникает в переводе совершенно новый художественный образ – «**мёд в кувшине**».

В третьем действии к хану приходят просители. Один из них обращается к нему со словами: «*Всемиловитейший хан, у меня заболел **брат**. Мне сказали, что этот человек лекарь*».

У Акакия Церетели слова просителя звучат так: «*Господин хан, дай вам бог здоровья!.. Мой **верблюд** заболел, мне посоветовали его (указывает на второго просителя), мол он лекарь животных*».

Почему в переводе появляется совершенно новый образ? Этому также можно найти объяснение.

В христианстве верблюд символизирует умеренность, достоинство, королевскую кровь, послушание, жизненную силу и ассоциируется с Магами и Иоанном Крестителем, который носил пояс из верблюжьей шкуры. Верблюд, преклоняя колени для принятия ноши, олицетворяет смирение и покорность. У иранцев верблюд ассоциируется с драконом. У римлян верблюд являлся персонификацией Аравии на монетах. Воздержание, сдержанная почтительность – ассоциации, которые отражают представления христиан о том, что верблюд способен безропотно нести тяжёлую поклажу (по утверждению святого Августина) и проходить огромные расстояния без воды. Иисус Христос использовал верблюда как метафору трудности попадания богачей в рай: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мк. 10:25). В западном искусстве (и на римских монетах)

верблюд часто служит аллегорией Азии. Волшебный верблюд – рождественская эмблема в христианстве.

Следует сказать и о языке героев комедии. Бережное отношение к родному языку, к его истокам было характерно для всего творчества А. Церетели. Пламенное патриотическое чувство, любовь к народу и активное творческое отношение к жизни лежали в основе мировоззрения А. Церетели. Он широко использовал в переводе текста комедии живую грузинскую разговорную речь, подвергнув её глубокой художественной обработке. Он отбирал необходимые яркие и меткие изречения, способные с наибольшей прямотой выразить те идеи и понятия, которые он хотел донести до сознания грузинского зрителя.

Таким образом, как показали наши наблюдения, постановка переводной пьесы направлена на однократное и мгновенное восприятие текста на слух, и на первый план здесь выходит продуктивность коммуникации со зрителем, которая чаще всего достигается за счёт приёмов прагматической адаптации, значительно трансформирующих оригинал, вместе с тем в переводе важно сохранять те элементы, которые реципиентом перевода могут быть восприняты как носители национальной специфики.

Список литературы

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980, 340 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987, 261 с.

Бурджанадзе К. Развитие художественного перевода в Грузии в XIX веке. Тбилиси, 1992 (на груз. яз.), 340 с.

Лаурентьева Е.С.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Lavrentyeva E.
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В РАМКАХ ИГРОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА

DIFFICULTIES OF TRANSLATING LINGUOSTYLISTIC PECULIARITIES OF ARTISTIC TEXTS IN THE FRAMEWORK OF THE LUDICAL LANGUAGE PARADIGM

В статье рассматривается игровая концепция языка в духе идей Л. Витгенштейна и Й. Хёйзинги применительно к передаче лингвостилистических нюансов художественных текстов. В рамках игровой концепции языка приводятся примеры широкого и узкого понимания в кругу лингвистов и переводоведов термина «языковая игра», введённого Л. Витгенштейном. Изучается людическая модель перевода Е.Ю. Куницыной (ego играющее eo ipso ego рискующее), позволяющая рассматривать переводческую деятельность как особый вид языковой игры. Переводы трагедии «Гамлет» и сонетов У. Шекспира анализируются на основе сопоставления игровых ходов автора и переводчиков с рассмотрением стратегий освоения/остранения (доместификации/форенизации).

The article deals with the investigation of the ludical language paradigm as inspired by L. Wittgenstein's and J. Huizinga's views with a regard to transferring linguostylistic peculiarities of artistic texts. We provide readers with examples of broad and narrow understanding of the notion "language play" introduced by L. Wittgenstein. We consider in detail the ludical model elaborated by E. Kunitsina (ego playing eo ipso ego gaming) that allows us to regard the process of translation as a specific kind of language play. We analyze translations of Shakespeare's "Hamlet" and sonnets on the basis of contrastive study of game moves of the author and translators paying attention to strategies of naturalizing/alienating (domestication/foreignization).

Ключевые слова: язык, языковая игра, переводческий процесс, людическая модель, освоение, остранение, доместификация, форенизация.

Key words: language, language play, translation/rendering, the ludical model, naturalizing, alienating, domestication, foreignization.

Представления о языке как игре, о существовании различных языковых игр оказали влияние на развитие новых концепций и подходов в гуманитарных науках. В работе Й. Хёйзинги «Homo Ludens» освещается игровой характер культуры, игра выводится на первый план как избыточная по природе, но социально необходимая деятельность. Осмысливая историческое развитие человечества, Й. Хёйзинга сосредоточивает внимание на языке, который вовсе не лишён игровых элементов: «Наиболее заметные первоначальные проявления общественной деятельности человека все уже пронизаны игрою. Возьмём язык, это первейшее и высшее орудие, которое человек формирует, чтобы иметь возможность сообщать, обучать, править. Язык, посредством которого человек различает, определяет, устанавливает, короче говоря именуется, то есть возвышает вещи до сферы духа. Играя, речетворящий дух то и дело перескакивает из области вещественного в область мысли. Всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов. Так человечество всё снова и снова творит своё выражение бытия, второй, вымышленный мир рядом с миром природы» [Хёйзинга, 2011, с. 27].

Примечательно, что сравнение языка с играми кажется Л. Витгенштейну весьма уместным для прояснения сущности языковой деятельности: «Разве аналогия между языком и играми не способна пролить свет? Мы легко можем представить людей, что развлекают себя забавами на воздухе, играют в мяч, начиная разные известные им игры, но не доводят до конца и просто бесцельно перебрасываются мячом, гоняются друг за другом и в шутку кидают один в другого мячом и так далее. А теперь кто-то говорит: все время они играют в мяч и следуют определёнными правилами при каждом броске. И не тот ли это случай, когда мы играем и придумываем правила в ходе игры? И даже меняем их в ходе игры» [Витгенштейн, 2011, с. 69-70]. Действительно, установление сходства между языком и играми оказывается весьма продуктивным для лучшего понимания феноменов, с которыми мы сталкиваемся. Достаточно

вспомнить различие между внешней и внутренней лингвистикой, проводимое Ф. де Соссюром на примере игры в шахматы. Понимание языка как системы, подчиняющейся своим законам, вызывает ассоциацию с игрой, ведь в обоих случаях человеку отводится активная роль как хранителя, обеспечивающего сохранность системы путём её воспроизведения, так и преобразователя, меняющего старые и вводящего новые правила.

Л. Витгенштейн вводит в работе «Философские исследования» понятие «языковая игра», выражающее деятельный характер говорения: «...термин «языковая игра» призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, то есть форму жизни» [Витгенштейн, 2011, с. 30-31]. Стоит отметить, что наряду с такими примерами языковой игры, как сообщение о событии, описание внешнего вида объекта, сочинение истории и др., Л. Витгенштейн указывает и перевод с одного языка на другой. Введённое австрийским философом новшество заключается в рассмотрении процесса говорения как «формы жизни», поэтому Л. Витгенштейна можно по праву считать провозвестником теории речевых актов, знаменующей обращение к человеку в лингвистике.

Анализируя определение Л. Витгенштейном понятия «языковая игра» как деятельности и «формы жизни», важно отметить, что ряд лингвистов сужает понятие языковой игры, обращая внимание преимущественно на область комического, то есть рассматривая разрушение нормы языка для образования каламбуров. В связи со сказанным стоит процитировать В.З. Санникова, который во введении к своей монографии «Русский язык в зеркале языковой игры» характеризует языковую игру как область комического: «Какой интерес может представлять для лингвиста отражение языка в зеркале языковой игры – зеркале заведомо кривом? Ведь языковая игра, как и комическое в целом, – это отступление от нормы, нечто необычное (даже, по Аристотелю, нечто безобразное)» [Санников, 2002, с. 13].

В.З. Санников ссылается на монографию «Русская разговорная речь», где языковая игра трактуется как игра говорящим с формой речи для усиления её выразительности или же для создания комического эффекта.

Важно отметить, что подобное толкование языковой игры в широком и узком значении находит своё отражение и в переводоведении. Рассматривая

языковую игру как игру говорящего с формой речи, Д.А. Миронова раскрывает особенности её перевода, анализируя этапы, предшествующие перевыражению текста ИЯ в знаках ПЯ [Миронова, 2010, с. 59-68]:

1) декодирование смысла языковой игры на уровне горизонтального (в рамках предложения, абзаца, всего текста) и вертикального контекста (обращение к фоновым знаниям);

2) оценка степени переводимости, то есть учёт специфики исходного текста, влияющей на способы его передачи при переводе.

На основе анализа значимости лингвокультурологического фактора в переводе Д.А. Миронова делает вывод о том, что степень переводимости трансформированных прецедентных высказываний (ТПВ) зависит от степени проникновения прецедентных высказываний (ПВ) в когнитивную базу адресатов. Д.А. Миронова отмечает, что переводчик сталкивается с меньшими трудностями при переводе ТПВ, образованных от универсальных ПВ (библейзмов, общих фразеологических единиц, цитат из классических литературных произведений), нежели при работе с безэквивалентными высказываниями. Согласно исследователю, в первом случае появляется возможность использования трансформаций на основе материала, знакомого аудитории ПЯ. Данное утверждение справедливо, однако, приведённый в качестве обоснования этой точки зрения пример не является самоочевидным: «Например: ИТ: TNK-BP: something rotten in the state of Russia [The Times] / ПВ — цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет»: Something's rotten in the state of Denmark / ПТ: 'ТНК-ВР': не все в порядке в королевстве русском [ИноСми]]» [Миронова, 2010, с. 65]. Примечательно, что трудности возникают не на этапе декодирования языковой игры, а на этапе поиска способа перевыражения, ведь переводчику необходимо определить, какой перевод фразы окажется наиболее привычным для российской аудитории. Учитывая, что «Гамлет» переводился неоднократно, переводчику придётся делать непростой выбор основы для переводческой трансформации: «Да! Что-то в Дании недоброе творится» (М.А. Загуляев, 1861), «Да! Что-то в Дании теперь неладно!» (П.П. Гнедич, 1892), «Подгнило что-то в датском государстве» (М. Лозинский, 1933), «Какая-то в державе датской гниль» (Б. Пастернак, 1940) и др.

Важно отметить, что данный подход способен оказаться весьма плодотворным для перевода разного рода каламбуров, так как перевод игр с формой речи требует особых переводческих решений, которые должны опираться на разработанную методику действий. Однако узкое понимание языковой игры не способно охватить процесс перевода как особый род языковой деятельности. В этой связи стоит привести слова Э.Н. Мишкурова, который придерживается трактовки Л. Витгенштейна и рассматривает сам перевод как языковую игру: «Перевод различных типов, жанров и форм языковых игр сам по себе является своеобразной разновидностью речевой деятельности, представляющей собой уникальную феноменологическую семиотико-интерпретационную языковую игру. Другими словами, в рамках юридической концепции речевых актов мы толкуем переводческий процесс как специфический вид речевой деятельности в сфере межкультурной коммуникации, представляющий собой разновекторное межъязыковое посредничество с целью перевыражения текста ИЯ в знаках ПЯ на максимально-достижимых уровнях соответствия – когнитивно-эвристическом, этнопсихолингвистическом, дискурсивно-креативном и некоторых других в зависимости от текстотипа оригинала» [Мишкуров, 2012, с. 10].

Е.Ю. Куницына также обращается к понятию «языковая игра» в трактовке Л. Витгенштейна, отмечая тот факт, что игровой концепции перевода на данный момент не существует в силу недостаточного освещения особенностей перевода как юридической деятельности. Подчёркивая двойной онтологический статус художественного перевода (перевод как процесс и перевод как результат), Е.Ю. Куницына предлагает юридическую модель перевода: переводчик как Ego играющее eo ipso Ego рискующее. Определение движущих сил игры по Р. Кайуа помогает рассматривать перевод в юридическом ключе: «Движущими силами игры согласно Р. Кайуа выступают: 1) потребность в самоутверждении, желание показать себя самым лучшим; 2) любовь к соперничеству, к рекордам или просто к преодолению трудностей; 3) ожидание милостей от судьбы или погоня за ними; 4) удовольствие от тайны, притворства, переоблачения; 5) удовольствие испытывать страх или внушать его другим; 6) стремление к повтору, к симметрии или же, напротив, радость импровизировать, выдумывать, бесконечно варьировать решения; 7) радость

от выяснения тайн, разгадывания загадок; 8) удовлетворение, доставляемое любым комбинаторным искусством; 9) желание испытать себя, соревнуясь в силе, ловкости, скорости, выносливости, устойчивости, изобретательности; 10) разработка правил и кодексов, обязанность соблюдать их, соблазн их обойти; 11) опьянение и упоение, стремление к экстазу, желание пережить сладостную панику. Для игры-перевода не менее свойственными оказываются фактически все, за исключением 5» [Куницына, 2010, с. 72-73]. Внимания заслуживает обращение исследователя к переводу как к творческой деятельности, предполагающей соперничество с автором и другими переводчиками, напряжение соревнования, характерные риск и азарт, упорное движение к цели и, наконец, ожидание выигрыша.

Учитывая неизбежный риск в переводческой игре, Е.Ю. Куницына определяет переводчика как Его рискующее, подтверждая это положение словами В. фон Гумбольдта: «Подтверждением тезиса о переводчике как EGO рискующем служит известное высказывание В. фон Гумбольдта о неизбежно грозящей переводчику опасности «разбиться об один из подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт своего подлинника» [Куницына, 2010, с. 69]. Автор детально описывает сходство перевода и игры, подмечая особенности проявления игровой личности переводчика. Е.Ю. Куницына приходит к выводу, что порядок переводческой игры зависит от стратегии переводчика, его вкусов и предпочтений, степени свободы. Переводчик трансформирует свои целевые установки в задачи игры, например, в стремление сохранить или устранить чужеземный колорит произведения, сосредоточить внимание на форме или на содержании и т.д.

В зависимости от своей целевой установки переводчик может стремиться к сохранению лингвостилистических особенностей оригинала (путь остранения/форенизации) или, напротив, стараться сгладить те черты, которые, по его мнению, не будут приняты читателями перевода (путь освоения/доместификации). Сопоставление указанных методов восходит к работам Ф. Шлейермахера, посвящённым проблемам перевода: «Я считаю, путей только два. Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда

идти навстречу приходится писателю. Оба пути совершенно различны, следовать можно только одним из них, всячески избегая их смешения, в противном случае результат может оказаться плачевным: писатель и читатель могут вообще не встретиться» [Шлейермахер, 2013, с. 7].

Ф. Шлейермахер уделяет внимание последовательному анализу обоих методов перевода, однако, отмечает, что попытка перенести чужестранного писателя на родную почву рискует обернуться умозрительной: «Представьте себе, что переводчик говорит читателю: вот, я принёс тебе книгу, такую, как написал бы этот человек, пиши он по-немецки; а читатель отвечает ему: премного благодарен, но это все равно, как ты написал бы портрет человека, такой, как если б мать родила его от другого отца. Ибо при создании произведения науки и искусства духу создателя принадлежит право материнства, а его родному языку дано право отцовства [там же, с. 18].

Переводчик становится сотворцом автора при переводе, поэтому неизменно должен отвечать на каждый оригинальный игровой ход своим переводческим решением, стремясь передать едва уловимые нюансы. В художественной литературе игровой характер языка проступает наиболее явно. Стремление сохранить оттенки значения приводит лингвистов и переводоведов к убеждению в необходимости форенизации как способа, позволяющего передать авторские слова-образы, что особенно важно при переводе поэзии и драматических произведений.

Сравнивая переводы произведений «Гамлета» У. Шекспира, Е.Ю. Куницына обращает внимание на перемену Лаэрта в обращении к сестре (изменение в оригинале местоимений you/youг, свидетельствующих о формальности отношений, на thou/thee/thy после развернувшейся на глазах у героя трагедии), которая была отражена в переводе лишь А. Радловой:

«Ср.: My necessities are embark'd: farewell: / And, sister, as the winds give benefit, / And convoy is assistant, do not sleep, / But let me hear from you (I, 3);

By heaven, thy madness shall be paid by weight, / Till our scale turn the beam. O rose of May! / Dear maid, kind sister, sweet Ophelia! (IV, 5)

Из 11 переводчиков только один – переводчица А. Радлова, прибегнув к форенизации, передала в своём переводе этот контраст между двумя выше описанными сценами. <...> Остальные переводчики domesticiровали

оригинал, используя ты/твоё, что, конечно, соответствовало ожиданиям русской аудитории, но при этом полностью нивелировало разницу в степени близости/дистантности родных брата и сестры в двух разных сценах – до трагедии (смерть Полония) и после. <...> Ср. в переводе А. Радловой: Поклажа уж на корабле. Прощайте! / При случае и при попутном ветре, / Сестра, не спите и пришлите мне/ Весть о себе (I, 3); Клянусь, я отплачу твоё безумье, / И перевесит месть. О роза мая, / Сестра, Офелия, девочка моя! (IV, 5).

Для сравнения – перевод Б. Пастернака [1997]: Мешки на корабле. Прощай, сестра. / Пообещай не упускать okazji / И при попутном ветре не ленись / И вести шли. (I, 3); Свидетель Бог, я полностью воздам/ За твой угасший разум, роза мая! / Дитя, моя Офелия, сестра! (IV, 5)» [Куницына, 2010, с. 356-357].

Нельзя обойти вниманием попытки О. Сороки передать употребление Шекспиром слов в новых значениях, активное создание новых слов:

«Переводческий принцип О. Сороки как раз в том и заключается, чтобы, пусть не сию минуту, пусть в другом месте текста, но обязательно отразить странное шекспировское словотворчество, дать русскому читателю возможность остановиться, зацепиться взглядом за необычное слово так же, как "споткнётся", остановится англичанин, читая Шекспира на родном языке. <...> Голос благоматный, змеевласой фурией, плотоядствует в Египте, обмозолеть, сероливейный, конёк игрENEвый — таков неполный список поэтических неологизмов О. Сороки в его переводах Шекспира» [там же, с. 304 – 305]. Данный подход представляется уместным, так как яркие слова, создаваемые переводчиком, умело передают силу оригинальных образов.

Впрочем, далеко не всегда переводчики выбирают стратегию форенизации, нередко отдавая предпочтение освоению (доместификации). Так, анализируя сонеты У. Шекспира в переводах С.Я. Маршака, М.Л. Гаспаров и Н.С. Автономова обнаруживают следующий подход: «...вместо всего, что слишком резко, слишком ярко, слишком надуманно (с точки зрения современного человека, конечно), Маршак систематически вводит образы более мягкие, спокойные, нейтральные, привычные. Делает он это с замечательным тактом, позволяя себе подобные отступления, как правило, только в мелочах – в эпитетах, во вспомогательных образах, в синтаксисе, в интонации. Но этих

мелочей много (мы видели, что только в двух сонетах их набралось более двух десятков), а переработка их настолько последовательна, настолько выдержана в одном и том же направлении, настолько подчинена одним и тем же принципам, что эти мелочи сами складываются в единую поэтическую систему, весьма и весьма не совпадающую с системой шекспировского оригинала» [Гаспаров, 2001, с. 394].

Рассматривая оригинал и перевод в рамках игровой концепции языка, можно заметить склонность переводчика определённым образом реагировать на ходы авторской игры. М.Л. Гаспаров, Н.С. Автономова обращают внимание на три неизменные установки при передаче образов У. Шекспира, свойственные С.Я. Маршаку: замена напряжённости мягкостью, конкретного – абстрактным, логики – эмоцией. На примере сонета 33 исследователи прослеживают полное изменение исходного образа «славного солнца» (*glorious sun*) в переводе: *glorious* ☞ опущение, как следствие, *sovereign eye* («державный взор») ☞ благосклонный взор, «*all triumphant splendour*» («всетождствующий блеск») ☞ щедрые дары.

Как справедливо отмечают авторы, «Шекспировское солнце прекрасно потому, что оно – блистательное и властное; у Маршака солнце прекрасно потому, что оно – богатое и доброе. <...> Маршак называет своё солнце "солнышком" (и Морозов [там же, 178] горячо это приветствует); шекспировское же солнце назвать "солнышком" немислимо. Перед нами два совсем разных образа» [там же, с. 391].

Действительно, первый ход в переводческой игре (отказ от перевода понятия «*glorious*») заставляет С.Я. Маршака изменить игру целиком, дабы не допустить неуместной непоследовательности. Подобное отдаление от автора можно проследить на примере следующей череды ходов в сонете 7: *gracious, middle age, feeble age* ☞ опущение, *homage* («почёт») ☞ «привет», *serving* («служение») ☞ «встреча», *sacred majesty* («величественное божество») ☞ «лучистое божество». Впрочем, авторы указывают не столько на проблему передачи отдельных слов, сколько на изменение в интерпретации образов, что приводит к трансформации смысла всего произведения [там же, с. 393].

Нарушение связности игровых ходов в дуэте автора и переводчика оборачивается изменением языковой личности автора в переводе:

«Спокойный, величественный, уравновешенный и мудрый поэт русских сонетов отличается от неистового, неистощимого, блистательного и страстного поэта английских сонетов. Английский Шекспир писал сонеты для друга и дамы, русский Шекспир – для нас и вечности. <...> Об идеологии Шекспира по переводам Маршака судить можно, но о стиле Шекспира – никогда. Сонеты Шекспира в переводах Маршака – это перевод не только с языка на язык, но и со стиля на стиль» [там же, с. 408].

Подводя итоги, стоит отметить, что переводчику неизбежно приходится делать выбор в пользу освоения/остранения иностранного произведения. Следование избранной стратегии предполагает акцентирование лингвостилистических различий или, напротив, их сглаживание. Вышеприведённые примеры со всей отчётливостью свидетельствуют в пользу форенизации как способа передачи чужеземного колорита, буквы и духа подлинника. Безусловно, путь остранения требует приложения от переводчика всего его мастерства в состязании с автором и другими переводчиками. Игровая концепция языка позволяет проследить последовательность ходов переводчика, высвечивая следование за автором/отдаление от автора. Учёт игровых аспектов переводческой деятельности представляет собой новый подход к анализу перевода.

Список литературы

- Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011. 347 с.
- Гаспаров М.Л., Автономова Н.С.* Сонеты Шекспира – переводы Маршака // Гаспаров М.Л. О русской поэзии. СПб., Азбука, 2001. с. 389-409.
- Куницына Е.Ю.* Лингвистические основы юридической теории художественного перевода : дис. д-ра фил. наук: 10.02.19 / Куницына Е.Ю. Иркутск, 2010. 474 с.
- Куницына Е.Ю.* Юридическая модель перевода: переводчик как его играющее eo ipso его рискующее // Известия СПбГУЭФ, 2010. с. 67-72.
- Куницына Е.Ю.* О некоторых лингвофилософских аспектах юридической теории художественного перевода // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. №11. с. 70-76.
- Миронова Д.А.* Специфика предпереводческого анализа языковой игры, основанной на трансформированном прецедентном высказывании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. №4. с. 59-68.
- Мишкоров Э.Н.* Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингвофилософском и лингвокультурологическом осмыслении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. №1. с. 5 – 16.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

Шлейермахер Ф. О разных методах перевода [Электронный ресурс] / Ф. Шлейермахер – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermaher> (18.04.2013). 20 с.

Макаров И.О.
Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
г. Москва (Россия)

Makarov I.
A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОД В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

TRANSLATION IN THE RENAISSANCE

Статья посвящена становлению переводческой деятельности в эпоху Возрождения. В начале статьи рассказывается о расцвете гуманитарных наук в Италии в конце XIV – начале XV веков. Затем освещается греко-латинская лингвистическая ситуация. Описывается период возрождения Вольгаре и вытеснение им, поначалу, народных языков, своеобразная лингвистическая ситуация в других странах Европы того времени, таких как – Франция, Германия, Англия и описывается влияние трудов выдающихся творцов того времени. В конце подводится итог на основе рассмотрения основных переводческих принципов.

The article considers the formation of the translation in the Renaissance period. The paper begins with the description of the soft sciences' flowering in Italy in the late XIV – early XV centuries. Then the Greek - Latin linguistic conflict is reported. The period of Low Latin's revival and the ejection of other languages by it is described. The peculiar linguistic situation in other countries like France, Germany, England and authors' work influence is also described. In the end the main translator principles are summarized.

Ключевые слова: гуманитарные науки, эпоха Возрождения, перевод.

Key words: Arts and Humanities, the Renaissance, translation.

Эпоха Возрождения – XIV – XV века нашей эры, именно в это время, сначала, во Флоренции, а затем и в других городах зародились гуманитарные науки, люди начали стремиться к изучению природы и самих себя – людей. Зародилось гуманистическое движение, явившееся основой для всего ренессансного мировоззрения.

В конце XV – начала XVI веков гуманистическое движение развивалось не только в Италии, но и в других странах Центральной и Западной Европы. Традиции данного движения оказывали немалое влияние на развитие европейской культуры. Опорой стало наследие античной эпохи, которая ярко отразилась на переводе в этот период.

Выделяются две языковые тенденции. С одной стороны, началось формирование живых, т.е. литературных, языков, вытеснивших, в процессе производства, латынь из всех сфер, где она господствовала, с другой стороны, проявилось стремление возродить классическую латынь (Язык Цицерона и Цезаря), которую называли «кухонной», языком «вольнодумцев», коим являлся и английский. Таким образом, народные языки потеряли былую популярность. Франческо Петрарки, именуемый «первым гуманистом» стал отдавать предпочтение латыни перед родным языком, считая его основным орудием культуры и науки.

Почти забытый Греческий язык играл огромную роль для деятелей того времени. Они считали, что их неосуществимы без знания данного языка, «таким образом сложилась языковая ситуация, напоминающая древнеримскую» [Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни]. Тем не менее, латынь сохраняла позицию доминирующего языка творцов того времени, выступая в роли переводящего языка. Данная ситуация и определила развитие перевода в данную эпоху.

Византийские эмигранты – одни из тех, кто сыграл огромную роль в становлении ренессансной традиции греко-латинских переводов. Представители Греческой образованности начали появляться в Западной Европе после падения Константинополя и гибели монархии в 1453 году. Леонтий Пилат возглавил первую кафедру Древнегреческого языка в 1630 году. Благодаря его стараниям, мир познал труды таких мыслителей, как Платон Петрарк, Гомер и Боккаччо.

Мануил Хрисолор явил собой поворотный момент в развитии греко – латинского перевода во Флоренции в 1397 году. Он воспитал целое поколение гуманистов, не будучи оригинальным ученым. Он получил популярность за, написанную им, грамматику древнегреческого языка, а его переводы античной классики стали достоянием «латинского Запада». Мануил Хрисолор стал первым, кто ввел «Республику» Платона в обиход.

Начиная с XV столетия греко – латинские переводы приобретают необычайную популярность. Например, Леонардо Бруни переводил на латинский творчество Аристотеля, Платона, Плутарха, Демосфена, Эсхила. Лоренцо Валла переводил Фукидида и Геродота. Анджело Амброзини перевел гомеровскую «Илиаду».

За пределами Италии также приобретают популярность многие творцы, к коим можно причислить Томаса Мора за его переводы диалогов Лукиана. Эразм Роттердамский, написавший «Похвалы глупости» также отличился своими переводами тех же диалогов Лукиана, трагедии Еврипида и сочинений Галена.

Деятельность византийца – философа Георгия Гемиста Плифона преумножила интерес к одному из крупнейших мыслителей античной эпохи – Платону. «Для истории перевода особую важность имела деятельность стоявшего во главе Флорентийской платоновской академии Марсилио Фичино, которого Николо Макиавелли назвал «вторым отцом Платоновской философии» [Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни].

Рассвет греко-латинских переводов должен был повлечь за собой стремление осмыслить все проблемы, стоящие перед переводчиком. И здесь, ренессансным авторам, следовало бы обратить свое внимание к наследию, оставленному античной традицией. Как уже говорилось, латынь оставалась универсальным орудием для создания новой культуры. Она даже потеснила итальянский язык, и это отразилось не только на греко – латинских переводах, но и на качестве переводов на итальянский язык.

В XVI веке возродились споры о важности народного(итальянского) языка. Многие отмечали важность и красоту вольгаре, играющие, на тот момент, огромную роль для переводов. Люди пытались доказать полезность латыни во всех сферах жизнедеятельности. Не смотря на тот факт, что полного вытеснения латыни не произошло, основным коммуникативным средством вновь стал народный(итальянский) язык.

Также стоит обратить внимание на развитие языковой ситуации и переводов во Франции того времени. Многие представители монархии и просто образованные горожане, не знающие латынь ощутили острую нужду в переводах.

Жак Амио является одним из выдающихся переводчиков Франции того времени. Его перевод «Жизнеописаний знаменитых греков и римлян», вышедший в 1559

году приобрел большую известность. Даже знаменитый Мишель Монтель отметил данную работу в своих «Опытах».

Одним из важнейших вопросов того времени являлся вопрос языка переводимых произведений. Приоритет падал на классическую латынь и, в итоге, приводил к полному копированию синтаксических особенностей подлинника. Данная тенденция выделяется в работах Николаса фон Виле.

Он считал свой язык «лишенным «искусства и правильности» [Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни]. Он настаивал на воспроизведении текста слово в слово, но при этом, он признавал, что это будет лишь «слепком» - копией оригинала, который явится слушателю малоприятным.

Данную позицию поддерживали многие немецкие гуманисты XV века. Язык переводов Виле стал рассматриваться как образец высокого стиля. Данному стилю многие стали подражать – Иоганн Готфрид, переводивший Цецерона, Аристотеля и Лукиана, Иоганн Зидерер, переводивший Апулея и Цецерона на немецкий язык.

Но, как и ожидалось, у сторонников данной тенденции нашлось много противников. Они обвиняли «буквалистов» в насилии над родным языком.

Ярким представителем противников «буквалистов» являлся Генрих Штейнхевель, переводивший басни Эзопа. Он утверждал, что переводить нужно не «слово за словом, а смысл за смыслом». [Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни]. Таким образом, он предал своим переводам свободу и простоту, доступные «простому люду».

Далее стоит отметить развитие ренессансной традиции перевода в Англии XV века. Здесь большую роль играли переводы с итальянского, а о передаче латинских и греческих авторах практически забыли. С 1558 по 1603 года, во времена правления Елизаветы I произошел рассвет английской литературы. Творчество Шекспира, безусловно, является высшим движением того времени.

«Таким образом, практика перевода того времени столкнулась с тремя основными тенденциями:

1. В качестве исходного языка выступал греческий, а переводящего – латинский (т.е. передача происходила с одного классического языка на другой).
2. Исходным языком был один из классических – греческий или латинский, а переводящим – народный (т.е. живой новоевропейский язык).

3. Процесс перевода осуществлялся между двумя новыми языками.

Уже в Эпоху Возрождения сформировались основные переводческие концепции, описанные в трудах знаменитого Леонардо Бруни, написавшего «Трактат о правильном переводе» («De interpretazione recta») [Березин Ф. М.]. В XVI столетии представители французского переводческого направления выделяются своими трудами. Среди них выделяются Жак Пелетье дю Ман и Этьен Паскье.

«Все эти авторы сводят принципы перевода к основным положениям:

1. Переводчик обязан до конца понимать то, что переводит, т. е. содержание и намерения автора.
2. Он должен в совершенстве владеть исходным и переводящим языками.
3. Не следует передавать подлинник слово в слово, поскольку такое слепое следование автору оригинала извратит содержание последнего и разрушит красоту его образного выражения.
4. Нельзя забывать о плавности и гармонии переведенного текста, ибо всякий раз надо дать возможность испытать радость не только душе, но и слуху читателя.» [Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни].

Прошло уже пять столетий, но данные положения считаются правильными для любого переводчика.

Список литературы

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). [Электронный ресурс] / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. М., 2008. Электронная библиотека ModernLib.Ru – Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/georgiy_teymurazovich_huhuni/nauka_o_perevode_istoriya_i_teoriya_s_drevneyshih_vremen_do_nashih_dney/read_1/
Березин Ф. М. История лингвистических учений. М., 1984г.

Малахова А.А.
ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема»
г. Биробиджан (Россия)

Malachova A.
Sholom-Aleichem Priamursky State University
Birobidzhan (Russia)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ И ДИСФЕМИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF EUPHEMISMS AND DYSPHEMISMS (BASED ON MODERN ENGLISH PRESS)

Данная статья посвящена проблеме лингвостилистических особенностей эвфемизмов и дисфемизмов (на материале современной англоязычной прессы). Язык постоянно развивается и в современной речи средств массовой информации отчётливо проявляются две противоположные тенденции: к огрублению речи и в то же время к её смягчению, т.е. к дисфемизации и эвфемизации. На лексическом уровне огрубление выражается в более широком употреблении вулгаризмов и грубых просторечных и жаргонных слов и выражений, а смягчение выражается в употреблении синонимичных слов и выражений, вместо тех слов, которые кажутся говорящему грубыми, неприличными и нетактичными. Рассматриваются примеры использования эвфемизмов и дисфемизмов в различных сферах, таких как: политической, экономической, социальной, медицины. А также анализируются их лингвостилистические особенности. Для этого изучены статьи из еженедельного журнала «The Guardian» за апрель 2013 года, касающиеся личности политиков, а также статьи, рассматривающие экономические, политические и культурные вопросы.

This article is devoted to the linguistic and stylistic features of euphemisms and dysphemisms (based on modern English press). The language is constantly evolving and the problem is that in modern speech two opposing trends are clearly seen: the coarsening of speech and at the same time its mitigation that are dysphemiya and euphemiya. Dysphemism is a "replacement emotionally and stylistically neutral words which more rude, dismissive, etc." The basic definition of euphemism is "emotionally neutral word or expression used instead of synonymous word and expression which the speaker considers to be obscene, rude or tactless." This article provides examples of the usage of euphemisms and dysphemisms in various discourses and explores their

linguistic and stylistic features. The materials taken from the weekly magazine «The Gardian» (for April 2013), concerning the personalities of politicians, economics, politics and culture were studied for this purpose.

Ключевые слова: дисфемизм, эвфемизм, семантический сдвиг, заимствования, дискурс, политическая корректность, метонимизация, метафоризация, калькирование.

Key words: dysphemism, euphemism, semantic shift, borrowing, discourse, political correctness, metonimizatsiya, metaphorization, tracing.

Язык развивается и функционирует в непосредственной связи с жизнью и поэтому социален по своей природе. Назначение языка быть средством общения между людьми, в этом проявляется его выраженный социальный характер. Общественные функции языка активно воздействуют на его структуру и во многом определяют направление его развития.

В современной речи отчётливо проявляются две противоположные тенденции: к огрублению речи и в то же время к её смягчению, т.е. к дисфемизации и эвфемизации. На лексическом уровне огрубление выражается в более широком употреблении вульгаризмов и грубых просторечных и жаргонных слов и выражений, а смягчение выражается в употреблении синонимичных слов и выражений, вместо тех слов, которые кажутся говорящему грубыми, неприличными и нетактичными. Подобный способ выражения мыслей диктуется социальными условностями. Кроме речевых единиц существуют определённые темы, которые, как и в английском, так и в русском языках, кажутся постыдными, и тем самым подвергаются эвфемизации.

Следует сказать, что эвфемизмы и дисфемизмы широко используются в языке рекламы, политики, экономики и медицины, в социальной сфере, в сфере обслуживания и некоторых других.

Довольно большое количество современных учёных-лингвистов, таких как Ахманова О.С., Кухаренко В.А., Мороховский А.Н., Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М., Гальперин И.Р., Анрушина Г.Б. сходятся во мнении, что эвфемизм можно считать стилистическим приёмом, который состоит в непрямом, прикрытом, вежливом смягчении какого-либо предмета или явления.

Эвфемизмы могут создаваться с помощью таких стилистических приёмов как: литота и мейозис, антономастический перенос, паронимическая замена,

аббревиация, деформация табуированных слов и некоторых других. Более распространённым является понимание эвфемизма как разновидности перифразы. Например, в англоязычной рекламе часто избегают прилагательное cheap (дешёвый) – вместо него выступают более безобидные inexpensive и economically priced (недорогой, экономный). А бывшие ранее в употреблении (б/у) автомашины – used cars или second-hand cars – сейчас всё чаще рекламируют не как подержанные автомобили, а как ранее находившиеся во владении – pre-owned cars.

Образование дисфемизмов также происходит с помощью определённых стилистических приёмов: семантического сдвига и контраста, антифразиса, метафоры, метонимии, прономинализации, перенесения с вида на вид и с рода на вид. Основной способ образования дисфемизмов – метафорический перенос. Например, для оскорбления человека часто используются зоонимы такие как: cow, pig, wolf, alley cat, etc.

Рассмотрим примеры использования эвфемизмов и дисфемизмов в различных дискурсах. Для этого мы изучили статьи из еженедельной газеты «The Guardian» за апрель 2013 года, которые касаются личности политиков, рассматривают экономические, политические и культурные вопросы.

Большое количество эвфемизмов мы встретили в языке политики и экономики.

Рассмотрим некоторые из них.

Her qualities (здесь и далее *подчёркнуто мной* – М. А) were mentioned; her defects as a leader were left unsaid. Just as inevitably, no one was there to represent the communities who intensely believe that too little respect has been paid to their feeling that she was their destructive enemy.

В данном примере выражения «qualities» и «defects» являются эвфемизмами. Вместо того чтобы назвать достоинства Маргарет Тэтчер или причислить её заслуги и то хорошее, что она сделала для страны автор использует слово «qualities», а неверные решения, ошибки в правлении он называет словом «defects». В данном случае эвфемизация создаётся с помощью перифразы, то есть косвенно говорится, о недостатках и положительных чертах Маргарет Тэтчер.

Most there were saying farewell to a former prime minister and closing the book on her era.

Используя оборот «closing the book», автор статьи прямо не говорит, что «железная леди» умерла и на этом её деятельность как премьер-министра Великобритании закончилась. Он использует метафору и пишет, что «закрылась книга её правления».

Эвфемизмы в области медицины.

However, some Stedham residents are reported to be bitterly opposed to the academy, which will occupy an 8-hectare (20-acre) site that used to be a school for children with special needs.

В данном примере мы видим классический эвфемизм «special needs», который строится при помощи перефразы. Автор заложил в эту фразу некий смысл о том, что это не обычные дети, а с особыми потребностями, с физическими или умственными нарушениями, то есть они инвалиды.

...a mad doctor who performed cheap, illegal, late term abortions in what the Daily Mail, inevitably, calls his "House of Horrors" clinic in Pennsylvania.

Метафоричное выражение "House of Horrors" является эвфемизмом. Данное сравнение основанное на ассоциациях, которые у нас возникают при слове незаконный аборт на позднем сроке.

В социальной сфере.

A spokeswoman for the Department for Education praised Durand's "rigorous curriculum, great teaching and sky-high expectations for all pupils" and said it had a superb record on helping disadvantaged pupils achieve excellent results.

При помощи перифразированной фразы «disadvantaged pupils» автор скрывает реальность и не говорит напрямую о том, что это ученики из неблагополучных, бедных семей.

But troubled Lindsay Lohan may at last be embarking on a journey to salvage her career.

В данном примере автор статьи напрямую не говорит о том, что Линси Лохан наркоманка, что она злоупотребляет алкоголем и несколько раз была в реабилитационной клинике, а всего лишь называет её проблемной «troubled». Данный эвфемизм создаётся с помощью перифраза.

В статьях из газеты «The Gardian» встретились дисфемизмы в сфере политических отношений.

...there's a Telegraph blog, humourous in tone, which says: "Hey, we all screw up" thereby making light of something serious.

В данном примере дисфемизм "Hey, we all screw up" создаётся с помощью стилистического контраста. Это выражение означает «облажаться» и поэтому является неуместным для употребления в газете.

Lynton Crosby, the hard man of Australian politics, who was hired by David Cameron as his campaign strategist, is as tough as a kangaroo's bottom and not easy to impress.

Дисфемистичное выражение «kangaroo's bottom» создаётся при помощи метафоры. Крутой нрав Линтона Кросби сравнивается с ягодицами кенгуру, что является в свою очередь оскорблением.

But not all of them were happy. As the bishop descended from the pulpit, one knight of the Tory press turned to his neighbours and declared: "I don't know about you, but I thought that was a load of crap".

Дисфемистичная фраза «a load of crap», что на русском означает «куча дерьма», основана на метафорическом переносе и применяется для описания того времени, когда Маргарет Тэтчер занимала должность премьер-министра Великобритании.

Some MPs work bloody hard all year round and others don't.

Вместо того, чтобы сказать работать не покладая рук (to work without cease or to work up to the collar) автор вводит стилистически контрастное выражение «work bloody hard», которое в данном контексте является дисфемизмом и употребляется для усиления значения.

Дисфемизмы в сфере сексуальных отношений.

Homophobia is an issue that affects all UK universities, says NUS LGBT officer Finn McGoldrick. So why, she asks, aren't institutions doing more to support their lesbian, gay, bisexual and transgender students?

В некоторых статьях можно увидеть употребление прямых названий людей нетрадиционной ориентации, например: «lesbian, gay, bisexual and transgender students». Автор намеренно называет их сексуальную

принадлежность, чтобы чётко и ясно обозначить проблему с которой сталкиваются современные студенты в Великобритании.

Как мы видим из примеров, основным способом создания эвфемизмов является перифраз. Это есть косвенное упоминание объекта путём не называния, а описания. Вторым не менее важным является метафора. И это не случайно, так как метафора создаёт яркий образ, скрашивает неприятные или грубые стороны исходного слова. Благодаря метафоре удаётся создать настолько примечательный образ, что основное значение вообще становится второстепенным.

А дисфемизмы же в свою очередь создаются с помощью контраста, чаще всего стилистического. Стилистический контраст служит приёмом создания в речи образных, метафоричных выражений, реализации юмора, сатиры и иронии.

Список литературы

- Антрушина Г.Б.* Лексикология английского языка. М.: Дрофа, 2006. 288 с.
- Арапова Н.С.* Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Высшая школа, 2004. 200 с.
- Ахманова О.С.* Эвфемизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Просвещение, 2009. 412 с.
- Борисова Л.М.* Исторические корни современной неформальной лексики американского варианта английского языка. М.: Просвещение, 2001. 312 с.
- Крупнов В.Н.* Эвфемизмы: что это за слова? // Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 2005. 212 с.
- Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. М.: Просвещение, 2000. 324 с.
- Москвин В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград, 2009. 212 с.
- Розенталь Д.Э.* Эвфемизм // Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 2007. 542 с.
- Collins Cobuild English Language Dictionary. L., Glasgow, 2010. 1703 p.
- Fowler, H.W.* The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford., 2007. 1528 p.
- New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition, 2008. 1824 p.
- «The Guardian», April 20, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.guardian.co.uk/politics/2013/apr/20/margaret-thatcher-funeral-friends-enemies>
- «The Guardian», April 20, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.guardian.co.uk/education/2013/apr/21/labour-race-row-west-sussex-academy>
- «The Guardian», April 20, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2013/apr/22/anti-abortion-lobby-babrbaric>
- «The Guardian», April 20, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.guardian.co.uk/politics/blog/2013/apr/18/comedy-errors-serious-story-missed>

«The Guardian», April 20, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.guardian.co.uk/politics/2013/apr/21/mps-lazy-hours-margaret-hodge>
«The Guardian», April 20, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.guardian.co.uk/film/2013/apr/13/lindsay-lohan-rehab-comeback-attempt>
«The Guardian», April 20, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.guardian.co.uk/education/2013/apr/19/lgbt-nus-conference-why-gay-students-are-invisible>

Мишкuroв Э.Н.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mishkurov E.
Lomonosov Moscow State University,
Moscow (Russia)

ОТ ХАОСА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ К ПЛЮРАЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДОВ

FROM THE INTERPRETATION CHAOS TO THE PLURALITY OF TRANSLATIONS

В настоящей работе впервые в отечественном и зарубежном переводоведении намечен абрис системного, целокупного подхода к осмыслению объективных и субъективных причин поливариативности переводов одних и тех же знаковых светских и сакральных произведений (текстов) на один и тот же или разные языки в хронотопическом измерении и с позиций концепции «хаоса и упорядоченности плюральных интерпретаций и переинтерпретаций текстов». Акцентируется внимание на прагмакультурологическом аспекте плюральности переводов. Перевод соответственно рассматривается как хайдеггеровский «дом бытия» для реципиентов-инофонов, «вторгающихся» в концептосферы разноликих мировых культур с целью познания «чужого», и как «реабилитирующий ресурс» потенциальной повторяемости для уменьшения фактора риска, вызываемого асимметрией языков различного строя.

The present paper (for the first time in the history of translation theory both in this country and abroad) outlines the holistic approach to understanding the objective and subjective reasons for variability of translations of the same token secular and sacral texts into the same or different languages in terms of the chronotope and the idea of the “chaos and regular variability of interpretations and reinterpretations of texts”. The paper emphasizes the pragma-cultural-anthropological aspect of translation plurality. Translation is viewed respectively as a “house of being” for recipients speaking other languages who “intrude into conceptual spheres of different cultures with the purpose of understanding the alien culture and as a “rehabilitating resource” of potential repetitiveness the aim of which is to reduce the risk factor caused by the structural asymmetry of languages.

Ключевые слова: плюральность, поливариативность перевода; хаос интерпретаций; дополнительная дистрибуция переводов Библии и Корана.

Key words: plurality, variability of translations; interpretation chaos; complementary distribution of the Bible and Koran translations.

«Зачем переводить заново?» – задалась сакраментальным вопросом проф. В.Н. Пилатова в своей одноименной статье и выдвинула «дискурсивную гипотезу» о причинах поливариативности переводов оригинальных произведений, обладающих «высокой дискурсивной валентностью» и вызывающих интерес «либо отдельной личности, либо общества». Автор контекстуально затрагивает вопрос об объективных и субъективных причинах мультиплицированности переводческих версий одних и тех же знаковых (культовых, обречённых на «вечную славу» и «читательское бессмертие»), в числе которых упоминается фактор времени, выражающийся «в изменении как языка, так и представлений людей», переоценка культурно-исторической значимости духовного наследия прошлых эпох, усиление роли социальных запросов на характер переводов, выполняемых разными методами – «украшающим», «исправляющим», «буквальным», «подчинённым», «независимым» и др. [Пилатова, 2007, с. 353-355].

Опираясь на личный опыт перевода знаменитой новеллы Проспера Мериме «Кармен», которая на русский язык перелагалась не менее восьми раз, Н.К. Гарбовский по существу приходит к аналогичным выводам, констатируя, что «новые переводы имеют право на существование, даже если предшествующие переводы были выполнены признанными мастерами: изменяется общество и его представление о событиях, описанных в оригинале, изменяется переводящий язык. Переводчики разных поколений, обращаясь к классическим произведениям, сталкиваются в основном с одними и теми же проблемами, одни и те же единицы перевода вызывают необходимость принимать непростые решения, и решения эти могут быть весьма различными. Различны и переводческие стратегии <...> изменяются способы поиска информации, необходимой каждому переводчику для преодоления «культурно-исторического невежества», обусловленного значительной пространственной и временной отдалённостью мира оригинала от мира, в котором живёт и творит переводчик» [Гарбовский, 2011, с. 15].

Однако системного анализа причин и следствий этого феномена в переводоведческой литературе мы пока не наблюдаем. В настоящей статье пытаемся абрисно очертить тот круг важнейших проблем, которые неизбежно встают перед исследователем при погружении в профессиональную рефлексию и ментальность данного многоаспектного процесса.

Известно, что все здравомыслящие теоретики и профессионалы-практики перевода недвусмысленно заявляли о «жертвоприношении» подлинника его иноязычному воплощению. М.Л. Лозинский (1886-1955), уделявший передаче формальных особенностей оригинала исключительное внимание в 1936 г. на Всесоюзном совещании переводчиков вынужден был признать, что «воспроизвести во всей полноте и со всей точностью все элементы формы и содержания никакой перевод не может. И какая бы форма ни была нами избрана для перевода, точная копия формы оригинала или нет, все равно мы почти никогда в неё не вольём то же содержание, какое дано в оригинале» [см.: Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 327].

Более оптимистично был настроен испанский философ Х. Ортега-и-Гассет (1883-1955), который полагал, что «перевод – не копия оригинала текста» и что «он не является, не должен претендовать на то, чтобы являться тем же произведением, но с иной лексикой», ибо «перевод – не само произведение, а *путь к нему*» (*курсив наш. – Э.М.*) [Ортега, 1930, с. 11]. Этот путь он видел в плюральности переводов с разной целевой установкой – то формовоспроизводящей, то смыслоориентрованной, совокупность которых давала бы более или менее полное представление о тексте-источнике.

А в разнообразии иных путей, которые выбирают все новые и новые поколения переводчиков, – суть того процесса, который философы-постструктуралисты именуют «хаосом интерпретаций» и который имеет своим отрадным следствием плюральность, поливариативность переводов одних и тех же знаковых произведений на один и тот же или разные языки. Другими словами – плюральность толкований текста-источника является одной из важнейших причин плюральности переводов, находящихся в хронотопическом измерении в отношениях дополнительной дистрибуции. Этот постулат все более глубоко внедряется в концептосферу современного переводоведения. Так, А.В. Воротова, пытаясь тезисно наметить «герменевтическую стратегию перевода»,

направленную на «конструирование смысла текста», пишет, что «перевод, вступая в колею иного языка, активизирует интерпретативные процессы, а значит, он может рассматриваться как специфическая герменевтическая ситуация, осуществляющаяся по модели интерпретации». К сожалению, она не сумела «отделить зерно от плевел» в пресловутой концепции «смерти автора», повторяя опасную для методологии перевода сентенцию о том, что «переводчик не должен пытаться понять, что хотел сказать автор, а напрямую обратиться к смыслу произведения», так как «автор – это всего лишь первый интерпретатор» [Воротова, 2011, с. 45]. Предав забвению один из важнейших принципов герменевтического предпонимания (т.е. в нашем случае – предпереводческого анализа) – «фоновую оценку» оригинала и его творца, не говоря уже о «переводческой верности» последнему, А.В. Воротова по сути дела лишает переводчика части его «когнитивного инструментария» и уподобляется тем учёным, тип которых едко высмеивает Н.С. Автономова (к авторитету которой она, кстати говоря, неоднократно апеллирует): «[Он] гордится тем, что смотрит на произведение с точки зрения самой настоящей актуальности (или вечности – подчас получается, что это одно и то же), ему важнее собственное состояние духа, его воображение, аффинированное какими-то текстовыми или иными впечатлениями». Очевидно, что «не владея фоном и контекстом» при наличии подчас «большой временной и культурной дистанции», такой учёный (*читай: переводчик. – Э. М.*) «рискует спутать «общие места» с «единожды сказанным» [подробнее см.: Мишкуров, 2013].

Любопытную трактовку одной из причин неизбежной плюральности переводов даёт В. Беньямин, который в своей традиционной образно-метафорической манере изложения констатирует: «Сродни тому, как проявления жизни неразрывно связаны с живущим, ничего при этом для него не знача, точно так же и перевод выходит из оригинала. Но не столько из его жизни, сколько из того, что её «переживает» – ведь перевод рождается позже оригинала и, ввиду того, что значительные произведения никогда не находят избранных переводчиков в эпоху своего появления на свет, знаменует собой стадию продолжения их жизни <...> Переводы, являющие собой нечто большее, чем передачу содержания, возникают на свет именно тогда, когда пережившее своё время произведение достигает периода славы <...> Жизнь оригинала каждый раз

достигает в них полного расцвета» [Беньямин, 1923, с. 2]. Великое творение древнерусского эпоса – «Слово о полку Игореве», которое переводилось более ста раз, может служить тому ярким примером.

П. Рикёр, говоря о бесконечных спорах переводчиков о качестве переводов своих коллег, примиряющее констатировал, что «единственно возможная критика чужого перевода <...> состоит в том, чтобы предложить свой перевод, столь же сомнительный по своей удачности, но будто бы лучший или будто бы иной. И это как раз то, чем постоянно занимаются профессиональные переводчики. Все великие произведения мировой культуры известны нам, в основном, в *повторных переводах* (*курсив наш. – Э. М.*), которые в свою очередь, тоже не могут считаться непревзойдёнными. Это относится к переводам Библии, Гомера, Шекспира <...> а также философов от Платона до Ницше и Хайдеггера» [Рикёр, 1998, с. 7].

Действительно, – «выдаёт» Н. К. Гарбовский «тайную игру страстей» – «всякий раз, принимаясь за работу над произведением, уже перенесённым предшественниками в лоно принимающей культуры, переводчики лелеют надежду, что их перевод окажется не хуже, а может быть, даже и лучше тех, что были сделаны до него. Переводчик, подобно автору оригинального произведения, хочет быть не только понятым, но и признанным» [Гарбовский, 2011, с. 14].

Тем не менее, по нашему мнению, – это ещё не повод для того, чтобы переводчик-творец нового «перелагания» позиционировал себя как *автора* «нового литературного произведения» на ПЯ, если это, конечно, не какой-то его опус типа «римейка» по мотивам облюбленного для «перевыражения» и «самовыражения» значимого иноязычного творения. Этот вид деятельности характерен, в частности, для заказной «сценической переводческой деятельности». Так, арабоязычная литература знает немало примеров драматургического «переодевания» и «переименования» героев и других переводческих «этнически окрашенных вольностей» по отношению к ряду западноевропейских и российских классических произведений [см.: Долинина, 2010, с. 237-296 и др.].

Несомненно переводчик – личность творческая. Без этого дара в области перевода ему не место. Но перевод диктует свои правила игры, которая, как

пишет Д.А. Ольшанский, «заключается в поиске адекватности, умении адаптировать (что невозможно без искажения оригинала)», и тем не менее перевод-игра «представляет собой своеобразную форму творчества»; а «игра с адекватностью, которая определена культурным и языковым положением переводчика и представляет собой смысл перевода» [Ольшанский, 2013, с. 11-12].

В этой связи напомним, что знаменитое стихотворение Г. Гейне “Ein Fichtenbaum” («Сосна» в известной «лесбиянской» версии М. Лермонтова), которое, по подсчётам акад. Л.В. Щербы, только на русский язык «было переведено 39 раз, даже если не считать пародий» [Щерба, 1936, с. 376], стало одним из излюбленных объектов для переводческой критики его многочисленных одно- и разноязычных переложений.

Феномен мультиплицированности переводов может быть осмыслен, на наш взгляд, в следующих контекстах, вышедших из под пера авторитетных мыслителей нашего времени. Так, Н.С. Автономова, рассказывая о том, как «делался перевод» одной из работ Ж. Деррида на русский язык, пришла к самопостигнутому выводу, что «ни один перевод не переводит всего в оригинале. Всякий перевод чем-то жертвует ради чего-то, а кто думает иначе, то заблуждается – либо сознательно, либо бессознательно». Она считает, что «большинство переводов делается без учёта этой ограниченности, и стало быть непоследовательно (в одном месте переводится термин, в другом – стилистический приём)». А поливариативность переводов одного и того же текста Автономова обосновывает следующим образом: «В любом случае ясно, что одного-единственного перевода, который бы удовлетворил всех переводчиков и всех читателей, быть не может» [Автономова, 2008, с. 397-399].

Но желание так или иначе сотворить это «чудо» время от времени обуревают некоторых учёных. Так, увлечение постмодернистскими конструктами в области художественного творчества и экстраполяция идеи «всеобщей интертекстуализации» вербальной коммуникации в сферу переводческой деятельности побудило польскую исследовательницу «новой волны» в западноевропейском переводоведении Д. Урбанек к пропагандированию так называемой «переводческой серии», суть которой заключается в своеобразном дистанционном «коллективном творчестве» по

созданию новых переводов-образцов из компилятивного сочетания «наилучших фрагментов отдельных переводов серии», созданных на базе уже существующих переводов соответствующего произведения. Она не понимает, что, «с одной стороны, при компилятивном переводе могут быть разрушены его логика и стилистика, но, с другой стороны, такой эклектичный перевод может заинтересовать продвинутого читателя» [см. в кн.: Татаринцов, 2007, с. 282-284].

О каком таком читателе в широком плане мечтает Д. Урбанек, трудно сказать. Но вполне очевидно, что «переводные серии» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес», с которыми непосредственно она работала, – это хорошее подспорье для критиков перевода и профессиональных переводчиков, которые методом сопоставительного анализа данных симулякров (копий, по Платону) смогут «выявить специфику интерпретации оригинала каждым из переводчиков, определить его стратегию» [там же, с. 283].

С более реальных прагматических позиций подходил к вопросу мультиплицирования новых переводов наиболее ценных для человечества произведений предлагал Х. Ортега, имея в виду прежде всего античное научно-культурное наследие. Он подчёркивал, что «каждое произведение неповторимо, а перевод – лишь орудие, приближающее нас к нему... из этого следует, что один и тот же текст допускает несколько переводов», так как «невозможно, по крайней мере в большинстве случаев, приблизиться к оригиналу сразу во всех измерениях». Выход из положения он видел в том, чтобы «разделить работу и сделать несколько различных переводов одной и же вещи в соответствии с теми гранями, которые мы хотели бы точно передать» [Ортега, 1930, с. 12]. Так, к примеру, «если мы хотим создать представление о... художественных качествах [оригинала], – поясняет Ортега, – мы должны отказаться почти от всей материи текста (*т.е., видимо, его содержания. – Э.М.*), чтобы передать его формальное изящество». В существующих переводах трудов Платона Ортегу, к примеру, крайне раздражало «не то, что в переводе улетучилась чарующая сладость платоновского стиля, а потеря трёх четвертей предметов, тех самых предметов, которые действуют в высказываниях философов, которые он то едва намечает, то любовно выписывает. Поэтому он так скучен для современного читателя, а вовсе не потому, что, как принято считать, при переводе пострадала его красота.

Как он может быть интересным, если из текста выкинули все содержимое, оставив лишь тонкую оболочку, бесплотную и холодную». Приятное исключение Ортега видел в переводе античного философа на немецкий язык, выполненном Ф. Шлейермахером, «именно потому, что он намеренно отказался делать красивый перевод и захотел сделать приблизительно то, о чем я говорил. Этот знаменитый перевод хорошо послужил всем, включая филологов. Поэтому неверно думать, что этот вид работы делается только для тех, кто не знает греческого или латыни» [Ортега, 1930, с. 12-13].

Разнообразие путей перевода культовых творений можно проследить на различных формах и способах «перевода смыслов» Корана с арабского языка на русский. Так, один из современных переводчиков Священной книги мусульман Э.Р. Кулиев, характеризуя имеющиеся версии её перевода, первоначально считал, что «труд академика И.Ю. Крачковского имел определённые преимущества над предыдущими переводами, но нуждался в тщательной литературной редакции и изобиловал неточностями и даже грубыми смысловыми ошибками». Переводы, выполненные профессорами М.-Н.О. Османовым и Б.Я. Шидфар, по его мнению, «тоже содержали множество смысловых ошибок, некоторые из которых явно противоречили самой сути мусульманской веры». Позже Кулиев повысил оценку качества переводов своих предшественников, посчитав, что «переводы Д.Н. Богуславского, И.Ю. Крачковского, М.-Н.О. Османова – это шедевры мирового востоковедения», а «каждый из переводов Корана, несёт на себе отпечаток определённого исторического этапа, все они характеризуются преемственностью и высоким мастерством авторов».

Многовековой опыт «перевода смыслов» сакральных книг свидетельствует, что способы и формы их передачи нередко зависят от тех задач, которые ставит перед переводчиком общество, а также от личных устремлений и наклонностей. С этой точки зрения негативная оценка поэтического перевода Корана В. Пороховой как книги для «лёгкого чтения» со множеством смысловых ошибок при передаче значения «многих коранических слов и тем более терминов» явно незаслуженна. Эта версия действительно отличается от «научного, осторожного, сухого и тонкого» перевода И.Ю. Крачковского, а также от перевода М.-Н.О. Османова, который «наиболее точно

передаёт юридические аспекты ислама, содержащиеся в Коране». Её стиль кажется неприемлемым для Э.Р. Кулиева, который сам стремился, как он пишет, «передать смысл каждого аята правдиво, без каких-либо искажений, добавлений и убавлений». Несомненной заслугой автора является его тщательный предпереводческий этимологический и терминологический анализ тезауруса Корана. Он не ставил своей целью «показать богатство русского языка, используя оригинальные обороты, чуждые духу Священного Корана», и не стремился «изошряться в художественной обработке текста».

В. Порохова, отстаивая своё право на художественно-экстатический подход, утверждает, что «традиционно выполненные переводы не только лишают Коран его духовно-поэтической окраски (а Коран изложен в форме высокопафосного стиха), но и приводят к выраженному оскуднению передачи смысла Писания».

Что касается уже упоминавшегося перевода проф. Б.Я. Шидфар, то в нем автор стремилась «как можно точнее передать не только фактическую сторону, но и художественные особенности Священной Книги». Она также считала, что переводчик не имеет права игнорировать основную стилистическую особенность Корана – наличие рифмы и определённого ритма, не одинакового во всех сурах», так как ритм и рифма имели не только чисто художественную, но и практическую функцию, облегчая запоминание» [см.: Мишкурин, 2010, с. 133-134].

Обсуждая аналогичную ситуацию с переводами Библии, С.М. Брайович замечает: «С точки зрения «диалектической теологии» любая интерпретация священного текста несёт на себе печать истории и строится на определённом исторически и социально обусловленном её понимании. В связи с изменившимися историческими условиями возникают новые интерпретации, свойственные новой эпохе, содержащие различные выводы о мире, человеке, боге, жизни и смерти и др. <...> Отсюда возникает задача неустанного выявления рационального содержания текста». И очевидно, добавляет учёный, ссылаясь на известного философа Р. Бультмана, что «как бы ни была точна для своего времени трактовка Библии, например Лютером или Ф. Меланхтоном... их интерпретация нас все же не устраивает по той причине, что и их взгляды нуждаются в интерпретации» [Брайович, 1985, с. 212].

Бесспорно, перевод переводу – рознь! Потому для теории и практики перевода значительный интерес представляют субъективные мнения переводчиков о своей работе, особенно если идёт речь о сравнении «своего» и прежнего, «чужого» перевода одного и того же произведения. Так, Л. Добросельский следующим образом отзывается о русскоязычном переводе «Философских исследований» Л. Витгенштейна в 1994 г.: «Предыдущий перевод... представлял собой не столько собственно перевод, сколько *истолкование авторского текста (курсив наш. – Э. М.)* <...> и то, к примеру, «о чем автор говорил кратко или упоминал мельком, *в переводе развёртывалось и объяснялось (курсив наш. – Э.М.)*... именно поэтому было решено подготовить... новый перевод работы Витгенштейна» [Добросельский, 2011, с. 340].

А как сам Добросельский переводил философа? Его ответ: «Мы старались по возможности точно следовать за авторским текстом, что не всегда удавалось, учитывая различия в структуре немецкого и русского языков (переводчику английского издания было в этом смысле куда проще). Именно стремление максимально точно передать авторскую мысль и авторский стиль объясняются и встречающиеся порой в нашем переводе тяжеловесные конструкции, и «рубленые» фразы <...> и предложения, на первый взгляд маловнятные и противоречащие стилистическим нормам русского языка. Тем же объясняется и лексика: Витгенштейн крайне редко прибегает к техническим и научным терминам, стараясь оперировать словами повседневного языка; вдобавок он нередко употребляет слова, которые при переводе будто бы требуют «замены по контексту», выбора подходящего из ряда синонимов, но мы и здесь следовали за автором...» [там же, с. 340].

Выделенные курсивом фрагменты текста говорят сами за себя: в первом переводе (крайне полезном, по нашему мнению, для исследователей творчества Витгенштейна – философов российской школы) были применены приёмы герменевтического типа перевыражения, а во второй версии переводчик, «подтягивая читателя к автору», предлагает ему фактически маловразумительный «буквально-подчинённый» текст: ср., к примеру, следующую фактуру: «...(с другой стороны, можно было бы, пожалуй, сказать о чувстве: «Давным-давно», ибо есть тон, жест, которые сопровождают конкретные повествования о былом)» [Витгенштейн, 2011, с. 337].

Однако пикантность ситуации заключается в том, что обе эти (и другие имеющиеся) версии органично дополняют друг друга, и при их параллельном чтении истинный смысл сентенций автора становится более прозрачным. А вопрос «переводческой славы» для философии не столь актуален.

Отдельного расширенного исследования заслуживает вопрос о сопоставлении двух и более иноязычных переводов одного и того же оригинала с целью устранения «зон затемнения» в корпусе текста, снятия смысловых неясностей и преодоления в целом трудностей понимания и интерпретации подлинника, обусловленных асимметрией исходных рабочих языков.

В таких случаях, как показывает практика, переводчик – полиглот прибегает к помощи третьязычного текста с целью выбора адекватного способа разрешения казалось бы «неразрешимого» и схватывания сути «непостижимого» в рамках своего рабочего языка.

Так, упоминавшийся выше переводчик трактата Л. Витгенштейна «Философские исследования» с немецкого языка на русский Л. Добросельский откровенно писал, что, сталкиваясь с «тёмными местами» в оригинале, он прибегал к помощи оксфордского издания (1997г.) немецко-английской билингвы, подготовленной переводчицей-ученицей Витгенштейна Г.Э. Энскомб. При этом он признается, что «хотя в некоторых абзацах немецкий и английский тексты достаточно сильно разнятся, в целом наличие билингвы существенно облегчило перевод <...> поскольку формулировки самого философа временами настолько образны, отрывисты и/или темны, что разобраться в них на основании одного только оригинала было бы весьма непросто» [Добросельский, 2011, с. 339].

В данном контексте мы советуем переводчику в случае нового переиздания работы сверить свой нынешний текст с новой исправленной версией билингвы трактата, изданной уже в 2009 г. [cf.: Wittgenstein, 2009].

Подводя предварительные итоги по существу исследуемой проблемы, следует констатировать, что **перевод** можно верифицировать, перефразируя известное высказывание Хайдеггера, как «дом бытия» реципиента-инофона, «вторгшегося» в концептосферы разноликих мировых культур из жажды познания «чужого» и «иноного», проникновения в глубины исторического бытия человечества, овладения зарубежными инновационными технологиями,

обогащения и развития своих языков из ресурсов контактирующих языков, а то и просто из интереса к социально-культурному и духовно-космическому инакомыслию соседей и далеко остранных «аборигенов». Многовековая история доказывает правоту слов А.А. Потебни (1835-1891) о том, что «соразмерно с увеличением количества хороших переводов увеличивается в народе запас сил, которые рано или поздно найдут себе выход в более своеобразном творчестве» [см.: Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 302].

У перевода есть своя «аркада» доступа к истинному смыслу ИТ – его «реабилитирующий ресурс» потенциальной повторяемости, заключающийся в оптимально модифицирующиеся многократные перелагания одного и того же оригинала одним или разными переводчиками на один и тот же или разные языки. Благодаря реальной плюральности и поливариативности подлинника переводы становятся все глубже, точнее и тоньше смысловоспроизводящими, лучше и органичнее формовоспринимаемыми.

Жизнь подтверждает эту истину – чем дальше, тем их больше, и несть им числа!

Список литературы

- Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704с.
- Беньямин В.* (1923г.): Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера/ <http://www.nsys.by:8101/klinamen/fila10.html>. 10 с. (04.11.12)
- Брайович С.М.* Герменевтика и религиозная традиция / Герменевтика: история и современность (Критические очерки). М.: Мысль, 1985. С. 204-215.
- Воротова А.В.* Концепт перевода в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера// Вестник Томского гос. ун-та. № 351, 2011/ УДК1(091). С. 43-45.
- Гарбовский Н.К.* Новый перевод: свобода и необходимость // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011, № 1. С. 3-16.
- Добросельский Л.* Примечания / Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011.
- Долинина А.А.* Арабески: Избранные научные статьи. СПб.: Нестор-История, 2010. 444 с.
- Мишуров Э.Н.* Полемиические заметки о ролевых играх в триаде «автор – переводчик – читатель» в герменевтической парадигме перевода / Материалы III Междунар. научно-практич. Конференции «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и перевода» (26.04 – 01.05.2013, Греция). М., 2013. С. 456-468.
- Мишуров Э.Н.* Смысл перевода и перевод смыслов (социально-исторические, логико-философские и лингвокультурологические этюды)/ Труды Высшей школы перевода (факультета). Кн. 1, 2005-2010. М.: Изд. Высшей школы перевода МГУ. ИПО «У Никитских ворот», 2010. С. 123-138.

- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времён до наших дней). М.: Флинта: МПЧН, 2006. 416 с.
- Ольшанский Д.А. Интерпретация и перевод: задачи читателя / <http://anthropology.ru/ru/texts/olshansky/interpr.html>
- Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода (1930 г.) / <http://www.pseudology.org/Psychology/Gasset/NischetaB...> (08.02.13). 14 с.
- Пилатова В.Н. Зачем переводить заново? (К вопросу об эквивалентности перевода) / Университетское переводоведение. Вып. 8. Материалы VIII юбилейной междунар. научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения». СПб.: Филолог. факультет СПбГУ, 2007. С. 353-356.
- Рикёр П. Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 г. / Пер. М. Эдельман. <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm> [18.09.12]. 10 с.
- Татаринов В.А. Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. М.: Моск. Лицей, 2007. С. 275-284.
- Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом / В кн.: Татаринов В.А. Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. М.: Моск. Лицей, 2007. С. 367-379.
- Wittgenstein, L. Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte, 2009. Blackwell Publishing Ltd.

Павленко Е.Г.
Мариупольский государственный университет
г. Мариуполь (Украина)

Pavlenko H
Mariupol State University
Mariupol (Ukraine)

УКРАИНСКАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ФЕНОМЕН 60-х

THE UKRAINIAN TRANSLATION TRADITION: THE LITERARY PHENOMENON OF THE 1960-s.

В статье автор рассматривает особенности украинской переводческой традиции 60-х годов, представляет литературный "портрет" указанного периода, осмысливает художественный перевод в компаративном аспекте, что открывает новые перспективы для изучения его общего контекста. Прежде всего, это проявляется в обращении интерпретатора ко всем сокровищам родного языка, раскрытии его потенциальных возможностей, которые прослеживаются как на уровне восприятия культурного наследия народов, так и через взаимопроникновение проблематики, жанров, стилей. Осмысливая феномен украинского перевода 60-х годов, автор раскрывает мировоззренческие доминанты переводчиков, которые определяют дальнейшие переводческие стратегии. Их сравнительный анализ раскрывает глубинные аналогии и различия, расширяя представления о процессах развития украинской переводческой мысли, обогащая национальную литературу и культуру новыми образами, мотивами, темами. Принцип конгениальности в переводе, который предусматривает соразмерность, максимально возможное приближение читателя к тексту оригинала, обуславливает эффективность переводов Юрия Лисняка, Дмитрия Паламарчука, Ростислава Доценка, которая проявляется в ярком антибуквализме, передаче "духа" оригинала, естественности и непринуждённости звучания. Их переводы сохраняют значение самостоятельных художественных произведений, органично синтезируют английский и украинский литературные контексты, дают возможность реализовать индивидуальный переводческий потенциал.

The author highlights specific features of the Ukrainian translation tradition of the 1960s as well as reveals the literary portrait of the period identified in a comparative aspect. All these open new prospects to study its general context. First of all it proves to become apparent when the interpreter appeals to a variety of linguistic means available, identifies its potential resources being observed both on the level of perception of cultural heritage of the nation and through interpenetration of problems, genres and styles. Studying the literary phenomenon of the Ukrainian translations of the 1960s the author highlights the interpreters' world outlook

dominants to determine further translation strategies. Their comparative analysis gives us an unprecedented window on the analogues and differences that extend all possible ideas about the development of Ukrainian translation studies, enrich national literature and culture with new images, motives and themes. The principle of congeniality in translation that provides symmetry, reader's maximum closeness to the original text specifies the effectiveness of Yu. Lysnyak's, D.Palamarchuk's, R.Dotsenko's translations. They are characterised by open antiliterarism, penetration into the interior "soul" of the original text, naturalness and ease of phonation. These translations being independent literary works organically synthesise English and Ukrainian literary contexts as well as give an opportunity to fully realise the desired interpretive potential of the authors.

Ключевые слова: переводчики-"шестидесятники", буквализм, антибуквализм, одомашнивание, компаративный дискурс, "дух" оригинала, конгениальность.

Key words: translators of the 1960s, literarism, antiliterarism, domestication, comparative discourse, interior "soul" of the original, congeniality.

Потребность в развитии культурного диалога Украины с зарубежными партнёрами определила возникновение ряда проблем, одной из которых выступает проблема взаимного познания духовного и культурного наследия разных народов с целью их сближения и взаимопонимания. Именно художественный перевод представляет собой тот инструментарий, благодаря которому осуществляются межнациональные контакты, определяются ориентиры межкультурных взаимоотношений. В связи с этим перед исследователями и переводчиками ставится задача разработать такие подходы к переводу, которые бы способствовали точному отображению оригинала и донесению его до реципиента – носителя иноязычной культуры.

Следует отметить, что интерес к переводческой литературе как основному средству литературных взаимосвязей сосредоточен на её осмыслении в компаративном дискурсе. Такой подход направлен на то, чтобы принципиально разнообразить представления о процессах развития украинской переводческой мысли, обогатить национальную литературу и культуру новыми образами, мотивами, темами. Изучению и переосмыслению этой проблемы посвящён ряд фундаментальных научных работ (Н. Гарбовский, Р. Громяк, Р. Зоривчак, Л. Коломиец, В. Коптилов, И. Корунец, Г. Кочур, М. Лановик, Т. Левицкая, М. Новикова, В. Радчук, П. Рикер, О. Рыхло, О. Тетерина, А. Чередниченко и др.).

Компаративный подход к переводу открывает новые перспективы для изучения его общего контекста. Прежде всего это проявляется в обращении интерпретатора ко всем имеющимся сокровищам родного языка, выявлении его потенциальных возможностей, которые прослеживаются как на уровне восприятия культурного наследия народов, так и через взаимопроникновение проблематики, жанров, стилей.

Украинская культурная жизнь второй половины XX века, невзирая на ощутимое идеологическое давление, характеризуется возникновением новых художественных тенденций в литературном процессе, повышением общего идейного и интеллектуально-философского уровней искусства. В большей степени это предопределялось выходом на литературную арену новой генерации – "шестидесятников", определяющими признаками творчества которых, по мнению В. Дончика, была "... вера в справедливость, в своё право и возможность утверждать её, осознание диалектической противоречивости жизни, индивидуальной ценности каждого человека и неисчерпаемых богатств народной души" [Актуальные проблемы теории художественного перевода, 1967, с. 16].

Литературный "портрет" этого периода ярко представлен творчеством Р. Андрияшика, И. Драча, В. Дрозда, Л. Костенко, В. Симоненко, Гр. Тютюнника, В. Шевчука и др.

Мировоззренческая доминанта "шестидесятников" формировалась через конфликт индивидуальной автономии личности и произвола власти. Выступая за демократический социализм с "человеческим лицом", они стремились расширить сферу разума нации за счёт очищения сознания от устаревших привычек и стереотипов, сформировать новые нравственные ценности и способы миропонимания, основанные на принципах гуманизма, свободы, раскрепощённости духа.

Именно "шестидесятники" выходили за пределы давящих идеологических штампов, "разрешённых" проблем и устоявшихся схем соцреализма. Просветители в условиях "полного затемнения", "реаниматоры светлых идей" [Электрон. ресурс] они в своём творчестве отображали "эстетику страдания" сквозь призму прекрасного, отстаивая идеал духовный, независимый от

внешнего давления личности, через формирование которой видели достижение национальных идеалов, раскрывая таким образом читателю правду о нём самом.

Эти идеи не только не повлекли за собой переосмысление устоявшихся тенденций и норм перевода, но и открыли переводчикам возможность свободы выбора литературных произведений. Мастера художественного перевода (Б. Антоненко-Давидович, С. Ковганюк, Г. Кочур, М. Лукаш, С. Масляк, В. Мысик, М. Прыгара, Ю. Стешенко, М. Шумило) прилагали немало усилий, чтобы ознакомить украинского читателя с наследием мировой классики. Следует также отметить достижения в сфере теоретического осмысления специфики переводческого мастерства (работы С. Ковганюка, В. Коптилова, О. Кундзича). На этот период приходится и начало творческой деятельности переводчиков-"шестидесятников" Дмитрия Паламарчука⁴, Юрия Лисняка⁵, Ростислава Доценко⁶, чьи имена хорошо известны украинскому читателю по переводам англоязычной поэзии и прозы.

⁴*Дмитрий Фомич Паламарчук* (1914 – 1998) родился в селе Ивангороде Христинивского района Черкасской области. По окончании семилетней школы работал в колхозе, учился в Одесском художественном техникуме и на литературном факультете Одесского педагогического института. Во время Второй мировой войны Д. Паламарчук боролся в рядах ОУН-УПА, десять лет (1944 –1954) провёл в сталинских концлагерях. Перевёл на украинский язык произведения В. Шекспира, Дж. Байрона, Г. Уэллса, Г. Флобера и др. В 1990 году Д. Паламарчуку за лучшие художественные переводы произведений мировой классики была присуждена премия имени Максима Рыльского.

⁵*Юрий Яковлевич Лисняк* (1929 – 1995) родился в селе Кившувата на Киевщине. По окончании школы с золотой медалью Ю. Лисняк поступил на физико-математический факультет Киевского университета имени Тараса Шевченко, но закончить его не удалось, потому что за политические взгляды был депортирован в советские лагеря принудительного режима за Полярным кругом. По окончании Украинского полиграфического института (1965) работал как переводчик, критик и художник-график. Известный по переводам произведений Дж. Свифта, Ч. Диккенса, Е. По, Г. Мелвилла, В. Скотта, Б. Брехта, Джерома К. Джерома, Дж. Джойса, О. Бальзака, И. Франка, Г. Манна, Д. Лондона, Г. Киплинга, Э.-М. Ремарка, В. Голдинга, Г. Олдингтона, М. Шульца, Г. Нахбара и многих других авторов. Лауреат премии имени Максима Рыльского (в 1991 г.).

⁶*Ростислав Иванович Доценко* (1931 – 2012) родился в городе Киеве. В 1953 году, обвинённый в украинском буржуазном национализме, был приговорён к десяти годам тюремного заключения. Закончил Киевский университет (1965), выступил переводчиком произведений О. Уайльда ("Портрет Доріана Грея"), Ф. Купера ("Останній з могікан"), В. Фолкнера ("Крадії", "Домашнє вогнище"), Ч. Диккенса ("Великі сподівання"), Э. По (сборник рассказов "Золотий жук"), сборников ирландской малой прозы и сказок ("Сучасна ірландська новела", "Казки Смарагдового острова"), фольклорных сборников, "Англійські прислів'я та приказки", "Ірландські прислів'я та приказки" и др.

Круг переводческих интересов Ю. Лисняка, Д. Паламарчука, Р. Доценко необычайно широк. Охватив периоды нескольких веков, художники слова обращались к произведениям О. Бальзака, Б. Брехта, Ж. Верн, В. Голдинга, Дж. Голсуорси, Джерома К. Джерома, Дж. Джойса, Ч. Диккенса, Г. Киплинга, Д. Лондона, Г. Манна, Е. По, Г. Мелвилла, Г. Нахбара, Г. Олдингтона, Э.-М. Ремарка, Дж. Свифта, В. Скотта, О. Уайлда, Г. Уэллса, Г. Флобера, И. Франка, А. Франса, М. Шульца и многих других авторов. Условно в их переводческой деятельности можно выделить два этапа: первый – этап становления, который приходится на 1947-1954 гг.; второй – этап активного развития и зрелого переводческого мастерства (1965-1995 гг.).

Находясь в ссылке за полярным кругом, Ю. Лисняк, Д. Паламарчук повстречались с интересными личностями, среди которых были Григорий Кочур, поэт и переводчик, человек энциклопедических знаний, Александр Гринько, теперь народный артист Украины, херсонский поэт Николай Василенко, грузинский прозаик Рамаз Кобидзе. Именно в лагерях, вопреки расчётам большевистских вождей, истребить цвет нации – интеллигенцию, они осознали ценности общечеловеческой культуры, стали свободно ориентироваться во многих европейских литературах, под воздействием которых писали и сами. За годы ссылки эти ценности переосмысливались и перерастали в проблемы исторические, социальные, идеологические, философские.

Эстетические взгляды переводчиков-"шестидесятников" формировались под влиянием таких специалистов в области художественного перевода как Г. Кочур, М. Лукаш, Е. Попович, А. Перепадя, поэт Д. Павличко, которые взяли на себя миссию возрождения украинской литературы, оспаривая в борьбе равноправие нации в европейском и мировом художественном пространстве.

Захватывающее, высокое искусство перевода всё больше привлекало переводчиков-"шестидесятников" своей таинственностью, мудростью и непомерной трудностью, став в итоге их призванием. Находясь в центре формирования мощных литературных сил современности, переводчики-"шестидесятники" представляли угрозу шаблонной "украинской советской литературе социалистического реализма".

Именно в это время редактором литературно-художественного журнала "Всесвіт" стал Дмитрий Павличко, началом деятельности которого было предоставление творческой защиты идеологически и цензурно "нежелательным" и "гонимым" представителям культуры. Среди них были Ю. Лисняк, Д. Паламарчук, Р. Доценко. Редактор привлекает переводчиков к сотрудничеству, формируя таким образом потенциальную целевую аудиторию, которая разделяла информационную стратегию журнала (Юрий Смолич, Михаил Москаленко, Виктор Шовкун, Александр Терех и др.). По словам Ю. Лисняка, "вся эта работа не была тихим кабинетным просиживанием. Перевод был настоящей деятельностью фронта борьбы за Украину, за расцвет украинского слова. В это время, – писал в своих воспоминаниях Ю. Лисняк, – возникла своеобразная лингвистическая цензура, которая создавала преграды для публикациям целых произведений и даже вводила табу на употребление отдельных слов. Приходилось обороняться – и, как всегда в бою, не без потерь" [Архив].

Необходимо отметить, что в начале 70-х годов "Всесвіт" играл определяющую роль в формировании мировоззрения молодых художников слова. Философия экзистенциализма, новейшие течения и направления в литературе и изобразительном искусстве, отображённые на страницах журнала, разрушали фундамент марксистско-ленинского мировоззрения, вынуждали задуматься над судьбой отечественной литературы и культуры.

Руководствуясь идеей о том, что заданием литературы является познание человеческой души во всех её сложностях, переводчики-"шестидесятники" очень внимательно и осторожно подходил к выбору литературных произведений. Следуя принципу художественного перевода, изложенного в своё время Б. Липким: "выбирать произведения, которые особенно нравятся, и таких авторов, которые западают в душу, ибо переводчик должен почувствовать автора, проникнуть в глубину его мышления, письма, его темперамента, должен сравняться с ним, а о себе забыть" [Чередниченко, 1980, с. 45].

Придерживаясь принципа конгениальности в переводе, который предусматривает соразмерность, максимально возможное приближение читателя перевода к оригиналу, переводчики-"шестидесятники" исключают "одомашнивание" ("domestication") как форму осмысления текста оригинала.

Как известно, в переводе художественной прозы, где переводчик не свободен в выборе фраз, как это может показаться на первый взгляд, существует обязательная ритмомелодика, соответствующая оригиналу, круг лексики и метафоры диктуется теми же законами, что и в поэзии. Необходимо учитывать эпоху написания оригинала и эпоху переводчика (т.е. круг и вкусы его читателя); жанр самой прозы и тот фактор, о котором говорил М. Рыльский: переводчик должен хорошо знать язык оригинала, но ещё лучше тот язык, на который он переводит, конечно же, внося некоторые специфические выражения (для колорита) из языка переводимого им произведения: реалии, диалектизмы, некоторые специфические понятия и т.д. Можно с уверенностью сказать, что все эти принципы прослеживаются в переводах Ю. Лисняка, Д. Паламарчука и Р. Доценко. При этом их интерпретации свободны от буквализма и каждая деталь, каждый элемент текста оттачиваются так естественно и филигранно, как будто перед читателем оригинальный текст, а не его перевод.

Реагируя на буквализм как на "обезображивание" шедевра автора оригинала, Д. Паламарчук подчёркивает, что буквалистским переводом в силу неопытности или бесталанности его автора воспроизводятся словарные значения слов, составляющих текст подлинника, а не их смысл, что часто приводит к своеволию.

Активно отрицательно реагируют на "обезображивание шедевра буквалистами" переводчик и критик Г. Бельгер: "Корни буквализма в его бескрылости, эстетической глухоте, механическом толмачестве." [Бельгер, 1988, с. 37].

Ярким подтверждением этой мысли являются переводы Ч. Диккенса "Hard times", выполненные Д. Горбовым (1935), В. Майновой (1952) и В. Топпером (1960). Их русскоязычные интерпретации сопровождалось предисловием, которое знакомило читателей с творчеством английского романиста, растущей популярностью его произведений среди читателей разных стран. Уже с первых страниц переводческой версии бросается в глаза формальный подход интерпретаторов к реализации перевода, а именно увлечение формой оригинала, механическое копирование лексики за счёт перенесения в иноязычный текст "чужих" синтаксических и фразеологических конструкций.

Украинская версия "Hard times", выполненная К. Шмыговским, появилась в 1930 году. Основным мотивом, которым руководствовался переводчик при выборе произведения для перевода, была тема рабочей борьбы, актуальная для молодого советского государства того периода. Следует отметить, что перевод выполнен устаревшим языком, с элементами переводческой вольности и "отсебятины", "буквализма" [Богачевська, 2007, с. 21]. С одной стороны, это объясняется тем, что доминантными переводческими критериями того времени было воссоздание общего содержания оригинала, а с другой – недостаточным профессионализмом переводчика. Это особенно проявляется в передаче собственных имён (топонимов, антропонимов): "Гредгранд" – "Gradgrind", "Мен-Чекемчайлд" – "M'choakumchild", "Баундербу" – "Bounderby", "Блекпул" – "Blackpool", "Мерилег" – "Merrylegs", "Коктаун" – "Coke town" и др. Как видим, в переводе К. Шмыговского семантика этих имён утрачена, поскольку они воспроизведены методом транскрипции и имеют, таким образом нулевую стилистическую позицию. Иными словами эти имена не раскрывают ни характер персонажей, ни их этимологию. При этом, имя перестаёт "говорить", и важная часть авторского замысла нивелируется.

Благодаря переводам, – считает Д. Ермолович, – иноязычные имена собственные становятся, в той или иной степени, привычными и понятными читателю, одновременно намекая на что-то новое и чужое, что присуще другой нации, её культуре и языку. Передача имён и названий – один из многих случаев, способов и видов выражения национального своеобразия" [Ермолович, 1981, с. 64].

Свидетельством этого выступает выполненный Ю. Лисняком украинский перевод романа "Hard times", который вышел в 1970 году в издательстве "Дніпро" и ознаменовал собой качественно новую ступень украинского переводоведения, значительно дополнив украинскую диккенсиану.

Глубоко проанализировав уже имеющиеся тексты переводов этого произведения и опираясь на собственный переводческий метод, Ю. Лисняк последовательно и верно раскрывает все возможные интенции автора оригинала. По мнению Л. Богачевской, его перевод, невзирая на определённые лексико-грамматические трансформации, "раскрыл диккенсовский стиль

письма и "дух" оригинала, сохранив особенности сюжета, временных рамок, своеобразие характеров и т.п. [Богачевська, 2007, с. 18].

Можно утверждать, что Ю. Лисняку удалось не только блестяще индивидуализировать язык главных героев романа, передать семантику "говорящих" имён, но и отобразить типичную для языка оригинала словообразовательную модель, экзотичную для языка перевода, как того требует наивысший возможный уровень конгениальности художественного перевода: *"Thomas Gradgrind"* ("мучить избыточной требовательностью") – Томас Товкматч, *"Mr. M'choakumchild"* (первая часть фамилии "Choak" является омофоном английского слова "choke" – не давать дышать, "душить", заглушать; вторая "child" – ребёнок – *"Господин Дитодавс"*). Следовательно, в дословном переводе фамилии учителя: "тот, кто душит детей". Ю. Лисняку удалось передать основу оригинала, поменяв местами составные части фамилии главного героя произведения.

Автор изображает главного героя персонажа романа Томаса Товкмача ("Thomas Gradgrind") как тупого, ограниченного учителя, который калечит детские души своим культом цифр и фактов, своей враждебностью к воображению, навязывая (втемяшивая) всем свои взгляды на жизнь: *"Томас Товкмач, пане добродію. Людина здорової думки. Людина фактів і розрахунку"* [Диккенс, 1970, с. 78]. *"A man who proceeds upon the principle that two and two are the four"* [Dickens, 1994, p. 2] *"Людина, яка завжди керується правилом, що два плюс два – чотири і ні на крихту не більше, і якої ніхто в світі не переконає, ніби може бути не так"* [Dickens, 1994, p. 2; Диккенс, 1970, с. 78]. Ради более яркого отображения основных черт Гредграйнда, Диккенс использует такое сравнение – метафору: *"he seemed a kind of cannon loaded to the muzzle with facts, and prepared to blow them clean out of the regions at the discharge"* [Dickens, 1994, p. 2] – *"...він був схожий на якусь, немовби гранату, по саме горло набиту фактами й готову одним випалом вибити їх із царини дитинства"* [Диккенс, 1970, с. 26].

Как видим, Ю. Лисняк использует слово, которое не только раскрывает внутреннюю сущность персонажа романа на украинском языке, но и в тоже время сохраняет его естественное звучание в английском: *"Toalkmuch – who is talking much"* – *"Той, хто багато теревенить, навіть подумки"*.

Звучность фамилии главного героя проявляется также в сочетании "взрывных" звуков "гр-гр", что похоже на "рычание собаки". Кроме того, семантически антропоним "*Gradgrind*" состоит из двух английских слов: "grade" – "мера, сорт, оценка", и "grind" – "перемалывать, стирать в порошок".

Творческой находкой переводчика является также воссоздание игры слов: "воробья" – "молодца" – "cat" – "rat", которую автор оригинала использует для передачи горькой шутки, вызывающей скорее сочувствие, чем смех. Как известно, проблема воссоздания данного стилистического приёма была и остаётся одной из самых сложных в переводе: "*Miss Josephine Sleary in her celebrated Equestrian Tyrolean-flower-act, was than announced by a new clown (who humorously said Cauliflower Act).*" [Dickens, 1994, p. 299]. Созвучность лексем "flower" (цветок) и "cauliflower" (цветная капуста) представляет каламбур, который достаточно трудно воспроизвести на украинском языке.

В таких случаях, как правило, переводчик вынужден отказаться от сохранения содержания и подойти к переводу с большей креативностью, создав собственный каламбур. Как видим, Ю. Лисняк удачно справился с таким заданием: "*Потім новий клоун оголосив, що виступить панна Джозефіна Слірі зі своїм уславленим кіннотірольським танцем квітів (він вельми дотепно назвав його «топ танцем»)...*" [Диккенс, 1970, с. 274]. Здесь переводческий каламбур – новообразование на основе лексем "танец" и "топтать", полностью отображает замысел оригинала.

Осмысление составляющих художественного мастерства Р. Доценко, Д. Паламарчука позволяет констатировать, что доминантой стратегии художников слова является "переводческий оптимизм" [Ткаченко, 2002, с. 329]. Прежде всего это проявляется в максимально точном воссоздании текста оригинала благодаря использованию огромного арсенала стилистических приёмов. Патетика и метафоричность миниатюры Дж. Байрона "З Кефалонійського щоденника" очень удачно отображена в переводе Д. Паламарчука, которому значительно уступает интерпретация того же отрывка, выполненная М. Литвинцом:

Померлих збуджено – чи можу спати?

Тирані душати світ – чи гнутись можу?

(Пер. Д. Паламарчука)

Збудились мертві – чи дрімать мені?
Встав на тиранів світ – чи відступлю?

(Пер. М. Литвинца)

Признание своего переводческого мастерства Д. Паламарчук получил сразу после выхода в свет в 1966 г. сонетов Шекспира на украинском языке. Через два года после издания экземпляр шекспировских сонетов на украинском языке был передан на родину поэта – в город Стредфорд-на-Ейвоне. Директор Шекспировского центра, выражая глубокую благодарность за переданный полный сборник сонетов отметил, что "этот перевод свидетельствует о высоком мастерстве переводчика и по праву занимает надлежащее место в коллекции имеющих иностранных переводов, которые находятся в Шекспировском центре" [Бех, 1988, с. 92].

Высокая художественность и точность присущи и переводам Р. Доценко. Это особенно проявляется при воссоздании комического эффекта (ситуативная и ассоциативная ирония), которая возникает на лексическом, синтаксическом, текстовом уровнях: "*I have not got housmaid's knee. Why I have not got it I don't know, but the fact remains that I have not got it. Everything else I have got*" [Jerome , 1994, p. 9]. – "У мене нема раку сажотрусів. Як це так вийшло, що я його не підхопив, пояснити не можу, але це факт, що його в мене не має. А всі інші хвороби в мене є." [Джером, 2003, с. 17]; "*Neither beef nor strawberries and cream seemed happy, either – seemed discontented like.*" [Jerome , 1994, p. 17] – "Та й м'ясові, і полуницям з вершками теж, видно, було не солодко, бо вони просились на волю." [Джером, 2003, с. 23]; "*And they didn't give me pills they gave me clumps...*" [Jerome, 1994, p. 10] – "І пілюль мені ніяких не давали, самі лише запотилічники". [Джером, 2003, с. 19]; "*Do you prefer the inside or outside, J.? I said generally preferred to slip inside the bed*" [Jerome , 1994, s. 39] – "Ти як любиш спати: від стіни чи скраю? – спитав Гаріс. – Бо я волю від стіни. Я вдав, ніби не зрозумів тонкого натяку, і сказав, що теж волю спати від стіни" [Джером, 2003, с. 57].

Как видим, такая разнообразная палитра средств выражения иронии в тексте (каламбуры, метафоры, сравнения, контекстуальные позиции слов, антифраз, и др.), воспроизведённой в переводе Р. Доценко, добавляет ему

колорита, органично синтезирует английский и украинский культурные контексты, подчёркивая тем самым индивидуальный стиль переводчика.

Понятие творческой индивидуальности переводчика, как известно, одна из актуальных проблем теории перевода. Отметим, что термин "индивидуальный стиль" не вмещает её в полном объёме – творческий портрет переводчика, по возможности с полной и широкой репрезентацией деятельности мастера, должен выявить его индивидуальный подход: какими способами, методами и приёмами добивается он решения стоящих перед ним переводческих задач.

В построенной А. Поповичем "модели литературной коммуникации" переводчик занимает особое место как "субъект и экспедиент» литературного коммуниканта", в равной степени выделяется "стилистическая позиция переводчика" и его же "интерпретационная позиция" [Попович, 1980, с. 172].

Осознание нового мерила, которое может и должно применяться к переводу, расширившегося от узких рамок двух сопоставляемых текстов до обширных масштабов межнациональных и интернациональных контекстов, признание творческой индивидуальности переводчика как определяющего фактора в искусстве перевода и необходимого условия полноценного эстетического результата порождают несколько спорных вопросов:

1. Существует ли предел широты контекстов, в которых взаимодействуют оригинал и перевод? Не приведут ли сформированные выше положения к переводческой вольности и произволу?

2. Как совместить поливекторность переводческих решений, обусловленных различием творческих индивидуальностей тех авторов, которые берутся за перевод одного и того же подлинника?

Ответы на эти вопросы в общих пунктирных контурах представлены в работах М. Новиковой, А. Федорова, Н. Гарбовского, С. Баснетт и др.

Решение первого вопроса требует от переводчика привлечения понятия определяющих связей между литературой-источником и литературой-реципиентом в её отношениях к жизни, к реалиям той страны и эпохи, которой принадлежит оригинал, и той, в поле которой он переносится с помощью перевода. Такое ограничение позволяет в определённой степени сузить масштаб соотношений, вкладывая в условия решения задачи известную конкретизацию.

Переводчику мысленно приходится ставить себя и на место автора, и на место его читателя в разных темпоральных измерениях, когда его взгляды на создаваемый перевод не могут быть безразличны и даже в какой-то мере предугаданы.

Проблема совместного существования множественности переводов, коррелятивных по своим достоинствам при несомненном различии между ними, раскрывается в динамической сущности принципа переводимости Жоржа Мунена. Это означает, что ни один существующий перевод, каковы бы ни были его преимущества в данном временном отрезке и несомненные достоинства перед другими переводами того же иноязычного произведения, не может быть признан конечным этапом в пересоздании того или иного оригинала, а по самой сути является степенью к дальнейшей его художественной когниции – подобно тому, как путь к абсолютной истине проходит через познание ряда истин относительных.

Список литературы

Актуальные проблемы теории художественного перевода: Материалы Всесоюзного симпозиума. Том 1. М.: Союз писателей СССР, Совет по художественному переводу, 1967. 370 с.

Бельгер Г.К. С пользой осмыслить опыт переводчиков // Теория и практика перевода: Республиканский межведомственный научный сборник. Вып. 15. К.: Вища школа, 1988. С. 35-41.

Бех О.П. У невинному пошуку (про творчу манеру майстра українського перекладу Д. Паламарчука) // Теория и практика перевода: Республиканский межведомственный научный сборник. Вып. 15. К.: Вища школа, 1988. С. 92-105.

Богачевська Л.О. Чарльз Діккенс і українська література: проблеми рецепції і типології. Автореф. дис... канд. філолог. Наук: 10.01.05/ Тернопільський національний пед. університет ім. Володимира Гнатюка. Тернопіль, 2007. 22 с.

Діккенс Ч. Тяжкі часи / Пер. з англ. Ю. Лісняка. К.: Дніпро, 1970. 282 с.

Діккенс Ч. Тяжкі часи / Пер. К. Шмиговського. Харків: Державне видавництво України, 1930.

Джером К. Джером. Трое в одном човні (як не рахувати собаки). Київ: Основи, 2003. 241 с.

Дончик В. Доля української літератури – доля України: монологі й полілогі / К.: Грамота, 2011.

Ермолович Д.И. К вопросу о раскрытии содержательной структуры имён собственных в переводе. // Тетради переводчика / Под ред. Я.С. Бархударова. Dsg/ 18, М., 1981.

Лісняк Ю. (автобіографія творча, нариси, протоколи: із особистого архіву Олени Павленко).

Попович А. Проблемы художественного перевода. М.: Высшая школа, 1980. 199 с.

- Рибій О.В.* Сучасні концепції творчості у перекладі: Монографія. Х.: Харківський національний університет імені В.Р. Каразіна, 2012. 376 с.
- Ткаченко А.* Розмовні переклади одного вірша як матеріал компаративіста // Літературознавча компаративістика: Навчальний посібник. Тернопіль: Редакційно-видавничий відділ ТДПУ, 2002. С. 318-336.
- Чердничко А.И.* Языковая вариативность и перевод // Теорія і практика перекладу: Республіканський міжведомствений научний збірник. Вип.4. К.: Вища школа, 1980. С. 40-53.
- Dickens, Ch.* Hard times. London: Penguin books, 1994. 329 p.
- Jerome, K. Jerome.* Three men in a boat. London: Penguin books, 1994. 185 p.
- Шестидесятники [Електронний ресурс] / сост. М.М. Барбакадзе. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. 208с. – Режим доступу: <http://www.liberal.ru/upload/files/60-desyatniki.pdf>

Ундрицова М.В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Undritsova M.
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЛИНГОПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

LINGUISTIC AND TRANSLATION ASPECTS OF GASTRONOMIC DISCOURSE

Лингвистический поворот, произошедший в западноевропейской философии в начале XX века, сделал язык важнейшим предметом исследования сущности человеческого бытия. Особое внимание исследователей привлёк дискурсивный вопрос. В данной статье рассматриваются вид вербально-социального дискурса, а именно гастрономический, целью которого является достижение коммуникации, связанной с процессом питания. Автором даются основные лингвистические особенности гастрономического дискурса, влияющие на его формирование и реализацию в коммуникации. Большое внимание уделяется корпусам текстов различной тематики и жанров. Рассматриваются переводческие трудности, которые иллюстрируются примерами на русском, английском и французском языках.

Linguistic turn that occurred in Western philosophy in the early XX century made language an important subject of its study. The discourse question attracted attention of many researches. This article is dedicated to a specific type of verbal and social discourse, namely, gastronomic, the purpose of which is to achieve a communication associated with the nutrition process. The author of this article gives basic linguistic features of gastronomic discourse that influence its development in communication. Much attention is paid to texts of various genres. Translation difficulties are also examined as well as illustrated with examples in Russian, English and French.

Ключевые слова: гастрономический дискурс, глуттонический дискурс, вербально-социальный дискурс, процесс питания, экстралингвистические факторы, религиозные взгляды, Священные писания, перевод художественных произведений, перевод фразеологизмов, перевод паремий.

Key words: gastronomic discourse, verbal discourse, social discourse, nutrition linguistic turn, extralinguistic factors, religious beliefs, religious texts, fiction, phraseology, translation of phraseological units.

Современная философия и практически все гуманитарные науки в основе своих парадигм использовали понятие «язык» как мирообразующую сущность.

Лингвистический поворот, произошедший в западноевропейской философии в начале XX века, сделал язык важнейшим предметом исследования сущности человеческого бытия.

Вслед за Л. Витгенштейном, обратившим внимание на онтологические характеристики обыденного языка, многие учёные и исследователи стали рассматривать язык как сущностное отражение картины мира, как «дом бытия» в формулировке М. Хайдеггера. Понять реальность возможно, лишь исследуя язык, поскольку весь мир был построен по его образу и подобию. «Предложение – картина действительности: ибо, понимая предложение, я знаю изображаемую им возможную ситуацию. И я понимаю предложение без того, чтобы мне объяснили его смысл». [Витгенштейн, 1994, с. 20]

Пытаясь выявить различия между эпохами, Мишель Фуко полагал, что главным отличительным признаком установленных в эти эпохи эпистем является взаимосвязь языка, мышления, знаний и вещей. В то время, как в эпоху Возрождения, язык был частью природных явлений и не являлся независимой системой знаков, при классицизме он становится «великой автономной системой знаков» [Миронов, 2005, с. 184], где существует связь между теорией языка и другими теориями. Начиная с XIX века представление об языке «как спонтанно сложившейся... первичной сетке вещей... сходит на нет» и становится строгой системой, «историческим образованием, связанным со всей толщей своего прошлого» [Фуко, 1994, с. 15].

Философские исследования, направленные на изучение языка, были также сформулированы в работах Э. Сепира. Гипотеза Сепира-Уорфа или концепция «лингвистической относительности», согласно которой язык определяет мышление человека, устанавливает образ видения окружающего его мира. Носители разных языков не одинаково воспринимают мир: у них разное представление о реальности. Отношение человека к тем или иным явлениям зависит от культуры и языка, к которым он принадлежит.

В этот период особое внимание уделяется дискурсам и дискурсивным практикам, взаимоотношению языка, культуры, мышления, каким образом одно

предопределяет «другое». Учёные начинают исследовать различные виды дискурсов, не обходя стороной гастрономическую систему.

В рамках лингвистического поворота в XX столетии глуттонический дискурс получает должное освещение в работах таких исследователей, как К. Леви-Стросс, Р. Барт и М. Дуглас. Питание начинает рассматриваться как специфический культурный код. Параллельно проводится изучение гастрономического дискурса как одной из составляющих гастрономической культуры. Леви-Стросс считает, что еда представляет собой вид языка, который помогает человеку изображать основные представления о реальности. [Леви-Стросс, 2006, с. 190].

Данные исследование послужили стимулом для развития работ в этой сфере, где процесс питания стал рассматриваться в качестве культурной области, теснейшим образом сопряжённой с религиозно-этническими, социальными, экономическими и другими свойствами.

Следует отметить, что в настоящее время под «глуттоническим дискурсом» понимается особый вид вербально-социального дискурса, структура которого характеризуется социально-культурными, религиозно-этническими, лингво-философскими свойствами, целью которого является достижение глуттонической коммуникации. Это фрагмент текста или речи, связанный с процессом питания, при котором учитываются участники, условия, способы общения, среда, в которой протекает разговор, место и время коммуникации, цели и мотивы, а также жанр и стиль речи.

Сегодня можно сказать, что интерес к сфере питания все больше и больше возрастает. Глуттонический дискурс находит отражение на радио, телевидении, в интернете, в специальных программах, таких, как «Пища Богов», в различных рекламных роликах. Приготовление пищи становится не просто любительским делом, а приобретает популярный публичный характер: организуются выставки и конкурсы, предлагаются туристические поездки, направленные на изучение кухонь народов мира. Общественный спрос с каждым годом только набирает обороты.

Глуттонический дискурс является важной составной частью жизнедеятельности человека, будь то созерцание изящных натюрмортов или чтение религиозных текстов. Его формирует огромное число

экстралингвистических факторов. Он отражает культурные, языковые, этнические и идеологические картины мира.

Особый интерес для исследователей, конечно же, представляет его лингвистическая сторона. Лингвистика как междисциплинарная область исследования объектом своих разысканий делает самые разнообразные дискурсы, такие, как рекламный, спортивный, гастрономические и многие другие. Они ярко отражают сферы современного бытия человека. Большое внимание уделяется корпусам текстов различной тематики и жанров. Важной составляющей этих текстов является интертекстуальные вкрапления, в виде стихов, цитат, различных аллюзий.

Наиболее ярко глуттонический дискурс проявляется в художественных текстах, которые изобилуют сценами приёма пищи. Писатели и поэты используют пищевые компоненты, как для фоновых зарисовок, так и для раскрытия образа героев. Как пишет М.Н. Есакова, в художественном тексте проявляются свойства конкретной языковой картины мира, получившей своеобразное, индивидуальное преломление в сознании художника: картина мира, представленная национальным языком, соотносится с индивидуальной картиной мира и языком художника. [Есакова, 2001, с. 175-180] Сопоставление ситуаций «трапезы» в тексте оригинала и перевода позволяют сравнить культурные особенности, воззрения народов.

Например, в третьей главе произведения Гоголя «Мёртвые души» можно найти отрывок: Коробочка, после долгого спора с Чичиковым, решила «умаслить» барина:

*«– Прошу покорно **закусить**, – сказала хозяйка.*

*Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже **грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы...***

*– **Пресный пирог с яйцом!** – сказала хозяйка.*

*Чичиков подвинулся к **пресному пирогу с яйцом**, и, съевши тут же с небольшим половину, похвалил его. И в самом деле, **пирог сам по себе был вкусен, а после всей возни и проделок со старухой показался ещё вкуснее**».*

Еда в этом произведении становится средством описания не только гастрономической ситуации, но и представления характеров героев. Пищевые

компоненты помогают раскрыть замысел поэмы, изобразить современную автору эпоху.

Довольно интересно глуттонический дискурс находит своё отражение в текстах Священных писаний, детерминирующих сознание и волю людей, а также предписывающих, какую пищу следует потреблять и от какой стоит воздержаться. Как гласит Библия, в самом начале человек должен был питаться лишь растительной пищей: «Вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу» (Быт. 1, 29). Однако даже в Раю Бог наложил запрет на определённый вид плодов, нарушение этого закона впоследствии и привело к изгнанию людей из Рая. Уже потомкам Ноя было разрешено принимать в пищу продукты животного происхождения. Вообще христианство является самой лояльной религией в этом вопросе. Есть разрешается практически все.

В тексте Корана также запечатлены пищевые запреты. Этому посвящена целая глава (пятая), имеющая небезынтересное название «Пища».

Тора предписывает, что «...всякий из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих среди вас, который изловит зверя или птицу, которых можно есть, должен выпустить их кровь и покрыть её землёю. Ибо душа всякого существа – это кровь его...» (Лев. XVII, 13-14). Следует отметить то, что каждого религиозный гастрономический ритуал имеет своё наименование, уже традиционно закреплённое в языке.

Торой также предписано разделение мясных продуктов и молочных. Как гласит запрет, наложенный Богом: «Не вари козлёнка в молоке матери его» (Исх. 23:19; 34:26). Прежде чем потреблять молочную пищу, должно пройти несколько часов после съедения мясной.

Особый интерес для глуттонического дискурса также представляют фразеологизмы во всех формах и проявлениях (от словосочетаний до поговорок и пословиц). Они могут составлять как законченные и полноценные высказывания, так и быть частью дискурса.

Под гастрономическими фразеологизмами понимаются единицы, характеризующие сферы жизнедеятельности человека, имеющие в своём составе кулинарный компонент. В основе таких фразеологизмов - образ национальной кухни, служащий средством создания гастрономической картины

мира. Так, Эльчин Айдын оглу Гашимов, разрабатывая принципы описания лексико-фразеологического поля, считает, что «алиментарный код» способствует передачи оценочных высказываний, которые помогают сформировать и закрепить социальные и духовные ценности в общественном сознании. [Гашимов, 2005, 173]

Во Франции, если человек весел, здоров и улыбчив, то он может сказать «J'ai la pêche» («la frite», «la patate» или «la banane») – дословно «У меня персик» (картофель фри, картофель или банан). Или, наоборот, голландец, у которого не выдался день, может описать его, как «als een haring naar de sloep staren», что дословно означает «пялиться на шлюп, как сельдь».

Английское выражение «a piece of cake» (кусочек пирога), что означает «проще простого» имеет аналоги и в других языках: на шведском языке это звучит как «lätt som en plätt» – «так просто, как блин», в то время, как на польском оно может быть описано как «bułka z masłem».

Пьянство, как порок, ни одна из наций не считает своим, поэтому во фразеологизмах с «выпивкой», как правило, именуется другие народы. «Французы говорят: «Пьёт как поляк»... У датчан пьют «как норвежец». Норвежец же в свою очередь использует выражение «пьёт как швед». Швед утверждает, что алкоголиками могут быть финны. Ну а...у финн...пьяницы «пьют как русские»» [Московские новости, 2012, № 2].

Гастрономические фразеологизмы можно подразделить на несколько категорий:

1. Физиологические и индивидуальные характеристики человека, описанные при помощи продуктов питания;
2. Отношения между людьми;
3. Изображения признаков предмета;
4. Процесс питания

Так, наивный человек в англоязычной культуре буквально вывалился из грузовика с репой (fall off the turnip truck), а во французской – верит, что дети рождаются в капусте (croire que les enfants naissent dans les choux). В русском языке большой нос сравнивается с картошкой, а во французском – с четверть сыра бри (quart de brie).

Особую сложность представляет гастрономический дискурс в переводе. Различия кухонь народов мира порождают в языковом плане несоответствия. Каждый квалифицированный переводчик прекрасно понимает, что несовпадения языковых картин мира несут в себе особую трудность. Зачастую поиск нужного эквивалента может поставить в тупик.

В то время как Священные писания были переведены на многие языки мира, и сегодня их перевод нетрудно найти в интернете (Приведённый ранее фрагмент Библии на английский язык передаётся таким образом: «Then God said, "I give you every seed-bearing plant on the face of the whole earth and every tree that has fruit with seed in it. They will be yours for food» [Genesis 1, 29]), перевод фразеологизмов и названий продуктов питания в художественной литературе вызывает трудности. Конечно, облегчают задачу соответствующие словари, однако иногда контекст диктует свои условия.

К примеру, фразеологизм «Словья баснями не кормит» в английском языке приобретает вид «Fine words butter no parsnips» (Красивыми словами пастернак не помаслишь), а во французском – «Belles paroles ne font bouillir la marmite» (Красивые слова не заставят кипеть котелок). Мы можем заметить, что у данного фразеологизма есть эквивалент, в котором присутствует гастрономический компонент, однако в каждой языке он свой: в русском – мы видим глагол «кормить», в английском – глагол «маслить» и существительное «пастернак», а во французском – глагол «кипеть», и существительное «котелок». Таким образом, представляются разные образы в трёх языках, что может стать значительной деталью в контексте.

Так, например, в произведении «Мёртвые души» Н.В. Гоголь для создания атмосферы использует фразеологические обороты и устойчивые выражения с предметами из концепта питание. К примеру, Чичиков так обращается к Селифану: «Ты пьян как сапожник!» На что тот оправдывается: « Нет, барин, как можно, чтоб я был пьян! Я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого; и **закусили** вместе. **Закуска** не обидное дело; с хорошим человеком можно закусить» [Гоголь, 2002, с. 277].

Данный гастрономический фразеологизм предваряет целую глоттотоническую ситуацию. В переводах Кристофера Инглиша, опубликованного

в 2003 году, и Д.Ж. Хогарта 1842 года даются такие варианты: «You are as drunk as a lord!» (пьяный в стельку; пьяный как сапожник, мертвецки пьян, пьян вдрызг) «You're blind drunk!» (ты мертвецки пьян). В русско-английском фразеологическом словаре С.С. Кузьмина предлагаются такие значения «пить как сапожник»: «to drink like a fish» [Кузьмин, 2001, с. 501]. Если сопоставить словарное значение и данное в переводах, можно сказать, что все они являются эквивалентами, однако образ в трёх выражениях будет разным.

Что касается переводов блюд и напитков в художественных произведениях, этот вопрос представляет собой особый интерес. Приведённый ранее отрывок из третьей главы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» в переводах принимает такой вид: *"I beseech you **to have a morsel,**" murmured his hostess. Chichikov looked up, and saw that the table was spread with **mushrooms, pies, and other viands.***

*"Try this **freshly-made pie and an egg,**" continued Madame.*

*Chichikov did so, and having eaten more than half of what she offered him, praised the pie highly. Indeed, **it was a toothsome dish,** and, after his difficulties and exertions with his hostess, it tasted even better than it might otherwise have done.'*

*"Be so kind as **to partake of this humble fare**", said his hostess.*

*Chichikov looked around and saw the table already laden with **mushrooms, pies, dumplings, doughnuts, muffins, pancakes, pastries with all sorts of fillings: onion pastries, poppy-seed pastries, cream-cheese pastries, sparkling pastries, and the Lord knows what else best.***

*'Have some **egg-pie,**' said his hostess.*

*Chichikov **embarked on the egg-pie and promptly devoured the better half of it** with extravagant expressions of praise. Indeed **the pie was very tasty,** and after all the fuss and bother he had had with the old lady it seemed all the **tastier.'***

Н.В. Гоголь представляет читателям традиционную картину русского пиршества, когда стол в буквальном смысле ломится от тарелок, а глаза разбегаются от количества еды.

Большой интерес в этом отрывке вызывают названия еды, каким образом переведены эти элементы русской культуры.

Многие блюда национальной кухни уже не раз были переведены и занесены в словари, переводчику лишь остаётся просто посмотреть в словарь и написать перевод, надеясь, что читатель обладает определёнными

страноведческими знаниями. Особую трудность представляют блюда, которые ежедневно не употребляют в пищу.

Прежде всего, встречаем «*скородумки*» (выпечка на скорую руку). В первом переводе вся еда именуется общим названием *vīand* (пища, провизия, еда), никаких более подробных описаний не присутствуют, названия блюд намеренно убраны. Таким образом, используется приём генерализацию.

Во втором варианте переводчик старается наиболее подробно представить читателю русскую кухню, переводя каждую гастрономическую лексему: для «*скородумок*» используется слово *dumpling* – клецка; яблоко, запечённое в тесте. Однако в данном примере мы наблюдаем так называемый приём адаптации. Переводчик решил использовать блюдо, знакомое английскому читателю.

Далее идут «*шанишки*» или шаньги, круглые открытые пирожки. В первом английском варианте – перевод отсутствует, когда же во втором – это блюдо представлено, существительным «*doughnut*» – пончик; жареный пирожок; пышка.

Если не представлять ни первое, ни второе блюдо, то можно сказать, что переводы адекватны, но для знатоков кулинарии понятно, что это совершенно разные вещи. В этом примере используется приём адаптации, где одно понятие подменяется другим, более понятным читателю.

Пряглы (оладьи) становятся – «*muffin*» (круглый печёный оладушек с дрожжами, пожаренный и подаваемый с маслом). Блюда разные, но составляющие – одинаковые, поэтому можно сказать, что представление у читателя создается правильное.

Хозяйка также предлагает «пресный пирог с яйцом». Просмотрев оба варианта перевода, читатель сразу же задастся вопросом, что же было на самом деле. В первом варианте Коробочка предлагает свежеспечённый пирог и яйцо (*freshly-made pie and an egg*), в то время как во втором – пирог из яйца (*an egg pie*). Ни один переводчик не упоминает о том, что он ещё и «пресный».

Из приведённых примеров мы видим, что перевод названий блюд составляет особую сложность, особенно, если речь идёт о художественной литературе, где гастрономическая лексика может повлиять на изображение героев произведения. При этом из наиболее распространённых приёмов используются генерализация и адаптация.

Таким образом, лингвистический поворот, произошедший в XX столетии, перевёл внимание исследователей на язык и его роль и значение в современном мире. Вместе с этим особый интерес привлекла проблема дискурса. В рамках данной проблематики начал изучаться вопрос гастрономического дискурса, связи кулинарии и коммуникации. Гастрономический дискурс, являясь частью национальной культуры и составляющей языковой картины мира, представляет собой особое явление. Изучение кулинарии не только помогает выявить и зафиксировать нравы и культуру жителей определённой местности, но и способствует правильному пониманию связанных с этим языковых особенностей.

Гастрономический дискурс, будучи неотъемлемой составляющей культур всех народов мира, может представлять трудность для перевода. Знание гастрономических традиций заранее облегчает процесс коммуникации, способствует протеканию переговоров в непринуждённой обстановке. Специалистам, работающим с письменным переводом, зачастую нетрудно передать гастрономический компонент без потерь, вследствие несоответствия языковых картин мира. Таким образом, мы считаем, что исследование данной проблематики крайне важно и должно входить в подготовку компетентного переводчика.

Список литературы

- Витгенштейн Л.* Философские работы / Людвиг Витгенштейн. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
- Гашимов Э.А.* Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода: на материале лексико-фразеологического поля "Продукты питания": дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04 / Э.А. Гашимов. Самара, 2005. 189 с.
- Гоголь Н.В.* Повести. Мёртвые души. Поэма / Н.В. Гоголь. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 544 с.
- Есакова М.Н.* Ситуативные реалии как переводческая проблема (на материале текстов произведений М. Булгакова и их переводов на французский язык): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.Н. Есакова. М., 2001. 205 с.
- Кузьмин С.С.* Русско-английский фразеологический словарь переводчика / Translators' Russian-English Phraseological Dictionary / С.С. Кузьмин. М.: Флинта. Наука, 2006. 776 с.
- Марков Б.В.* Знаки бытия / Б.В. Марков. СПб.: Наука, 2001, 561 с.
- Философия. Учебник для вузов / Под общ. ред. В.В. Миронова.* М.: Норма, 2005. 928 с.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Мишель Фуко. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
- Хайдеггер М.* Время и бытие / Мартин Хайдеггер. М.: Республика, 1993. 192 с.
- Gogol, N. Dead Souls: A Poem.* Translated and edited by Christopher English. Oxford and New York: Oxford University Press, 1998.

Gogol, N. Dead Souls: A Poem. Translated and edited by D.J. Hogarth. Dover Thrift edition (originally published in 1842), 2003.

Road Bible Online[Электронный ресурс]

– Режим доступа: http://www.readbibleonline.net/7page_id

Чугунова Е.Д.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Chugunova E.
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

THE FEATURES OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH NATIONAL AND CULTURAL SPECIFIC CHARACTER

Данная работа посвящена особенностям перевода фразеологических единиц с национально-культурной спецификой. Фразеологические единицы занимают едва ли не первое место по сложности перевода. Фразеологизмы, обладающие национальной и культурной спецификой, создают дополнительные трудности для переводчика. В работе уделяется особое внимание методам перевода фразеологических единиц. На основе исследований С.И. Влахова и С.П. Флорина были выделены фразеологический и нефразеологический методы перевода. Автор делает вывод, что перед переводчиком всегда стоит задача выбора вида перевода, адекватно передающего значение, яркость и выразительность фразеологических единиц. В статье рассмотрены наиболее яркие примеры переводческих решений, проанализированы особенности фразеологических единиц, представляющих особую трудность для переводчиков.

The article discusses the features of translation of phraseological units with national and cultural specific character. One of the main problems in the art of translation is phraseology. The phraseological units with national and cultural specific character pose certain difficulty for the translator. The author gives attention to the methods of translation of phraseological units and give special consideration to phraseological and non-phraseological methods (based on research of S. Vlahov and S. Florin). The author concludes that the translator must choose the right methods of translation to adequately convey meaning of phraseological units. The article describes the most striking examples of translation solutions and analyzes the features of phraseological units with national and cultural specific character.

Ключевые слова: фразеологизм, национальные и культурные особенности, методы перевода, контекстуальный перевод, описательный перевод, дословный перевод, эквивалент, аналог.

Key words: phraseological unit, national and cultural characteristics, methods of translation, contextual translation, descriptive translation, literal translation, the equivalent, the analog.

*«Разум неистоцим в соображении понятий,
как язык неистоцим в соединении слов».*

А.С. Пушкин

Фразеология представляет собой особый раздел лингвистической науки, отражающий богатство выразительных средств языка. Понимание устойчивых выражений, а также их правильное употребление в речи считаются одним из показателей совершенства речевого мастерства и высокого уровня языковой культуры. Большую роль фразеологизмы играют в произведениях художественной литературы. Они создают яркую экспрессию, информируют читателя об эмоциональном состоянии героя художественного произведения. Благодаря таким свойствам фразеологических единиц как образность и экспрессивность наша речь становится ярче, выразительней и эмоциональней. Именно поэтому многие известные писатели использовали фразеологизмы для создания колорита и стилистической окраски своих произведений. Стилистическое использование фразеологизмов писателями всегда творческое, поскольку фразеологизмы в речи обычно используются с определённым художественным замыслом. Фразеологизм, употребляемый в художественном или публицистическом тексте

Перевод фразеологических единиц представляет собой одну из самых сложных, но в тоже время интересных проблем, которая рассматривается в рамках современной теории перевода. Это объясняется тем, что многие из них являются яркими, эмоционально насыщенными оборотами, принадлежащими к определённому речевому стилю и часто носящими ярко выраженный национальный характер. Так как фразеологические единицы широко используются в литературе всех стилей, то грамотный переводчик не должен допускать неточностей в переводе того или иного фразеологизма. Без знания фразеологии языка представляется совершенно невозможным оценить яркость и выразительность речи, без правильно переведённого фразеологизма можно не понять шутку, игру слов, а иногда и просто смысл всего высказывания.

Фразеологические единицы вызывают определённые трудности при переводе, что обуславливается их раздельнооформленностью, не отличающимся от обычных слов характером компонентов, слабой связью между ними и контекстом. Часто, из-за незнания переводчиком фразеологизмов, возникают следующие ошибки при переводе: принятие их за свободные словосочетания, что приводит к переводу фразеологических единиц на уровне слова; приписывание индивидуальному стилю автора или наоборот, приписывание свободному словосочетанию качеств устойчивого словосочетания и передача его на фразеологическом уровне.

Наряду с трудностью распознавания, переводчик сталкивается с ещё одним барьером – трудностью восприятия, так называемое понимание фразеологической единицы. Однако основной причиной ошибок при переводе фразеологизмов является недостаточное владение исходным языком.

Рассмотрим качества фразеологизмов, которые особенно предоставляют трудность для переводчиков и основные проблемы перевода, связанные со сложной структурой фразеологических единиц.

- **Сходство фразеологизмов со свободным сочетанием**

Принимая фразеологизм за свободное сочетание, при переводе возникают грубые ошибки. Исследователь В.Н. Комиссаров приводит пример из романа Гринвуда «Отряд выступает», где сообщается, что герой вышел из «*своего коричневого кабинета*», тогда как до этого он находился во дворе. В данном случае английский фразеологизм «*to be in a brown study*», то есть «*глубоко задуматься*» был принят за свободное сочетание слов. Это обстоятельство повлекло за собой ряд грубых ошибок в переводе [Комиссаров, 2002, с.107].

Поэтому, прежде всего, необходимо уметь распознать фразеологизмы в тексте. В книге «Непереводимое в переводе» автор С.И. Влахов отмечает, что значительная часть неудач в переводе фразеологизмов обусловлена именно «незнанием их в лицо»: переводчик принимает фразеологические единицы за переменные (свободные) словосочетания, и это приведёт к переводу и на уровне слова [Влахов., Флорин, 1980, с. 181].

- **Ассоциативная схожесть фразеологизмов**

Довольно часто при полном совпадении формы фразеологизма исходного языка и переводящего языка их значения могут не совпадать. Например, английское

выражение **«to lead by the nose»**, в буквальном переводе схожее с русским выражением **«водить за нос»**, означает **«вести на поводу, всецело подчинить»** в отличие от русского значения данного фразеологизма **«обманывать, вводить в заблуждение»**. Ещё одним ярким примером может служить фразеологизм **«пускать пыль в глаза»** – **«to throw dust in the eyes»**. Однако если в русском языке этот фразеологизм означает **«хвастаться, важничать, какими-либо поступками, создавать ложное впечатление о себе»**, то в английском языке абсолютно схожее выражение предстаёт лишь в значении **«обманывать»**.

Следовательно, образное выражение может быть неверно истолковано по причине его ассоциативной схожести с соответствующим фразеологизмом языка перевода. Поэтому при переводе всегда следует учитывать, что многие фразеологизмы, не смотря на их схожесть в переводящем языке, могут иметь совершенно различные, иногда противоположные значения.

- **Стилистическая недифференцированность и многозначность фразеологизмов**

Большинство фразеологизмов характеризуется **однозначностью**. Однако существуют фразеологизмы, обладающие несколькими значениями. Так, фразеологизм **«валять дурака»** может означать **«ничего не делать»**, **«вести себя несерьёзно, дурачиться»**, **«делать глупости»**.

Многозначность возникает обычно у фразеологизмов, которые сохранили в языке частичную мотивированность значений. Рассмотрим несколько примеров из фразеологии английского языка: **«to take the floor»** в общественно-политической лексике означает **«взять слово, выступить на собрании»**, тогда как в быту имеет значение **«пойти потанцевать»**. Французский фразеологизм **«aller aux fraises»** имеет следующие значения: **«бродить, прогуливаться»**, **«носить короткие брюки»**, **«съехать с дороги»**.

- **Авторство фразеологизма**

Как правило, «авторство» фразеологизма не влияет на выбор приёма перевода, поскольку большинство фразеологизмов рассматриваются как языковые единицы без учёта их авторства. Но если речь идёт о переводе крылатых выражений, афоризмов, которые восходят к определённому литературному или историческому источнику, приходится в большей степени учитывать важность сохранения их формы при переводе. В русском языке примером могут являться

ставшие крылатыми выражения из «Горе от ума» А.С. Грибоедова (**«а судьи кто», «служить бы рад, прислуживаться тошно»**).

- **Национальная окраска фразеологизмов**

Немаловажную роль играют культурные реалии, отражающие те или иные особенности народов. В различных языках и у разных народов возникают собственные образно-понятийные ассоциации. Наглядным примером служит следующий фразеологизм английского языка: **«to carry coals to Newcastle»** – **«заниматься бесполезным и ненужным делом»**. Дословный перевод данного фразеологизма: *«привозить уголь в Ньюкасл»*. Принимая во внимание значение фразеологизма и учитывая, что Ньюкасл – это центр угольной промышленной Англии, у русского человека достаточно чётко возникает ассоциация с русским фразеологизмом **«ездить в Тулу со своим самоваром»**.

От наличия или отсутствия национальной окраски фразеологизма во многом зависит выбор приёмов перевода. Национальный колорит фразеологической единицы может быть обусловлен, во-первых, специфической окраской отдельного компонента: например, реалия или имя собственное. Во-вторых, характером самого фразеологизма, связанного тем или иным путём с национальными особенностями соответствующего народа.

Основная трудность перевода таких единиц заключается в невозможности использования эквивалентов при переводе, поскольку данный приём предполагает идентичность всех показателей. Однако в большинстве случаев возникает необходимость в пожертвовании той небольшой долей колорита, перевода с помощью фразеологического аналога.

Очевидно, что при переводе фразеологических единиц постоянно возникают переводческие проблемы. Переводчики могут столкнуться с фразеологическими единицами в любом жанре литературы. «Фразеологические обороты, метафоры и другие тропы нередко выполняют определённую прагматическую функцию и также представляют трудности для понимания. Для декодирования их прагматики требуются глубокие знания чужой культуры и исключительное внимание к речевой ситуации, к условиям коммуникации» [Гарбовский, 2004, с. 516].

Итак, выявив основные трудности, с которыми, так или иначе, сталкивается переводчик при переводе фразеологических единиц, становится легче определить приёмы и методы перевода фразеологизмов.

Идеальный перевод фразеологических единиц, к которому должен стремиться переводчик следует правилу «фразеологизм переводят фразеологизмом». Отступать от данного правила следует только в крайнем случае, убедившись в нецелесообразности фразеологического перевода в данном тексте. Фразеологические единицы переводят либо фразеологизмом, либо иными средствами. Следовательно, мы можем говорить о **фразеологическом и нефразеологическом переводе**.

Приведём схему приёмов перевода, описанную С.И. Влаховым в книге «Непереводимое в переводе»:

Схема №1

Фразеологический перевод	Нефразеологический перевод
<i>Эквиваленты:</i>	Лексический перевод
Фразеологические	Калькирование
Неполные фразеологические	Описательный перевод
Относительные фразеологические	
Индивидуальные	

Несколько упрощая схему, можно сказать, что фразеологические единицы переводят либо фразеологизмом (первые два пункта) – фразеологический перевод либо иными средствами (за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов) – нефразеологический перевод [Влахов, Флорин, 1980, с. 183].

Вначале рассмотрим **метод фразеологического перевода**, который предполагает использование в переводе устойчивых единиц от полного и абсолютного эквивалента (фразеологизм исходного языка соответствует фразеологизму переводящего языка) до приблизительного фразеологического соответствия (фразеологизм исходного языка переводится вариантом фразеологизма переводящего языка). Итак, существуют методы фразеологического эквивалента и фразеологического аналога.

Фразеологический эквивалент равноценен переводимой единице. Данные фразеологизмы имеют приблизительно одинаковый компонентный состав и обладают рядом одинаковых лексико-грамматических показателей. Часто, к этой группе относятся фразеологизмы интернационального характера, основанные на мифологических преданиях, библейских легендах и исторических фактах.

Примеры фразеологического эквивалента: *to play with fire (англ.)* – играть с огнём, *strike the iron while it is hot (англ.)* – куй железо, пока горячо. Чаще всего фразеологические эквиваленты обнаруживаются у так называемых интернациональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из какого-нибудь третьего языка, главным образом, латинского или греческого: *the hill of Achilles (англ.)* – Ахиллесова пята, *the sword of Damocles (англ.)* – Дамоклов меч.

Однако следует учитывать два обстоятельства, ограничивающих возможность применения фразеологического эквивалента в качестве переводимой единицы. Во-первых, существуют «интернациональные единицы», которые не имеют эквивалента в остальных языках. Так, в болгарском языке нет понятия *синего чулка* и *тьмы египетской*; французский язык не знаком с *летучим голландцем* (*le vaisseau fantôme* буквально означает «призрачный корабль»).

Во-вторых, как отмечает В.Н. Комиссаров, при заимствовании обоими языками одного и того же фразеологизма его значение в одном из них может видоизмениться, и в результате эти фразеологизмы окажутся «ложными друзьями переводчика»- сходными по форме, но разными по содержанию [Комиссаров, 1990, с. 134].

Частичный эквивалент не означает какой-либо неполноты в передаче значения, а лишь содержит лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения. Например, известный библеизм *избиение младенцев* полностью соответствует английскому *the massacre of the innocents*. Но в английском языке фразеологизм приобретает ещё одно, жаргонное значение – не рассмотрение законопроектов ввиду недостатка времени в конце парламентской сессии. Частичных эквивалентов сравнительно немного, так как явление

многозначности менее характерно для фразеологии. При рассмотрении частичных фразеологических эквивалентов интересным будет обратиться к работе А.В. Кунина «О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре». Автор выделяет две группы частичных эквивалентов.

Первую группу составляют эквиваленты фразеологизмов, совпадающие по значению, стилистической направленности и близкие по образности (совпадение и несовпадение грамматической структуры), но несколько расходящиеся по лексическому составу. Например, в выражении *put by for a rainy day* (англ.), «rainy day» переводится на русский язык «чёрный день», однако для англичан фразеологизм звучит как «отложить на «ДОЖДЛИВЫЙ» день».

Интересна пословица «видна птица по полёту». В английском (*a bird may be known by its song*), французском (*au chant on connaît l'oiseau*), испанском (*por el canto se conoce el pajarero*) языках птица распознается по пению, а в немецком по оперению (*den Vogel erkennt man an seinen Federn*).

Совершенно расходится по лексическому составу в разных языках пословица «за все братья – нечего не сделать». Английский вариант «Джек – на все руки мастер, а ни одним мастерством не владеет» (*Jack of all trades, master of none*). Во французском языке аналогом является «Douze métiers, quatorze malheurs» – «двенадцать профессий, четырнадцать несчастий».

Забавен вариант немецкой пословицы: «кто знает много ремёсел, станет, в конце концов, попрошайкой» (*Wer viele Handwerke kann, wird zuletzt ein Bettelmann*).

Ко второй группе частичных лексических эквивалентов относятся эквиваленты фразеологизмов, совпадающие по значению, по стилистической направленности, но различные по образности. Необходимо отметить, что подавляющее большинство образных фразеологизмов относится именно к этой группе. Примерами могут служить пословицы: *birds of a feather flock together* (англ.) (птицы с одинаковым оперением собираются вместе) – *рыбак рыбака видит издалека*. Различна по образности пословица «сапожник ходит без сапог». В испанском «*en casa del herrero cuchillo de palo*» дословно переводится как «в доме кузнеца деревянный нож». Поговорка «у семи нянек

дита без глазу» звучит на немецком «много поваров портят кашу» (viele köche verderben den Brei). Антонимична русская пословица «утро вечера мудрёнее» во французском языке, где «ночь приносит совет» (la nuit porte conseil).

Довольно часто можно встретить фразеологические эквиваленты среди устойчивых сравнений. Тут речь идёт о самобытности культур, различий в традициях разных народов. Так, в России упорного и настойчивого человека сравнивают с ослом, говоря «упрямый как осёл». Но англичане и французы скажут «упрямый как мул». Поражает обилие вариантов фразеологизма «пьян как свинья». Во Франции можно изрядно выпить как «певчий дрозд», при этом быть похожим на «ломтик хлеба в бульоне». Немцы пьяны как «семь шведов», «береговая пушка».

Как уже было сказано выше, такие лексические различия и неодинаковый образный состав фразеологизмов зачастую объясняется спецификой национального характера.

Подводя итог, можно сказать, что фразеологический перевод устойчивых сочетаний слов при помощи полных или неполных эквивалентов не представляет сколько-нибудь значительных трудностей и его вряд ли можно отнести к переводу творческому. Обратная ситуация, когда переводчик прибегает к словотворчеству, создавая свой собственный фразеологизм.

Иногда, не найдя в переводящем языке полного соответствия, переводчик вынужден самостоятельно создавать фразеологизм-аналог. В данном случае можно говорить о так называемом индивидуальном эквиваленте.

Ярким примером индивидуального эквивалента является перевод просторечного фразеологического выражения, которое мы находим в рассказе «Счастливчик». Это выражение «*курицын сын*», употребляющееся применительно к лицу мужского пола для выражения лёгкого порицания.

– Ну, не идиотина ли я? **He курицын ли сын?** [Чехов, 1988, с.70]

– *Ne suis-je pas un grand idiot? **une véritable oie?*** [Denis, s. 91]

Дословный перевод «*une véritable oie*» – «*истинный, настоящий гусь*». Переводчик намерено заменил образ животного, «курица», с которым сравнивает себя главный герой юмористического рассказа. В данном случае

мы сталкиваемся с самобытностью разных культур, с различиями в традициях разных народов. В русской культуре к образу курицы обращаются для характеристики глупого и бестолкового человека: (*куриный ум, куриные мозги*).

Во французском языке с глупостью ассоциируется образ гуся: «*oie blanche*» (*наивная девушка, простушка*), «*bête comme une oie*» (*набитый дурак; досл. глупый как гусь*). В русской культурной традиции домашний гусь вызывает совсем иные ассоциации: либо слово «гусь» свидетельствует о важности кого-либо (*экий гусь! важный гусь!*), либо о ненадёжном, плутоватом человеке (*хорош гусь!*).

Таким образом, фразеологическая единица в русском языке, аналогичная по смыслу французской, основывается на ином образе. Переводчик сумел передать смысл выражения и сохранил его образность, эмоциональную окраску. Необходимо отметить, что подбор фразеологического эквивалента требует от переводчика свободного владения всеми ресурсами языка, а также тщательного соблюдения стилистической и жанровой однородности аналога фразеологизма и исходной единицы.

При переводе фразеологизмов на иностранный язык иногда невозможно воспользоваться фразеологическим видом перевода, поскольку не все фразеологизмы имеют эквивалент или аналог в языке перевода. В таких случаях, переводчику приходится прибегать к нефразеологическому методу перевода.

Особенно важен **метод калькирования (дословный перевод)**, когда следует передать образ, заключающийся во фразеологизме, поскольку замена его не представляется возможной. Как отмечает Л.Ф. Дмитриева, дословный перевод, калькирование фразеологических единиц может быть применён лишь в том случае, если в результате калькирования получается выражение, образность которого легко воспринимается русским читателем и не создаёт впечатления неестественности и несвойственности общепринятым нормам русского языка [Дмитриева, 2005, с 64]. Такие кальки позволяют донести до читателя содержащийся во фразеологизме образ и достаточно широко используется в переводческой практике.

Английский фразеологизм «it is raining cats and dogs» (дословно: «дождь льёт кошками и собаками») обычно переводиться как «дождь льёт как из ведра», но в сочетании с другими словами «It was raining cats and a little puppy got on my page», предпочтительней использовать кальку, чтобы обыграть тот же образ: «Был такой дождь, будто, как говорят англичане, с неба сыпались кошки и собаки, и один маленький щенок упал мне на страницу». Перевод предложения без использования метода калькированного перевода: «Дождь лил как из ведра и один маленький щенок упал мне на страницу». Очевидно, что в данном случае читателю будет не понятна логическая связь предложения, потеряется образность и метафоричность высказывания.

Необходимо обратить внимание и на трудности, которые могут возникнуть при использовании данного приёма перевода. Передавая некоторые устойчивые сравнения, следует убедиться, что носитель переводящего языка воспримет их правильно. Например, выражение «заячья душа» будет понятно лишь для тех народов, у которых заяц является символом трусости. Например, в Индии это животное символизирует мудрость и, следовательно, подобный метод перевода повлечёт за собой искажение смысла.

Дословный перевод часто применяется при наличии расширенной метафоры, фразеологических синонимов, игре слов и каламбурах. Чаще всего с помощью калькирования переводятся фразеологизмы с ярко выраженной мотивировкой, такие как пословицы или поговорки.

Многие исследователи утверждают, что в целях, объяснения смысла фразеологической единицы, которая не имеет в русском языке ни аналога ни эквивалента, и не подлежит дословному переводу, переводчику необходимо прибегнуть к **описательному переводу** – перевод фразеологических единиц при помощи свободного сочетания слов, что означает перевод не самого фразеологизма, а его толкование. Данный метод перевода уступает подлиннику по яркости, хотя и верно передаёт его значение.

Например, английская идиома «dine with Duke Humpherby» (буквально «обедать с герцогом Гемфри») возникла в связи с тем, что нищие просили подавание на паперти одной из лондонских церквей, где был похоронен некий герцог Гемфри. В русском языке прямых соответствий фразеологизма нет, а калька не может дать представления о его переносном значении. Переводчику

приходится обходиться скромным вариантом «ходить голодным, остаться без обеда».

Интересно юридическое фразеологическое выражение «cut off with a shilling» (букв. «отрезать шиллинг»), которое означает «лишиться наследства». В английской юридической практике это связано с тем, что если отец хочет лишить сына наследства, то он не может просто не упомянуть его в завещании, поскольку в этом случае завещание может быть оспорено. Поэтому он пишет: «А сыну моему любезному завещанию один шиллинг», показывая тем самым, что он не забыл о сыне, а сколько он ему оставил, на то его родительская воля. В переводе это будет просто означать «лишиться наследства».

Таким образом, описательный перевод лишь объясняет фразеологизм. В этом случае неизбежна утрата образности и экспрессивной выразительности оригинала.

Подводя итог, можно сделать вывод, что самую серьёзную трудность при переводе фразеологизмов составляют стилистические особенности фразеологизмов, их многозначность и культурные особенности, которые так сложно передать на иностранный язык. Следовательно, переводчику нужно перевести фразеологическую единицу в соответствии со всеми общепринятыми нормами переводящего языка, а также постараться сохранить эмотивность фразеологизма.

В настоящее время фразеология заняла достаточно прочные позиции как лингвистическая дисциплина. Переводу фразеологии уделялось и до сих пор уделяется немало внимания в теоретических работах разных исследователей и лингвистов как русских, так и зарубежных. Действительно, перевод фразеологических единиц - одна из самых серьёзных проблем в переводческой практике.

В данной работе рассмотрены основные способы перевода фразеологизмов, которые в результате помогают создать вполне адекватный перевод. Чаще всего переводчики прибегают к следующим методам:

1. Фразеологический перевод – метод фразеологического эквивалента и метод фразеологического аналога.
2. Нефразеологический перевод – описательный перевод и калькирование (дословный перевод).

Таким образом, перевод фразеологизмов не является неразрешимой переводческой проблемой и в каждом случае есть свой путь решения, который зависит по большей части от контекста, в котором та или иная фразеологическая единица представлена.

Список литературы

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008, 656 с.
- Быстрова Е.А.* Учебный фразеологический словарь русского языка. М., 1984.
- Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1977, 312 с.
- Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М.: 1980.
- Гарбовский Н.К.* О некоторых проблемах современной науки о переводе // Вестник МГУ / Серия 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. М., 1998. С. 125-135.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
- Дубрович М.* Сборник пословиц и поговорок на пяти языках. М.: 1998.
- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 214 с.
- Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс +, 2005.
- Назарян А.Г.* Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1987.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.

Чуреева О.А.
Крымский государственный медицинский университет имени С.И.
Георгиевского
г. Симферополь (Украина)

Chureeva O.
Crimean State Medical University named after S.I. Georgievsky
Simferopol (Ukraine)

ДЕФОРМАЦИЯ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА «ЧАЙКА» НА ЯЗЫК ТЕАТРА)

DEFORMATION AS A TRANSLATOR SRATEGY (ON THE MATERIAL OF INTERSEMIOTIC TRANSLATION OF CHEKHOV'S PIECE "SEAGULL" ON THEATRE LANGUAGE)

Настоящая статья посвящена проблеме интерсемиотического перевода, в частности исследованию механизмов использования приёма деформации инвариантного текста как переводческой стратегии. Материалом, иллюстрирующим некоторые особенности и аспекты этого многосоставного процесса, послужила сценическая интерпретация пьесы А.П. Чехова, осуществлённая в рамках международного экспериментального проекта российским режиссёром П. Карташевым. Наряду с анализом природы и функции деформации театрального текста как результата перевода в центре внимания автора находится вопрос о критериях адекватности интерсемиотического перевода. Рассмотрены некоторые субстанциональные и функциональные особенности сценической интерпретации исходного текста, а также предпринята попытка установить семантические связи и отношения между «текстом в чтении» и «текстом в действии» и их значение для понимания ядерного сообщения. Кроме того, интерес автора вызывает исследование роли интерлингвистического перевода как элемента структуры перевода интерсемиотического.

The article deals with the problem of intersemiotic translation, in particular with the investigation of mechanisms of application of invariant text deformation method as a translator strategy. This work is based on the material of stage interpretation of Chekhov's play "Segull", which illustrated some features and aspects of this polygonal process and which was realized by Russian director P. Kartashev in the frames of international experimental project. Along with the analysis of nature and functions of theatre text deformation as a translation result in the centre of

author's attention there is a question about criteria for adequateness of intersemiotic translation. Moreover the author considers some substantial and functional peculiarities of stage interpretation of original text, and makes an attempt to recognize semantic links and relations between «text in reading» and «text in acting» and their significance for correct understanding of nuclear message. Besides that, the author is interested in research of role of interlinguistic translation as an element of structure of intersemiotic translation.

Ключевые слова: интерсемиотический перевод, переводческая стратегия, деформация, театральный текст, инвариантный текст, адекватность перевода.

Key words: intersemiotic translation, translator strategy, deformation, theatre text, invariant, adequateness of translation.

В связи со сменой научной парадигмы (от модерна к постмодерну) фреймовая ситуация претерпела трансформацию. Результатом этого лингвистического переворота явилось то, что все стало мыслиться как текст, дискурс.

Естественным следствием процесса конвертирования различных онтологических структур явился тот факт, что в центре внимания исследователей оказалась проблема интерсемиотического перевода, или трансмутации, то есть перевода из одной знаковой системы в другую. В настоящее время основными формами интерсемиотического перевода являются кино, театр, телевидение и интернет.

Сценическая постановка как текст особой природы стала пониматься сравнительно недавно. Французская исследовательница Анн Юберсфельд ввела в лингвистический терминологический аппарат понятие «текст-представление», А.А. Михайлова говорит о «сценическом произведении», позднее в работах различных учёных (Eli Rozik, Н.В. Цунский) появляется устойчивое сочетание «театральный текст».

Театральный текст – это полифония знаков различной природы с разветвлённой системой паралингвистических кодов.

Этот текст имеет свои особенности, связанные с пространственно-временными отношениями. Помимо деления на акты и действия, театральный текст, в отличие от художественного, сегментируется антрактами и занавесом. Таким образом, речь идёт о компоненте дискретности в сценическом хронотопе.

Однако театральный текст делится не только на действия, но и на явления. Переход от явления к явлению на сцене происходит не спонтанно, а естественно, создавая ощущение непрерывности действия и сохраняя видимость сходства с течением событий в жизни. На этом фоне разворачивается каждое новое явление. Таким образом, можно говорить о некоем структурно организованном целом, имеющем свои границы.

Театр – «это своего рода звуковая вариация языка», как полагает Арто [Арто, 1993, с. 92]. Между текстом, прочитанным глазами, и текстом, произнесённым на сцене (имеется в виду его вербальный аспект), определённо существуют значительные различия. Это обусловлено наличием таких дополнительных характеристик, как интонация, тембр, регистр, положение тела, шумовые характеристики, полезность звука, индивидуальные особенности строения речевого аппарата актёров, паузации и проч. Кроме того, важно учитывать язык мизансцен, световой и музыкальной партитуры, темпоритм и другие факторы, в том числе связанные с маркетингом, рекламой и продюсерской стратегией. То, как будет понят текст, во многом зависит от того, как он будет прочитан.

Таким образом, драматический текст, переложённый на язык сцены, сохраняет свою аутентичность, но становится полифоничным, обретает множество отражений. Театральный текст пишется прямо во время спектакля, «здесь и сейчас», хотя работа над ним начинается задолго до первой репетиции. В сценическом тексте не только слова приобретают коннотативное значение, но имеет смысл говорить о психогенных структурах, коррелятах психологических процессов, которые проявляются в пространстве спектакля. Театральный текст складывается из различных элементов: текст, эмоциональное состояние актёров, звуковой ряд, пространственные отношения и временная метрика и т. п. Он конструируется и читается одновременно на нескольких уровнях: визуальном, акустическом, пластическом, когнитивном и др.

В настоящей работе рассмотрены некоторые особенности перевода пьесы А.П. Чехова «Чайка» на язык театра. В связи с тем, что количество сценических интерпретаций данного текста очень велико, мы остановимся лишь на одной из последних, осуществлённой режиссёром Павлом Карташёвым в рамках экспериментального проекта международной кинотеатральной инициативы

«*Vox scaenica*», так как, на наш взгляд, в данном театральном тексте достаточно выпукло и наглядно можно продемонстрировать суть деформации как переводческой стратегии.

Чеховский текст, трансформируясь, в театральный, претерпевает разного рода деформации достаточно часто, что обусловлено спецификой интерсемиотического перевода. Рассмотрим некоторые из них на материале спектакля П. Карташева. Так, в анализируемом тексте представления происходит деформация инварианта опущением некоторых действующих лиц. На сцене остаётся всего пять, которые вместе образуют единое целое («мировую душу»), подобно пальцам на одной руке. В спектакле действуют начинающая актриса Нина Заречная, начинающий писатель Костя Треплев, известный беллетрист Тригорин, известная актриса Аркадина, а также Маша, которая носит чёрный траурный наряд, пьёт водку и нюхает табак. Реплики некоторых персонажей отсутствуют полностью, но в то же время театральный текст дополнен цитатами из других произведений, рефренами и др. Кроме того, важно отметить, деформацию, которую претерпевает монолог Нины Заречной. В спектакле он произносится Аркадиной низким грудным голосом, как молитва, над телом Треплева. Таким образом, он приобретает некий сакральный, ритуальный смысл. Этот эффект усиливается за счёт интерлингвистического перевода внутри интерсемиотического, так как текст про «орлов и куропаток» читается на иврите. Следовательно, для значительной части зрителей, слова непонятны, они звучат, как таинственное заклинание, но, тем не менее, смысл их ясен. А передача ощущения и смысла и является одной из приоритетных целей интерсемиотического перевода. Такая интерпретация, даёт ключ к дешифровке подтекста этого странного чеховского монолога. Драматург сознательно использовал приём рефрена, так как троекратное повторение чего бы то ни было создаёт эффект волшебства. По этой же причине, текст спектакля Карташёва, близкий тексту Чехова и тексту Треплева, пронизан рефренами различной природы.

На наш взгляд, инвариантный текст может в процессе интерсемиотического перевода подвергаться различного рода деформациям. Это естественный процесс. Однако лишь в том случае, если речь идёт об актуализации смыслов, или расширении культурного контекста, или точечных

акцентах. Если же авторы при переводе привносят в текст свои собственные высказывания, которые не имеют под собой текстовой основы, если реплика одного персонажа передаётся другому только потому, что у другого мало текста, то, такой перевод не может считаться адекватным, так как не может передать смысл текста автора и его атмосферу. Следует подчеркнуть тот факт, что приём передачи реплик одного персонажа другому используется при интерсемиотическом переводе художественных текстов довольно часто, и часто это оправданно в силу многих причин. Так, в процесс работы над текстом автор сам может добавлять и убирать персонажей и распределять реплики совсем иным образом, нежели в окончательном варианте. Поэтому при работе над анализом любого интерсемиотического перевода важно обращаться к черновикам, письмам, архивам автора пьесы. К тому же нередко передача реплик является необходимым приёмом, помогающим высветлить и акцентировать определённые смыслы, заложенные в тексте. Так, в спектакле П. Карташёва некоторый текст, принадлежащий Нине Заречной, произносит актриса, играющая роль матери Треплева. Важно понять, для чего это было сделано. И в этом отношении следует сразу учесть ряд важных фактов.

1. Действие спектакля происходит в другой реальности, после самоубийства Треплева, реальности, которая существует по законам сна. А значит, следует учитывать перцептивную составляющую.

2. Персонажи пытаются понять, почему произошла эта трагедия. Следовательно, саморефлексия героев требует подкрепления со стороны психоанализа. Попытка смоделировать ситуацию «Другая бы на моём месте...», поиск ответа на вопрос: «А что если бы это сказала или сделала другая..., могло бы это повлиять на результат?». Когнитивная подстановка – это способ оценки правильности поступка или действия, такая психологическая игра, которая позволяет поменять угол зрения и увидеть ситуацию глазами другого человека. Приём этот имеет два измерения: в одном – он действительно может оказаться эффективным (когда речь идёт о стремлении понять мотивы другого человека), в другом – он остаётся лишь игрой воображения (если человек, будучи собой и никем иным, пытается представить, как на его месте действовал бы другой человек). Это ложный путь, так как принимая на себя модель поведения другого человека в

реальных условиях невозможно довести эту игру до конца, и результат окажется совсем не таким, как если бы этот другой человек действовал так на своём месте.

3. Рассматривая пьесу Чехова с лингвистической точки зрения, мы всё же не можем абстрагироваться от некоторых важных литературоведческих аспектов, так как имеем дело с художественным текстом и произведением литературы. Поэтому важно понимать, как выстроена система персонажей и общая композиция, чтобы правильно расставить акценты и приблизиться к адекватному пониманию смысловой канвы текста, понять, что именно автор хотел изменить в сознании своего читателя, а также и зрителя, так как драматические произведения создаются для того, чтобы их перевели на язык сцены.

Интерсемиотический перевод может считаться адекватным, если ядерное сообщение передано и воспринято верно, при этом неважно, каким образом достигается это понимание. Перевод драматического текста на язык спектакля не всегда соответствует критерию адекватности в силу разнообразных факторов и причин: режиссёрская партитура, актёрская интерпретация, психофизика, невербальные компоненты структуры. При интерсемиотическом переводе важно держать в уме два плана: «текст в действии» и «текст в чтении». Театральный текст может иметь плавающую структуру, отличающуюся от структуры пьесы, он может сужаться и расширяться в зависимости от художественной задачи.

Список литературы

- Арто А.А.* Театр жестокости // А. Арто Театр и его двойник. М.: Мартис, 1993. 191 с.
Михайлова А.А. Образ спектакля. М.: Искусство, 1978. 247 с.
Цунский Н.В. Театральная герменевтика и анализ театрального текста // ОНС, 2000. № 3, С. 161-171.
The Language of the Theatre. Glasgow: Theatre Studies Publications, 1992. 147 p.
Ubersfeld, A. Lire Le Theatre. Paris: Editions sociales, 1982. 316 p.

Шульженко А.М.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Shuljenko A.M.
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СТРУКТУРА ЗНАНИЙ, НЕОБХОДИМЫХ ПЕРЕВОДЧИКУ

STRUCTURE OF THE KNOWLEDGE NECESSARY FOR THE INTERPRETER

Статья посвящена рассмотрению вопроса структуры знаний, необходимых переводчику. В начале статьи даётся небольшой экскурс в историю развития переводческих знаний, освещаются взгляды на перевод таких учёных, как Цицерон, святой Иероним, Бруни, Доле и так далее. Затем освещается развитие науки о переводе в XX веке – какие школы были основаны, каким образом происходит обучение в данных школах и каковы основные отличия между ними. В конце подводится итог на основе рассмотренных взглядов переводчиков с начала переводческой деятельности до наших дней.

The article considers the structure of the knowledge necessary for the interpreter. The paper begins with a brief overview of translation history; the views on translation of such scholars as Cicero, St. Jerome, Bruni, Dole and so on are highlighted. Then the development of the science of translation in the twentieth century is considered – what schools were founded, what programmes were offered and what are the main differences between them. In the end the considered views of interpreters from the start of translation activity to the present day are summarized.

Ключевые слова: перевод, переводчик, структура знаний, теория перевода, профессиональная подготовка.

Key words: translation, translator, knowledge structure, translation theory, training.

В настоящее время образование переводчиков стремится к тому, чтобы выработать у них знания и навыки, в современной терминологии – компетенции, необходимые для осуществления профессиональной переводческой деятельности. Подход к переводческим компетенциям эволюционировал на протяжении веков. Рассмотрим, как менялись представления о том, какими качествами должен обладать хороший переводчик.

Можно сказать, что впервые о теории перевода заговорили ещё в древние времена. Именно в трактатах Цицерона мы находим упоминания о переводе, о переводчиках, а также некоторые теоретические размышления, которые свидетельствуют об осмыслении проблем переводческой деятельности. Именно у Цицерона обнаруживается оппозиция категорий теории перевода, «а именно противопоставление вольного перевода буквальному» [Гарбовский, 2007, с. 65]. Для Цицерона, как и для многих его современников, перевод представлял собой вид второстепенной литературной деятельности. Перевод для него – это прежде всего упражнение, помогающее развитию красноречия. Основная работа Цицерона о переводе – это предисловие к собственным переводам Демосфена и Эсхина. Главное значение этого текста в том, что в нем впервые обосновывается вольный перевод. Говоря о качествах переводчика, Цицерон, утверждает, что ему необходимо «усвоить самые разные познания, без которых беглость в словах бессмысленна и смешна; необходимо придать красоту самой речи, и не только отборам, но и расположениям слов... Ко всему этому должны присоединиться юмор и остроумие, образование, достойное свободного человека... Кроме того необходимо знать историю древности, чтобы черпать из неё примеры... Наконец, что сказать мне о сокровищнице всех познаний – памяти? Ведь само собою разумеется, что если наши мысли и слова, найденные и обдуманые, не будут поручены ей на хранение, то все достоинства оратора, как бы ни были они блестящи пропадут даром». Итак, уже у Цицерона упоминаются первые знания и умения, которые должны составить основу структуры образования переводчика: эрудиция, профессиональное владение языками, хорошая память, знание гуманитарных дисциплин, чувство юмора и живой ум.

Говоря об истории перевода нельзя не вспомнить выдающегося филолога, теолога и писателя Средневековья – святого Иеронима, оставившего значительный след в истории мировой культуры. Именно он совершил перевод Библии на латинский язык. В письме папе Льву X Эразм, испрашивая разрешение опубликовать труды Иеронима, писал: «Сама учёная Греция едва ли имеет кого-нибудь, с кем могла бы сравнить этого мужа, наделённого столькими исключительными дарами. Сколько в нем римского красноречия, какое знание языков, какая осведомлённость во всем, что касается истории и древностей. Какая верная память, какая счастливая разносторонность, какое совершенное

постижение мистических писмен. И сверх того, какой пыл, какая изумительная вдохновенность души Божественной» [Цит. по Диесперов, 1916, с. 5]. Эта характеристика выдающегося переводчика Средневековья очень похожа на тот «портрет профессионала», который мы встречаем у Цицерона: к профессиональному знанию языков добавляются навыки владения ораторской речью, к познаниям в разных областях – герменевтические навыки, а к личным качествам – искренняя увлечённость своей профессией.

Начало эпохи Возрождения некоторые исследователи связывают с повышенным интересом к древнегреческому языку и к античной культуре, резвившимся в Италии в период правления одного из последних византийских императоров династии Палеологов Иоанна VIII. По мнению итальянского гуманиста Леонардо Бруни, жившего в конце XIV – начале XV века, изъянами в работе переводчика является либо плохое понимание того, что следует перевести, либо неверное изложение, либо пренебрежение гармонией и изяществом текста. Причины этих изъянов Бруни видит в недостаточной образованности переводчика и в отсутствии у него литературного таланта. Бруни предпринимает попытку представить перевод в виде двусторонней деятельности. Он отдельно рассматривает понимание оригинального речевого произведения (герменевтический аспект перевода) и порождение нового речевого произведения на языке перевода (аспект переводческой реконструкции). Первое требование к переводчику состоит в том, что он должен полностью понимать системы смыслов оригинального текста. Во втором требовании Бруни настаивает на том, что переводчик должен владеть языком перевода в совершенстве.

Этьен Доле, живший уже в XVI веке, был гуманистом французского Возрождения, писателем, переводчиком, типографом, его имя хорошо известно филологам и историкам. Для нашего исследования интересен его трактат «О способе хорошо переводить с одного языка на другой», опубликованный в 1540 году, так как он считается первой хартией переводчиков. В трактате изложены основные положения переводческой концепции Доле. Первое правило, или положение, которое выводит автор, состоит в том, что переводчик должен прекрасно понимать смысл и содержание переводимого. То есть переводчику необходима отчётливо понять, каков предмет мысли автора и каковы его

суждения о предмете. Во втором правиле сказано, что переводчик должен превосходно владеть как языком оригинала, так и языком перевода. «Если переводчик не знает всех тонкостей и языка оригинала, и языка перевода, он наносит вред и автору, которого он переводит, и языку, на который он его перелагает, так как он не показывает достоинств и богатств обоих языков, которыми он оперирует, утверждал Доле» [Гарбовский, 2007, с. 89]. Третье положение: недопустимость пословного перевода. Доле говорит именно о порядке слов, предостерегая переводчиков от механического воспроизведения синтаксической организации оригинального текста. Таким образом, в трактате подчёркивается организующая роль порядка слов в речи и отмечается необходимость умения построить в переводе такой порядок слов, который следовал бы логике развёртывания текста в соответствии с мыслями автора оригинала и с нормами языка перевода. Четвёртое положение состоит в использовании общеупотребительной лексики, отказ от заимствований. Нетрудно заметить, что данное требование не утратило своей актуальности и сегодня. Современным переводчикам хорошо известно правило, согласно которому при выборе слов следует остерегаться иностранных заимствований. Пятое правило: соблюдение норм ораторской речи, а именно «правил связывания и соединения выражений с такой нежностью, чтобы не только удовлетворена была душа, но и услаждены уши, ибо нет такой гармонии в обычной речи» [Цит. по: Гарбовский, 2007, с. 93]. Основной тезис теории Доле сводится к тому, что великолепие выбранных слов само по себе недостаточно: необходимо соблюдать правила их взаимного расположения.

Из положений Доле мы можем сделать вывод, что переводчик в первую очередь должен знать в совершенстве язык перевода, поскольку именно ему отводится центральное место в трактате.

Определённый политический интерес к области перевода появился во время колонизации европейскими государствами Нового Света. Начальными стадиями обучения переводу можно считать привлечение коренных народов колоний в метрополии для того, чтобы сделать их двуязычными посредниками. Однако в период колонизации больше внимания уделялось регулированию подозрительной профессии, а не обучению профессионалов. Показательно, что во многочисленных законах, принятых в Испании для закрепления прав и

обязанностей переводчиков в американских колониях, ничего не говорилось о том, как становились переводчиками. Датой начала государственного обучения переводчиков можно считать 1669 год, когда Кольбер издал во Франции декрет, постановляющий начало подготовки французских студентов в качестве переводчиков с турецкого, арабского и персидского языков, что привело к основанию Константинопольской школы. В 1754 году императрица Мария Терезия основала Восточную Академию, которая подготовила большое число востоковедов и переводчиков для работы при дворе Габсбургов.

В Европе стремление к созданию национальных культур лежало в основе некоторых литературоведческих учебных программ, примером этому может служить программа для начинающих, созданная в Финляндии в 1831 году. Тем не менее, необходимость расширять и контролировать международные отношения стала очень важным вопросом. Некоторые меры принимались непосредственно соответствующими государственными институтами. Хотя услуги дипломатов были только неформально связаны с обучением переводчиков. «Университет Гумбольдта в Берлине с 1884 по 1944 год имел программу по обучению переводу дипломатов» [Routledge Encyclopedia of Translation Studies, 2001, p. 281]. В Испании Министерство иностранных дел контролировало официальных переводчиков и до сих пор следит за соответствующими государственными экзаменами, придавая особое значение переводу официальных документов. Отпечатки этих традиций и сейчас можно наблюдать во многих испано-американских университетах, где над обучением переводу превалирует работа в правовой сфере и перевод юридических документов. В Уругвае юридический факультет национального университета с 1855 года обучает специальности «общественный или официальный переводчик» [Цит. по: Routledge Encyclopedia of Translation Studies, 2001, с.281]. Необходимость в специально подготовленных к юридическому переводу переводчиках резко возросла в институтах двадцатого века. Копенгагенская школа бизнеса обучает студентов устному и письменному юридическому переводу с 1921 года, а Парижский институт сравнительного правоведения обучает переводчиков юридических документов с 1931 года.

На сегодняшний день более универсальный подход проявляется в западноевропейских учебных заведениях, которые были сосредоточены в

основном на подготовке устных переводчиков и пользовались большой степенью независимости от университетских структур, не занимающихся профессиональной подготовкой. Такие институты были основаны в Гейдельберге (1930), Женеве (1941) и Вене (1943). В некоторых учебных заведениях, например, в Московском государственном лингвистическом университете (1930), обучение переводу было эксплицитно интегрировано в программы независимых институтов иностранных языков; такая модель до сих пор свойственна России, Китаю и некоторым другим странам Восточной Европы. Новая волна институализации возникла в первые годы после Второй мировой войны, когда победившие державы начали думать об установлении международного режима при помощи микрофонов и наушников синхронных переводчиков. Независимые учреждения университетского уровня, целью которых было обучение устному переводу, возникли в регионах, граничащих с Третьим Рейхом: в Граце (1946), Инсбруке (1946), Гермерсхайме (1947) и Саарбрюккене (1948). Эти учреждения были связаны с делом построения мира в самой проблематичной на тот момент части мира.

Следующее поколение учебных заведений появилось в пятидесятые годы, когда инициатива Франции заложила основу европейского единства, а французская дипломатия стремилась доказать свою значимость на мировой арене. После основания Международной федерации переводчиков (FIT – Fédération Internationale des traducteurs) в 1953 году в Париже, там же были основаны Высшая школа устных и письменных переводчиков (ESIT) и Высший институт устного и письменного перевода (ISIT) в 1957 году. Эти учебные заведения уделяли основное внимание устному переводу, в частности, переводу конференций, который наиболее заметен в профессии.

Не совсем случайно в то время французский язык доминировал в первой международной сети институтов. Международная ассоциация университетских центров по подготовке письменных и устных переводчиков («Международное объединение университетских институтов перевода») (CIUTI) неформально собиралась с 1960 года по инициативе институтов Женевы, Гейдельберга, Гермерсхайма, Парижа (ESIT), Саарбрюккена, Триеста и Вены. Явной целью CIUTI было обеспечить качество выпускников тех институтов, которые входили в ассоциацию. Однако имплицитной функцией CIUTI, которая в определённой

степени проявляется через саму сущность её членов, было и остаётся восхваление западноевропейской модели обучения переводчиков, основанной на относительно независимых институтах, которые занимаются исключительно переводом (в отличие от обучения языку) и уделяют особое внимание обучению переводчиков конференций. Интегрированная в изучение иностранного языка система обучения переводу в восточноевропейской модели ценилась не очень высоко, также как и профессиональные стандарты факультетов современных языков и литературы. Институты, входящие в CIUTI, значительно отличались от моделей девятнадцатого века тем, что они не зависели напрямую от инициативы государства. Люди, преподававшие в них, часто были профессиональными устными и письменными переводчиками; профессия сама по себе установила собственные стандарты и обозначила себе цели.

Эти события привели к незначительным конфликтам, связанным с попытками сделать перевод не только профессиональной, но и научной сферой. Одним из результатов стала некоторая агрессивность в педагогических подходах, сформулированных в ранней традиции CIUTI. «Теория смысла» Даницы Селескович, которая стала доктриной для парижской ESIT, героически отстаивала мысль о том, что профессиональный устный перевод является точкой отсчёта для любой теории перевода. Такая теория доказывала необходимость обучения переводу в отдельных учебных заведениях, которые уделяют особое внимание устному переводу и руководятся профессионалами. В Саарбрюккене была принята другая стратегия. Там лингвистическая модель, предложенная Вольфрамом Вилссом, выделяла знание технологии как профессиональную сторону прикладной лингвистики. Функциональная теория, выдвинутая Хансом Вермеером в Гейдельберге в восьмидесятые годы, на первое место ставила профессиональную ситуацию переводчика, одновременно борясь за независимые переводческие институты, противопоставляя их узко-филологическим и литературным программам. Все эти теории предлагали пути решения конфликта между институтами.

Однако было бы неверно предполагать, что учебные заведения CIUTI работают по одному образцу. Во Франции в основном существуют программы двухгодичного специализированного цикла (магистратура), при этом студенты получают знания языка на первой стадии образования, которую они могут

пройти где угодно. Учебные заведения Германии, с одной стороны, основаны на четырёхгодичной структуре, при которой изучение языка неизбежно идёт одновременно со специализированными курсами письменного и устного перевода. Неудивительно, что независимость четырёхлетней структуры от университетских подразделений отстоять гораздо сложнее. Результатом стали важные дебаты по вопросам теории и некоторые столкновения между технико-лингвистической традицией и целе-ориентированным прагматизмом. Одним из следствий стали немецкие теории о включении в сферу деятельности переводчика общих межкультурных аспектов и функций консультирования, так как это было эффективным способом оправдать четырёхлетнюю программу обучения. Престижные французские учебные заведения, которые по-прежнему обучают по двухгодичной программе, продолжают настаивать на более узком понимании роли устного и письменного переводчика как специалиста.

Несмотря на эти внутренние различия, CIUTI показала себя относительно успешной организацией. К 1996 году она включала в себя 21 учебное заведение, и все они находились на территории Западной Европы и Северной Америки, организуя между собой обмена студентами. Некоторые из этих институтов стали очень крупными и к настоящему моменту насчитывают более 1000 студентов. ИмPLICITные принципы CIUTI также широко уважаются во вновь созданных учебных заведениях, учитывая то, что некоторые из первых членов организации прямо или косвенно создали своих частичных «клонов». Престижная школа в Оттаве, основанная в 1970 году, брала за образец Париж, и ESIT имеет прочные связи с институтами в Буэа и Танжере, которые были основаны в 1986 году. Несмотря на то, что некоторые письменные и устные переводчики первоначально работали в колониальных учреждениях, им удалось создать свои собственные институты с относительно независимыми постколониальными отношениями.

Несмотря на то, что западноевропейские и американские учебные заведения, открытые до 1980 года, могут быть признаны легитимными в том, что касается уровня преподавания теории, изменения в высшем образовании сильно пошатнули те принципы профессиональной независимости, которых они придерживаются. Во многих странах реформы, проведённые в 80-е годы или в начале 90-х, устранили барьеры между профессиональным и академическим

обучением фактически во всех сферах. По мере того, как различные технические или профессиональные институты входили в национальные системы университетов, программы обучения переводу не могли больше предъявлять права на независимость, основанную на профессиональном обучении. Некоторые институты, входящие в CIUTI, вошли в структуру университетов: ESIT, например, стал относиться к Сорбонне после закона 1984 года; многие институты в Германии нашли свою академическую нишу в прикладной лингвистике. В Испании обучение переводу происходило по трёхлетней программе профессионального обучения вплоть до 1992 года, когда национальный закон разрешил создание программ для переводческих факультетов, рассчитанных на 4 года. Эта всеобщая интеграция имеет далеко идущие последствия.

Первое, и самое очевидное то, что количество учебных заведений университетского уровня, предлагающих степень или диплом в письменном или устном переводе, резко возросло. В 1960 году их количество составляло 49, в 1980 – 108, а к 1994 их число в мире году достигло 250 [Цит. по: Routledge Encyclopedia of Translation Studies, 2001, с. 282]. Причины для такого быстрого распространения лежат в основном в рыночном спросе на переводчиков, хотя общемировой рост безработицы среди молодёжи также создал спрос со стороны студентов, ищущих работу.

Так как основные изменения начались в университетских системах в целом, а не внутри учреждений, обучавших переводу, подавляющее большинство программ, появившихся в начале 1990-ых годов, были созданы в рамках отделений по изучению языка и литературы или были организованы на международной основе. Что касается количества учебных заведений, в связи с этими изменениями приверженность профессионально-основанной независимой структуре, характерная для середины двадцатого века, стала менее важной. Большинство самых последних программ сегодня включают короткие программы обучения второй ступени (магистратуру), которые призваны выработать особые компетенции вдобавок к общим навыкам, которые студенты получают в других учебных заведениях.

Вступив таким образом в академическую сферу, обучение переводу стало принадлежать академической дисциплине под названием *переводоведение*,

которая в определённых обстоятельствах придаёт программам обучения переводу большую легитимность в университетской среде. Эта недавняя академизация включила в себя развитие третьей образовательной ступени (докторской), которая подталкивает к дальнейшему отходу от строго профессионального обучения, иногда акцент делается на практических сопоставительных исследованиях. Также это неизбежно привело к большему контакту с не-профессиональными исследованиями перевода, изредка связанными с факультетами лингвистики и сопоставительного литературоведения. Те самые дисциплины, которые когда-то в героические дни обучения переводу отграничивались, сейчас совмещаются со всеобъемлющими теориями и педагогическими подходами; так теоретики подчёркивают то многообразие перспектив, которые могут иметь отношение к обучению переводу.

Быстрое институциональное развитие в обучении переводу породило спрос на публикации и академические работы, тогда как в других подразделениях университетов начался период застоя, как, например, на факультетах сопоставительного литературоведения. Многие теоретики литературы, следовательно, обратили внимание на перевод, иногда под предлогом освободить переводчиков от эксплуататорских идеологий, гораздо чаще требуя, чтобы для них тоже было место в переводоведении. Другими словами, первоначальные изменения все же оказали большее влияние на обучение переводу, чем на теорию перевода.

Институты, обучающие переводчиков, адаптировались к этим изменениям. Разбивая обучение на всё большее количество модулей (в основном разделяя длинные программы для получения степени на более короткие, по прохождении которых предусматривалось получение диплома), некоторые возражали против жёсткости и снижения интенсивности, происходивших из-за появления большого количества студентов, проходивших четырёхлетнее обучение. В действительности, такая «модуляризация» могла помочь крупным учебным заведениям принять более узкие и короткие программы, типичные для начала 1990-ых годов.

Однако остаётся серьёзное беспокойство по поводу профессиональных стандартов. Для того чтобы обеспечить качество образования выпускников,

учебные заведения стремятся интегрировать новые программы с некоторой нехваткой компетентности, обвиняя их в том, что по этим программам ведётся обучение языку, а не переводу, в таких программах, по их мнению, привлекается ненужная теория или же они просто дань моде. Хотя некоторые из этих обвинений, несомненно, являются правдой, вопрос стандартов до сих пор остаётся неясным. С 1964 года Служба устных переводов и подготовки конференций Европейской Комиссии обучала своих собственных переводчиков, и профессиональные устные и письменные переводчики могли с лёгкостью быть приняты на работу без степени в переводе. Более того, учреждения, контролирующие качество, чаще всего создавались на национальном уровне, в особенности в странах, в которых не было членов CIUTI. В Швеции в 1986 году был основан Институт устного и письменного перевода, по поручению правительства он несёт ответственность за все постоянные программы обучения переводу в стране. Австралийское национальное агентство аккредитации письменных и устных переводчиков на регулярной основе оценивает все программы обучения переводу в Австралии, а также подтверждает заграничные квалификации переводчиков, работающих в стране. В Британии Институт лингвистики организует открытые экзамены в области письменного и устного перевода с 1989 года. Испанская ассоциация (*Conferencia*) университетских центров и факультетов устного и письменного перевода была создана в 1995 году. Несколько национальных ассоциаций перевода напрямую вовлечены в обучение переводу, например, в Германии, Британии и Соединённых Штатах, где Американская ассоциация переводчиков проводит аккредитацию с 1973 года.

Можно сделать вывод, что с конца 1980-ых годов появилась тенденция к созданию более коротких, разбитых на части, которые входят в более широкие университетские структуры. Эти программы строились в соответствии с национальными, а не с международными критериями. Создаётся ощущение, что учебные заведения стали меньше сосредотачиваться на переводе (новые институты часто проводят обмены студентами с теми университетами, в которых нет специализированных факультетов перевода). Общим результатом является большее разнообразие, гибкость и, в некоторых случаях, ответ на социальные нужды. Программы по общественно значимому переводу, иногда на

пара-профессиональном уровне, развивались независимо от существующих учебных заведений, в особенности в таких странах, как Швеция и Австралия. Эти общие тенденции говорят, скорее, о растущем разнообразии, чем о подчинении общему набору стандартов.

Ближайшее будущее обучения переводу, без сомнения, будет отмечено дальнейшим ростом в тех регионах, где в настоящее время существует немного программ. Статистика по торговле в Индии, Юго-Восточной Азии и Китае позволяет сделать предположение, что компетенция в области перевода будет увеличиваться. В Японии будущий рост, возможно, будет основываться на существующих краткосрочных программах обучения. Тем не менее, есть причины для осторожных прогнозов на мировом уровне. В последнее время наблюдалась тенденция временного закрытия программ по обучению переводу в Безансоне (Франция), Перте (Австралия), Рутгерсе, Миссури и Делавэре (Соединённые Штаты), так же как отмена не-профессионального изучения перевода в Амстердаме и серьёзные угрозы Саарбрюккенскому институту. Более важно то, что детальный анализ наводит на мысль о том, что мировое расширение в конце 1980-ых годов, возможно, было особенно активным в 1992 – 1993 годах. Резкий подъем мог основываться, скорее, на положительном рыночном спросе, чем на реальном долгосрочном обеспечении письменных и устных переводчиков полной занятостью.

Подводя итоги сказанному, хотелось бы отметить, что мы живём в глобализованном мире, в котором на первом месте стоит получение и передача информации. Поэтому студентам необходимо знать, откуда можно получить ту или иную информацию, и какие доступные средства и способы существуют для выполнения этих задач.

Что касается структуры знаний, необходимых переводчику, следует отметить, что на протяжении веков учёные, теоретики и переводчики говорили о нескольких неотъемлемых умениях переводчика. Во-первых, это отличное знание языка перевода и языка оригинала. Но язык – это инструмент и для того, чтобы научиться грамотно использовать его в той или иной ситуации перевода переводчику необходимо прежде всего профессиональными навыками перевода, которые отличаются от простого владения тем или иным языком. Переводчик-профессионал должен быть теоретически подкован, для того, чтобы уметь

отстаивать свою точку зрения и осознавать избираемые им стратегии перевода, опираясь на опыт предшественников и используя положения науки о переводе. Кроме того, он должен овладеть различными знаниями в тех областях, с которыми он будет иметь дело в дальнейшем, прекрасно сознавать этические аспекты своей профессии, уметь использовать различные технологии для поиска и сверки информации, обладать качествами высокоразвитой в моральном и духовном плане самостоятельной личности, правильно позиционировать себя в социуме, в профессиональном контексте и уметь работать в команде, иметь навыки управления и администрирования и многое другое.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Социологические аспекты переводческой деятельности // Éditions du Conseil scientifique de l'Université Charles-de-Gaulle-Lille 3 / La traduction: philosophie, linguistique et didactique. Collection UL3. Lille, 2009.

Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М.: Издательство Московского университета, 2007.

Костикова О.И. К основаниям теории переводческой критики // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 1, 2008. С. 82-98.

Garbovsky, N.K. Science de la traduction: structure des connaissances / / Translation in all its aspects with focus on international dialogue. Istanbul University, Beyazit Campus. Istanbul, Oct. 21 – 23, 2009.

Юханова Е.А.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Ukhanova E.
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТА (РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

PECULIARITIES OF INTERNET LANGUAGE (RUSSIAN-ENGLISH PARALLELS)

В статье рассматриваются характерные особенности языка Интернета, анализируются изменения, происходящие в языке Интернета на уровне грамматики, словообразования, синтаксиса и лексики на примере русского и английского языков, выделяются разнообразные лингвистические явления, возникающие в Интернете, среди них отдельное место занимают различные виды сокращений и пиктограммы. Наблюдается значительное влияние интернет-языка на разговорную речь.

The article considers the Internet language distinctive features and Internet language changes in grammar, word-formation, syntax and lexis with comparison of Russian and English Internet language. The research focuses on several linguistic phenomena, particularly on various abbreviations and pictograms. The analysis shows that Internet language makes a considerable impact on colloquial speech.

Ключевые слова: язык Интернета, сопоставление, грамматика, словообразование, синтаксис, лексика, аббревиация, пиктограмма.

Key words: Internet language, English language, comparison, grammar, word-formation, syntax, lexis, abbreviation, pictogram.

Человек всегда испытывал потребность в общении с целью обмена информацией с другими людьми, организации взаимодействия между ними, а также для восприятия и познания друг друга и установления взаимопонимания. Так, для распространения информации были созданы различные виды СМИ:

сначала бумажные (газеты, журналы), а затем и электронные (радио и телевидение).

Интернет сегодня получает всё большую популярность, так как он охватывает множество сфер общения, функционирующих автономно и связанных между собой с помощью гиперссылок. В связи с этим, язык Интернета функционально-стилистически разнороден. В Интернете функционируют, как традиционные жанры, не изменяющиеся в условиях виртуального бытования, так и их модифицированные версии, а также жанры исконно сетевых изданий: персональные Web-сайты, форумы, конференции, коммуникативная цель которых – информирование и воздействие. Специфические условия, в которых протекает общение в Сети, способствуют выработке особых способов, приёмов и средств осуществления эффективного общения [Кожина и др., 2009, с. 383].

Следует также отметить, что язык, используемый для общения в Интернете, отличается от общепринятого варианта языка, на котором мы говорим или пишем. Интернет-язык в целом характеризуется стилистическими контрастами. Допускаются отступления от норм литературного языка. В языке Интернета встречаются элементы разговорного стиля, распространены диалектизмы, и вместе с тем, из электронного языка в разговорный проникают сленговые выражения и неологизмы.

Далее мы подробнее рассмотрим ряд особенностей, которые наблюдаются в языке Интернета на различных уровнях языка, которые и отличают его от общепринятого варианта языка.

Особенности словообразования в интернет-языке

В языке Интернета наблюдаются изменения, возникающие на различных уровнях языка, например, на уровне грамматики. Правила орфографии часто не соблюдаются, что является отличительной чертой переписки определённой возрастной группы, например, подростков:

Канеш можно – это ж, извините за банальности, форум.

*Hey there Mamma – turn **ya** IM on if **u** feel like a chat.*

В английском языке на уровне грамматики наблюдается упрощение употребления времён (круг употребления сужается в основном до группы Simple):

*My first reply **disappeared** – I don't like this new format. (В данном случае возможно употребление Present Perfect вместо Past Simple).*

Рассмотрим изменения в языке Сети, которые происходят на уровне словообразования. Для русского языка характерно заимствование или калькирование англоязычной корневой морфемы, к которой прибавляются типичные для русского языка аффиксы:

банить (англ. *to ban* – запрещать, ограничить какие-либо права пользователя на сайте, форуме за нарушение установленных правил поведения);

апгрейдить (англ. *to upgrade* – обновить программное обеспечение);

флудить (англ. *to flood* – порождать бессмысленные потоки информации, например, отходить от темы на форуме, в чате);

спамить (англ. *to spam* – рассылать рекламные сообщения, «спам», по электронной почте, спаму подвергаются также чаты, форумы, социальные сети, используется как синоним слова **флудить**).

Интересны случаи, когда в роли корневой морфемы выступает аббревиатура, причём в русском языке сохраняется её написание латинскими буквами [Иванов, 2000]:

FTP-сервер (англ. *File Transfer Protocol* – одна из технологий для передачи и приёма файлов в Интернете);

GIF-анимация (англ. *Graphics Interchange Format* – формат для обмена изображениями);

CGI-программы (англ. *Common Gateway Interface* – программы, запускающиеся на удалённом компьютере, результаты работы которых можно увидеть в браузере, такими программами являются, например, поисковые системы);

WAPathy (слово образовано по аналогии с английским словом *apathy* – апатия) – незаинтересованность беспроводными устройствами, обеспечивающими доступ к интернету;

WAPlash (по аналогии с английским *backlash* – недовольство) – негативная реакция по отношению к выходу в Интернет с мобильных устройств.

В английском языке одним из наиболее продуктивных способов словообразования является словосложение:

click-wrap – лицензия на использование программного обеспечения; чтобы установить программу необходимо принять условия соглашения, нажав кнопку мыши в определённом месте окна программы;

netiquette (net + etiquette) – сетевой этикет, сетикет – правила поведения при переписке в интернете, предполагающие вежливое общение участников между собой;

webjack (web + hijack) – пытаться незаконно получить имя сайта или домена.

Новые слова в языке Интернета часто образуются при помощи суффиксов. В русском, как и в английском языке, продуктивным является суффикс *-er* (*-er* в английском), слова с таким суффиксом обозначают лиц, устройств или программ:

mailer – **мейлер** (программа, которая в автоматическом режиме осуществляет рассылку электронных писем);

spammer – **спамер** (пользователь, рассылающий сообщения рекламного характера);

banner – **баннер** (небольшое рекламное объявление на веб-странице или в электронном сообщении);

browser – **браузер** (программное обеспечение для просмотра веб-сайтов, то есть для запроса веб-страниц).

В русском языке для образования новых слов в языке Интернета используются также исконно русские суффиксы **-чик/-щик**. Слова с такими суффиксами обозначают уже не людей, а программы:

перекодировщик – программа для перевода русского текста (кириллицы) в латиницу и наоборот;

отладчик – приложение, предназначенное для поиска ошибок в программе;

загрузчик – веб-приложение для загрузки изображений в интернет.

В некоторых случаях в русском языке интернета для образования новых слов используются незаимствованные морфемы. В таком случае продуктивным является суффикс **-к** [Иванов, 2000]:

вешалка – материнская плата (реже – корпус);

искалка (ищейка) – поисковая система;

болталка – чат, программа для обмена мгновенными сообщениями;

звонилка – программа для осуществления телефонных звонков через Интернет.

Изменения, происходящие в языке «всемирной паутины» на уровне синтаксиса

Характерной чертой синтаксиса языка интернет-языка является тенденция к отклонению от синтаксических и пунктуационных норм литературного языка, упрощению синтаксических конструкций. Большинство пользователей интернета в той или иной степени следуют данной тенденции. Это происходит главным образом из соображений экономии времени, а также под влиянием молодёжных жаргонов и разговорной речи. Ещё одним фактором, способствующим упрощению структуры предложений и несоблюдению правил пунктуации является возможное ограничение количества символов в одном сообщении. Такая тенденция становится всё более популярной на многих интернет-сайтах [Иванов, 2000].

Однако нельзя говорить, что несоблюдение синтаксических и пунктуационных норм всегда намеренное, как, например, опущение служебных частей речи и знаков препинания при передаче сообщения по телеграфу. В сообщениях, размещённых в интернете, скорее наблюдается неверная расстановка знаков препинания, чем полное отсутствие таковых. Рассмотрим пример такого предложения:

Может соберёмся на день рождения Ильича вспомним наше босоногое детство?

В данном предложении пропущена запятая после вводного слова *может*, не стоит запятая между однородными сказуемыми *соберёмся* и *вспомним*.

Пример английского предложения с пропусками знаков препинания:

Also look what he gave to discuss what Kenny and Johanna still after four challenges and everyone is still talking about it seems to me to make more entertainment and Kelly-Anne Kenny should connect to a serious challenge and incredible are just as beautiful fall short Wes however is not very nice.

Как мы видим, в этом предложении не стоит ни одного знака препинания. Возможно, его следовало бы разбить на несколько более коротких предложений. Отсутствие знаков препинания немного затрудняет чтение предложения, но не

меняет его смысла. Из этого можно сделать вывод, что такое написание предложений является своеобразным стилем автора.

Очень часто в интернет-сообщениях фразы обрываются, при этом предполагается, что другой участник переписки продолжит фразу:

Ну что, где собираемся? Может 21 или 22 мая? А где не знаю. Давайте высказывайте свои мысли...

В данном предложении мы наблюдаем одновременно и пропуск знаков препинания, и незаконченность высказывания. В данном случае многоточие предполагает, что остальные члены дискуссии должны продолжить его.

Следующая дискуссия на английском форуме представляет собой цепочку из незаконченных сообщений:

Bet I know the person from Kansas that sent this.

Ha ha that was sent to me

I think that was me...

That was sent from Kansas...

I'm from Kansas....I begin to wonder...DID I SEND THAT?

Такой способ общения предполагает, что каждый участник дискуссии может быть вовлечён в процесс переписки.

Таким образом, можно сделать вывод, что степень отклонения от норм литературного языка так или иначе связана с темой дискуссии. Чем дискуссия тематически ближе к сфере исключительно молодёжных интересов, тем чаще могут нарушаться правила грамматики и пунктуации. То есть, степень грамотности сообщений зависит от возрастной категории участников переписки и от тематики обсуждения.

Изменения в электронном языке на уровне лексики

Язык Интернета содержит большое количество новых слов – неологизмов. В русском языке – это слова, заимствованные преимущественно из английского языка, написанные и произносимые в соответствии с правилами и законами русского языка: в качестве примера можно привести глаголы [2]:

глючить – работать с ошибками (глюками);

коннектиться (англ. to connect) – связываться с кем-либо по Интернету, телефону;

прилагательные:

онлайнный (от англ. *online*) – находящийся в режиме реального времени;
законтаченный (от англ. *in contact*) – добавленный пользователем в контакты, например, в записную книгу электронной почты;
заzipованный – архив формата *zip*.

В английском языке Интернета тоже появляются неологизмы, например, глаголы:

to google – искать в поисковой системе «google»;

to tweet – оставлять сообщения в социальной сети Twitter;

to freeze – переставать работать (о компьютере), «зависать»;

существительные (довольно распространено словосложение):

spamdexing (*spam + index*) – размещение в интернете рекламных или обманных, мошеннических страниц с целью ввести пользователя в заблуждение;

searchjacking (*search + hijack*) – использование специальных компьютерных программ с целью обмануть поисковую систему.

Для языка Интернета типично активное привлечение специальной компьютерной и телекоммуникационной терминологии. Такие слова чаще всего имеют свои аналоги в другом языке:

баг – *bug* (ошибка в программе);

баннер – *banner*;

драйвер – *driver* (набор файлов, обеспечивающих взаимодействие компьютерного железа с программами);

жесткий диск – *hard drive* (накопитель информации, элемент компьютера);

бит – *bit* (минимальная единица информации).

В Рунете распространились, отчасти в шутку, для записи международных и английских частотных клише сочетания кириллических букв, которые можно назвать «клавиатурными кальками»: каждая латинская буква заменяется в них той кириллической буквой, которая расположена на одной клавише с латинской [Мечковская, 2012, с. 491]:

рус. КУ = лат. RE (т.е. повтор сообщения);

рус. ИНУ! = англ. BYE! (bye, до свидания);

рус. ЗЫ = постскриптум, P.S.;

рус. ЗДЫ = please (пожалуйста), сокращённо от англ. pls.

Использование аббревиации в электронных языках

Среди других языковых явлений, характерных для интернет-языка, отдельно следует выделить аббревиацию:

HTH (Hope This Help!) – надеюсь, это поможет;

ROTFL (Rolling On The Floor Laughing) – смеюсь, катаясь по полу;

AFAIK (As Far As I Know) – насколько я знаю;

ЖЖ – Живой Журнал (популярный ресурс интернет-блогов).

В современном языке аббревиация нередко построена на языковой игре, особенно чётко это можно проследить в английском языке. Например, в некоторых аббревиатурах буквы алфавита используются для обозначения целых слов:

CU (See You) – увидимся;

IC (I See) – понятно.

Некоторые английские аббревиатуры используются в русских интернет-текстах или мгновенных сообщениях без изменений. Иногда латинские буквы заменяются на русские, встречается также способ написания английских аббревиатур русскими буквами без изменения раскладки клавиатуры. Приведём несколько примеров:

LOL (Laughing Out Loud) – Очень Смешно, может использоваться в русском тексте без изменений, встречается также вариант ЛОЛ;

ИМНО (In My Humble Opinion) – по моему скромному мнению, в русском тексте чаще всего употребляется вариант ИМХО.

Иногда пользователь Интернета может вести интерактивное общение сразу с несколькими собеседниками, и для быстрого ответа важна скорость печатания. Таким образом, часто используются разнообразные сокращения наиболее употребляемых слов и выражений.

Plz (please) – пожалуйста, в русском тексте возможен вариант пжл;

I'm 18 y\o (year old) – Мне 18 лет

How r u? (How are you?) – Как дела?

Для коммуникации в Сети характерны также буквенно-цифровые сокращения, где цифра ставится вместо слова или части слов, появляется новый тип сокращений, – лексико-графический. В английском языке фонетическое

оформление цифры 2 (two) совпадает со словами to, too, цифра 4 ставится вместо предлога for, цифра 8 – eight может заменять часть слова. Например:

B4 – before – перед;

BTW – by the way – кстати;

Gr8 – great – отлично;

OTOH – on the other hand – с другой стороны [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2007, с. 949, перевод наш – Е. Ю.];

KIT – keep in touch – оставаться на связи, продолжать общение;

FYI – for your information – для справки;

HAND – have a nice day – хорошего дня [Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2005, с. 1813, перевод наш – Е. Ю.].

Сегодня Интернет имеет огромное значение в жизни людей, а интернет-реалии проникают в повседневную жизнь. Слова и выражения, которые изначально использовались в качестве компьютерных терминов или слэнговых выражений интернет-пользователей, постепенно стали проникать в разговорную речь, становясь привычными для миллионов людей. Приведём примеры слов и выражений, вышедших за пределы использования в Интернете:

ака / англ. aka, a.k.a. – 1) указание на другой адрес, имеющийся у человека в Сети (англ. also known as, известный также как); 2) псевдоним;

грузить – 1) заполнять память компьютера. Английским аналогом этого слова в данном значении служат слова download – загружать файлы из Интернета, а также upload – загружать файлы со своего компьютера на интернет-сервер. Программы, обеспечивающие автоматическую загрузку, называются соответственно downloader и uploader (русск. загрузчик) (I've been using the Best Video Downloader for a while now) 2) вести пустые, бессмысленные разговоры; 3) обманывать;

зависнуть / зависать – 1) (о компьютере) перестать выдавать результаты и реагировать на запросы извне, на действия пользователя. Английским эквивалентом в данном случае является глагол to freeze, первое значение которого – замерзнуть (My computer screen froze when I opened the infected program); 2) о пользователе, сидящем перед зависшим компьютером (Ну что, завис?); 3) (о человеке) прекращать работу, бездельничать: «Девочка-

пятиклассница не могла решить задачу у доски и дома комментирует это так: Я с этой задачей зависла» [Шумов, 2003, с. 134].

лузер (от англ. *loser* 'неудачник') – 1) невезучий пользователь компьютера; в английском языке появился акроним *luser*, объединяющий слова *loser* и *user* [acronyms.thefreedictionary.com, 2013] 2) неудачник: Объявлен главный лузер года!;

ник (англ. *nickname* 'прозвище; уменьшительное имя') – 1) (жарг.) сетевое имя, псевдоним участника чата, форума, пользователя электронной почты (англ. *What's your perfect nickname?*); 2) кличка, прозвище, псевдоним: Выбери себе новый ник!;

ОК – 1) «согласен», «ввод» или отмена; 2) о'кей; в устной и письменной речи имеет значение 'все в порядке; хорошо; отлично, ладно' (Все ОК, письмо пришло вовремя). В английском языке появился дериват *okie dokie* (*Okie Dokie, I'll see you next week.*) [www.urbandictionary.com, 2013; Мечковская, 2012, с. 495-497].

Выражение эмоциональной стороны высказывания в Интернете

Пользователи Интернета лишены эмоциональных средств речи: тембра голоса, его силы, дикции, мимики и жестов. Экспрессия в глобальной сети не ограничивается лексическим уровнем [Иванов, 2000]. Для выражения эмоций используются знаки препинания, например, многоточие обычно выражает некоторую степень недосказанности или предполагается, что фразу продолжат другие участники дискуссии:

...надо хорошо одно, что-то уметь... а не много чего уметь. Такие как "все могу" меня сразу настораживают...вот они как раз и никакого отношения к понятию «зарабатывать» не имеют...

Sorry Chuck.. I did try to say hello over 20 mins ago, seems my post got lost in the ether... AGAIN...

Также довольно часто в интернете можно встретить записи, где после высказывания ставится несколько вопросительных или восклицательных знаков подряд:

Чисто не там, где метут, а там где не сорят!!!!

Зачем продавать такую машину??? Если конечно она не начала сыпаться... менять шило на мыло??? Года 3 ещё послужит верой и правдой...

Why hello there Sam... disappearing posts again???

«American Idol» It's baaaack!!! With new judges.

Эмоциональная сторона высказывания в Интернете может выражаться с помощью пиктограмм или «смайликов», которые получили чрезвычайно широкое распространение. За последнее время было создано несколько сайтов с постоянно пополняющейся коллекцией смайликов (в том числе анимированных), передающих большую гамму чувств и эмоций, а также иллюстрирующих некоторые коммуникативные ситуации [там же].

Однако смайлики появились задолго до интернета. Владимир Набоков в 1969 году предложил «придумать какой-нибудь типографический знак, обозначающий улыбку, – какую-нибудь закорючку или упавшую навзничь скобку, которой я бы мог сопроводить ответ на вопрос» [Киракосян, 2011].

19 сентября 1982 года учёный Скот Фламан впервые предложил в своей переписке смайлик в том виде, в котором он известен сейчас: «Предлагаю использовать вот такую последовательность символов для обозначения шутливых сообщений: :-) Читать следует сбоку. На самом деле, учитывая нынешние события, более уместно выделять сообщения, которые шутками НЕ являются. Для этого используйте :- («) [там же].

Набор смайликов постоянно расширяется. Система смайликов не имеет устойчивого и постоянного набора знаков. В основном подобные пиктограммы используются для выражения различных эмоций и являются понятными для пользователей Интернета всего мира. Приведём примеры классических смайликов, обозначающих эмоции:

:-) или =) улыбка, радость;

:-(или =(грусть, печаль;

:-/ или :-\ недовольство, озадаченность, обида.

Существуют также смайлики, обозначающие различные действия:

;-) или ;) подмигивать;

:-P показывать язык;

:- целовать;*

:_(или :~(плакать.

Смайлики могут использоваться и для обозначения прочих предметов или явлений, например:

<3 сердце;

@}->-- или @}~>~~ цветок.

В связи с тем что китайский и японский языки занимают второе и четвёртое место соответственно в списке 10 самых популярных языков интернета, распространение получили и азиатские смайлики:

(n_n) улыбка;

(^_^) улыбка, радость, счастье;

(O_o) или (o_o) сильное удивление;

(-.)Zzz. спящий;

(^з^) поцелуй.

Однако не только смайлики могут передать состояние пишущего: фраза или часть фразы может быть написана заглавными буквами, что означает повышение голоса:

HATE HATE HATE the new forums..Sad really coz I've been here for a while. Yes I know the 'ignore' feature is good for some but, I think some could end up talking to themselves...

*Тебе не нужно любить себя, тебе нужен тот кто **ТЕБЯ** полюбит.*

Во избежание конфликтных ситуаций между участниками переписки, на некоторых форумах администраторы просят не использовать впустую нажатие клавиши Caps Lock [Иванов, 2000].

Интернет-язык выходит за пределы виртуального общения, его элементы встречаются сегодня в политике, в рекламе, на телевидении, в обыденной речи и даже в литературе [Штукарева, 2012, с. 301]. С течением времени Интернет будет развиваться и дальше, следовательно, влияние интернет-языка на устную и письменную речь будет постепенно усиливаться, что подтверждает необходимость и значимость проведения дальнейших лингвистических исследований в данной области и создания переводческих словарей.

Список литературы

- Иванов Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста [Электронный ресурс] / Л. Ю. Иванов, 2000. – Режим доступа: www.faq-www.ru/lingv.htm.
- Киракосян М. Нарисуйте на лице... «закорючку». Как выбраться из Всемирной паутины в реальность? [Электронный ресурс] / 2011. Номер 17 (458) от 4-11 мая 2011. – Режим доступа: www.opengaz.ru/issues/17-458/narisuyte_na_lice_zakoryuchku.html.
- Кожина М.Н. [и др.] Стилистика русского языка. Учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский, М., 2008. 464 с.

Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. Курс лекций по общему языкознанию / Н.Б. Мечковская. М.: Флинта: Наука, 2009. 584 с.

Штукарева Е.Б. Языковая специфика интернет-коммуникации / Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография. Науч. Ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: Флинта: Наука, 2012. 328 с.

Шумов К.Э. Профессиональный миф программистов / Редкол.: А. Ф. Белоусов и др. Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. 731 с. С. 128-164.

Oxford Advanced Learner's Dictionary / Гл. ред.: Sally Wehmeier. 7-е изд. Oxford University Press, 2005. 2002 с.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / Гл. ред.: Michael Rundell. 2-е изд. Macmillan Publishers, 2007. 1692 с.

The Free Dictionary [Электронный ресурс] / Дата обращения: 2013. – Режим доступа: acronyms.thefreedictionary.com/luser.

Urban Dictionary [Электронный ресурс] / Дата обращения: 2013. – Режим доступа: www.urbandictionary.com/define.php?term=okie+dokie.

**КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ
КОММУНИКАЦИЯ:**

Айкынбаева Ф.А.
КазНУ им. аль-Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Aykynbaeva F.
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty (Kazakhstan)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КАЗАХСТАНЕ)

INTERACTION OF LANGUAGE AND CULTURE IN THE BILINGUAL LANGUAGE ENVIRONMENT (ON THE BASIS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN KAZAKHSTAN)

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия языков и культур в условиях языковой неоднородности, когда средством социальной и межличностной коммуникации выступают два или несколько языков. Подобная языковая ситуация сложилась и сохраняется в современном Казахстане, где государственным языком объявлен казахский язык, а русский язык признан официальным и языком межнационального общения. В таких условиях наиболее ярко проявляются взаимодействие и взаимообогащение языков и культур, в данном случае – русской и тюркской. Это способствует формированию билингвальной языковой среды, в которой два языка (русский и казахский) взаимодополняют и взаимообогащают друг друга. Обосновывается положение о том, что в таких лингвокультурных и социолингвистических условиях складывается особая языковая субкультура, определяющая норму и узус речевого поведения коммуникантов. Тем не менее, это в условиях современного Казахстана не приводит к появлению какого-то особого варианта русского языка. В статье этот тезис подкрепляется наблюдениями над функционированием русского языка в различных сферах социальной коммуникации, начиная со сферы бытового общения, кончая сферой Интернет-общения. Взаимодействие языков и культур рассматривается также на материале творчества казахстанских поэтов-билингвов, пишущих на русском языке.

The problems of the interaction of languages and cultures in a linguistic heterogeneity as a means of social and interpersonal communication are the two or more languages. Such linguistic situation is maintained in modern Kazakhstan, where the official language is declared Kazakh, and Russian recognized as an official language and the language of international communication. In

such circumstances, the most pronounced interaction and mutual enrichment of languages and cultures, in this case – the Russian and Turkish. This contributes to a bilingual language environment in which the two languages (Russian and Kazakh) are complementary and mutually enrich each other. Position about the fact that in such linguocultural and sociolinguistic environment develops special linguistic subculture, which determines the rate of verbal behavior and Language Usage communicants. However, there is now special type of Russian language in Kazakhstan. In this article, the thesis is supported by observations on the functioning of the Russian language in all spheres of social communication, from the scope of everyday communication, and ending with the field of Internet communication. The interaction of languages and cultures is considered on the basis of works of Kazakh bilingual poets who write in Russian.

Ключевые слова: билингв, русско-казахское двуязычие, языковая культура, языковая субкультура, языковая картина мира.

Key words: bilingual, Russian-Kazakh bilingualism, language culture, language subculture language world.

Проблема взаимодействия языков и культур в общем контексте межкультурной коммуникации (см., в частности, [Вежбицкая, 1997; 2001] [Тер-Минасова, 2000] и др. работы), ставшая одной из самых актуальных в современных отраслях гуманитарного знания, особую актуальность приобретает при социальной и межличностной коммуникации в условиях языковой неоднородности. Именно в таких условиях и в такой языковой среде преимущественно живёт современный человек. В век глобализации, либерализации и всеобщей компьютеризации языковая и культурная неоднородность способствует формированию билингвальной (полилингвальной) языковой личности и соответствующей языковой среды. Подобная среда становится доминирующей в наши дни, и она, видимо, будет определять состояние социальной коммуникации в будущем. И в этом видится правота Вяч.Вс. Иванова, который, говоря о социолингвистических процессах, происходящих в современном мире, пишет: «Языковые последствия глобализации и компьютеризации неожиданны: несомненен провал идеи melting pot – котла, где будто бы перевариваются все языки, заменяемые якобы американским английским. По мере того, как выявляется неправота и

неосуществимость попытки навязать всем одну (в том числе и языковую) систему, все более существенным представляется план объединения разных традиций путём выявления связывающих их общих принципов, совместимых с концепцией ноосферы. В этой связи и универсальная типология языков (особенно семантическая) приобретает жгучий интерес, выходящий за пределы лингвистики» [Иванов, 2004, с. 78]. Этот «жгучий интерес» делает актуальными и научно значимыми именно такие проблемы и темы работ, которые имеют непосредственное отношение к взаимодействию языков и культур. В нашем случае – это взаимодействие русского и казахского языков. Такое взаимодействие, имеющее глубокие историко-культурные корни, в наши дни приобретает новые черты под воздействием современных форм коммуникации и новых социальных процессов, прежде всего под воздействием процессов глобализации. Научное осмысление этого феномена невозможно без учёта общих социокультурных и социолингвистических явлений, вызванных не только глобальными, но и региональными изменениями, которые происходят в связи с изменением статуса того или иного языка. В Казахстане это проблема должна рассматриваться в тесной связи с решением вопроса о лингвистическом статусе русского языка в республике.

Проблема лингвистического статуса русского языка в современном быстро меняющемся мире (в том числе и в Казахстане) не может быть решена без глубокого осмысления исходных теоретических категорий социолингвистики, прежде всего тех, которые связаны с формированием в определённых социумах этнического и культурного двуязычия, которое со всей очевидностью проявляется в важнейших сферах социального взаимодействия. Языковая ситуация в Казахстане характеризуется высоким уровнем этнического и культурного двуязычия и многоязычия. Эти два явления при всех их различиях (см. об этом, в частности, [Мечковская, 2001, с. 168-171]) имеют глубокие этнокультурные корни, установить и понять которые можно с помощью категории языковой культуры и языковой субкультуры.

Как известно, в прототипическом смысле культура связана с деятельностью человека, с его сознательным вмешательством в естественное (природное) состояние чего-либо. Культура, следовательно, - это то, что возделано и обработано человеком, это своего рода результат приложения сил к

чему-либо естественному, природному, ставшему данностью и живущему своей жизнью. Подобная биологическая (прототипическая) метафора действительна и по отношению к языку, т.е. его (язык) также можно возделывать и совершенствовать (ср.: *работать над своим языком, совершенствовать свой язык, обогащать свой язык* и т.п.). Языковая культура, таким образом, входит в общий ряд видов человеческой деятельности, т.е. в ряд приобретаемых человеком поведенческих навыков. В таком случае язык – это один из природных объектов, который дан человеку «по умолчанию», т.е. это естественный объект, «природный» материал».

«Возделав», обработав язык, человек отдаёт себя во власть созданной им речевой и поведенческой культуры, вследствие чего он становится членом этой языковой среды; и благодаря этому человек идентифицирует себя и других членов определённого языкового социума. Поэтому понятие «языковая культура» может быть истолковано двояко.

1) В биолого-феноменологическом смысле языковая культура – это созданное человеческим сообществом в пределах одного или нескольких языков социально-культурное пространство, определяющее черты речевого поведения всех членов данного социума (обычно этот аспект языковой культуры определяют как свойство образцовых текстов, а также выразительные и смысловые возможности языка вообще). В данном случае языковая культура как категория лингвистики характеризует язык, рассматриваемый в качестве объективного явления (ср.: *в русской языковой культуре, в языковой культуре (практике) англичан, разработанная языковая культура* и т.п.).

2) Языковая культура – это способность использовать возможности языка и следовать его нормам и узусу в конкретных актах и ситуациях вербального и невербального общения (в русской лингвистической традиции здесь обычно используют понятие «культура речи». Этот аспект относится не к языку как данности, а к человеку или социуму (ср.: *высокая (низкая) культура речи, надо работать над культурой своей речи* и т.п.).

Естественно, эти два аспекта понятия языковой культуры взаимосвязаны. Вместе с тем их часто отождествляют, говоря, к примеру, о том, что русский язык стал таким-то (обычно плохим) в тот или иной период (ср. часто произносимое пуристами выражение: *«Необходимо объявить войну порче русского языка в*

Интернете» и т.п.). Второй аспект языковой культуры непосредственно связан с другими явлениями и проблемами языка, в частности, с такими, как норма (нормализация) и кодификация языка, стили языка (функциональная стилистика), воздействующая сила языка (риторика и лингвистическая прагматика, теория речевых актов), функционирование языка в определённом социуме (социолингвистика), исторические изменения в языке (например, «история русского литературного языка») и некоторые др.

Как известно, в онтологии культура противопоставляется не антикультуре или бескультурию и т.п. проявлениям человеческого поведения, а природному, естественному материалу, в нашем случае – языку как объективному явлению или объективной данности, языку как способности (возможно, врождённой) человека, языку как системе. В социолингвистическом отношении язык – это культурный феномен, поскольку он «возделывается» человеком, человеческим обществом в ходе его использования, что в итоге формируется то понятие, которое и принято называть языковой культурой и которое мы определяем как языковое пространство, в котором вынужден жить человек. Каждый язык «очерчивает» вокруг социума именно своего рода круг, в координатах которого обязан определённым образом вести себя каждый член социума (ср.: *русская языковая культура, английская языковая культура, казахская языковая культура* и т.п.). Однако любая языковая культура (т.е. в пределах одной языковой системы) складывается из нескольких субкультур (в значении «нахождение внутри чего-либо», а не в значении «суррогат», «заместитель», «второстепенный»). Субкультура, следовательно, – это более узкое языковое пространство, чем пространство языковой культуры. При взаимодействии языков нормы определённой субкультуры складываются из соответствующих социально-языковых ситуаций. Приведём лишь два типичных примера проявления русско-казахской языковой субкультуры.

1) «От Сарканда мы девять часов в комсомольском «газончике» добирались к «коктеу», к весеннему пастбищу. Туда, где жили скотоводы так же, как и двести лет назад. Мне «давали» казахский язык на журфаке КазГУ пару месяцев, по учебнику для четвёртого класса. Что запомнил? Сабит – то значит Саке, если ласково, а Булат – соответственно, Буке. Мне так хотелось поскорее стать своим посреди этих славных, спокойных и сильных, в апреле уже дочерна

загоревших людей – чабанов! Над кошмой с дастарханом, сражаясь с куском ароматного мяса, я вежливо сказал владельцу юрты, Амантаю:

– Амеке, пшак берш!

Дастархан онемел.

– Амеке! – повторил я, – дай ножик, пожалуйста!

Хозяин выбежал из юрты, прикрыв ладонями лицо. Меня за ту же юрту отвели проводники-райкомовцы. Не стали бить. И запретили извиняться. Спокойно и внятно, на всю уже жизнь объяснили: есть хитрости в каждом наречии, есть многие тайны-сюрпризы в обычаях разных людей. Их надо сначала узнать и понять – при закрытых устах, при стеснённых движениях тела и рук. Лишь потом, потихонечку к ним приобщаться. Иначе будешь лишним и чужим...» (газ. «Столичная жизнь»).

2) «Жена встречает мужа, пришедшего с работы

– С.З.: Как дела? Все нормально? Ничего экстраординарного не произошло?

– С.Ж.: Да, пока все нормально.

– С.З.: Ну, ходил туда? (имеется в виду вызов к министру).

– С.Ж.: Бардым. (Ходил.)

– С.З.: Не айтты? Ұрысты ма? (Что сказал? Ругал?).

– С.Ж.: Жок. Баска жумысқа ауыстыру туралы сойлесті. (Нет. Говорил о переходе на другую работу)» (пример заимствован из работы [Саина, 2000, с. 62]).

Подобного рода случаи кодового переключения с русского языка на казахский довольно часто встречается и в казахстанском Интернет-общении.

Приведём лишь один пример из комментариев на форуме «Look tm» (портал казахстанской моды):

1. О, так классн. смотрица!) – лайк, өте жақсы!
2. Классный лук... как, зелёный, ...классика!
3. Здорово!!! Ей это здорово идёт! Өте әдемі))
4. Пальтишко – класс!! Мен де өзіме осындай пальто алғым келеееді!!!!))))))

Пример 1 демонстрирует случай несоблюдения норм языковой субкультуры в условиях несовпадения правил речевого этикета у разных

народов. В примерах 2 кодовое переключение с русского языка на казахский и обратно согласуется с нормами уже сложившейся особой субкультуры в условиях взаимодействия двух языков и культур.

Субкультуры формируются и развиваются под влиянием преимущественно экстралингвистических факторов и связаны с типами существования (бытования) языка, с одной стороны, и сферами функционирования языка (сферами общения), с другой. О подобных языковых субкультурах, складывающихся под влиянием новых форм межкультурной коммуникации в условиях современных технологий, говорит и Вяч.Вс. Иванов: «Примером положительного влияния результатов технического прогресса на развитие языков можно признать языковую ситуацию на международной космической станции. Американские и русские космонавты, на ней работавшие, владели обоими языками (хотя английский язык в космосе более употребителен) и пользовались их соединением, в шутку названное Russenglish. Похожее объединение языков (без потери индивидуальности каждого из них) можно предположить и по отношению к возможным совместным полётам людей разных национальностей на Луну и Марс» [Иванов, 2004, с. 34]. Правомерно говорить также о особой языковой субкультуре и в казахстанском Интернет-общении, в котором широко распространено русско-казахское двуязычие.

Нечто подобное происходит и в современной русской языковой культуре и в некоторых её субкультурах, прежде всего в так называемом ближнем зарубежье, в частности, в Казахстане, в котором уровень русско-казахского культурного двуязычия остаётся высоким. В работах современных казахстанских социолингвистов этот уровень характеризуется показателем в 90 и более процентов (см. работы [Алтынбекова, 2006; Сулейменова, 2012; Хасанулы, 2007] и др.). И это в итоге определяет лингвистический статус русского языка в Казахстане, обусловленный высоким уровнем владения русским языком всеми этносами, благодаря чему можно считать, что в Казахстане сформировалась особая этно-языковая субкультура, в которой роль русского языка не утрачивает своих позиций: «Русский язык, имеющий международный мировой и международный региональный статус, продолжает оставаться языком взаимопонимания, сотрудничества между народами, служит оптимальным интеграционным и консолидирующим средством стран СНГ,

несмотря на то, что изменения в политической, социальной сфере привели к изменению русского коммуникативно-языкового пространства в мире и в Казахстане» [Сулейменова, 2012]. Положение о том, что русский язык в век глобализации и всеобщей компьютеризации «продолжает оставаться языком взаимопонимания, сотрудничества между народами», подтверждает состояние Интернет-общения в Казахстане. С другой стороны, этот опыт показывает, что русско-казахские культурные и языковые связи в новых, современных условиях продолжают обогащать оба языка, обе культуры.

Проблема взаимодействия языков и культур в Казахстане исключительна многогранна и многоаспектна, и она включает в себя также вопросы, связанные с литературно-художественным двуязычием.

В современном литературном процессе Казахстана особое место занимают писатели -билингвы, в творчестве которых нашли отражение многовековые традиции взаимодействия и взаимовлияния разных художественно-поэтических культур, в данном случае – тюркской и русской. Владея казахским и русским языками, но преимущественно создавая свои произведения на русском языке, такие писатели и поэты, являющиеся билингвами по своему языковому сознанию, представляют особый вид художественного творчества, занимающий достойное место в литературном процессе Казахстана. Это дало основание называть их русскоязычными писателями Казахстана, а сам вид их художественного творчества – русскоязычной литературой Казахстана. Поэтому перед русистикой Казахстана стоит в высшей степени актуальная и научно значимая задача всестороннего изучения языка таких писателей и поэтов, поскольку в их творчестве наиболее ярко и последовательно проявляются особенности языковой концептуализации действительности в условиях взаимодействия разных лингвокультур, разных языковых картин мира. Особый характер видения мира проявляется и в художественном дискурсе писателя-билингва.

Онтология и лингвокультурный статус поэтического мира, проявляющиеся в художественном дискурсе писателя-билингва, могут быть выявлены при учете всех многообразных и многосторонних исторических связей, которые существовали между контактировавшими народами, их культурами и языками, в нашем случае – между славянскими и тюркскими. Особо значимы в

поэтической картине мира, в которой последовательно и всесторонне проявляются эти контакты, ключевые концепты бытия человека, то есть концепты вечности и безграничности мироздания. И в этом отношении изучение лингвопоэтической картины мира поэта-билингва, каковым, к примеру, является Б. Канапьянов, открывает интересные перспективы, поскольку в ней подтверждается концепция существования двух типов языковых картин мира – гомогенного и негомогенного. Последний тип следует рассматривать как результат взаимодействия двух или нескольких языков, языковых культур и национальных сознаний. Это взаимодействие приводит к формированию негомогенной картины мира, или контаминированной картины мира, в которой образ мира одного этноса воплощается в тексте (дискурсе) с помощью языкового кода другого этноса. Данная проблема может изучаться на материале художественных произведений русскоязычных писателей Казахстана, таких, как Бахытжан Канапьянов, Бахыт Кенжеев, Олжас Сулейменов и др., в творчестве которых отразилось языковое и культурно-историческое сознание казахского народа. На этом основании таких писателей, действительно, можно считать билингвами.

Языковая картина мира русскоязычного писателя Казахстана, представленная в его художественном дискурсе, недостаточно полно изучена в современной русистике. Этот аспект учения о языковой картине мира решает проблему соотношения между индивидуально-авторской картиной мира (в данном случае – поэта Б. Канапьянова) и национальной, идиоэтнической по своей природе картиной мира. Актуальность этой проблемы во многом определяется необходимостью исследования всех типов языковых картин мира, прежде всего тех, которые носят негомогенный характер. Этот тип картины мира органично вписывается в проблематику межкультурной коммуникации в контексте всеобщей интеграции во всех сферах современной жизни. Межэтническое общение, взаимопонимание между народами (особенно теми, которые находятся в постоянных контактах друг с другом, проживают на единой территории) невозможны без учёта национальной ментальности народа, стереотипов поведения и шире – стереотипов сознания, прежде всего стереотипов языкового сознания, в данном случае – языкового сознания русского и казахского этносов, составляющих абсолютное большинство населения Казахстана.

Мир Бахытжана Канапьянова, казаха по своему роду, отличается тем, что поэт создаёт свои произведения на русском языке – и всем своим творчеством подтверждает историческую и духовную близость тюркского народа с соседним – славянским. Отдельные его стихи созвучны идеям, изложенным Олжасом Сулейменовым в известном произведении «Аз и Я»:

«Здесь русский дух

С моей смешался кровью».

Веками складывавшийся образ мыслей обретает формулу генокода, передаваемую с кровью из поколения в поколение. «Я кочевник с авиабилетом», – заявляет Б. Канапьянов.

Таким образом, индивидуально-авторская картина мира поэта-билингва в значительной степени определяет когнитивно-содержательную сторону художественного дискурса автора и во многом складывается из фрагментов разных национальных картин мира. Эти фрагменты, тем не менее, образуют органично целостное, единое «полотно», на котором идиоэтнические черты разных языков и культур проявляются не как инородные вкрапления, а как атрибуты особого, поэтического видения действительности, особой картины мира. Совершенно очевидно, что такой тип картины мира может быть объяснён как проявление взаимодействия многих факторов историко-культурного, социально-политического и собственно лингвокультурного характеров. Особое место среди всех таких факторов занимают социолингвистические процессы, влияющие на функционирование языка и языков в определённых социумах, прежде всего неоднородных (негомогенных) в этническом и языковом отношении. Именно в таких социумах, в которых исторически сложились условия для взаимодействия культур, объективно формируются особые культуры, в том числе и языковые культуры и субкультуры. Проявлением такой языковой субкультуры служат процессы взаимодействия русского и казахского языков, славянской и тюркской культур в современном Казахстане.

Список литературы

Алтынбекова О.Б. Этнологические процессы в Казахстане. Алматы: Экономика, 2006. 416 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Перевод с английского. М.: Русские словари, 1997. 416 с.

- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Иванов Вяч.Вс. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
- Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.
- Саина С.Т. Двухязычие и многоязычие в семейной жизни и повседневном быту // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. Под ред. Л.П. Крысина. М.: Наука, 2000, с. 58-70.
- Сулейменова Э.Д. Этнодемографические процессы в Казахстане и владение русским языком. [Электрон. ресурс] / Э.Д. Сулейменова. 2012. – Режим доступа: <http://around.russianforall.ru/conf/index.php>
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
- Хасанулы Б.Х. Языки народов Казахстана: от молчания к стратегии развития (социопсихолингвистические аспекты). Алматы, 2007. 312 с.

Багдасарян Ш.А.
Российско-Армянский(Славянский) университет
г. Ереван (Армения)

Baghdasaryan Sh.
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan (Armenia)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОНЦЕПТА *ВРЕМЯ* В ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТА США

CONCEPTUAL METAPHOR AS A BASIS OF THE CULTURAL COMPONENT OF THE CONCEPT *TIME* IN THE INAUGURAL ADDRESS OF THE US PRESIDENT

Данное исследование, выполненное в сфере когнитивной лингвистики на материале современного американского политического дискурса, посвящено изучению концептуальной метафоры в русле работ последних десятилетий. Метафора как структура мышления, но не простого, а образного, свойственна человеку вообще. Концептуальная метафора как модель познания соединяет воедино три составляющие: понятие, язык, культуру. Метафорическое осмысление одного понятия через другое имеет культурную мотивированность. Концептуальная метафора в силу своей образности и оценочности представляется как связующее звено когнитивного и культурного концепта. Настоящая работа посвящена анализу концептуальных метафор, выделенных внутри когнитивной модели – фрейма *ВРЕМЯ – ОБНОВЛЕНИЕ*, который в свою очередь как структура знания выделяется внутри концепта *время*. В результате исследования было выявлено, что концептуальные метафоры, выделенные внутри фрейма, наделяют концепт *время* следующими оценочными характеристиками: прошлое имеет отрицательную маркированность, на когнитивном уровне ассоциируется с хаосом, тьмой, бурей, туманом, зимой; будущее ассоциативно связано с порядком, светом, спокойствием, лёгким ветерком, весной – все это говорит о его положительной маркированности.

In the framework of our research a study of metaphor as a structure of thinking is carried out on the material of modern American political discourse from the perspective of cognitive linguistics. The conceptual metaphor as a model of cognition combines three components: concept, language and culture. The conceptual metaphor, due to its power of creating image and evaluation, is

observed as a connecting link between the cognitive and cultural concept. This paper presents analysis of conceptual metaphors revealed within a cognitive model – the frame TIME – RENEWAL which in its turn, as a structure of knowledge, is revealed within the concept *time*. Thus it has been revealed that the conceptual metaphors distinguished within the frame impart the concept *time* with characteristics of evaluation: past is marked negatively and on the cognitive level it is associated with chaos, dark, storm, fog, winter; future is associatively connected with civility, light, quiet, breeze, spring – all this indicates its positive markedness.

Ключевые слова: концептуальная метафора, фрейм, концепт, время, инаугурационная речь.

Key words: conceptual metaphor, frame, concept, time, inaugural address.

Время, характеризующееся высокой степенью абстрактности, неуловимое, трудно поддающееся разгадке, вездесущее, невидимое, как воздух, и такое же незаменимое и необходимое, актуально для науки всегда, во все времена, пока есть человек мыслящий, творящий, рефлектирующий над вселенной внутри себя и вне себя. Это уникальный творец, способный упорядочить беспорядочное, создающий гармонию из хаоса, систему из разрозненных элементов, стремящийся к чёткости и выверенности, но в то же время не теряющий своего творческого назначения. Дифференцируя тьму и свет, создавая день и ночь, обречённые вечно сменять друг друга, Господь сотворил время.

Язык как ещё один космос, берущий начало в человеке и выходящий за его пределы, также не может обходиться без времени. Трансформация языка в речь не мыслима без него – вдыхающего жизнь в плоть.

Языковое воплощение концепта *время* безгранично. Творческое начало в языке – бесконечный ресурс. Стремление человека максимально точно объективировать себя, тем самым сближая внутренний и внешний миры, в творческом накале создаёт метафору. Метафора – уникальный продукт мыслительной деятельности человека, она соединяет в себе творческое и обыденное, духовное и материальное, единичное и общенародное.

Метафора является предметом изучения ряда дисциплин: философии, логики, психологии, литературоведения, теории изящных искусств, семиотики, риторики, философии языка, когнитивной науки, а также разных направлений лингвистики. Широкий спектр дисциплин, «интересующихся» метафорой, говорит о её многоплановости и многофункциональности. Учёных привлекает

загадочность метафоры, недосказанность и тот глубокий потенциал, который заложен в ней, и, безусловно, её способность воздействовать на человека.

В современной когнитивной лингвистике учёные выделяют метафору в качестве основной ментальной операции, способа познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [Будаев, 2007].

Метафора во всех своих проявлениях – экспрессивном, семантическом, номинативном и когнитивном – является результатом деятельности человека. Если рассматривать метафору как модель выводного знания [Телия, 1988], то субъективный фактор становится обязательным компонентом в ней. Безусловно, при воспроизведении метафоры огромная роль принадлежит субъекту речи, он в некотором смысле является творцом и автором метафоры. Однако субъективное начало в метафоре относительно теряет свою актуальность, когда метафора выступает в контексте речи, предполагающем, кроме говорящего, ещё одного участника коммуникации – слушающего. Метафора – это своеобразный код, нуждающийся в расшифровке. Успешность метафоры напрямую зависит от её понимания со стороны слушающего. Таким образом, метафора – это результат двух противоположных процессов: метафоризации, где главная роль принадлежит адресанту, и развёртывания метафоры, где на первый план выходит активная позиция адресата. Все это становится возможным, если участники коммуникации владеют одним и тем же кодом общения, знают правила его оформления, имеют фоновые знания о мире, а также владеют определённой культурной информацией, что позволяет им стать в той или иной мере частью данного культурного пространства. Природа метафоры требует рассматривать её «в единстве взаимодействия сознания, действительности и языка» [Телия, 1988, с. 6]. Взаимосвязь этих явлений становится возможным только благодаря человеческому фактору.

Согласно Э. МакКормаку [МакКормак, 1990, с. 358-386], в метафоре как инструменте познания соположены два референта, семантические свойства которых одновременно похожи и отличны. Вследствие сопоставления в человеческом сознании несопоставимых семантических концептов порождается метафора. Все это происходит на уровне иерархически организованных глубинных структур, идеальных конструкций. Выделяются два уровня глубинных структур – семантический и когнитивный, расположенных

иерархически и не взаимоисключающих друг друга. Семантический процесс основывается на когнитивном процессе.

Метафора возводит мост между познанием и языком, с одной стороны, и человеческим разумом и культурой – с другой. В качестве ментальных конструкций метафоры, расширяя возможности познания, создают благоприятные условия для новых открытий в мире и о мире. Актуализируясь в языке, метафора проникает в сферу культуры и оказывает влияние на неё, формирует мышление и влияет на поведение человека.

Основополагающую роль в становлении когнитивной теории метафоры сыграла работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём». Её принято называть классической теорией концептуальной метафоры [Будаев, 2007].

Как утверждает А.Н. Баранов, книга, вышедшая в свет в период бурного интереса к метафоре, в 60-70-е годы XX века, сумела стать значительным явлением в огромном потоке научной литературы о метафоре [Баранов, 2004]. Последние десятилетия XX века в гуманитарной науке, в частности, лингвистике, характеризуются как эпоха «когнитивной революции», или «когнитивного переворота» [Будаев, 2007]. Немаловажная роль в этом процессе принадлежит книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которой метафора представлена с позиций когнитивной науки. Рассмотрение метафоры в качестве когнитивной модели познания противоречило традиционному подходу к изучению метафоры как явлению культуры, искусства и, конечно же, языка, в основном в его художественном, поэтическом выражении. Из сферы языка метафора перемещается в сферу мышления, хотя, конечно, само значение языка в процессе метафоризации не нивелируется. Исследование, проведённое авторами в сфере когнитивной лингвистики, основывается на языковых данных. Авторы книги для объяснения сути метафоры вводят понятие схемы, которая моделирует наше мышление и поведение. «... метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387]. Как видим, расширяется контекст, в котором рассматривается метафора: в него, кроме художественной, включается обыденная, бытовая сфера.

Модель познания одного объекта проецируется на познание другого, то есть метафора в первую очередь рождается в сознании человека и только потом отражается в языке. «... метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами *процессы мышления* человека в значительной степени метафоричны. Именно это имели мы в виду, когда говорили, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [там же, с. 389-390]. Метафорическое осмысление одного понятия через другое имеет культурную мотивированность.

Накопившийся в процессе жизнедеятельности человека опыт трансформируется в обобщённое знание об окружающем мире и социуме, частью которого он является. Во фреймах и сценариях реализуются структуры этих знаний. В результате взаимодействия двух структур знаний рождается когнитивная метафора. Для метафорического осмысления когнитивной структуры «цели» (target domain) используется когнитивная структура «источника» (source domain), то есть происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping), или «когнитивное отображение» (cognitive mapping). Структура источника только частично отображается в структуре цели. Это явление называют «гипотезой инвариантности» (Invariance Hypothesis).

Таким образом, «концептуальные метафоры» – постоянные соответствия между областью источника и областью цели, обусловленные культурной традицией и закреплённые в языке [Баранов, 2004].

Время в политике играет основополагающую роль. Каждая эпоха отличается своими политическими деятелями, призванными менять ход развития времени. Определённые эпохи исторического времени принято называть именами крупнейших исторических и политических деятелей своей страны. В этом контексте престиж руководящего лица страны имеет огромное значение. С каждым новым руководящим лицом в стране начинается новое время, новая эпоха правления.

Институт президентства имеет огромное значение в политической жизни Соединённых Штатов Америки. Стартом деятельности вновь избранного президента является церемония инаугурации, в которой ключевая роль отводится инаугурационной речи. Инаугурационная речь президента в

политической коммуникации США является неотъемлемой частью ритуального жанра президентской риторики.

В рассматриваемом жанре президентской риторики концепт *время* имеет основополагающее значение. Он пронизывает весь текст выступления, как ось, на которую нанизываются остальные концепты, может быть, более характерные для политического дискурса.

Настоящая работа посвящена анализу концептуальных метафор, выделенных внутри когнитивной модели – фрейма (1) ВРЕМЯ – ОБНОВЛЕНИЕ, который в свою очередь как структура знания выделяется внутри концепта (2) *время*.

Внутри фрейма ВРЕМЯ – ОБНОВЛЕНИЕ выделяем несколько метафорических противопоставлений, тематически связанных между собой, вернее вытекающих одно из другого. Первая концептуальная метафора выражена в виде антонимического противопоставления *порядка беспорядку, времени безвременью, гармонии хаосу*.

Civility is not a tactic or a sentiment. It is the determined choice of trust over cynicism, of community over **chaos** (Буш, 2001).

Считаем целесообразным начать анализ метафорического ряда с высказывания, в котором идея беспорядочности, несущая в себе отрицательную коннотацию, выражена словом *chaos* (*хаос*). Выбранная тактика имеет концептуальное значение для дальнейшего анализа. Противопоставление хаоса и гармонии своим истоком уходит в религию, ещё дальше – в мифологию. В мифологии Хаос воспринимается как нерасчленённая, бесформенная субстанция, существовавшая до Творения [Элиаде, 1998]. В библейском истолковании Бог сотворил землю из небытия, отделив свет от тьмы. В данном высказывании оратор преследует двойную цель: посредством обыгрывания лексемы *chaos* реализуется прагматическое намерение адресанта – возвращение во времена первотворения, другими словами, подчёркивается идея начала нового периода времени вместе с новым президентом; обращённость хаоса в прошлое в противопоставлении порядку, являющемуся индикатором будущего, реализует намерение оратора характеризовать время своего правления такими атрибутами, как взаимное доверие и равенство.

Следующая тематическая группа концептуальных метафор, выстраивается на противопоставлении *света* и *тьмы*.

Let *the word* go forth from *this time and place*, to friend and foe alike, that **the torch** has been passed to a new generation of Americans – born in this century, tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace, proud of our ancient heritage—and unwilling to witness or permit the slow undoing of those human rights to which this Nation has always been committed, and to which *we* are committed today at home and around the world (Кеннеди, 1961).

The energy, the faith, the devotion which *we* bring to this endeavor will light our country and all who serve it – and the glow from that fire can truly light the world (Кеннеди, 1961).

Those ideals still light the world, and *we* will not give them up for expedience's sake (Обама, 2009).

В представленных высказываниях *свет (light)/ огонь (fire)/ факел (torch)*, передающийся от поколения к поколению, олицетворяет будущее, время мечты и надежды, которое ожидает американский народ и к которому стремится Америка всей своей историей. Ситуация общения чётко эксплицируется в первом высказывании Д.Ф. Кеннеди: место и время актуализируются при помощи выражения *from this time and place*, высказывание – сама речь президента – репрезентируется посредством лексемы *word* в её широком значении. Присутствие самого оратора в речи эксплицирует лексический маркер *we*, который выполняет определённую прагматическую функцию, а именно: функцию интеграции президента с народом и утверждения единства нации. Данный приём актуализации адресата сообщения, реализующий то же прагматическое значение, наблюдается в представленных выше высказываниях Д.Ф. Кеннеди и Б. Обамы.

Ниже приводятся отрывки из инаугурационных речей президентов, в которых концептуальное противопоставление *света* и *тьмы* выражено эксплицитно.

By our efforts, we have **lit a fire** as well – **a fire in the minds of men**. **It warms** those who feel its power, **it burns** those who fight its progress, and one day this untamed fire of freedom will reach the darkest corners of our world (Буш, 2005).

Today, a generation raised in the shadows of the Cold War assumes new responsibilities in a world warmed by the sunshine of freedom but threatened still by ancient hatreds and new plagues (Клинтон, 1993).

Как видим, понятие *света/огня* во времени направлено от настоящего к будущему, а понятие *тьмы*, наоборот, от настоящего к прошлому, связано с историческим временем и носит преходящий характер. В мифологии огонь имеет свойство обновлять мир, возрождать, избавляя его от старого, отжившего (Элиаде, 1998). Трудные времена должны быть преодолены и оставлены позади. Однако подобный переход возможен только, если будут учтены уроки прошлого. Вместе с новым президентом Америка вступает в новую эру – мира и спокойствия.

These dark days will be worth all they cost us if they teach us that our true destiny is not to be ministered unto but to minister to ourselves and to our fellow men (Рузвельт, 1933).

We are shaped by every language and culture, drawn from every end of this Earth; and because we have tasted the bitter swill of civil war and segregation, and emerged from that dark chapter stronger and more united, we cannot help but believe that the old hatreds shall someday pass, that the lines of tribe shall soon dissolve, that as the world grows smaller, our common humanity shall reveal itself, and that America must play its role in ushering in a new era of peace (Обама, 2009).

Интересно обыгрывается концепт *время* в следующем высказывании из инаугурационной речи Дж. Буша-старшего от 1989 года.

There are times when the future seems thick as a fog you *sit and wait, hoping the mists will lift* and reveal the right path (Буш, 1989).

Понятие тьмы актуализировано при помощи синонимических слов *fog* (туман) и *mist* (лёгкий туман). В высказывании они выступают в контексте будущего времени. Однако мотивы ожидания и надежды вносят в высказывание оптимистическую ноту и внушают реципиенту мысль о преходящем, недолговременном характере трудностей, ожидаемых впереди. Помогает достижению этой цели также абстрагированно-обобщённая интонация высказывания, актуализированная при помощи выражения *there are times*.

Отметим, что в рассматриваемых восьми инаугурационных речах президентов США было выявлено одно высказывание, в котором

концептуальная метафора *light (свет)/fire (огонь)* имеет отрицательную интерпретацию.

After the **shipwreck of communism** came years of relative quiet, years of repose, years of sabbatical – and then there came a **day of fire** (Буш, 2005).

В рассматриваемом контексте выражение *a day of fire* актуализирует время трудное, беспокойное, время испытаний, полное тревог и волнений. В анализируемом высказывании фрейм ВРЕМЯ – ОБНОВЛЕНИЕ довольно эксплицитно актуализировано при помощи концептуальной метафоры, построенной на антонимической оппозиции тревожного, беспокойного времени мирному, спокойному периоду. Тема бури, шторма, кораблекрушения характерна для репрезентации беспокойных времён в истории американского народа.

Through much of the last century, America's faith in freedom and democracy was a **rock in a raging sea**. Now it is a seed upon the **wind**, taking root in many nations (Буш, 2001).

After the Declaration of Independence was signed, Virginia statesman John Page wrote to Thomas Jefferson: "We know the race is not to the swift nor the battle to the strong. Do you not think an angel rides in the **whirlwind** and directs this **storm**?" Much time has passed since Jefferson arrived for his inauguration. The years and changes accumulate. But the themes of this day he would know: our nation's grand story of courage and its simple dream of dignity (Буш, 2001).

This work continues. This story goes on. And an angel still rides in the **whirlwind and directs this storm** (Буш, 2001).

Отметим также, что лексические единицы, выделенные в приведённых высказываниях *raging, wind, whirlwind, storm*, принадлежащие к данной тематической группе, призваны в основном характеризовать прошедшее время. Взор современного человека, направленный в будущее, полон надежды и веры в лучшее. Интересна трансформация «бури» в «ветер». Буря, шторм – это то беспорядочное, хаотическое время, которое нуждалось в систематизации, в направлении по правильному курсу. Библейский мотив здесь очевиден. Безусловно, это становится более явным введением в ткань текста образа ангела, несущегося на крыльях над Землёй и призванного выразить волю Бога.

For a **new breeze is blowing**, and a world refreshed by freedom seems reborn; for in man's heart, if not in fact, the day of the dictator is over. The totalitarian era is passing, its old ideas blown away like leaves from an ancient, lifeless tree. A **new breeze is blowing**, and a nation refreshed by freedom stands ready to push on (Буш, 1989).

A new breeze is blowing, and the old bipartisanship must be made new again (Буш, 1989).

For democracy belongs to us all, and freedom is like a beautiful kite that can go higher and higher with the breeze (Буш, 1989).

Образ бриза, лёгкого ветерка, лежащего в основе метафоризации, не оставляет равнодушным. Создаётся впечатление лёгкости, свободы, стремления ввысь, к гармонии. В сочетании с атрибутом *новый* он привносит в контекст значение будущего времени. Благодаря выражению *higher and higher* будущее предстаёт как нечто бесконечное, стремящееся к все более и более высоким достижениям.

Противопоставление шторма – бриза (лёгкого ветерка) в концептуальной метафоре беспорядочное (беспокойное) время – гармоничное (спокойное) время перерастает в оппозицию зима (холод) – весна (тепло).

This ceremony is held in the depth of **winter**. But, by the words we speak and the faces we show the world, we force the **spring** (Клинтон, 1993).

The words have been spoken during rising tides of prosperity and the still waters of peace. Yet, every so often the oath is taken amidst **gathering clouds and raging storms** (Обама, 2009).

Таким образом, концептуальные метафоры, выделенные внутри фрейма ВРЕМЯ – ОБНОВЛЕНИЕ, призванные актуализировать концепт *время*, наделяют его следующими оценочными характеристиками. Прошлое имеет отрицательную маркированность, на когнитивном уровне ассоциируется с хаосом, тьмой, бурей, туманом, зимой. Будущее в отличие от прошлого ассоциативно связано с порядком, светом, спокойствием, лёгким ветерком, весной – все это говорит о его положительной маркированности.

Итак, в связи с вышесказанным изучение метафоры с позиции смыслопроизводства становится наиболее актуальным. В силу своей образности метафора органически соединяет в себе рациональное и иррациональное. Как

отмечает В.Н. Телия, «оценочная деятельность столь же естественна для сознания, как и познавательная: эти виды «разумного» видения мира как бы две стороны одной медали. И оба они соизмеряют мир в практически рассудочном его освоении» [Телия, 1988, с. 30]. Вслед за В.Н. Телия Е.М. Вольф пишет: «... в основе оценочных смыслов метафор лежит ценностная картина мира» [Вольф, 1988, с. 57]. Ценностная картина мира является одним из аспектов изучения когнитивной лингвистики. Лингвокультурный концепт в силу своей культурной маркированности характеризуется наличием ценностной составляющей в сопоставлении с когнитивным концептом [Карасик, Слышкин, 2005].

Культурная мотивированность лингвокультурного концепта обусловлена наличием в нем метафорической, образной составляющей как субъективной, специфической в отличие от логической, объективной, инвариантной.

Как видим, лингвокультурный концепт культурно маркирован, имеет прагматическое назначение в силу своей образности и оценочности – субъективного начала в языке, что в свою очередь обусловлено человеческим фактором. Образная и оценочная составляющие когнитивной метафоры дают нам возможность прийти к идее, что мотивирующей основой субъективного начала в лингвокультурном концепте является концептуальная метафора. В метафоре реализуется творческий потенциал, заложенный в человеке. «... поскольку все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта, метафора по самой своей природе антропометрична ...» [Телия, 1988, с. 4].

Таким образом, концептуальная метафора соединяет воедино три составляющие: понятие, язык, культуру. Метафорическое осмысление одного понятия через другое имеет культурную мотивированность.

Концептуальная метафора в силу своей образности и оценочности представляется как связующее звено когнитивного и культурного концепта.

Примечания

1. Наше понимание термина фрейм основано на определении Ч. Филлмора. Он определяет термин «фрейм» как мотивирующую, определяющую и взаимно структурирующую особую унифицированную конструкцию знания или связанную схематизацию опыта [Филлмор 1988].
2. В когнитивной лингвистике особое внимание уделяется её основной единице – концепту. «**Концепт** – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов

нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Кубрякова, 1996, с. 90]. Согласно теории, разработанной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, в **когнитивном концепте** выделяются информационное содержание, чувственный образ и интерпретационное поле.

В теоретических разработках в сфере лингвокультурологии выделяются следующие определения **лингвокультурного концепта**. В книге Ю. Степанова «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» читаем следующее определение концепта: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов, 1997, с. 40]. Как видим, в данном определении на первом плане культурная характеристика концепта. Культурно отмеченный концепт является предметом изучения междисциплинарной науки – лингвокультурологии. По мнению В. Карасика, культурные концепты – это «комплексные знаки особой природы» [Карасик, 2002, с. 95]. В культурном концепте он выделяет три стороны: ценностную, образную и понятийную [там же, с. 91]. Размышляя о культурных концептах, В. Карасик ссылается на В. Зусмана, считающего, что «концепт – микромодель культуры, а культура – макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [там же, с. 95]. С точки зрения С. Воркачева, основной единицей лингвокультурологии является концепт, но не просто концепт, а, «прежде всего, вербализованный культурный смысл» [Воркачев 2005: 76].

Список литературы

- Баранов А.Н.* Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя (Предисловие редактора). // Дж. Лакофф, М. Джонсон Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. с. 7-21.
- Будаев Э.В.* Становление когнитивной теории метафоры. // Лингвокультурология. Вып.1, Екатеринбург, 2007. с. 16-32 – <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-07.htm>
- Вольф Е.М.* Метафора и оценка. // Метафора в языке и тексте. Академия наук СССР, Институт языкознания. М.: Наука, 1988. с. 52-65.
- Воркачев С.Г.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: истоки и цели. Филологические науки, N4, 2005.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии. // Антология концептов. Т. 1, Волгоград: «Парадигма», 2005. с. 13-15.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. с. 387-415.
- МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., Прогресс, 1990. с. 358-386.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку. // Антология концептов. Т. 1, Волгоград: «Парадигма», 2005. с. 7-10.

- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа. «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Телия В.Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. с. 173-204.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка, вып. XXIII, М.: Прогресс, 1988. с. 52-92.
- Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998. 250 с.

Беспятых А.О.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург (Россия)

Bespyatykh A.

Ural Federal University (UrFU)
Yekaterinburg (Russia)

КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В НЕЙМАХ ТУРИСТИЧЕСКИХ АГЕНТСТВ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

THE KEY MEANINGS AND ITS REPRESENTATION IN THE NAMES OF TRAVEL AGENCIES OF YEKATERINBURG

Данная работа рассматривает нейминг как один из первоначальных инструментов позиционирования туристических агентств и компаний среди конкурентов. В связи с возрастающим интересом к путешествиям, возобновлением активных межкультурных коммуникаций, туристическая индустрия развивается очень интенсивно. В связи с этим, компаний, предоставляющих услуги по организации отдыха, становится всё больше. Екатеринбург, как место проведения крупных международных мероприятий, становится центром взаимодействия представителей разных стран и культур. Неймы туристических фирм, выполняя маркетинговую функцию, активно включаются в визуальное пространство города, там самым участвуя в создании его индивидуального образа. Определённый научный и практический интерес представляет исследование того, какие ключевые смыслы и основные способы их репрезентации выработаны рекламной практикой в выборе той иной номинации туристического агентства. Материалом для данного исследования послужили 358 неймов туристических агентств, расположенных в городе Екатеринбурге (данные на март 2013 г.).

This work discusses the naming as one of the main tools of positioning travel agencies and companies. Due to the growing interest in travel and maintaining international communications tourism industry is developing very rapidly. So, the number of companies that provide this kind of services is increasing. Yekaterinburg as the venue for different kinds of international events become a place where people from different countries can exchange their opinions and ideas. That is why it is very important to create an individual visual area with the help of using trade names. The scientific and practical interest of this work lies in discovering the main key meanings produced by advertising practice in selecting the names for travel agencies. The material for the study includes 358 names of travel agencies located in the city of Yekaterinburg in March 2013.

Ключевые слова: нейминг, туристические агентства, межкультурные коммуникации, позиционирование, ключевые смыслы, модели образования неймов, средства репрезентации ключевых смыслов.

Key words: naming, travel agencies, international communication, positioning, key meanings, the models of name creation, linguistic techniques.

Сегодня туристический бизнес в России (и по всему миру) активно развивается. Люди всё больше заинтересованы в путешествиях как в средстве приятного времяпрепровождения, отдыха, а также расширения своего кругозора. Некогда путешествия были роскошью – сейчас это один из самых распространённых видов рекреативной деятельности людей самого различного социального положения, мировоззрения, культуры, религии и т.д. Учитывая такую тенденцию, современный рынок предлагает потенциальным потребителям широчайший выбор услуг в туристической сфере.

Однако многообразие различного рода туристических компаний и агентств порождает проблему идентификации конкретной фирмы среди её конкурентов. Первым и одним из важнейших признаков, помогающим отличить одну фирму от другой, является её название. Именно в нейме, коммерческом имени, содержится набор первоначальных сигналов и оценок, которые должны способствовать генерации необходимых знаний и эмоционального отношения потребителей к данной компании (товару, услуге). При этом нейм должен включать в свою смысловую структуру элементы, связанные с маркетинговой информацией, прежде всего со спецификой товарной категории, и элементы, связанные с социокультурными знаниями адресата – потенциального потребителя туристических услуг.

Определённый научный и практический интерес представляет исследование того, какие ключевые смыслы и основные способы их репрезентации выработаны рекламной практикой в выборе той иной номинации туристического агентства. Материалом для нашего исследования послужили названия 358 туристических агентств г. Екатеринбурга, расположенных на территории города и зарегистрированных в базе «2 ГИС» (данные на март 2013 г.).

Как показывает эмпирический материал, в неймах турагентств значимыми оказываются три вида ключевых смыслов: указание на тип услуги (путешествия, отдых); сегмент целевой аудитории, к которой обращено рекламное послание; характер предлагаемой услуги. Кроме этого, каждый из этих ключевых смыслов, репрезентируемый различными языковыми и визуальными способами, сопровождается «шлейфом» коннотаций, среди которых значимыми оказываются «престижность», тип отдыха – активный/пассивный, «положительные эмоции».

Сравним: «Кругосветное путешествие», «Нормандия тур», «Пляж-вож», «Виктория Тревел». Каждый нейм включает в себя базовую номинацию – слово, ориентирующее потребителя в сфере услуг: путешествие – «поездка или перемещение пешком по каким-н. местам, странам» [Ожегов, 1991, с. 632], тур (от туризм) – «вид путешествий, совершаемых для отдыха и самообразования» [там же, с. 814], вож – «путешествие поездка» [там же, с. 104], тревел – от англ. “travel” – «путешествие, путешествовать».

Базовая номинация обязательно сопровождается поясняющим элементом, который содержит отличительные характеристики данного вида услуг. «...Ценность и эффективность коммерческого названия зависят не только от того, что оно определяет компанию или товар, но также и от его способности донести до потребителей позитивное сообщение о компании или её продукции, побуждающее приобрести эту продукцию» [Чермэссон, 1999, с. 27.].

Определение целевой аудитории – один из важных этапов при разработке нейма компании, ведь название – это первое послание потребителю, первый разговор с ним, и здесь очень важно, чтобы сообщение (смысл), заключённый в названии, был правильно прочитан и понят потребителем. Рассматривая туристические услуги, где целевой аудиторией могут быть представители практически любого социального класса, необходимо определить то смысловое поле, которое создаёт вокруг себя сфера путешествий.

Для потенциального потребителя туристических услуг важен тип отдыха – активный (посещение экскурсий, осмотр достопримечательностей, знакомство с местными жителями и т.д.) или пассивный (отдых на пляже, проведение основного количества времени на территории отеля). Наличие в названии туристического агентства соответствующих репрезентантов типа отдыха может

определить выбор целевой аудитории. Сигналами «активного» отдыха могут служить наименования «Релакс Трэвел», «Bounty», «Берег Солнца», «Морской бриз», «Лазурный берег», «Оазис», «Место под солнцем», «Рай трэвел», «Солнцепляж» и т.д., которые будут актуальны для людей, предпочитающих спокойный отдых на пляже. И наоборот, такие названия, как «Дискавери», «Marco Polo», «Академия Интересных Путешествий», «Вокруг Света 2000», «Кругосветное путешествие», «Очарованный странник», «Карта мира», «Путешественник» и проч. прежде всего делают акцент на активной туристической деятельности.

В силу компрессивного, сжатого характера нейма он зачастую сочетает в себе указание как на вид отдыха, так и на тип целевой аудитории. Так, нейм «Путешественник» определяет тип агентства – туристическое, вид отдыха – активный, так и сегмент целевой аудитории. «Очарованный странник» отсылает к повести Н. Лескова, включая нейм в интертекстуальные связи с русской классической литературой, а также создаёт дополнительные смыслы, связанные с концептами русской культуры – воля, красота, свобода.

При определении целевой аудитории для неймов значимыми оказываются несколько параметров: уровень доходов, возраст потенциальных клиентов, их семейное положение: так, турагентства с названиями «Вега-престиж», «Royal Travel», «Five stars», «Luxury», «Dolce Travel», «Элита Тревел», «Корона трэвел», «Президент-тур» и т.д. рассчитаны на людей с большим достатком, представителей так называемой элиты. Использование «дорогих» слов служит средством маркирования социальных параметров целевой аудитории и ясно определяет ценовой уровень услуг в таком турагентстве. Такие неймы, как «Поехали-тревел», «Триста Туристов», «Папа тур», «Мы поедem», «Друзья-Тревел», «Добро пожаловать», «Апельсин», «Джуси Тур» напротив обладают более общими характеристиками: рассчитаны на средний класс, семейных людей, молодёжь и т.д.

Часто при создании нейма туристического агентства используются слова-ассоциации, которые не отражают деятельность фирмы непосредственно, а предлагают в своём названии образ или смежное по ассоциативному ряду слово, которое поможет потребителю самому определить функционал фирмы. «Имя бренда должно быть таким, чтобы оно, при всей своей лаконичности, вызвало у

потребителя «запрограммированные» заказчиком ассоциации. Образы могут быть разными, но они должны, во-первых, устойчиво связываться в сознании потребителя со сферой деятельности компании, во-вторых, производить на адресата благоприятное впечатление, в-третьих, быть эффективным, привлекательным» [Тортунова, 2012, с.127].

Так, названия типа «Краски мира», «Бархатный сезон», «Оазис», «Место под солнцем» выстраивают в сознании клиента положительные образы, связанные с отдыхом и путешествиями, заранее настраивают на положительные эмоции. А вот в таких неймах, как «Дракон», «Вита», «Мозаика», «Жираф», «Ассорти» нет ключевых слов, связанных с типом услуги, её характером, целевой аудиторией; рождаемые названиями ассоциации с трудом связываются с отдыхом, что даёт основание говорить о дефектности нейма.

Сигналы, которые посылает туристическая компания потенциальному клиенту, могут быть выражены не только семантически, но и визуально (графически). Способ написания нейма – ещё один критерий, по которому можно классифицировать названия туристических агентств в Екатеринбурге. Современная рекламная практика выработала 3 способа графического оформления названий: кириллица (причём, здесь мы имеем дело как с написанием оригинальных русских названий, так и с транслитерацией иностранных названий), латиница (оригинальное написание) или гибридное написание (одновременное использование кириллицы и латиницы, которое также называется графогибридизацией).

Анализ графического облика неймов в товарной категории «туристические агентства» показал, что в Екатеринбурге существует тенденция к использованию первого способа: из 358 отобранных нами неймов 296 названий (82%) написаны кириллицей. В этой группе большинство названий имеют русскоязычное происхождение: «Алые паруса», «Африканка», «Восток», «Время Радости», «Золотая колесница». Вместе с тем немало и заимствований, оформленных кириллицей – «Мэджик-тур», «Хайвэй», «ГлобалХолидей», «Вэлком», «Дискавери», «Вест Бридж». Среди этих варваризмов часть понятна целевой аудитории, однако часть вызывает определённые сомнения в целесообразности такого приёма номинации

59 организаций (19%) предпочли использовать оригинальное написание названия латиницей: «Caribbean tour», «Daimond Travel», «Five stars», «Freeway», «Marco Polo», «Praga2Agency», «Royal Travel», «Sun Plaza», «SunTrope», «AirSea Travel», «Angel Days», «Ascent-Travel», «Banana Travel», «BeeTour», «Bohemia Tour», «Siesta», «Coral Travel», «Bigfoot», « Dolce Travel», «Bounty», «Aurum», «Luxury», «Skyway travel», «Mix tour» и т.д.

Всего лишь 4% (13 неймов) представляют собой гибриды: ВолгаWolga, Джакарта Travel, News тревел, Apelsintour, Kaskad Travel, Nebo, QP tour и т.д.

Стоит отметить, что использование заимствований в названии может играть двоякую роль для восприятия потребителем. С одной стороны, иностранные слова на психологическом уровне создают впечатление большой значимости, престижности, респектабельности (даже в том случае, когда человек не знает значение слова на языке-оригинале, тем не менее, оно для него звучит по-особенному). С другой стороны, иностранное слово может отпугнуть клиента: объясняется это тем, что человек не знает смысла, который несёт в себе слово-заимствование, и уровень доверия к такой фирме снижается. Поэтому в случае выбора иностранного слова для названия туристической фирмы рекомендуется использовать общеупотребительные слова, которые понятны большинству: «Дрим Трэвел», «Релакс Трэвел», «Бэст тур», «Banana Travel», «Ready tour», «Five stars» и т.д. Трудны для восприятия такие названия, как «Palmary tour», «VISTA», «Allinur», «Ascent-Travel», т.к. с первого взгляда трудно точно догадаться о назначении фирмы, имеющей такое имя.

При анализе способов репрезентации ключевых смыслов, кроме лексического и графического, важен словообразовательный аспект, позволяющий выявить модели создания новых слов-наименований.

Как известно, словообразование нейма может происходить по двум принципам:

1) использование общих языковых словообразовательных моделей; 2) создание собственной модели (креативный способ).

Как показывает анализ названий туристических компаний в Екатеринбурге, наиболее широко применяется первый способ. При этом наиболее активны следующие способы образования новых слов:

Применение специфических моделей с использованием слово-идентификаторов, таких как «трэвел» (с вариациями в написании «трэвел», «travel») и «тур» («tour»): Анжело трэвел, Санрайз тур, Глобус-тур, Лимония-трэвел, Banana Travel, Mix tour и т.д. Функция таких слов ясна: их наличие помогает чётко определить товарную категорию организации, что в случае их отсутствия было бы невозможно без непосредственного изучения спектра услуг, предоставляемых компанией. Однако, учитывая частоту использования такого приёма (в общей сложности, 134 номинации туристических агентств (38%) содержат слова-идентификаторы), он может оказаться не таким эффективным.

В таком случае вся смысловая нагрузка номинатива приходится на сопровождающий слово-идентификатор компонент. Сформировать положительные эмоциональные установки помогает использование экспрессивных, оценочных слов в названии: «Фаворит-тур», «Diamond travel», «Элита трэвел», «Dolce Travel». Такие слова создают впечатление превосходства, хорошего качества услуг, дороговизны. Неймы «Фортуна-Турс», «Дрим Трэвел», «Релакс Трэвел», «Мэджик тур», «Санни-тур» формируют ожидание положительных эмоций от планируемого отдыха, хорошего настроения.

В целом, использование общих моделей в создании нейма не в должной степени соответствует критериям создания успешного нейма (таких как запоминаемость, оригинальность, узнаваемость). Поэтому в практике нейминга более эффективным считается креативный способ создание новых названий. Приёмов, помогающих придумать яркое и необычное имя торговой марке, немало. Рассмотрим некоторые из них.

- Словообразование – сложение в одно слово двух целых слов или их основ.

«Apelsintour», «Автотур», «Загрантурне», «Пляж-вояж», «Солнцепляж», «Роскурорт», «Sunberry».

- Сращение – написание предложения или словосочетания без пробела.

«Турбери», «Bigfoot», «ГлобалХолидей»

- Использование предложения в качестве имени

Допустимо использование полных и неполных предложений. Как правило, последние встречаются чаще в силу компактности нейма.

«Добро пожаловать», «Мир без границ», «Мы поедem».

- Использование словосочетаний

«Курорты мира», «Золотая колесница», «Ветер перемен», «Белый лотос», «Время путешествий»

- Гибридизация – использование в названии компонентов нескольких языков.

Гибриды очень интересны по своей форме, т.к. представляют собой разновидность языковой игры. Например,

«De Legat Club», «News тревел», «QP Tour» (обыгрывается на фонетическом уровне – сочетание звуков 'q' и 'p' созвучно с русским словом «купи»), SeaZone (также имеет двойное прочтение: как сложение двух английских слов «sea» (море) и «zone»(зона) и как русское слово «сезон»), «Джакарта Travel», «Э-тикет», «2rest» (созвучно с русским словом «турист»).

- Использование личных местоимений – создаёт эффект принадлежности конкретному лицу (а именно клиенту)

«Мы поедem», «Моя планета», «Мой мир», «Мои каникулы».

- Использование имён собственных – Для того чтобы отвечать специфике товарной категории, имя собственное должно быть связано с путешествиями и вызывать соответствующие ассоциации. Для этого идеально подходят топонимы («Босфор», «Гольфстрим», «Джакарта Travel», «Caribbean Tour», «SunTropе», «Евразия», «Малибу», «Лазурный берег», «Валенсия», «Ниагара»), а также имена знаменитых путешественников («Marco Polo», «Миклуха Маклай»).

- Использование мифонимов и названий произведений и героев литературы:

«Афина трэвел», «Посейдон», «Богиня», «Калипсо», «Гермес-тур», «Алые паруса», «Аэлита», «Остров сокровищ», «Очарованный странник», «Гулливер», «Два капитана» и т.д.

- Использование имён числительных

«Семь континентов», «Praga2Agency», «Вокруг Света 2000», «Два капитана», «2rest», «Четыре сезона».

Назначение числительных в этих номинациях различно: это и количественные показатели (количество континентов, сезонов), и созвучность с

другими языковыми компонентами «числительное 2» исполняет роль английской частицы «to», а также семантика «современности» - отсылка к текущим датам (2000 – второе тысячелетие).

Как видно из приведённых примеров, применение вышеперечисленных приёмов помогает создать оригинальное название.

Таким образом, неймы туристических фирм, выполняя маркетинговую функцию, активно включаются в визуальное пространство города, там самым участвуя в создании его индивидуального образа. В условиях возрастания значимости областных центров, их развития, неймы начинают выполнять важную роль в создании единой картины экономического пространства конкретного субъекта. Екатеринбург, где планируется проведение крупных международных мероприятий, сейчас становится площадкой для создания межнациональных и межкультурных коммуникаций, поэтому очень важно поддерживать его положительный образ среди представителей других стран, в том числе, используя инструменты маркетинговых и рекламных коммуникаций.

Список литературы

Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амири.: Флинта. Наука., 2009.

Романова Т.П. Теория и методика создания коммерческих наименований и рекламных текстов.: Самара.: «Универс групп», 2008.

Словарь русского языка / С.И. Ожегов. 23-е издание, исправленное. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1991.

Тортунова И.А. Эргоним как результат речетворчества [Электрон. ресурс] / И.А. Тортунова. 2012. – Режим доступа: <http://www.nauka-dialog.ru/userFiles/file/%20Ирина%20Анатольевна.pdf>

Чармэссон Г. Торговая марка: как создать имя, которое принесёт миллионы / Г. Чармэссон.: СПб.: Питер, 1999

Борман Ж.И.
Балтийская международная академия
г. Рига (Латвия)

Bormane Z.
Baltic International Academy
Riga (Latvia)

КОРОЛЬ СИЛЬВАН, КНЯЗЬ ГАРАЛЬД, ВАРВАРША И ДРУГИЕ ПУШКИНСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

KING SILVAN, DUKE HARALD, BARBARIAN HAG AND OTHER PUSHKIN'S CHARACTERS

Семантика имени собственного художественного текста богаче семантики имени в языке. Поэтому в переводе художественного текста не всегда возможно ограничиться лишь передачей фонографической оболочки имени. В художественном тексте имена персонажей могут этимологизироваться. Речь идёт об актуализации внутренней формы имени, а также вторичной этимологизации, когда имя в тексте наделяется значением, ему изначально не свойственным. Кроме того, такая этимологизация может происходить уже непосредственно в тексте перевода. Передача имён персонажей художественного текста в переводе требует в отношении каждого текста и каждого именованного индивидуального решения переводчика. Задачей переводчика является, в том числе, и ориентация в тех коннотациях, которые связаны с именами собственными. В данной статье рассматривается передача некоторых имён из произведений А.С. Пушкина (*Салтан, Гвидон, Черномор, Лель, Бабариха, Руслан*) в немецких и латышских переводах, выполненных в разное время разными переводчиками, использовавшими для передачи данных имён преобразующий перевод, т. е. имена, отличные от исходных. При этом анализируется, какие коннотации оригинала удалось сохранить, какие из них утрачивались или наоборот – привносились в текст перевода.

The semantics of the proper name in literary text is richer than the semantics of the proper name in language. For this reason, it is not always possible to limit oneself to recreation of the phonographic shell of a proper name in the translation of literary texts. In literary text, character names can be etymologised. This implies foregrounding of the inner form of a proper name as well as secondary etymologising when the meaning that is not initially characteristic of a certain name is attributed to it. Moreover, such etymologisation, as a matter of fact, can take place in the actual text of translation. Recreation of character names of a literary text in translation requires

individual decisions of the translator on each particular text and each particular name. In this respect, the translator's task is also to maintain awareness of connotations related to proper names. The article explores recreation of several character names from the works by A. Pushkin (*Saltan, Gvidon, Chernomor, Lel, Babariha, Ruslan*) in German and Latvian translations performed at different times and by different translators who kept to the modification method of translation, i.e., the character names they used were different from those of the original. Apart from that, the article analyses which connotations of the original it proved possible to preserve, which were lost, or, on the contrary, added to the text of translation.

Ключевые слова: семантика, имя собственное, А.С. Пушкин, перевод, художественный текст.

Key words: semantics, proper name, A. Pushkin, translation, literary text.

Говоря о слове в художественном произведении, принято, вслед за классическими трудами В.В. Виноградова, отмечать его двуплановость, т. к. смысловая структура слова «расширяется и обогащается теми художественно-образительными «приращениями» смысла, которые развиваются в системе целого эстетического объекта» [Виноградов, 1981, с. 114]. Это распространяется и на имена собственные (ИС) художественного текста. Исследователи языка художественной литературы уже давно обратили внимание на важную стилистическую роль ИС произведения. Поэтика ИС является на сегодняшний день предметом исследования особой дисциплины – литературной ономастики, которая обладает обширной научной литературой⁷.

Когда речь идёт об ИС, то обычно говорят не о переводе, а об их передаче в тексте перевода. Иначе, *Churchill* превратился бы в немецком переводе в *Kirchberg*, *Casanova* в *Neuhaus*, *Shakespeare* в *Schwingespeer*, а *Bach* стал бы во

⁷ Среди важнейших работ, посвящённых функциям и роли ИС в художественном тексте, следует назвать, например, исследования О.И. Фояковой (1990), В.М. Калинкина (1999), Э.Б. Магазаника (1978) по русской литературе, а также исследования Ф. Дебуса [Debus, 2002], Д. Лампинга [Lamping, 1978] в немецкой ономастике. Вопросы передачи ИС художественного текста в переводе рассматривались, например, в работах О. Бака [Bach, 2002], Ф. Дебуса [Debus, 2002], Д.И. Ермоловича (2001), Х. Кальверкемпера [Kalverkämper, 1996], А. Келлетата [Kelletat, 1999], Л. Сальмон (2002), О.Г. Сидоровой (2001) и др.

французском переводе *Ruisseau* [Kalverkämper, 1996, s. 1020]⁸. Однако в художественном тексте, где все стремится быть мотивированным, та же установка характеризует и ИС. Поэтому в отношении имён художественного текста может быть в некоторых случаях применён и преобразующий перевод, т. е. использование в качестве соответствия имени, отличного от исходного.

Одна из центральных проблем теории перевода, являющаяся важнейшей и при переводе художественного произведения, – это проблема текста. Именно текст является предметом анализа на первом этапе перевода, связанным с интерпретацией оригинала, и именно текст является предметом синтеза на его заключительном этапе. «Чтобы перевести, необходимо, прежде всего, понять, точно уяснить, истолковать самому себе переводимое, мысленно проанализировать, критически его оценить... Всякое истолкование подлинника, верное или неверное, и отношение к нему со стороны переводчика имеет результатом – в ходе перевода – отбор речевых средств из состава переводного языка» [Федоров, 1983, с. 12].

Передачу ИС в переводе художественного текста нельзя рассматривать отдельно от творческого акта наделения именем в тексте оригинала, потому что и переводческая стратегия, и иерархия эквивалентов при передаче литературных ИС тесно связаны с интенциями автора [Grasseger, 1985, s. 46]. А. Келлетат отмечает, что задачей переводчика (например, переводчика сказок, детских книг, литературных текстов) является, в том числе, и ориентация в тех коннотациях, которые связаны с ИС [Kelletat, 1999].

Передача имён персонажей художественного текста в переводе требует в отношении каждого текста и каждого именованного индивидуального решения переводчика. В данном сообщении будет рассмотрена передача некоторых имён из произведений А. С. Пушкина в немецких и латышских переводах.

Салтан

Салтан – др.-рус. из тюрк. *султан* – ‘властитель’ [Суперанская, 2004, с. 293].

⁸ Здесь и далее курсив мой – Ж.Б.

Слово *салтан* в языке А. С. Пушкина используется не только для именованья царя в одной из сказок, но и как нарицательное в качестве фонетического варианта к слову *султан*⁹.

Таким образом, можно сказать, что если ИС *Салтан* и не является безусловно «говорящим», то все же сохраняет определённую связь с именем нарицательным *султан*. ИС *Салтан* – имя героя из лубочной «Сказки о Бове-королевиче» [Чернышев, 1970, с. 71]. *Салтан* называется там то *Султан Султанович*, то *Салтан Салтанович*. И в пушкинской записи сказки со слов няни встречается это имя: *Султан Султанович* – турецкий государь [там же]. *Салтан Салтанович* упоминается в русских былинах [ДРС, 1977, с. 465].

В переводе Р. Липперта на немецкий язык [Puschkin, 1840] используется преобразующий перевод – *Silvan*. ИС *Silvan* выглядит более привычным для немецкого читателя, оно зафиксировано и в словаре [Duden. Das grosse Vornamenlexikon, 1998, с. 254]. Но это имя актуализирует совсем другие смыслы: *Silvan* – мужское имя латинского происхождения, которое восходит к имени древнеримского бога лесов и полей, от лат. *silvia* – ‘лес’ [там же], что никак не соотносимо с текстом пушкинской сказки.

ИС *Салтан* постоянно употребляется в словосочетаниях *славный царь Салтан*, *славный Салтан*, *царь Салтан*, и значение слов *царь* и *славный* распространяются на данное ИС. Использованное Р. Липпертом ИС из немецкого именника – *Silvan* – в сочетании со словом *König* ‘король’ уводит в сторону от стилистики пушкинской сказки, где отчётливо проступают черты Древней Руси.

Гвидон

Аналогичной представляется ситуация с ИС *Гвидон*, который в переводе Р. Липперта [Puschkin, 1840] называется *Harald*.

Гвидон – нов. из. ит. *Гуиттоне*: др.-герм. *видо* – ‘лес, лесной, живущий в лесу’ [Суперанская, 2004, с. 152].

Имя *Гвидон* – тоже имя героя из лубочной «Сказки о Бове-королевиче» [Чернышев, 1970, с. 71]. Используясь многократно в словосочетании *князь*

⁹ ср.: *салтан* от *султан* – ‘титул монарха в некоторых мусульманских странах’ [СЯП, 2000, IV, с. 446].

Гвидон, ИС «перетягивает» на себя и значение слова *князь*: ‘предводитель войска и правитель области в феодальной удельной Руси’ [МАС, 1999, II, с. 64].

ИС *Harald* в переводе Р. Липперта [Puschkin, 1840], как и *Silvan*, нельзя признать удачным эквивалентом. ИС *Harald* входит в немецкий именник [Александрова, 2000, с. 91], более того, *Harald* – мужественный герой одноименной баллады Л. Уланда (1787-1862) [там же]. В переводе это ИС появляется в результате адаптации текста для немецкой культуры, но входит в противоречие со смыслом подлинника, где *Гвидон* – русский князь, а не заморский принц или герой *Harald*.

Бабариха

Для ИС *Бабариха* в пушкинском тексте важен тот минимальный контекст, в котором это имя постоянно появляется: *сватья баба Бабариха*, т. к. значение этого минимального контекста начинает распространяться и на само имя¹⁰.

Сочетание *баба-бабариха*, аналогичное пушкинскому, находим в сборнике Кирши Данилова, значит ИС обладает фольклорным колоритом¹¹.

Звуковой повтор *баба Бабариха* переносит значение слова *баба* на ИС. Слово *баба*, употребляясь с ИС обычно означает ‘старая женщина’, ‘старуха’ [МАС, 1999 I, с. 53].

Семантизация ИС осознается и переводчиками. В переводе на немецкий язык Э. Вальтера [Puschkin, 1962] основной эквивалент *Base* является описательным переводом, т. к. *Base* – ‘кузина, тётка, кума’. Это слово имеет общие семы со словом *баба*: ‘пожилая женщина’ и со словом *сватья* – ‘отношение к родителям’. Значение слов *баба* и *сватья* распространяется на ИС *Бабариха*, поэтому *Base* можно считать описательным переводом ИС *Бабариха*. Но в переводе Э. Вальтера [Puschkin, 1962] есть ещё один эквивалент для ИС *Бабариха* – *Barbaricha*, что является преобразующим переводом, т. к. это ИС – «говорящее»,

¹⁰ *Сватья* – ‘мать одного из супругов по отношению к родителям другого супруга’ [МАС, 1999 IV, с. 38]. В. И. Даль даёт более широкое толкование этого слова: *сват, сватья* – ‘родители молодых и их родственники друг друга взаимно зовут сватами, сватьями’ [Даль, 2002, IV, с. 146].

¹¹ ср.: *Добро ты, баба, Баба-бабариха, Мать Лукерья, Сестра Чернава! Потом я, дурень, Впредь таков не буду!* [ДРС, 1977, с. 207].

оно имеет внутреннюю форму *Barbar* – ‘варвар, дикарь, полный невежда’. Переводчик использовал отрицательную оценочность этого слова, для того чтобы ИС могло выполнять функцию характеристики – характеризовать персонаж как отрицательный.

Р. Липперт [Puschkin, 1840] использует преобразующий перевод имени – *Sibylle*, в котором мы не усматриваем какой бы то ни было связи с именем оригинала. *Сивилла*, *Сибилла* – мифологический образ прорицательницы и дряхлой старухи [ИМС, 2001, с. 285] – уводит в сторону от русской сказки, а вместе с именами *Silvan* и *Harald* даже слишком европеизирует пушкинский текст.

В латышском переводе Я. Плаудиса [Puškīns, 1949] использовано для передачи ИС *Бабариха* ономастическое соответствие – *Babarīka*, с одной оговоркой: русское *х* передано как *k*, что допускает семантизацию от слова *rīkot* – ‘действовать, устраивать’. ИС *Babarīka* соотносится тем самым с сюжетом сказки, т. к. *Бабариха* – это та, кто устраивает свои дела, действует (спаивает гонца, пишет фальшивое письмо, обрекает на смерть царицу, отговаривает *Салтана* от поездки).

Черномор

В пушкинских прозведениях есть два *Черномора*. Злой волшебник *Черномор* из «Руслана и Людмилы» и *Черномор* «Сказки о царе Салтане». Эти имена имеют разную мотивацию. Структурно это придуманное ИС оформлено так, что к нему выстраивается ассоциативный ряд из имён *Святогор*, *Святослав*, *Доброгост* и т. п., т. е. из древних двухосновных славянских имён. Таким образом, сама форма имени участвует в создании национального колорита.

Имя дядьки *Черномора* может мотивироваться словами *чёрный* и *море* или топонимом *Чёрное море*, что находит подтверждение в тексте сказки – дядька *Черномор* появляется из вод морских. ИС волшебника *Черномора* тоже обладает живой внутренней формой, восходящей к корням *черни-* (*чёрный*) и *мор-* (*мор*, *морить*).

Проанализируем сначала ИС *Черномор* из поэмы «Руслан и Людмила». Связь с живой внутренней формой имени *Черномор* становится важной для восприятия художественного текста поэмы. Слово *чёрный* является

многозначным в русском языке¹². Приведём те значения, которые важны для внутренней формы ИС *Черномор*: ‘по суеверным представлениям: чародейский, колдовской, связанный с нечистью’, ‘отрицательный, плохой’, перен. ‘мрачный, безрадостный, тяжёлый’, ‘злостный, низкий, коварный’ [МАС, 1999 IV, с. 667-668].

Для второго корня в ИС *Черномор* важны значения двух слов: *мор* – устар. и прост. ‘повальная смерть, эпидемия’ [МАС, 1999 II, с. 298], *морить* – ‘лишать жизни при помощи отравы’, ‘травить’, ‘доводить до истощения, изнеможения’ [МАС, 1999 II, с. 299-300]. В тексте поэмы происходит актуализация внутренней формы ИС: злой волшебник *Черномор* похищает и усыпляет Людмилу. Ю. Ванагс [Puškins, 1968 III] использует в латышском переводе поэмы для имени *Черномор* преобразующий перевод, создав имя *Mērapuns*, которое тоже обладает живой внутренней формой: *mēris* ‘чума’, хорошо соотносимое с русским словом *мор*; *rups* – ‘желвак, шишка’. Конечно, при этом происходит некоторое снижение образа, которое у Пушкина в имени *Черномор* не заложено, ведь в начале текста *Черномор* предстаёт как *волшебник страшный; ужасный Черномор; коварный, злобный Черномор*. Но снижение образа происходит и в пушкинском тексте, благодаря словам *карла, карлик*, используемых в авторской номинации *Черномора*¹³. Слово *карла (карлик)* – частотное слово в языке А. С. Пушкина: зафиксировано 22 употребления [СЯП, 2000 II, с. 318]. Со значениями слова *карлик* – ‘человек ненормально маленького роста’, ‘о человеке незначительном, ничтожном в каком-либо отношении’ [МАС, 1999 II, с. 34] – хорошо коррелирует компонент *rups* в латышском варианте имени *Mērapuns*.

Примечательно, что *Черномор* из «Сказки о царе Салтане», перевод которой на латышский язык выполнил тот же переводчик Ю. Ванагс, называется другим именем – *Melnjūrs*. ИС *Melnjūrs* создано по модели имени *Черномор: melns*

¹² МАС [1999] даёт 14 значений слова *чёрный*.

¹³ *Наш витязь карлу чуть живого /В котомку за седло кладёт...* [Пушкин, 1977, IV, с. 58].

Дрожащий карлик за седлом

Не смел дышать, не шевелился... [Пушкин, 1977, IV, с. 63]

(черный) + *jūra* (море) и оформлено как слово мужского рода с окончанием -s, т. е. это ИС мужского персонажа. Интересно отметить, что в латышских преданиях есть предсказатель по имени *Svētjuris*, который предсказывал возможное затопление церкви [Šmits XV]. ИС *Svētjuris* и ИС *Melnjūrs* похожи структурно. Оба персонажа связаны с водной стихией. Кроме того, *Svētjuris* – положительный персонаж, что подчёркивается и его ИС: *svēts* – ‘святой’. Наличие такого ИС в латышском фольклоре даёт потенциальную возможность возникновения фольклорных ассоциаций от аналогичного по структуре ИС *Melnjūrs*.

Руслан

ИС *Руслан* в русском языке – это раннее тюркское заимствование (ср. *arsalan* – ‘лев’) [Петровский, 1995, с. 255]. С другой стороны, пушкинский *Руслан* имеет в предшественниках богатыря *Еруслана Лазаревича* и для поэмы «*Руслан и Людмила*» в целом важна связь с русским фольклором [Слонимский, 1963, с. 195]. Многочисленные языковые формулы, напоминающие народные (молодецкий окрик-похвальба *Руслана* – *Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не спущу!* – языковые формулы по типу поговорок) рожают в читательском восприятии «фольклорные ассоциации» [там же]. Минимальные контексты с ИС *Руслан* часто включают в себя слова *князь*, *витязь*: *За князя храброго Руслана; Руслан, сей витязь беспримерный; добрый князь Руслан; То был Руслан. Как божий гром, / Наш витязь пал на бусурмана* и т.п. Значения слова *князь* – ‘предводитель войска и правитель области в феодальной удельной Руси’ [МАС, 1999, II, с. 64] и слова *витязь* – ‘храбрый воин’, ‘богатырь’ [МАС, 1999, I, с. 179], а также задействованность ИС *Руслан* в выше названных контекстах распространяют на это ИС дополнительное значение: ‘знатный и храбрый русский воин’. Значение храбрости заложено и в этимологии этого ИС (*arsalan* – ‘лев’).

Обращает на себя внимание написание имени в немецком переводе поэмы, выполненном К. Ф. Боргом [Puschkin, 1823]: *Rußlan*. Написание имени *Rußlan* через *ß* вовсе не обязательно для того, чтобы передать произношение в имени звука [s]. Действительно, *ß* всегда читается как [s], в то время как *s* может читаться и как [z], но только в позиции перед гласным, которой нет в имени *Rußlan*. Зато такое написание может способствовать возникновению ассоциаций,

которых нет в оригинале: *Rußlan – Rußland* (Россия), т. е. сближать эти два ИС по семантике и может актуализировать связь этого ИС с фольклором.

Лель

Лель – ‘по представлениям пушкинского времени имя древнеславянского божества, бога любви и покровителя пастухов и певцов’ [СЯП, 2000, II, с. 491]. А.В. Суперанская уточняет, что это ИС возникло из персонификации др.-рус. припева *Лель-лада, ляли-ляли-лель* [Суперанская, 2004, с. 221]. У Пушкина это ИС упоминается в поэме «Руслан и Людмила»¹⁴.

Интересна передача имени *Лель* в латышском переводе поэмы «Руслан и Людмила», выполненном Ю. Ванагсом [Puškins, 1968 III] – *Laļs*. Возможно, переводчик хотел наполнить незнакомое для латышского читателя имя содержанием и связать для этого ИС с латышским глаголом *lalināt* – ‘лепетать’ (о ребёнке), ‘ласково разговаривать с ребёнком’, ‘говорить, повторяя слог *ла*’. Если учесть, что существование бога *Леля* обосновывали припевом свадебных и других народных песен, то такое переводческое решение вполне оправдано.

Коннотации, которыми обладает ИС и которые оно приобретает в художественном тексте, требуют к себе дополнительного внимания переводчика. Если имя становится характеристикой персонажа или служит другим эстетическим задачам в рамках художественного целого, то это необходимо попытаться отразить и в переводе. Преобразующий перевод – это результат творческого подхода переводчика к поставленной задаче. Важно при этом следовать «духу подлинника», постоянно сопоставляя прагматический эффект от переводного текста и оригинала. В приведённых примерах было показано, что удачный преобразующий перевод, не уводящий в сторону от идей оригинала и при этом обеспечивающий семантизацию имени, вполне возможен (лтш. *Laļs, Melnjūrs, Babarīka*, нем. *Rußlan*). Если же переводчик решается на кардинальные преобразования (нем. *König Silvan, Fürst Harald*), то в итоге вместо пушкинской сказки читателю перевода предлагается, скорее, сказка западноевропейская или по крайней мере текст, никак не связанный с русским фольклором.

¹⁴ ... *И славит сладостный певец /Людмилу-прелесть и Руслана /И Лелем свитый им венец* [Пушкин, 1977, IV, с. 9].

Список литературы

- Александрова Т.С.* Словарь немецких личных имён: Происхождение. Значение. Употребление / Т.С. Александрова, Д.О. Добровольский, Р.А. Салахов. М.: Рус. яз., 2000. 248 с.
- Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4 тт. / В.И. Даль. М.: Рипол Классик, 2002. 2734 с.
- ДРС – Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подг. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. Изд. 2, доп. М.: Наука, 1977. 488 с.
- Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.
- ИМС – Иллюстрированный мифологический словарь / отв. ред. Е. Стрельцова. Перераб. и доп. изд. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 384 с.
- Калинкин В.М.* Поэтика онима / В. М. Калинин. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
- Магазаник Э.Б.* Ономапозитика, или "говорящие имена" в литературе / Э.Б. Магазаник. Ташкент: ФАН, 1978. 146 с.
- МАС – Словарь русского языка в 4 тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 4, стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1-4. 702 с., 736 с., 750 с., 797 с.
- Петровский Н.А.* Словарь русских личных имён / Н.А. Петровский. Изд. 4, доп. М.: Русские словари, 1995. 414 с.
- Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 10 тт. Том 4 / А.С. Пушкин. Л.: Наука, 1977. 448 с.
- Сальмон Л.* Личное имя в русском языке: Семиотика, прагматика перевода / Л. Сальмон. М.: Индрик, 2002. 160 с.
- Сидорова О.Г.* Антропоним в тексте перевода / О.Г. Сидорова. В кн.: Известия Уральского государственного университета, 2001. №20. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020%2801_04-2001%29&xsl=showArticle.xslt&id=a43&doc=../content.jsp
- Слонимский А.Л.* Мастерство Пушкина / А. Л. Слонимский; изд. 2-ое, испр. М.: ГИХЛ, 1963. 527 с.
- Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён / А.В. Суперанская. М.: Эксмо, 2004. 544 с.
- СЯП – Словарь языка Пушкина в 4 тт. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1-4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=230>
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Федоров; изд. 4, перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 303 с.
- Фонякова О.И.* Имя собственное в художественном тексте. Учебное пособие / О.И. Фонякова. Ленинград: ЛГУ, 1990. 104 с.
- Чернышев В.И.* Имена действующих лиц в сказках А.С. Пушкина о царе Салтане, о золотом петушке, о мертвой царевне (Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка) / В.И. Чернышев. Избранные труды в 2 тт. Т. 2. М.: Просвещение, 1970. С. 71 -73.
- Back, O.* Übersetzbare Eigennamen: Eine synchronische Untersuchung von interlingualer Allonymie und Exonymie / O. Back. Dritte, revid. und erweit. Aufl. Edition Praesens Verl. für Literatur-und Sprachwiss., 2002. XV, 153 S.

- Debus, F.* Namen in literarischen Werken: (Er-) Findung – Form – Funktion / F. Debus. Mainz, Stuttgart: Steiner, 2002. 152 S.
- Duden.* Das große Vornamenlexikon. / Bearb. von Rosa und Volker Kohlheim. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1998. 384 S.
- Grasseger, H.* Sprachspiel und Übersetzung – eine Studie anhand der Comic-Serie „Asterix“ / H. Grasseger. Tübingen: Stauffenburg, 1985. 108 S.
- Kalverkämper, H.* Namen im Sprachtausch: Namenübersetzung. / H. Kalverkämper. In: Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik. In 3 Bd. 2. Teilband. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. S. 1018-1025.
- Kelletat, A.F.* Eigennamen / A.F. Kelletat. In: M. Snell-Hornby, H. G. Höning, P. Kussmaul, P.A. Schmitt (Hrsg.) Handbuch Translation. 2., verbess. Aufl. Tübingen: Stauffenburg, 1999. S. 297-298.
- Lamping, D.* Der Name in der Erzählung: Zur Poetik des Personennamens / D. Lamping. Bonn: Bouvier Verl. Herbert Grundmann, 1983. 135 S.
- Puschkin, A.* Das goldene Fischlein. Der König Soltan. Das goldene Hähnchen / A. Puschkin; deutsche Übersetzung Dr. Erwin Walter. Berlin: Olga Diakow, 1962. 69 S.
- Puschkin, A.* Dichtungen in 2 Bänden. Bd.1 / A. Puschkin; aus dem Russischen übersetzt von Dr. Robert Lippert. Leipzig: W. Engelmann, 1840. 315 S.
- Puschkin, A.* Fragment aus dem ersten Gesange des Gedichts: Rußlan und Ludmilla / A. Puschkin; übersetzt von K. F. von der Borg. In: Poetische Erzeugnisse der Russen. In 2 Bänden. Bd.2. Riga, Dorpat, 1823. S. 364-374. 417 S.
- Puškins, A.* Izlase / A. Puškins; M. Šūmanes un Valda Grēviņa komentāri. Rīga: LVI, 1949. 1071 pp.
- Puškins, A.* Kopoti raksti piecos sējumos / A. Puškins; Jūlija Vanaga redakcijā. Rīga: Liesma, 1968.
- Šmits, P.* Latviešu tautas pasakas un teikas. XV sējumi / P. Šmits, 1925-1937 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://valoda ailab.lv/folklor/pasakas/>

Борман Э.И.
Латвийская академия культуры
г. Рига (Латвия)

Borman E.
Latvian Academy of Culture
Riga (Latvia)

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ КАК МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН

MULTIMODALITY AS AN INTERCULTURAL AND INTERLINGUISTIC PHENOMENON

Наше мышление образно. Человек оперирует как умственными, так и визуальными образами. Образность в языке проявляется как метафора, метонимия, каламбур и другие стилистические приёмы. Метафора, метонимия и каламбур являются не только языковыми, но и когнитивными механизмами. Когнитивные процессы характеризуются метафоричностью, метонимичностью и полисемией. Эти характеристики могут выражаться не только вербально, но и мультимодально. Более того, реальная коммуникативная практика не ограничивается вербальным способом мыслевыражения. В данной статье, основывающейся на трудах таких когнитивистов как Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Барселона и Р. Арнхайм, метафора, метонимия и каламбур рассматриваются как концептуальные феномены, а также анализируется их мультимодальная (вербально-визуальная) представленность в различных языках и культурах. Феномен мультимодальности представлен как современная межкультурная и межъязыковая проблема с учётом таких актуальных аспектов, как развитие информационных технологий, изменения в представлениях о языковой парадигме и роль визуального восприятия в мышлении и языке.

Thinking is figurative. People use both mental and visual imagery for thinking. Figuration in language takes place in the form of metaphors, metonymy, puns, and other stylistic patterns. Metaphor, metonymy and punning are not only linguistic phenomena, but also cognitive mechanisms. Cognitive processes are characterised as metaphoric, metonymic and polysemous. These characteristics can be manifest not only verbally, but also multimodally. Moreover, the actual communicative practice is not limited to the verbal mode of expression. On the basis of works by such cognitive scholars as G. Lakoff, M. Turner, A. Barcelona, and R. Arnheim, this paper explores metaphor, metonymy and punning as conceptual phenomena; it also analyses their multimodal (verbo-visual) representation in different languages and cultures. The phenomenon of multimodality is represented as a contemporary intercultural and interlinguistic issue with

regard to such topical aspects as the development of information technologies, changes in the understanding of the language paradigm and the role of visual perception in thinking and language.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, мультимодальный дискурс, концептуальная метафора, стилистический приём, визуальное восприятие.

Key words: cognitive linguistics, multimodal discourse, conceptual metaphor, stylistic pattern, visual perception

В современном мире наблюдается каждодневный рост объёма, разнообразия и комплексности содержания, передаваемого СМИ: прессой, радио и телевидением, Интернетом, что зачастую требует по крайней мере базовых знаний в весьма отличных друг от друга, но, тем не менее, взаимосвязанных областях, таких как стилистика языка, реклама, история искусства и др. Человек привык воспринимать информацию различными способами, например, в текстовом виде, в виде изображений, на слух, не испытывая дискомфорта, поскольку его познавательные способности позволяют это сделать. Дискурсивное¹⁵ разнообразие привело к актуализации на европейском пространстве в 90-ых годах прошлого века такого термина как «мультимодальный дискурс», которому можно дать следующее, более современное и наиболее уместное в данном исследовании определение: «Мультимодальный дискурс – дискурс, использующий стилистические приёмы более чем одного семиотического способа выражения»¹⁶ [Naciscione, 2010, p. 253]. То есть, «вербальное взаимодействует с невербальным, создавая новое значение в метафорических и метонимических представлениях, которые в свою очередь служат характеристиками как мышления, так и действия»¹⁷ [там же].

Вторая важная тенденция, берущая начало в 80-ых годах прошлого века, связана с существенными изменениями в представлении о языке и природе языковых средств, в особенности – средств выразительности или

¹⁵ В данной статье дискурсом считается язык в употреблении, выходящий за рамки предложения и включающий в себя более широкий социальный контекст, а также невербальное употребление [Schiffrin, 2001, p. 1].

¹⁶ Англ. яз. – semiotic mode of expression (*перевод мой – Э. Б.*).

¹⁷ *Перевод мой – Э. Б.*

стилистических приёмов. В данном случае имеется в виду когнитивная лингвистика, в частности – стилистика, уже традиционно связываемая с фундаментальной работой Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём»¹⁸, обозначившей концептуальность такого стилистического приёма, как метафора, т.е. представление о метафоре не как о языковом средстве, а как о механизме мышления [Lakoff, [1980]2003]. Так как концептуальная метафора является абстракцией, подчиняющей себе языковые метафоры, задействованные в единой концептуальной проекции¹⁹, в данной статье особый интерес вызывает такая концептуальная метафора как UNDERSTANDING IS SEEING / ПОНИМАНИЕ ЭТО ВИДЕНИЕ, которую вышеуказанные авторы иллюстрируют на примере следующих выражений:

We have just observed²⁰ that Aquinas used certain Platonic notions [Lakoff, [1980]2003, с. 104].

Мы только что видели²¹, что Аквинат использовал определённые понятия Платона [Лакофф, 2004, с. 136].

Having come this far, we can now see how Hegel went wrong [Lakoff, [1980]2003, с. 104].

Дойдя до этого момента, мы можем увидеть, в чем был неправ Гегель [Лакофф, 2004, с. 136].

We will now show that Green misinterpreted Kant's account of will [Lakoff, [1980]2003, с. 104].

Сейчас мы покажем, что Грин неправильно интерпретировал кантовскую категорию воли²² [Лакофф, 2004, с. 136].

¹⁸ В тексте статьи приводятся ссылки и на русский перевод данного исследования [Лакофф, 2004].

¹⁹ Англ. яз. conceptual mapping.

²⁰ *Здесь и далее подчёркнуто мной – Э. Б.*

²¹ Дословно – «наблюдали» (*прим. – Э. Б.*)

²² Концептуальная метафора ПОНИМАНИЕ ЭТО ВИДЕНИЕ присутствует во многих языках и в русском, помимо приведённых выше переводов, прослеживается, например, в прилагательных «ясный», которое имеет значения «хорошо видимый» и «логичный, хорошо понимаемый» [Словарь русского языка, 1999, Т. 4. С-Я, с. 786] и «очевидный», которое имеет значения «явный, видимый» и «несомненный, бесспорный» [Словарь русского языка, 1999, Т. 2. К-О, с. 732].

Концептуальность метафоры и других стилистических приёмов, т.е. их функционирование в качестве когнитивных механизмов, а не только языковых средств, и мультимодальность, или одновременная представленность этих приёмов различными способами, взаимосвязаны. С точки зрения стилистики в основе этой взаимосвязи лежит образность, а с семиотической точки зрения – полисемия. В данном исследовании проводится анализ этой взаимосвязи, а также примеры метафоры, метонимии и каламбура, представленные в вербально-визуальном (мультимодальном) дискурсе.

Прежде чем переходить непосредственно к анализу проблемы, следует также отметить теоретический вклад такого когнитивного психолога, как Р. Арнхайм, актуализировавшего вопрос о важной роли восприятия, а именно визуального восприятия, в мышлении человека за несколько десятилетий до расцвета когнитивной лингвистики и появления термина «мультимодальный дискурс». Арнхайм не отделяет восприятие, в особенности визуальное восприятие, от мышления и рассматривает их как единый когнитивный процесс [Arnheim, [1969]1997]. Рассуждая о языке, Арнхайм приводит следующее утверждение: «Язык, судя по всему, является перцептуальной средой звуков или знаков, которая сама по себе способна придать форму очень ограниченному количеству элементов мысли. В остальном язык вынужден обращаться к образам из иной среды» [там же, с. 240] (*перевод мой – Э. Б.*). Арнхайм, очевидно, под языком понимает исключительно вербальный дискурс, тем не менее это во многом объясняет мультимодальность не только в отношении языка, но и как феномен вообще. Мультимодальность не сводится к механическому представлению языкового содержания путём задействования различных способов выражения, а является концептуально и культурно детерминированным явлением. Именно в этом ключе в данной статье проводится анализ мультимодальности как межъязыкового и межкультурного феномена.

Несмотря на то, что феномен мультимодальности стал обсуждаться в научном мире относительно недавно, само явление существует уже очень давно. Так в картине Питера Брейгеля Старшего «Фламандские пословицы» («Мир

вверх тормашками»), написанной в 1559 г., визуальное представлено более сотни ещё не до конца расшифрованных нидерландских фразеологизмов²³, стилистически в большинстве случаев являющихся метафорами и представленными визуальными в их буквальном значении [Mieder, 2004]. Это можно видеть, например, во фрагменте центральной части картины, где изображён фразеологизм «надеть на мужа голубой плащ» (образное значение «изменять мужу») – см. рис. 1. В стилистическом плане это визуальная аллюзия на вербальную метафору. Культурный контекст метафоры – это не только Голландия 16го века, но и собственно голландский язык, в рамках которого предметность (плащ), цвет (голубой) и действие (надеть) являются культурно обусловленными характеристиками этого фразеологизма, в то время как когнитивный и межкультурный аспекты обусловлены самим механизмом метафоры, которая позволяет нам понимать довольно абстрактные понятия (в нашем случае – измена) в терминах более конкретных или более структурированных явлений (надевание голубого плаща) [Lakoff, 1993, p. 245].

Рис. 1. Метафора в мультимодальном дискурсе. Питер Брейгель Старший. Фламандские пословицы (фрагмент), 1559. Доска, масло. 117x163 см. Берлинская картинная галерея.

Выражаясь языком Лакоффа и Джонсона, область цели «измена», будучи менее ясным и менее конкретным знанием, понимается в терминах более

²³ Фразеологическая единица – устойчивое, связанное сочетание слов с полностью или частично фигуральным (переносным) значением [Naciscione, 2010, с. 8] (перевод мой – Э. Б.).

конкретного знания (области источника «надевания голубого плаща»), получаемого человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью²⁴.

Собственно метафора отнюдь не является исключительно вербальным приёмом. «Язык описывает предметы по их осязательным, материальным характеристикам» [Arnheim, [1969]1997, с. 108]²⁵, а абстрактные понятия таких характеристик не имеют. Поэтому для их понимания требуются образы, умственные или визуальные. Метафора актуализирует такие образы, и исключительно вербальное выражение этих образов вовсе не обязательно. Ведь ещё Аристотель, рассуждая о метафоре, писал, что одно слово скорее другого «может представить дело перед глазами», а «метафоры следует заимствовать от слов прекрасных по звуку, или по значению, или для зрения или для какого-либо другого чувства» [Аристотель, Риторика, III, 2, 1405b 10-19, с. 131-132]. Отсюда следует, что метафора функционирует не только на языковом, но и на перцептуальном уровне, а визуальное восприятие человека, будучи неотъемлемой частью его мышления, в определённом смысле метафорично. Мультиmodalную метафору можно определить как когнитивный процесс, в котором две области знания (область источника и область цели) представлены в различных видах дискурса [Barcelona, 2009, p. 97-98].

Метафоре как наиболее распространённому приёму в стилистике традиционно уделялось много внимания, но она не единственный стилистический приём, являющийся концептуальным феноменом. В процессе анализа и критики трудов Дж. Лакоффа и М. Джонсона когнитивными механизмами стали считать и другие стилистические приёмы, ведь сами авторы теории концептуальной метафоры указали на концептуальную природу метонимии, приводя примеры таких метонимических абстракций как ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО, ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВМЕСТО ПРОДУКЦИИ, МЕСТО ВМЕСТО УЧРЕЖДЕНИЯ и др. [Lakoff, [1980]2003, с. 29-33; Лакофф, 2004, с. 61-67]. Так А. Барселона на базе теории концептуальной метафоры подробно анализирует

²⁴ Лакофф и Джонсон используют термины *target domain* (область цели) и *source domain* (область источника) [Lakoff, [1980]2003, с. 6; Лакофф, 2004, с. 27].

²⁵ *Перевод мой* – Э. Б.

феномен метонимии, которую считает стилистически и концептуально важнее метафоры [Barcelona, [2000]2003a]. Барселона рассматривает метонимию как подобласть²⁶ знаний в рамках одной области взаимодействия с действительностью²⁷ [Barcelona, 2009, с. 97-98]. В отличие от метафоры, которая основывается на сходстве области цели и области источника, основой метонимии служит принцип ассоциативной близости²⁸ явлений [Barcelona, 1998]. Более того и Барселона, и другие авторы неоднократно приходили к заключению, что метафора метонимически обусловлена, так как сходство области цели и области источника всегда частичное, а следовательно может рассматриваться как метонимическая абстракция ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО [Taylor, [1989]1995; Barcelona, [2000]2003a; Neimeier, [2000]2003; Radden, [2000]2003 и др.]. Это во многом связано с тем, что разум человека селективен. Как пишет Арнхайд, «незавершённость характерна всем умственным образам. Они – продукт селективно распознающего разума» [Arnheim, [1969]1997, с. 105]²⁹. Барселона подтверждает эту мысль, указывая на то, что человеческое восприятие от природы ограничено и, следовательно, частичное, неполное [Barcelona, [2000]2003b, с. 52]. Все эти исследования говорят о том, что метонимия также не является исключительно языковым феноменом, но скорее механизмом мышления. Природа метонимии как стилистического приёма концептуальна. Неудивительно, что метонимия может быть представлена мультимодально.

Рассмотрим пример вербально-визуальной метонимии. В данном случае это реклама в Каталоге подписных изданий, опубликованном Латвийской почтовой службой в 2009 году (см. рис. 2). Вербальное содержание рекламы следующее: «Плати меньше – получай дома! Оформи подписку на Латвийской почте»³⁰.

²⁶ англ. яз. subdomain.

²⁷ англ. яз. experiential domain.

²⁸ англ. яз. associative contiguity.

²⁹ *Перевод мой – Э. Б.*

³⁰ *Перевод мой – Э. Б.*

Maksā mazāk – saņem mājās!

Abonē presi Latvijas Pastā

līdz 1. decembrim un laimē kādu no 40 dāvanu kartēm

50 vai 100 latu vērtībā katalogos OTTO 3SUISSES

Рис. 2. Метонимия в мультимодальном дискурсе. Каталог подписных изданий, Латвийская почтовая служба, 2009, с. 52.

Вербально актуализируется область знания «дом», которая визуально и метонимически представлена как её подобласть – «домашние тапочки». Концептуальная проекция, объединяет области знаний «дом» и «комфорт», который испытывает абонент, заказывая прессу и оставаясь при этом дома в удобных тапочках. То, что область знаний и её подобласть в данной метонимии реализованы различными способами (вербально и визуально), позволяет рассматривать эту метонимию как мультимодальную по аналогии с мультимодальной метафорой.

Теоретизируя о мультимодальном дискурсе, следует отметить, что визуальная представленность метонимична как таковая. Как пишет А. Квятковска, «все изображения метонимичны»³¹ [Kwiatkowska, 2007, p. 299]. Во-первых, потому что изображения частичны (они отражают лишь элементы или фрагменты действительности); во-вторых, потому что изображения подразумевают абстрагирование от изображаемой действительности посредством ассоциаций, т.е. референциальность³², так как не являются такими же конкретными, как и объекты этой действительности [там же]. Из выше

³¹ *Перевод мой – Э. Б.*

³² Референциальность наиболее ярко выражается в концептуальной метонимии ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВМЕСТО ПРЕДСТАВЛЯЕМОГО (англ. яз. REPRESENTATION FOR REPRESENTED).

сказанного можно заключить, что метонимия является не только языковым стилистическим приёмом, но и механизмом мышления. Иными словами, человеческое восприятие, а следовательно – мышление, в определённом смысле метонимично.

Здесь также следует отметить, что и в вербальном, и в мультимодальном дискурсе часто не представляется возможным определить разницу между сходством областей знаний (характеристика метафоры) и их ассоциативной близостью (характеристика метонимии). В связи с этим некоторые исследователи прибегают к таким терминам как «метафтонимия»³³ [Goosens, 1990] или «континуум метонимия-метафора»³⁴ [Radden, [2000]2003, p. 94] для обозначения тесной взаимосвязи этих двух стилистических приёмов.

Помимо метафоры и метонимии в контексте проблемы мультимодальности интерес вызывает и такой малоизученный стилистический приём, как каламбур. Это обосновывается тем, что в вербально-визуальном дискурсе уже невозможно рассматривать образное и буквальное значения отдельно друг от друга. Понимание мультимодально представленного содержания происходит холистически. Дать определение каламбуру – задача не из лёгких. Разные исследователи описывают этот приём по-разному. Например, Д. Киаро указывает на то, что каламбур тесно связан с теми обстоятельствами, которые принадлежат миру за пределами слов [Chiario, [1992]1996, с. 5], а Д. Тагги утверждает, что «каламбур в основном связан с двойным контекстом, в котором актуализируются два значения»³⁵ [Tuggy, 2006, с. 178]. Каламбуры традиционно понимаются как нечто несерьёзное, шутливое, и, как следствие, в исследовании этого явления не существует явной академической традиции и определённости вообще. Тем не менее, в данной статье каламбур рассматривается как механизм мышления наравне с метафорой и метонимией, так как каламбур – это по сути сопоставление значений, а значит – не только стилистический приём, но и концептуальный феномен. Кроме того, разум

³³ Англ. яз. *metaphtonymy*.

³⁴ Англ. яз. *metonymy-metaphor continuum*.

³⁵ Перевод мой – Э. Б.

человека неизбежно связывает сходство явлений, в том числе и языковых, по форме, проявляющееся в каламбуре как омонимия (различные по значению, но схожие по звучанию (омофоны) и/или написанию (омографы) слова), с их семантическим сходством или по крайней мере родством. Формальное сходство может выражаться и невербально. Рассмотрим пример – см. рис. 3.

Er _____ etwas auf _____ Mauer.

Рис. 3. Каламбур в мультимодальном дискурсе. Задание в учебнике немецкого языка [Aufderstraße, 2003, с. 100]

В данном примере внимание привлекает надпись на Берлинской стене «Ich bin ein Bärliner» (Я – берлинец), в частности – некорректное в отношении языковой нормы написание слова «берлинец» («Bärliner» а не «Berliner»). Это вербально-визуальный каламбур, который основывается на омофонии «ber/bär». Слово «Bär» в немецком означает «медведь», а медведь в свою очередь является символом Берлина. Визуальное изображение медведя на картинке в определённом смысле оправдывает такое написание, так как параллельно области знаний «Берлин» актуализирует область знаний «медведь» и визуально развивает омофонию «ber/bär». В результате фраза «Ich bin ein Bärliner» обретает многозначность и многообразность. В дополнение, очевидна актуализация аллюзии на распространённую (хоть и некорректную) в немецком фольклоре этимологическую связь слов «Берлин» и «медведь», а также аллюзии на речь бывшего президента США Дж. Кеннеди в Западной Берлине в 1969 году, из которой и взято ставшее крылатым выражение «Ich bin ein Bärliner». Приведённый пример своей богатой семантикой демонстрирует концептуальность такого стилистического приёма как каламбур. Тем не менее,

анализ этого феномена в рамках теории концептуальной метафоры не представляется возможным из-за положения об однонаправленности концептуального проецирования областей знания, к которому эта теория обязывает. Дальнейшее исследование каламбура в мультимодальном дискурсе требует как новых теоретических разработок в когнитивной лингвистике в целом, так и отдельного подхода к проблеме. Видимо поэтому К. Лундмарк прибегает к теории слияния, известной также как теория концептуальной интеграции³⁶ при анализе каламбуров в рекламном дискурсе [Lundmark, 2003]. Более того, в отношении мультимодальности термин «игра слов» представляется устаревшим, так как в вербально-визуальном дискурсе значение передаётся не только словесно, но и посредством визуальных образов.

Из рассмотренных в данной статье примеров видно, что мультимодальность становится всё более ярко выраженным феноменом как в разных языках, так и в культуре. Это во многом связано с растущей нагрузкой на восприятие человека по мере развития информационных технологий. В результате как мышление человека, так и окружающая его действительность всё в большей мере характеризуются образностью и многозначностью. Тем не менее, как утверждает немецкий исследователь этой проблемы Х. Штокл, «коммуникативная практика всегда была мультимодальной; ориентированность на язык как на мономодальный (вербальный) дискурс следует понимать как результат влияния лингвистики, а не реальную коммуникативную ситуацию»³⁷ [Stöckl, 2004, с. 10].

Список литературы

- Аристотель*. Риторика / Аристотель. Античные риторики; под ред. А.А. Тахо-Годи; перевод Н. Платоновой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 352 с.
- Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

³⁶ Подробнее о теории слияния см. труды Ж. Фоконье и М. Тернера [Fauconnier, [1985] 1994; Fauconnier, 1997; Fauconnier, 1998; Fauconnier, 2002; Fauconnier, 2007].

³⁷ *Перевод мой – Э. Б.*

- Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К-О. 736 с., Т. 4. С-Я. 797 с.
- Arnheim, R.* Visual Thinking / R. Arnheim. Berkley, Los Angeles / London: University of California Press, [1969] 1997. 345 p.
- Aufderstraße, H.* Themen aktuell 1. Kursbuch / H. Aufderstraße, H. Bock, M. Gerdes, J. Müller, H. Müller. Ismaning: Max Hueber Verlag, 2003, 159 p.
- Barcelona, A.* The State of the Art in the Cognitive Theory of Metaphor and Metonymy and Its Application to English Studies / A. Barcelona. In The European English Messenger; Martin A. Kayman, ed., Vol. 7, no. 1, 1998. 45-48 p.
- Barcelona, A.* Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / edited by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter, [2000] 2003a. 356 p.
- Barcelona, A.* On the Plausibility of Claiming a Metonymic Motivation for Conceptual Metaphor / Barcelona A. In Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective; edited by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter, [2000] 2003b. 31-58 p.
- Barcelona, A.* Interaction of Multimodal Metaphor and Metonymy / Barcelona A. In Multimodal Metaphor: Application of Cognitive Linguistics 11; edited by C.J. Forceville, E. Urios-Aparisi. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2009. 95-117 p.
- Chiaro, D.* The Language of Jokes: Analysing Verbal Play / D. Chiaro. London: Routledge, [1992] 1996. 144 p.
- Fauconnier, G.* Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. Cambridge: Cambridge University Press, [1985] 1994. 240 p.
- Fauconnier, G.* Mappings in Thought and Language / G. Fauconnier. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 220 p.
- Fauconnier, G.* Mental Spaces / G. Fauconnier. In The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics; edited by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. 351-376 p.
- Fauconnier, G.* Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner. In Cognitive Science, Vol. 22, 1998. 133-187 p.
- Fauconnier, G.* The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. New York: Basic Books, 2003. 464 p.
- Goossens, L.* Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Figurative Expressions for Linguistic Action / L. Goossens. In By Word of Mouth: Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective; edited by L. Goossens, P. Pauwels, B. Rudzka-Ostyn, A. M. Simon-Vandenberghe, J. Vanparys. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1990. 159-174 p.
- Kwiatkowska, A.* Pre-Linguistic and Non-Linguistic Metonymy / A. Kwiatkowska. In Perspectives on Metonymy: Proceedings of the International Conference „Perspectives on Metonymy”, **Łódź, Poland, 2005**; edited by K. Kosecki. **Frankfurt am Main/Berlin/Bern/Bruxelles/New York/Oxford/Wien: Peter Lang, 2007. 297-307 p.**
- Lakoff, G.* Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, [1980] 2003. 256 p.
- Lakoff, G.* The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff. In Metaphor and thought; edited by Ortony A. Cambridge: Cambridge University Press. [1979]1993. 202-251 p.
- Lundmark, C.* Puns and Blending: The Case of Print Advertisements: PhD thesis [Internet resource] / C. Lundmark. Luleå University of Technology, Sweden, 2003. Available at: <http://www.ling.arts.kuleuven.ac.be/iclc/Papers/Lundmark.pdf>

- Mieder, W., editor.* The Netherlandish Proverbs: An International Symposium on the Pieter Brueg(h)els. Burlington: University of Vermont, 2004. 241 p.
- Naciscione, A.* Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2010. 292 p.
- Neimeier, S.* Straight from the Heart – Metonymic and Metaphorical Explorations / S. Neimeier. In *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*; edited by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter, [2000] 2003. 195-213 p.
- Radden, G.* How Metonymic are Metaphors? / G. Radden. In *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*; edited by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter, [2000] 2003. 93-108 p.
- Schiffrin, D.* Introduction / D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. In *Handbook of Discourse Analysis*; edited by D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. 1-10 p.
- Stöckl, H.* In Between Modes: Language and Image in Printed Media / H. Stöckl. In *Perspectives on Multimodality*; edited by E. Ventola, C. Charles, M. Kaltenbacher. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2004. 9-30 p.
- Taylor, J.* Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory / J. R. Taylor. Oxford: Clarendon Press, [1989]1995, 270 pp.
- Tuggy, D.* Schematic Network: Ambiguity, Polysemy, and Vagueness / D.T. Tuggy. In *Cognitive Linguistics: Basic Readings*; edited by D. Geeraerts. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. 167-184 p.

Васильева А.П.
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
г. Якутск
Республика Саха (Россия)

Vasilyeva A.
North-Eastern Federal University after M.K. Ammosov
Sakha Republic (Russia)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЫЛГЫ/ЛОШАДЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

REPRESENTATION OF THE CONCEPT «SYLGY/HORSE» IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF YAKUT NATIVE SPEAKERS

Данная статья представляет выявление и описание способов репрезентации концепта «сылгы/лошадь» в языковом сознании якутов. Исследования национально-культурной специфики языкового сознания якутов в условиях социально-культурных и языковых контактов могут послужить научно-методологической базой для более углублённого изучения языковых процессов, в том числе ментального лексикона этноса. В данной области предполагается рассмотреть процессы, происходящие в недрах языка, что послужит актуализацией тенденции к осмыслению традиционной культуры этноса, выработкой механизма сохранения языка и условиях процесса глобализации. Значимым механизмом обеспечения культурной преемственности служит этническая память, сохранение самосознания. Проведено исследование на основе анализа лексической, фразеологической семантики концепта «сылгы/лошадь» и ассоциативно-вербальной сети языкового сознания носителей якутского языка. Показано, что традиционное мировоззрение и мировосприятие находят отражение в традиционном знании, языке и мифопоэтическом сознании якутов.

This article presents the identification and description of methods of representation of the concept "sylgy / horse" in the Yakut linguistic consciousness. Studies of national and cultural identity Yakut linguistic consciousness in terms of socio-cultural and linguistic contacts may serve as a scientific and methodological basis for a more in-depth study of language processes, including the mental lexicon ethnic group. In this area it is expected to consider the processes taking place in the bowels of the language, which will serve as the actualization trends to understanding the traditional culture of the ethnic group, the elaboration of the mechanism of preservation of the language and terms of the globalization process. Important mechanism for ensuring cultural continuity is ethnic memory, identity preservation. A study based on the analysis of lexical,

phraseological semantics of the concept "sylgy / horse" and associative-verbal network of linguistic consciousness of Yakut native speakers. It is shown that the traditional world view and perception of the world are reflected in the traditional knowledge, language and mythopoetic consciousness of Yakut people.

Ключевые слова: языковое сознание, концепт, традиционная культура, ассоциативные реакции.

Key words: linguistic consciousness, concept, traditional culture, associative reactions.

В настоящее время, в условиях современного развития общества все более актуальными становятся тенденции к осмыслению традиционной культуры этносов, актуализируется сохранение и развитие национальных традиций каждого народа, его самостоятельного вклада в общую сокровищницу культуры человечества. Закономерные процессы глобализации открывают новые возможности для развития всех аспектов жизни стран, народов и отдельной личности, но, в то же время, создают новые угрозы их существованию. В связи с этим, в научном дискурсе особую остроту приобретает проблема сохранности традиционной культуры народов Севера. Долговечность народа зависит от сохранения самосознания, этнической памяти, представляющей важнейший психологический механизм обеспечения культурной преемственности. Исследование в области изучения языкового сознания, в частности языковых процессов, ментального лексикона якутского этноса, способствует выработке механизмов актуализации сохранения языка и возрождения национальной культуры в условиях глобализации. Процессы, происходящие в недрах языка, позволяют определить место элементов традиционной культуры в обыденном сознании народа, выявить национально-культурную специфику языкового сознания якутов.

Якутский язык является одним из самых архаичных языков тюркской группы, на котором говорит около полумиллиона человек. Якутский язык в последние два десятилетия активно поддерживается политикой возрождения национальной культуры, и факт попытки изучения «внедрения» в обыденное сознание представителей этноса элементов традиционной культуры, их места в культуре народа вызывает наибольший интерес.

Исследования национально-культурной специфики языкового сознания якутов в условиях социально-культурных и языковых контактов могут

послужить научно-методологической базой для более углублённого изучения языковых процессов, в том числе ментального лексикона этноса. В данной области предполагается рассмотреть процессы, происходящие в недрах языка, что послужит актуализацией тенденции к осмыслению традиционной культуры этноса, выработкой механизма сохранения языка и условиях процесса глобализации. Значимым механизмом обеспечения культурной преемственности служит этническая память, сохранение самосознания.

Исследование элементов традиционной культуры коренных народов Севера, в том числе репрезентации концепта «сылгы/лошадь» в языковом сознании носителей якутского языка, является актуальным материалом для исследования, которая позволит раскрыть глубинное значение и особенности традиции коневодства как части материальной и духовной культуры народа. Отражение культа коня в образе мышления якутов с древних времён связано, прежде всего, с тем, что конь имел огромное значение не только в их хозяйстве, культуре и в быте, но и играл большую роль в духовной жизни якутского народа. Как считает Ю.С. Степанов, «концепт – сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, а с другой стороны – то, посредством чего человек входит в культуру. Концепт существует в ментальном мире человека не в виде чётких понятий, а как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово; в сложную структуру концепта входит и то, что принадлежит строению понятия, и то, что делает его фактором культуры» [Степанов, 2004, с. 43].

Объект исследования – содержание концепта «сылгы/лошадь» в языковом сознании якутов.

Предмет исследования – специфика языкового сознания якутов, связанная с функционированием концепта «сылгы/лошадь».

Целью работы является выявление и описание способов репрезентации концепта «сылгы/лошадь» в языковом сознании носителей якутского языка.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**, определяемых в соответствии с этапами анализа:

1. определить языковые признаки концепта «сылгы/лошадь»;
2. описать признаки, входящие в интерпретационный слой концепта «сылгы/лошадь»;

3. выявить признаки, составляющие ассоциативный слой концепта «сылгы/лошадь».

Материалом исследования являются Словарь якутского языка Э.К. Пекарского [1958, 1959], Толковый словарь якутского языка П.С. Афанасьева [2008], Токовый словарь якутского языка под редакцией П.А. Слепцова [2004, 2006, 2007], Фразеологический словарь якутского языка Н.С. Григорьева [1974], Якутско-русский фразеологический словарь А.Г. Нелунова [1998, 2002] и Ассоциативный тезаурус якутского языка.

Культ коня среди тюркоязычных народов Сибири наиболее ярко представлен у якутов. Он отражается в образе мышления якутов с древних времён. Это связано, прежде всего, с тем, что лошадь имела огромное значение не только в их хозяйстве, культуре и в быте, но и играла большую роль в духовной жизни якутского народа, её роль отразилась в традиционных верованиях и эпосе.

К основным чертам культа коня у якутов можно отнести наличие особого божества коневодства Джёсёгёй, считавшееся создателем и покровителем коней, и различные обряды жертвоприношения или посвящения коней высшим божествам [Потапов, 1977, с 164-166]. Божественность коня наглядно выступает в устном народном творчестве якутов – в олонхо, мифологии и преданиях.

Наибольшее развитие культа коня получил в традиционных верованиях якутов. Коней приносили в жертву божествам в качестве священных животных. Также лошадей использовали в погребальных обрядах, где они сопровождали усопших в потусторонний мир. Отдельную тему можно уделить различным якутским украшениям, в которых присутствуют элементы коня.

Обожествление коня у народа саха породило свой круг мифологических легенд и преданий, значимость и глубинный смысл которых они отражали в соответствующих ритуалах и обрядах.

Концепт «сылгы/лошадь» объективируется в якутском языке словами сылгы/ат, семантика которых содержит следующие признаки концепта: 'порода', 'размер', 'пол', 'прирученность', 'назначение'.

Сначала материалом анализа послужили словарные дефиниции слов, входящих в семантические поля «сылгы» (лошадь), которые мы берём за модель

якутского языкового сознания: *сылгы (лошадь), ат (конь), биз (кобыла), кулун (жеребенок), Дьөһөгөй (Божество Джёсегэй), тый (двухгодовалый жеребенок)*.

Как считает Ю.С. Степанов, «концепт существует в ментальном мире человека не в виде чётких понятий, а как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово; в сложную структуру концепта входит и то, что принадлежит строению понятия, и то, что делает его фактором культуры. Концепт – сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, а с другой стороны – то, посредством чего человек входит в культуру» [Степанов, 1997, с. 41].

Для описания концепта, по мнению Н.В. Крючковой, в его синхронном состоянии необходимо синхронное исследование репрезентаций концепта в лексико-семантических системах языков, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта. Такой анализ позволяет увидеть, какое содержание вкладывают носители того или иного языка в те или иные понятия и выявить связи, существующие в концептуальной системе носителей языка. Материал ассоциативных экспериментов даёт возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания признаков концепта» [Крючкова, 2005, с. 23].

Языковые средства выступают средством материализации языкового сознания. В рамках Московской психолингвистической школы А.А. Леонтьева и Е.Ф. Тарасова языковое сознание понимается как совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками или как образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [Тарасов, 2000, с. 3].

Согласно словарю якутского языка Э.К. Пекарского, «сылгы» общее название лошадей, кобыл и жеребцов, конный скот, лошади (как собирательное); конь, лошадь, кобыла, кобылица. *Сылгылар*, лошади, кобылы, кобылицы; *сылгыта ынаба* его кобылы, коровы, его конный и рогатый скот; *кулуннаах сылгы* кобыла с жеребёнком; *былым сылгыта* лживая «туманная» кобыла, которую хитрые, а вместе с тем и могущественные шаманы приводили на небо вместо настоящей, но таких на небе не принимают (с. 2446).

Ат – 1) лошадь как единичное существо, конь, мерин; 2) осёл; 3) кладеный самец; *ат обус* кладеный бык, вол.

Биа – кобыла, кобылица; *биа сылгы* кобыла; Ала биа (пягая кобыла) название урочища (с. 452).

Дьөһөгөй, уоттаах Дјосогоі – божество, дающее человеку «болошерстный» (конный) скот (с. 717).

Кулун – 1) жеребёнок по первому году, в первую весну, в первое лето; жеребёнок меньше года; жеребёнок вообще; *кулун босхо* совершенно свободен (как жеребёнок), т.е. не связан; 2) мясо жеребёнка; 3) тимофеевка (трава) (с. 1210).

В словаре П.С. Афанасьева [2008] словарные дефиниции также получены методом сплошной выборки:

Дьөһөгөй -- по старинным верованиям народа саха это житель верхнего мира, который создает и охраняет конный скот (с. 168).

Кулун -- детеныш кобылы (с. 244).

Тый – двухгодовалая лошадь (с. 545).

Убаһа – жеребёнок до одного года: *убаһа этэ* – жеребятина (с. 559).

В толковом словаре якутского языка под редакцией П.А.Слепцова [2004] рассматриваемые выше слова представлены следующими дефинициями:

Ат – 1) домашняя верховая, тяговая скотина (лошадь, конь); 2) шахматная фигура с головой лошади (с. 621-622).

Биэ – кобыла (с. 346).

Далее рассмотрен Толковый словарь якутского языка под редакцией П.А. Слепцова [2006, 2007].

Дьөһөгөй – по представлению древних якутов божество-небожитель, считающийся создателем и покровителем конного скота (с. 432).

Кулун – жеребёнок (с рождения и до шести-семи месяцев).

Семантика слова *сылгы/лошадь* содержит компоненты, отражающие функционально ориентированный взгляд человека на животное. Относительными признаками 'приручённость', 'назначение', 'состояние/годность к работе' не исчерпывается многообразие представлений, связываемых с лошадью в языковом сознании. Признаки образуют основу для формирования культурно-фоновых знаний в процессе обретения человеком личного и социального опыта.

На втором этапе материалом исследования для выявления национально-культурных признаков, входящих в концепт «*сылгы/лошадь*» становятся фразеологизмы, что потребовало обращения к фразеологическому словарю якутского языка Н.С. Григорьева [1974] и Якутско-русскому фразеологическому словарю А.Г. Нелунова [1998, 2002.]. Фразеологический состав языка включает в себя систему образов, которая «служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной. Социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» [Телия, 1996, с. 215].

В группах концептов и в отдельных концептах выявляются когнитивные классификационные признаки, которые формируются в результате категоризации, т.е. когнитивного процесса. Общее содержание концепта строится из многочисленных дифференциальных когнитивных признаков - отдельных признаков объекта, осознанных человеком и отображённых в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания. Их упорядочивают в единую структуру когнитивные классификационные признаки - компоненты содержания концепта, отражающие тот или иной аспект, параметры категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающие однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта. Вместе данные признаки являются основными составляющими структуры концепта как ментального явления. Классификационные когнитивные признаки всегда являются общими для ряда, группы или многих концептов [Попова, Стернин, 2010, с. 127]. Когнитивные

модели способствуют осмыслению мира, тот опыт, который ограничен человеком и воспринимается им самим.

Для систематизации признаков, выделенных на материале фразеологизмов, целесообразно воспользоваться понятиями семантических признаков, объединённых соответствующими семантическими аспектами, и семных конкретизаторов. И.А. Стернин отмечает, что в современной когнитивной терминологии семантический признак соотносится с когнитивным классификационным признаком концепта, а семный конкретизатор – с когнитивным дифференциальным признаком [Попова, Стернин, 2006, с. 96]. Мы выделили следующие аспекты по классификации И.А. Стернина и Н.А. Илюхиной: 1. Материально-вещественный; 2. Биологический; 3. Психологический; 4. Функционально-деятельностный.

Материал – выражения, связанные со словом *сылгы*, с его характеристиками, свойствами, качествами, назначением и т.д. – составили 63 примера. Приведём примеры, характеризующие отдельные стороны лошади и ставшие материалом когнитивного анализа.

Анализ семантики фразеологизмов, связанных словом *сылгы* также позволяет выявить ряд признаков, характеризующих качества, свойства, назначения лошади.

В рамках **материально-вещественного** аспекта выделяются следующие признаки: **“Лошадь-животное”**: *Үрүг сүүрүк* – лошадь. Букв. белый бегун (с. 299); *Үрүг түүлээх* (фольк.) – лошадь. Букв. имеющий белую шерсть (с. 299); *Сыспай сиэллээх* – эпитет о лошадях (с. 80); **“Средство передвижения”**: *Миинэр минэ, көлүнэр көлө* – 1) верховой конь; 2) средство передвижения (с. 13); **“Мерило богатства”**: *Сылгыта сылгы үрдүнэн барбыт, ынаба ынах үрдүнэн барбыт* (фольк.) – скот его сильно расплодился. Букв. лошади его через лошадей пошли, коровы его через коров пошли (с. 164).

В рамках **биологического** аспекта вычленяются следующие признаки: **“Способность к движению”**: *Ат буол* – ползать на четвереньках. Букв. стать конём (с. 105); *Кулун (кулуннуу) уурдарда* – ехать галопом (с. 248); **«Биологическое состояние»**: *Ала кулуну төрөт* – сильно мёрзнуть. Букв. рожать пегого жеребёнка (с. 102); *Көбүүлээх ат* – быстро задыхающаяся лошадь (с. 228); *Кулуннуу мөхсөр (мөхсө сылдыар)* – метаться, извиваться от нестерпимой

боли. Букв. как жеребёнок бьётся (с. 248); *Уу испит сылгы курдук* – дрожать, трястись (от испуга, сильного волнения). Букв. как лошадь, опившая холодной воды (с. 281).

В рамках **социально-психологического** аспекта выделяются следующие признаки: **“Личные положительные качества”**: *Аттаах ойбоно, сатыы тайаҕа* – сердобольный, отзывчивый, всегда готовый помочь другим человек (с. 117); *Ууһут ат оломун курдук* – умный, сговорчивый и отзывчивый человек. Букв. словно добрый конь вброд (с. 284); **“Человеческие отношения”**: *Кулуннаах биз курдук куодарыһаллар* – очень дружить, ходить всегда вместе, неразлучно. Букв. (они) ходят вместе, словно кобыла с жеребенком (с. 248); **«Совершение греха»**: *Ат таппат айыыта, оҕус таппат буруйа* – большой грех, огромная вина. Букв. грех, который не вытянут ни лошадь, ни бык (с. 105).

Функционально-деятельностный аспект составляют следующие признаки: **“Физическая сила”**: *Ат бөҕө, кус быһый киһи* (*кус быһый, ат бөҕө киһи*) – очень сильный и быстрый человек. Букв. человек с лошадиной силой, утиной быстротой (с. 105); **“Причинение вреда”**: *Ат гынан миин, оҕус гынан көлүү* – 1) жестоко, безжалостно эксплуатировать кого-либо; 2) притесняя, угнетая, причинять тяжёлые страдания кому-либо. Букв. садиться, превратив в лошадь; запрячь, превратив в вола (с. 117); *Умса миин* – нещадно эксплуатировать кого-либо (с. 255).

На третьем этапе материалом анализа являются ассоциативные реакции, полученные из данных Якутского ассоциативного словаря под редакцией Л.С. Заморщиковой, И.З. Борисова и Р.А. Романенко.

Словарь-тезаурус является базой для анализа путей и закономерностей формирования языкового сознания. Ассоциативные словари считаются словарями дескриптивного, то есть описательного типа [Караулов, 1996, с. 6]. Ассоциативный эксперимент даёт богатый материал для межкультурных исследований, позволяет выявить как "общечеловеческие" характеристики свободных ассоциаций, так и специфику связей между словами в условиях различных культур [Залевская, 1977].

Подтверждённые экспериментально когнитивные признаки концепта сылгы (лошадь) позволяют следующим образом представить содержание

исследуемого концепта (признаки представлены списком по убыванию количества объективирующих их ассоциатов):

Реакцией на слово стимул «сылгы» (лошадь) стали следующие слова (цифрой указана частота реакций): *ат* – конь **82 (7 %)**; *сүөһү* – скот **81 (7%)**; *ынах* – корова **75 (6,1%)**; *эт* – мясо **63 (5,2%)**; *кыыл* – животное **52 (4,3%)**; *сиэл* – грива **39 (3,2%)**; *кулунчук* – жеребёнок **25 (2,04%)**; *дьөһөгөй* – Джёсёгёй **23 (1,9%)**; *убаһа* – жеребёнок **21 (1,7%)**; *биэ* – кобыла **19 (1,6%)**; *үөр* – стадо **18 (1,5%)**; *кымыс* – напиток кумыс, *этэ* – мясо **12 (1%)**; *дьиэ кыыла* – домашнее животное, *дьөһөгөй оҕото* – дитя Джёсёгёй, *дэриэбинэ* – деревня, *сиэлэ* – конский волос, *сэргэ* – коновязь **8 (0,7%)**; *ас* – пища, *сылгыһыт* – конюх **7 (0,6%)**; *алаас* – алас, *түргэн* – быстрый, *үөрэ* – стадо **6 (0,5%)**; *аттар* – лошади, *баай* – богатый, *быар* – печень, *дьөһөҕөй* – джёсёгёй, *кутурук* – хвост, *от* – сено, *тымныы* – холод, *хотон* – коровник, *ыңгыыр* – седло **5 (0,4%)**; *айан* – дальний путь, *баар* – есть, *имеется*, *манган* – белая, *мясо* – мясо, *саха* – саха, *таба* – олень, *туйах* – копыта, *үрүҥ* – белая **4 (0,3%)**; *ат сүүрдүүтэ* – конные скачки, *дэйбиир* – махалка, *сайын* – лето, *сүүрүк* – бегун, *сүүрэр* – бегаёт, *сылгы* – лошадь, *сыспай сиэллээх* – эпитет лошадей, *убаһа этэ* – жеребятина, *хатта* – толстая кишка лошади **3 (0, 24%)**; *айыы оҕото* – создание светлого мира, *атыыр* – жеребец, *баттах* – волосы, *быара* – печень, *быян* – изобилие, *богатство*, *доҕор* – друг, *идэһэ* – убойный скот, *кистиир* – ржёт, *көмө* – помощь, *кумаар* – комар, *кыһын* – зима, *минньигэс* – вкусный, *минньигэс эт* – вкусное мясо, *оҕото* – детёныш, *сааҕа* – конский помёт, *саха баайа* – богатство саха, *сиэр* – серый, *сыарҕа* – сани, *дровни*, *сылаас* – тёплый, *тонг эт* – замороженное мясо, *тый* – двухгодовалый жеребёнок, *улахан* – большой, *үлэ* – работа, *хаар* – снег, *хону* – поляня, *эрэл* – вера **2 (0,2%)**; единичные реакции **(0,08%)**.

Общее число реакции на слово-стимул составляет **1220** реакции. Число разных реакций – **193**. Число отказов испытуемых – **82**. Число единичных реакций – **118**.

Согласно ассоциативному тезаурусу якутского языка, у якутских испытуемых **СЫЛГЫ** в первую очередь вызывает реакцию *ат* (конь) **82**, *сүөһү* (скот) **81**, *ынах* (корова) **75**, *эт* (мясо) **63**, *кыыл* (животное) **52**; *сиэл* (грива, конский волос) **39**; *кулунчук* (жеребёнок) **25**; *дьөһөгөй* (божество Дьөһөгөй) **23**; *убаһа* (жеребёнок в первую зиму) **21**; *биэ* (кобылица) **19**; *үөр* (стадо) **18**; *кымыс*,

этэ (кумыс; жеребятина) **12**; *дьиз кыыла, дьөһөгөй оҕото, дэриэбинэ, сиэлэ, сэргэ* (домашнее животное, дитя божества Дьөһөгөй, деревня, грива, сэргэ) **8**; *ас, сылгыһыт* (пища, конюх) **7**; *алаас, түргэн, үөрэ* (алаас, быстрый, стадо) **6**; *аттар, баай, быар, дьөһөгөй, кутурук, от, тымныы, хотон, ынгыыр* (лошади, богатство, печень, Дьөһөгөй, хвост, сено, холод, хотон, седло) **5** и т.д.

В силу того, что полученным реакциям свойственна разная степень плотности семантической связи с денотатом слова-стимула, мы выделили ассоциации денотативного и культурного типов.

Денотативные ассоциации связаны со словарным определением слова *сылгы*, которое предполагает круг устойчивых, стереотипных ассоциаций, также слова, соотносённые с именем концепта устойчивыми языковыми контекстами.

Признаки концепта, выявляемые денотативными реакциями, называют разные качества лошади-животного. Например, признак-идентификатор «животное» входит в ассоциации, называющие идеографические синонимы слова *сылгы/лошадь*: *ат, сүөһү, кыыл, кулунчук, убаһа, биэ*.

В результате интерпретации ассоциатов как языковых репрезентаций определённых когнитивных признаков, образующих содержание концепта «сылгы/лошадь», мы обобщили их в следующие интегральные когнитивные признаки:

На слово-стимул *сылгы* ассоциаты *ат* **82**, *сүөһү* **81**, *кыыл* **52**, *кулунчук* **25**, *убаһа* **21**, *биэ* **19**, *үөр* **18**, *үөрэ* **6**, *аттар* **5**, *сылгы* **3**, *сыспай сиэллээх* **3**, *атыыр* **2**, *тый* **2**, *животное* **1**, *лошадь* **1**, *кулун* **1**, *харамай* **1**, *айылҕа кыыла* **1**, *үөр ат* **1**, *үөр ата* **1**, *сиэллээх кыыл* **1**, *стадо* **1**, *оҕото* **1**, *аттамматах сылгы* **1**, *тыыннаах* **1** интерпретируются как объективация обобщённого когнитивного признака **животное**, и частотность отдельных ассоциатов суммируется – **331**.

Домашнее животное 84 – *ынах* **75**, *дьиз кыыла* **8**, *дьиз харамайа* **1**.

Остальные признаки называют собственные независимые от человека, свойство животного, т.е. относятся к субстанциональным, и соотносятся с различными аспектами взаимодействия животного и человека – относительным. Субстанциональные признаки, входящие в семантическое поле имени концепта, репрезентированы ассоциациями, называющими типовые действия, качества и состояния лошади: **Физическое строение/внешний вид 67** (*сиэл* **39**, *сиэлэ* **8**, *кутурук* **5**, *туйах* **4**, *сааҕа* **2**, *атахтаах* **1**, *кутуруга* **1**, *саах* **1**,

түүс 1, төбө 1, хвост 1, түөрт атах 1, түүлээх 1, эмис 1); **Масть/окрас 14** (манган 4, үрүг 4, сизэр 2, белая 1, боронг 1, көбөччөр 1, хара сылгы 1); **Способность развивать скорость 8** (түргэн 6, сүүрүк 2, сыыдам 1); **Физические качества 6** (улахан 2, күүс 1, күүстээх 1, кыях 1, кыра 1); **Способность к движению 4** (сүүрэр 2, сылдбар 1, сытар 1, ажал 1); **Типовые звуки 3** (кистиир 2, туйах тыаһа 1).

Другие реакции называют действия и свойства лошади-животного: **Является источником пищи 127** (эт 63; кымыс 12, этэ 12; ас 7; быар 5; мясо 4; убаһа этэ 3, хатта 3; быара 2; минньигэс эт 2; тонг эт 2; идэхэ 2; аһылык 1; кумыс 1; сыа 1; үүт 1; эриллибит эт 1; тараһата 1; эриллибит эт 1, сиэм 1, сиэн 1, сиэххэ 1, суорат 1); **Средство передвижения, назначение 17** (айан 4; сыарба 2; көлө 1; көлүнэр көлө 1; миинэр кыыл 1; миинэр мингэ 1; сахалар былыргы транспортара 1; саха массыыната 1; хатааһылаа 1; хатааһылыыр 1; уһун айан 1, суол 1, суола 1); **Вызываемые эмоции 9** (тымныы 5, добор 2, эрэл 2, минньигэс 2, сылаас 2, кыһын 2, хаар 2, дьүөгэлэрим 1, табаарыс 1, үчүгэй 1, харабы сынньатыы 1, куттанабын 1); **Потребность лошади в пище 6** (от 5, ото 1); **Является рабочей силой 4** (көмө 2, үлэ 2); **Имеет целебные свойства 3** (доруобай 1, доруобуйа 1, эмтээх 1); **Эстетическая ценность 3** (кыраһыабай 1, кыраһыабай кыыл 1, мааны 1); **Интеллектуальные способности (өйдөөх 1)**.

Остальные денотативные ассоциации называют относительные признаки, характеризующие лошадь не как субъект природного мира, а как объект, вовлечённый человеком в определённую сферу деятельности. Данные ассоциации определяют следующие признаки: **Место действия 27** (дэриэбинэ 8, алаас 6, хотон 5, хонуу 2, дал 1, конюшня 1, айылба 1, сыһыы 1, таһырдыа 1, балабан 1).

Конструктивные элементы 8 (ыңгыыр 5, дэйбиир 2, седло 1); **Субъект действия 7** (сылгыһыт 7); **Участвует в спортивных состязаниях 4** (ат сүүрдүүтэ 2, сүүрүү 1, сүүрүүтэ 1).

Ассоциации культурного типа, в отличие от денотативных, связаны со словом-стимулом не столько прямыми, сугубо лингвистическими связями, сколько отношениями более абстрактного характера. Это не ближайшие ассоциации, входящие в семантическое поле *сылгы/лошадь*, но тем не менее присутствующие в сознании большинства носителей языка, оправданные их общими культурными знаниями.

Лошадь сыграла значительную роль в жизни якутского народа вплоть до XX в. Это подтверждает следующая подгруппа ассоциаций, объединённых по признаку **«коневодство, как основное занятие якутов» 14**: *саха 4, өбүгэ төрүтэ 1, сахалар 1, сахалар аттара 1, саха сүөһүтэ 1, саха сылгыта 1, саха төрүтэ 1, сахалар иитэр дьарыктара 1, совхоз 1, хаһаайыстыба 1, иит 1*). По определению И.Н. Винокурова, якутская лошадь – это местная порода, выведенная методом народной селекции, разводима для производства мяса, кумыса и кожевенно-мехового сырья, а также используемая на сельскохозяйственных работах под вьюком, в упряжи и для верховой езды. Отличительной чертой данной породы является приспособленность к суровым климатическим условиям, отличная мясная продуктивность [Винокуров, 2009, с. 3].

Следующий признак **«символ богатства» 10**, включает в себя реакции: *баай 5, саха баайа 2, быйан 2, баай-дуол 1*. С древних времён табуны лошадей были мерилем богатства для народа саха.

Для ассоциаций культурного типа мы определили следующий признак **«божество по верованиям якутов» 41**, где объединены реакции: *дьөһөгөй 23; дьөһөгөй оҕото 8; дьөһөбөй 5; айыы оҕото 2; айыы сүөһүтэ 1; дьөһөгөй айыы 1; тангара 1*. Можно предположить, что вышеуказанные реакции вызваны, прежде всего, с тем, что они связаны с образом божества Дьөһөгөй, которого якуты относили к пантеону небожителей и представляли в образе коня. Он выполняет функции бога покровителя конного скота и стоит наряду с Юрюнг Айыы тойоном, который является высшим существом в якутской мифологии и оказывает влияние на плодородие земли, размножение скота и благополучие людей. Следовательно, данный символический образ лошади, актуализированный в сознании людей, несёт в себе глубинный смысл, связанный со значимостью культа коня в традиционной культуре якутов.

Ассоциация *бухатыыр (богатырь)* представляет символическое отражение образа богатырского коня, который занимает значительное место в якутском эпическом тексте олонхо. Богатырский конь является обязательным спутником героя, помогает своему хозяину советами, спасает в случае опасности, он умеет летать и говорить на человеческом языке [Емельянов, 1990, с. 14].

Одним из наиболее значимых ассоциаций являются *сэргэ 8, сайын 2, аан алахчын 1, ыһыах 1, ыһыахтааһын 1, хатын 1* которые относятся к признаку традиционно-культурного характера **«лошадь как символ традиционного праздника» 14**. Можно предположить, что данные реакции объединены и связаны с традиционным праздником якутов – ысыах, который является обрядовым мероприятием для якутов с древних времён, традиционный праздник плодородия, в честь лошади, в честь божества конного и рогатого скота Уордаах Джэсэгэй.

Таким образом, ассоциации, отнесённые нами к культурному типу, выявляют следующие признаки концепта «сылгы/лошадь», актуальные для современных носителей якутского языка: «коневодство, как основное занятие якутов», «символ богатства», «божество по верованиям якутов», «лошадь как символ традиционного праздника». Ассоциации культурного типа представляются наиболее интересными, так как способствуют выявлению глубинных связей между словом стимулом и обобщёнными культурными смыслами, хранящимися в сознании носителей языка.

Из приведённых выше примеров и результатов ассоциативного эксперимента мы можем прийти к следующему выводу, что исследование значимости составляющей концепта «сылгы/лошадь» в языковом сознании носителей якутского языка позволило выделить основные слои концепта, репрезентируемые понятиями: домашнее животное, пища, божество, средство передвижения, конные скачки. Причём, необходимо отметить, что базовым концептуальным слоем по данным ассоциативного эксперимента явилось понимание концепта как священного животного народа саха.

Проведённое исследование на основе анализа лексической, фразеологической семантики концепта «сылгы/лошадь» и ассоциативно-вербальной сети языкового сознания носителей якутского языка показало, что традиционное мировоззрение и мировосприятие находят отражение внутри традиционного знания, языка и мифопоэтического сознания якутов. В дальнейшем представляется перспективным сравнение элементов традиционной культуры в языковом сознании носителей якутского и английского языков, и на основе их общих и специфических особенностей определить устойчивые этнические слои ядра языкового сознания.

Список литературы

- Афанасьев П.С.* Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / П.С. Афанасьев уо.д.а. [эппиэттээх эрдээктэрдэр: П.А.Слепцов, А.Г. Нелунов, Н.Н.Васильева]. Дьокуускай: Бичик, 2008. 680 с.
- Большой толковый словарь якутского языка. Саха тылын Быһаарыылаах Улахан тылдьыта: в 13 т. Т. IV: Буква К / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.
- Борисова И.З., Заморщикова Л.С., Романенко А.А.* Ассоциативный тезаурус якутского языка / Борисова И.З., Заморщикова Л.С., Романенко А.А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adictsakha.nsu.ru/dict>
- Винокуров И.Н.* Традиционная культура народов Севера: продуктивное коневодство северо-востока Якутии / И.Н. Винокуров. Новосибирск: Наука, 2009. 256 с.
- Григорьев Н.С.* Фразеологический словарь якутского языка. Около 3000 словарных статей. Якутск. кн. изд-во, 1974.
- Емельянов Н.В.* Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990.
- Залевская А.А.* Межкультурный аспект проблемы ассоциаций // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
- Караулов Ю.Н.* Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Прямой словарь: от стимула к реакции, Часть 2, М.: ИРЯ РАН, 1996 212 с.
- Крючкова Н.В.* Лингвокультурное варьирование концептов. Саратов, 2005.
- Нелунов А.Г.* Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. Т. I. 287 с.
- Нелунов А.Г.* Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «ГЕО», 2002. Т. 2. 420 с.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. М.: Изд. АН СССР. Вып. 1-6, 10-16. Т. I – III. 1958-1959.
- Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314, [6] с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
- Потапов Л.П.* Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
- Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание – перспективы исследования (предисловие) // Языковое сознание: содержание и функционирование. М, 2000.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Толковый словарь якутского языка / Под. Ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 60 с. (Буква А).
- Толковый словарь якутского языка. Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И).

Ващурина Е.А.
Самарский государственный университет
г. Самара (Россия)

Vashurina E.A.
Samara State University
Samara (Russia)

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

COMMUNICATIVE CATEGORY OF “POLITICAL CORRECTNESS” IN MODERN BRITISH LITERATURE

В статье рассматривается явление политической корректности как категории коммуникации. Произведения современной британской литературы служат материалом для наблюдения над тем, как данная категория проявляется в письменной речи. Анализ высказываний и сверхфразовых единств, содержащих политкорректную и непolitкорректную лексику, позволяет прийти к выводам, что делает то или иное высказывание политкорректным или непolitкорректным. Вводится понятие политкорректного смысла как ключевого средства выражения категории политической корректности в ситуации общения.

In this article the phenomenon of political correctness is regarded as a communicative category. Contemporary British literature served as a material for observation of functioning of this category in written speech. The analysis of utterances and supraphrasal units containing politically correct and politically incorrect lexemes allows to come to the conclusions about the factors that make the utterance politically correct or incorrect one. The author introduces the notion of politically correct sense as the key means of expression of the category of political correctness in the situation of communication.

Ключевые слова: коммуникативная категория, политкорректный смысл, высказывание, современная британская литература, политическая корректность.

Key words: communicative category, politically correct sense, utterance, modern British literature, political correctness.

Проявления политической корректности не ограничиваются лексическим уровнем, они отличаются особыми характеристиками в практике речевого общения, что позволяет говорить о политической корректности как коммуникативной категории. Гипотеза о том, что явление политической корректности может быть представлено категорией (*подчёркнуто мной – Е.В.*), была предложена В.В. Паниным в работе «Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория». Исследователь пишет: «Как языковая категория политическая корректность обладает соответствующими категориальными признаками: а) интегральный признак – отсутствие в коннотативном значении языковой единицы идей дискриминации по расовой, национальной, половой принадлежности, состоянию здоровья, возрастному и имущественному статусам; б) дифференциальный признак – способность языковой единицы исключать проявления вышеперечисленных видов дискриминации». [Панин, 2005, с. 48-49] Согласимся с этим утверждением, расширив список дискриминаций, отнесённых к интегральному признаку, так как с течением времени семантика политической корректности стала объёмнее. Эту мысль подтверждает британский лингвист Джеффри Хьюз (Geoffrey Hughes), говоря, что явление политической корректности меняло с течением времени свои формы и наполнение: политкорректными становятся вопросы, связанные с защитой окружающей среды, пагубными привычками. [Hughes, 2010, p. 3.]

В данной статье рассматривается реализация явления политической корректности на уровне речи с позиций лингвистической семантики и прагматики на материале текстов современной британской литературы. Художественные произведения являются «своеобразным отражением разнообразных сторон языковой и внеязыковой реальности, окружающей авторов, соответственно явление политической корректности находит отражение в текстах созданных ими художественных произведений». [Вышкин, 2002, с. 11] «Художественный текст имитирует действительность, создавая вторичную реальность. Понятно, что и существенные особенности человеческого общения находят своё преломление в художественном тексте» [Формановская, 2002, с. 18]. Таким образом, исследуя тексты современной англоязычной литературы авторов стран Содружества, можно понять, как политическая корректность проявляется в Британии, какие её аспекты наиболее

актуальны, каково отношение к ней в данном социуме. Кроме того, «обращение к литературным текстам продиктовано ... тем, что они дают возможность рассмотреть проявление особенностей предмета исследования в разных коммуникативно-прагматических пространствах: герои художественных произведений играют различные статусные роли, их общение направлено на сотрудничество или конфронтацию, проходит в официальных или неофициальных условиях и т.д. Иначе говоря, каждое художественное произведение представляет собой концентрацию множества «возможных миров» его героев, прототипами которых являются реальные люди». [Трофимова, 2009, с. 6.] На наш взгляд, категория политической корректности в синтаксических единицах реализуется прежде всего за счёт того, что план содержания этих единиц включает в себе информацию, относящуюся к вопросам, входящим в сферу влияния политической корректности, и подаваемую с позиций антидискриминационного отношения к этим вопросам. Вслед за И.М. Кобозевой будем придерживаться мнения, что «... план содержания (высказывания), называемый (речевым или актуальным) смыслом – это не только и не столько та информация, которая закодирована теми или иными языковыми средствами, но вся та информация, которая может быть передана с его помощью и быть извлечена из него благодаря знанию коммуникантов о мире, друг о друге, о ситуации общения и т.п. не собственно лингвистическим знаниям» [Кобозева, 2009, с. 200] Компонентом плана содержания, «отражающим внеязыковую ситуацию, описываемую предложением, ... его объективн(ое) содержан(ие)» [там же, с. 217-218] является пропозиция. И.П. Сусов определяет пропозицию как «...начальный способ “упаковки” информации, которая подлежит передаче посредством высказывания. Одна пропозиция или соединение ряда пропозиций образует семантическую основу предложения, его глубинную (или смысловую) структуру. Пропозиция есть означаемое элементарной синтаксической конструкции, или конфигурации» [Сусов, <http://homepages.tversu.ru/~ips/LingFak1.htm>.] Е.В. Падучева полагает, что «пропозиция – это потенциальный концепт предложения, т.е. такой смысл, который выражается в языке предикатной группой (предикатом, со всеми словами, служащими для заполнения его семантических валентностей) или группой какого-то другого сентенциального оператора – связки, квантора и пр.»

[Падучева, 2008, с. 36-37.] Реляционную структуру пропозиции составляют термы и актанты, способные к референции, и предикаты, способные к предикации. Референция – «отнесенность актуализованных (включённых в речь) имён, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам или денотатам)» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 411.] Вслед за М.Л. Макаровым будем придерживаться мнения, что «референтность не есть качество, присущее языковому выражению как таковому — это человек использует выражение, соотнося его с референтной ситуацией, реальным или возможным миром в соответствии со своей интенцией» [Макаров, 2003, с. 280] Это замечание важно, потому что отношение адресата является одним из ключевых моментов придания высказыванию политически корректного или некорректного содержания. Е.В. Падучева определяет референцию как «соотнесение языковых выражений с действительностью – механизмы, позволяющие связывать речевые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями вещей в реальном мире» [Падучева, 2008, с. 7]. Предикация – «отнесение содержания высказывания к действительности, осуществляемое в предложении» [Розенталь]. Нас интересует, как и за счёт чего содержание того или иного высказывания является политкорректным или неpolitкорректным. Прежде всего определимся, что понимается под высказыванием в данной работе: «Термин «высказывание» употребляется ... как обозначение для речевого произведения, созданного в ходе речевого акта и рассматриваемого в контексте этого речевого акта» [Падучева, 2008, с. 29]. Логичным было бы предположить, что политкорректное содержание проявляется в поверхностной структуре высказывания за счёт политкорректной лексики, а неpolitкорректное – за счёт лексики, признанной некорректной. Часто так и происходит, однако не всегда. Приведём примеры, когда неpolitкорректные лексемы в поверхностной структуре синтаксической единицы являются языковым выражением некорректного содержания.

1) «It was always mildly satisfying to see British racial complacency matched if not excelled by French xenophobia; the contempt with which Madame Charlot and her friends could invest the word 'arabe' was more pungent even than the careless English 'Gyppo' or the curious pejorative use of 'native'» [Lively, 2006, p. 115].

В отрывке из романа Пенелопы Лайвли «Лунный тигр» употреблены политически некорректные лексемы «arabe», «gypso», «native», служащие для референции к уроженцам Египта. В предложении англичанам и французам (в лице мадам Шарло и её друзей) предидируется презрительное дискриминационное отношение к египтянам, присущее французам в большей степени. Пренебрежительное отношение представителей одной национальности к людям других национальностей политически некорректно, так как именно такое отношение и составляет содержание рассматриваемого предложения, можно считать содержание политически некорректным.

В поверхностной структуре предложения из романа Алана Холлингхёрста «Линия красоты» присутствует неполиткорректное словосочетание «deaf pensioners».

2) «And how could you honestly expect Gerald, at the door of the Cabinet, in the Lady's favour, an amusing speaker from the floor of the House, to bother very much for an audience of squalling kids and deaf pensioners?» [Hollinghurst, 2005, p. 269] Одним из актов референции является отсылка к лицу по имени Джеральд, высокопоставленному чиновнику, депутату, которому предидируется отсутствие заботы о нуждах простых людей, в чем собственно и должна состоять его работа. В понятие политической корректности входит изживание дискриминации по возрастным и социальным признакам, в содержании рассмотренного предложения, наоборот, выражается дискриминация по возрасту и социальному статусу со стороны политика, следовательно, подобное содержание политически некорректно. Вызывают вопрос критерии отбора тем, представляющих интерес для политической корректности. Часто неполиткорректными признаются достаточно нейтральные языковые единицы, в то время как откровенные ругательства таковыми не считаются. Так, в приведённом примере ИГ «squalling kids», выражающая гораздо более сильную степень негативной оценки объектов референции, чем «deaf pensioners», неполиткорректной не считается. По этому поводу Дж. Хьюз пишет: «Некоторые неприемлемые действия нелегальны; некоторые – просто плохие манеры. Но их связь с тем, что считается политически некорректным, непуста. Таким образом, курение в непредназначенных местах или использование этнических ругательств преследуется законодательно. Так же, произнесение религиозных

ругательств – это неприемлемое нарушение манер или невоспитанность. Политическая корректность занимает место между законодательно караемыми нарушениями и невоспитанностью. ... она требует обязательного исполнения в сферах (таких как шовинизм или ношение меха), которые ... должны быть выбором каждого, что создаёт проблемы в свободном обществе. В то же время, никто не обязан быть политически корректным. Следовательно, стоит прислушаться к часто звучащим обвинениям в цензуре и фашизме». [Hughes, 2010, p. 12] В отрывке из романа Джил Доусон «Сорока» политкорректная лексема способствует выражению политкорректного содержания всего предложения:

3) «It is her job to listen and to reflect back and to help fire-fighters express their feelings in a safe and supportive environment». [Dawson, 1998, p. 177]. В приведённом отрывке употреблена лексема «fire-fighter», являющаяся политически корректной. Очевидно, что лексема «fireman» считается некорректной, так как содержит компонент – man и потому акцентирует внимание на принадлежности человека, работающего в пожарной службе, прежде всего к мужскому полу. Поэтому будет политкорректно употребить гендерно нейтральное, подразумевающее и мужчин, и женщин, обозначение «fire-fighter» во избежание дискриминации по признаку пола. Однако выбор в пользу варианта «firefighter» обусловлен не только тем, что компонент «fighter» гендерно-нейтрален, помимо этого он обозначает деятельность, личностно-активную позицию объекта референции. С позиций политической корректности внимание прежде всего должно уделяться личности человека и лишь потом сопутствующим ей признакам. Отсюда призыв считать некорректным, например, слово «deaf» (глухой) и заменять его корректным словосочетанием «deaf person» (глухой человек). Считается, что в первом случае внимание говорящего сконцентрировано на физическом недостатке, во втором – на личности человека. Однако, несмотря на добавление лексемы «person», выражение в целом сохраняет негативную коннотацию, заключённую в компоненте «deaf». Корректнее было бы вообще отказаться от негативной составляющей и использовать, например, «person with limited hearing abilities». Если посмотреть на пропозицию вышеприведённого высказывания из романа Джил Доусон, то заметим, что один из осуществляемых в ней актов референции

– обозначение неких лиц как firefighters, которым предсказывается действие выражения чувств в безопасной и дружеской атмосфере. Так как референция производится за счёт политкорректной лексемы «fire-fighter», и предсказуемое действие не выражает дискриминационного отношения, то, следовательно, все высказывание политически корректно. Но, возможна ситуация, когда, несмотря на употребление политкорректных лексем, высказывание в целом некорректно. Например,

4) «Ladies, gentlemen, fellow Black Swans. That so many of you have braved this frosty evening is in itself proof of the strength of feeling in our community about our elected council's shameful-shameless – attempt to meet its obligations under the' – he cleared his throat – '1968 Caravan Sites Act, by turning our village – home , to all of us – into a dump for so-called “travellers”, “gypsies”, “Romany” or whatever the correct “liberal” – with a very small L – phrase is in vogue this week.’» [Mitchell, 2006, p. 287-288]. В приведённом отрывке из романа «Луг чёрного лебедя» Дэвида Митчелла житель деревни Луг чёрного лебедя протестует против разрешения цыганам проживать на территории деревни. Один из актов референции – обозначение неких лиц как “travellers”, “gypsies”, “Romany” – осуществляется при помощи политкорректного, согласно «Словарю политкорректной лексики», слова ‘travellers’: «travellers: ...[gypsy]» «путешественники: ... [цыгане]» [Rees, 1993, p. 65], т.е. в пропозиции присутствует референция к объектам действительности, входящим в круг вопросов (в данном случае расы, национальности, этноса) политической корректности. Однако лицам, обозначаемым политкорректной лексемой “travellers”, предсказывается действие превращения деревни Луг чёрного лебедя в свалку. Акт предикации выражает дискриминационное отношение к людям цыганской национальности. Можно сделать вывод, что в целом высказывание политически некорректно.

С другой стороны, есть случаи, когда, несмотря на употребление некорректной лексики, содержание высказывания следует признать политкорректным. Например,

5) «You know Paki is a bad thing to say, don't you?» [Dawson, 1998, p. 63]. В данном случае можно говорить о метавысказывании, так как имеется в виду не какой-либо конкретный человек, а слово «чурка». Пропозицию высказывания можно представить в виде формулы is a bad thing to say (Paki), где is a bad thing to

say – предикат, Paki – субъектный актант. Денотат пропозиции – ситуация действительности, в которой адресант говорит адресату, что нельзя употреблять в речи расистское ругательство «Paki». Называние уроженца Пакистана «Paki» предицируется как некрасивое, нехорошее действие, что придаёт всему высказыванию политкорректное содержание, несмотря на наличие некорректной лексемы. Вышеизложенное приводит к выводу, что немаловажным для определения синтаксической единицы как политкорректной или неполиткорректной является выбор средства референции к ситуации или объекту действительности. «Классическая» теория референции <...> исходит из того, что в основе способности к референции лежит смысл выражения: референция предопределена смыслом. <Стоит вспомнить> тезис Фреге о том, что смысл имени – это способ, которым оно указывает на свой денотат». [Палажченко, 2005, с. 105-106].

Таким образом, ключевым в определении синтаксической единицы как политкорректной или неполиткорректной является речевой смысл данной единицы. В связи с этим мы предлагаем ввести понятие политкорректного смысла. И.М. Кобозева определяет понятие смысла, сопоставляя его с понятием значения: «... смыслу и значению соответствуют в сознании носителей языка два близких, но отнюдь не тождественных концепта, которые можно определить следующим образом: Значение X-а – это информация, связываемая с X-ом конвенционально, т.е. согласно общепринятым правилам использования X-а в качестве средства передачи информации. Смысл X-а для Y-а в T – это информация, связываемая с X-ом в сознании Y-а в период времени T, когда Y производит или воспринимает X в качестве средства передачи информации». [Кобозева, 2009, с. 13] Исходя из этого, можно определить политкорректный смысл (*подчёркнуто мной – Е. В.*) как антидискриминационную информацию, связываемую с вопросами расы, национальности, этноса, гендера, возраста, культуры, образования (канон, учебные планы), неизлечимых болезней (СПИД) и инвалидности, умственных и психических расстройств, сексуальной ориентации, прав животных, защиты окружающей среды, зависимостей (вредных привычек), преступной деятельности, классовой принадлежности и социально-имущественного положения, внешнего вида в сознании коммуникантов во время общения, когда коммуникант производит или

воспринимает в качестве средства передачи информации некоторые языковые единицы, в пропозициях которых осуществляется референция к ситуациям или предметам, связанным с вышеприведёнными вопросами.

Таким образом, можно сказать, что категория политической корректности реализуется при коммуникации за счёт политкорректного смысла. Однако проявляться он может по-разному. Так, пропозицию высказывания из романа Дэвида Лоджа «Хорошая работа»

6) «You have a lot of Asians and Caribbeans working in the foundry...» [Lodge, 1989, p. 134]. представим формулой типа have (you, Asians, Caribbeans), где have – двухместный предикат; you, Asians и Caribbeans – актанты. Стоит упомянуть, что если речь идёт о выходцах из стран Азии, то именуя их, политически корректно будет использовать лексему «Asian» вместо «Oriental».

В романе «Хорошая работа» действие происходит в Великобритании и употреблять лексему «Asian-American» неуместно, поэтому говорящий использует в речи только первый её компонент «Asian». Видно, что один из актов референции – обозначение неких лиц политкорректной лексемой «Asians» вместо некорректной «Oriental», этим лицам предидируется действие работы в литейном цехе. Употребление при референции политкорректной лексики и акт предикации, не содержащий дискриминационного отношения, делает высказывание политически корректным. Правомерно было бы говорить, что подобные синтаксические единицы наделены эксплицитно выраженным политически корректным смыслом, так как политкорректный компонент в них выражен в явной, эксплицитной форме, а именно в политкорректных словах.

Пропозицию высказывания из романа «Луг чёрного лебедя»:

7) «I'm not prejudiced against any group of people, however "way out" their colour or creed...» [Mitchell, 2006, p. 289]. можно представить формулой $\langle \neg \text{prejudice} (I, \text{people}) + \text{way out} (\text{people}, \text{colour}, \text{creed}), \text{people} \rightarrow \text{прономинализация: their} \rangle$, где \neg – семантический оператор отрицания, prejudice, way out – предикаты, I, people, colour, creed – актанты. В высказывании производится дейктическая отсылка к референту местоимения «я», а также осуществляется референция к именной группе с универсальным статусом «люди любого цвета кожи или вероисповедания».

Референту местоимения «я» предидируется отсутствие предубеждения против людей с другим цветом кожи или другого вероисповедания, что является политически корректным отношением в вопросах, связанных с расовой, национальной, этнической, религиозной принадлежностью. Можно считать данное высказывание политически корректным, хотя в его поверхностной структуре нет эксплицитно выраженных политкорректных единиц. В романе Иэна Макьюэна «Амстердам» также встречаются высказывания, не содержащие эксплицитно выраженных политически корректных маркеров, но обладающие политкорректным смыслом:

8) «... Lettice O'Hara in features was at last ready to run her piece on the Dutch medical scandal, and also-to honour the occasion-was offering a feature on how industrial pollution was turning male fish into females». [McEwan, 1999, p. 122]. Стоит упомянуть, что считается политкорректным защищать окружающую среду и права животных. Джеффри Хьюз пишет: «В 1975 г. были опубликованы две революционные книги: «Освобождение животных» философа Питера Сингера и «Жертвы науки» Ричарда О. Райдера. В обоих произведениях использовался неологизм «speciesism» (жестокость по отношению к животным; безразличие к страданиям животных), определяемый Райдером как «широко распространённая дискриминация других видов животных человеком» (1975, цитируется по «Оксфордскому словарю английского языка»). В предисловии Сингер вызывающе сравнил «тиранию принадлежащих к человеческому роду животных над животными, не принадлежащими к человеческому роду», с рабством. С тех пор понимание прав животных стало включать в себя защиту животных от фактически любого проявления бесчеловечного обращения с ними: убийство животных ради меха, еды, лабораторных испытаний. Более того, достаточно формальное и эксцентричное слово «animal companion» (животное-компаньон, животное-товарищ), датированное 1980г., стало все больше и больше употребляться, заменяя традиционное и, возможно, умаляющее достоинства животных «pet» (домашнее животное, любимец)». [Hughes, 2010, p. 213].

Представим пропозицию вышеприведённого высказывания из романа «Амстердам» формулой: be ready <to run (Lettice O'Hara, piece) + offer (Lettice O'Hara, feature) + turn (pollution, male fish, female fish), feature --> turn (pollution, male fish, female fish)>, где одним из референтов является статья о том, как

загрязнение окружающей среды меняет пол рыб, что является проявлением заботы об окружающей среде и привлечением к её проблемам внимания общественности. Это делает высказывание политкорректным.

Высказывания подобного типа можно назвать обладающими имплицитно выраженным политкорректным смыслом, так как они политкорректны по смыслу, но не содержат политкорректных лексем. В исследуемых произведениях встретились также примеры выражения политкорректности в тексте, выходящие за рамки одного высказывания, т.е. реализующие политкорректный смысл на уровне сверхфразовых единств:

9) «Up in the laundry-room across from the machines there were a half-dozen ironing boards, where a half-dozen girls toiled: not always the same six, I mean, but girls with the identical expressions, intent and methodical, martyred yet victorious. What were they ironing? Party dresses? Not at all. Shirts. Men's shirts. Boyfriends' shirts. Flattening the collar. Pressing the cuffs, easing and turning, finally lifting the garment with a flourish, high into the air like a flag, like a banner of triumph: a banner that told the whole world that I, a Tonbridge Hall girl, have got my man. I have got my man and I know how to look after him. I'm not just a pretty brain, you see; not just a pretty brain. If I could time-travel I would fly back, back in time to the ironing-room; I would fly back to those girls and slap them. I would like to bring them to their senses; say, how can it be, that after all these years of education, all you want is the wash-tub? Leave this, and go and run the country. And yet I see that what they were up to, these surrogate housewives, was not so spiritless; it was a small rebellion against the lives they had led since puberty. When men decided women could be educated – this is what I think – they educated them on the male plan; they put them into schools with mottoes and school songs and muddy team games, they made them wear collars and ties. It was a way to concede the right to learning, yet remain safe; the products of the system would always be inferior to the original model. Women were forced to imitate men, and bound not to succeed at it». [Mantel, 2004, p. 164-165].

И.П. Сусов пишет: «При описании посредством предложения или же текста сложных денотативных ситуаций элементарные пропозиции могут соединяться в семантические блоки, в соответствие которым ставятся блоки пропозиций. ... путём соединения элементарных пропозиций в сложную пропозицию и менее сложных пропозиций в ещё более сложную строится пропозициональная

структура текста (его макроструктура)». [Сусов – <http://homepages.tversu.ru/~ips/LingFak1.htm>] В целом в макроструктуре приведённого отрывка из романа Хилари Мэнтел «Любовный эксперимент» осуществляется дейктическая отсылка к референту местоимения «я», а также к референтам именных групп «девушки из Тонбридж Холла», «мужчины», «женщины». Референту местоимения «я» предцируется желание объяснить девушкам из Тонбридж Холла, что женщина равноправна мужчине, а также выдвижение предположения, что если женщины в чем-то уступают мужчинам, то происходит это потому, что мужчины дискриминируют их, создав мир по мужским правилам, вовсе необязательно являющимися верными.

Утверждение гендерного равноправия и пересмотр функционирующего по мужским правилам общественного устройства, собственно, и является одной из основных идей феминизма и политической корректности. Из анализа макроструктуры отрывка можно сделать вывод, что он обладает политкорректным смыслом.

Сложное синтаксическое целое из романа «История мира в 10 ½ главах» Джулиана Барнса также наделено имплицитно выраженным политкорректным смыслом. Речь идёт об оленях в упряжке Санта-Клауса:

10) «She always imagined that each pair was man and wife, a happy couple, like the animals that went into the Ark. That would be right wouldn't it? But her dad said you could tell from the antlers that the reindeer pulling the sleigh were stags. At first she only felt disappointed, but later resentment grew. Father Christmas ran an all-male team. Typical. Absolutely bloody typical, she thought». [Barnes, 1990, p. 100].

Представим семантический блок пропозиций данного фрагмента текста в виде схемы: < imagine (she, прид. предл.) + be man and wife, couple (pair) + go (animals, Ark) + be right (be man and wife, couple (pair)) + say (dad, прид. предл.) + can tell (you, antlers) + be stag (reindeer) + feel disappointed (she) + grow (resentment) + run (Father Christmas, team) + think (she, typical)>. Референту «она» (существо женского пола) предцируется мнение, что неправильным является, чтобы в упряжке Деда Мороза были только олени-самцы, и правильным является, чтобы в упряжке были и олени-самцы, и олени-самки. Денотатом блока пропозиций является ситуация разочарования из-за отсутствия признания гендерного равноправия, и репрезентации обоих полов в различных

социальных институтах, что соответствует принципам движения политкорректности. Следует вспомнить принцип квот (quota), политику обратной дискриминации (reverse discrimination) и т.п.

Таким образом, категория политической корректности реализуется на коммуникативном уровне за счёт присутствия в семантической структуре синтаксических единиц эксплицитно или имплицитно выраженного политкорректного смысла.

Список литературы

- Вышкин Е.Г.* О межкультурной коммуникации в науке / Е.Г. Вышкин. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 210 с.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. 352 с.
- Лингвистический Энциклопедический Словарь.* М., 1990. 411 с.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносённость с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Е.В. Падучева. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 296 с.
- Палажченко М.Ю.* Политическая корректность в культурной и языковой традиции: на английском и русском материале: дис... канд. культурологических наук: 24.00.01 / Палажченко М.Ю. М., 2005. 239 с.
- Панин В.В.* Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / В.В. Панин. М., 2005. 217 с.
- Розенталь Д.Э.* Словарь лингвистических терминов [Электрон. ресурс] / Д.Э. Розенталь. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/114.Rosental/15-p-2/html/unnamed_50.html.
- Сусов И.П.* Введение в теоретическое языкознание [Электрон. ресурс] / И.П. Сусов. – Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/LingFak1.htm>.
- Трофимова Н.А.* Актуализация компонентов смысла высказывания в экспрессивных речевых актах: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Н.А. Трофимова; С.-Петербург, 2009. 36 с.
- Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. М.: Рус. яз., 2002. 216 с.
- Barnes, J.* A History of the World in 10 1/2 Chapters / J. Barnes. Picador, 1990. 373 p.
- Beard, H.* The Official Politically Correct Dictionary and Handbook / H. Beard, C. Cerf. Random House, 1992. 194 p.
- Dawson, J.* Magpie / J. Dawson. Hodder and Stoughton, 1998. 213 p.
- Hollinghurst, A.* The Line of Beauty / A. Hollinghurst. Picador, 2005. 501 p.
- Hughes, G.* Political correctness : a history of semantics and culture / G. Hughes. Wiley-Blackwell, 2010. 320 p.
- Lively, P.* Moon Tiger / P. Lively. Penguin Books, 2006. 154 p.
- Lodge, D.* Nice work / D. Lodge. Penguin books, 1989. 384 p.
- Mantel, H.* An Experiment in Love / H. Mantel. Harper Perennial, 2004. 250 p.

McEwan, I. Amsterdam / I. McEwan. Anchor books, 1999. 193 p.

Mitchell, D. Black Swan Green / D. Mitchell. Hodder and Stoughton, 2006. 371 p.

Rees, N. The Politically Correct Phrasebook / N. Rees. Bloomsbury, 1993. 152 p.

Волотова М.Г.
Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Volotova M.
Friendship University of Russia
Moscow (Russia)

«ДОМОСТРОЙ» КАК ПАМЯТНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ: СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ, МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ

DOMOSTROJ AS A DOCUMENT OF RUSSIAN MEDIEVAL CULTURE. ITS STRUCTURE, MAIN POINTS AND MORAL LAWS

Статья посвящена выдающемуся памятнику русской средневековой культуры – «Домострою», в котором отражена светская и духовная жизнь наших предков. Автор рассматривает источники появления этой древней книги, а также анализирует ее структуру в свете морально-этических норм общества XVI столетия.

This article is dedicated to an outstanding document of Russian medieval culture named “Domostroj” where secular and sacred life of our ancestors is reflected. The author considers the sources of appearance of this ancient book and analyzes its structure in the light of mental and ethical standards existing in the society of 16th century.

Ключевые слова: средневековая культура, домострой, домостроительство.

Key words: medieval culture, domostroj, home-building.

Искусство управления домом, включавшее в себя, прежде всего, экономику ведения домашнего хозяйства, известно с древних времён. Ещё в античную эпоху из-под пера древнегреческого писателя, историка и политического деятеля Ксенофонта выходит в свет сочинение «Домострой», которое в оригинале называется «Ойкономика» (от греч. *oikos* – «дом» и *nomos* – «закон»), что буквально означает «правила ведения хозяйства». По сути дела, именно это произведение в той или иной мере повлияло на западноевропейские сочинения этого жанра – таких как «Поучение “заточника из Бари”» (XIII в.), «Поведение женщин» (XIV в.), «Совет отца своему сыну» (XIV в.), «Рассуждение об управлении семьёй» (XV в.), «Парижский хозяин» (XV в.) и др. Однако практически все домостроительные трактаты, послания и рассуждения,

появившиеся в Германии, Италии, Франции, Испании, затрагивали в большей степени общественные, чем узко семейные проблемы (особое внимание в них уделялось торговым операциям).

По-иному идеи управления домом воспринимались в Византийской империи, где, начиная с XI века (сочинение Кекевмена «Стратигик», «Поучение отца к сыну» и др.) домостроительство мыслилось как синтез духовного и телесного – храма и рынка. Именно византийский образ домостроительства переключался в русскую «Книгу глаголемую Домострой» (XVI в.). Этот определивший все стороны жизни и быта русского человека того времени свод советов и правил и по сей день поражает нас почти неправдоподобной одухотворённостью даже мельчайших бытовых деталей. Но созданный в первой половине царствования Ивана Грозного «Домострой», авторство окончательного текста которого связывают с именем благовещенского иерея Сильвестра, сподвижника и наставника царя Иоанна, есть не просто сборник советов. По мысли известного итальянского литературоведа, знатока древнерусской литературы Рикардо Пиккио, эта «книга учит «управлять не только домом в практическом смысле слова (чистота, элегантность), но касается и духовных категорий» [Пиккио, 2002, с. 232]. Как пишут авторы Большой энциклопедии русского народа «Святая Русь», в этой удивительной по охвату материала книге «перед читателем развёртывается грандиозная картина идеально воцерковлённого семейного и хозяйственного быта. Упорядоченность становится почти обрядовой, ежедневная деятельность человека поднимается до высоты церковного действия, послушание достигает монастырской строгости, любовь к царю и отечеству, родному дому и семье приобретает черты настоящего религиозного служения» [Святая Русь, 2009, с. 522].

Сильвестровская редакция «Домостроя», включающая предисловие, 63 главы и «Послание и наказание от отца к сыну», может быть разделена на три части: об отношении русского человека к Церкви и царской власти; о внутрисемейном устройстве; об организации и ведении домашнего хозяйства. «Трёхчастность «Домостроя» восходит, прежде всего, к христианской догме почитания Троицы. В соответствии со средневековыми представлениями Домострой представляет «мир как тройственную иерархию подобий. Небо с его Господином (Богом), Государство (с Царем во главе) и Дом (с Хозяином его)

«входят» друг в друга, копируя друг друга как при восхождении и нисхождении, так и во внутренней структуре» [Иваницкий, 1995, с. 169-170].

Однако в Домострое «сильвестровской редакции» три основные части даны в памятнике не последовательно, хотя в то же время они связаны между собой, тесно переплетены и тематически вытекают одна из другой.

Основной моделью Домостроя является триада *государство – церковь – семья*. Глава «дома»-государства – царь, который есть «глава семьи» общего дома, возвышающийся над совокупностью семейных очагов, связанных механическим подобием государственной власти. Таким образом, смысл жизни «государя» заключается в руководстве «домом».

Земной царь в «Домострое» олицетворяет не только государственную власть. Он есть прообраз Царя Небесного. Поэтому *«бойся царя и служи ему верно, за него всегда Бога моли»* [Домострой, 2007, с. 140]. *«Князя своего приими и власти свои, - поучает «Домострой», - не помысли на них зла, ибо говорил апостол Павел: “Вся власть от Бога”, – так что кто противится власти, тот божью повеленью противится»* [там же]. Таким образом, долг служения Богу, по Домострою, есть одновременно и долг служения царю, олицетворяющему в себе православную государственность.

По «Домострою», человек не сможет достичь идеала евангельских заповедей вне церкви, вне государства и вне семьи. Если государство организует социальные, а церковь – духовные силы общества, то семья высвечивает общественные силы. «Если анализировать «Домострой» на фоне русского общества того времени, - пишет итальянский исследователь древнерусской литературы Р. Пиккио, - из него можно извлечь драгоценные указания относительно семейных нравов знати, где отец обладает абсолютной властью» [Пиккио, 2002, с. 233]. Как царь является безраздельным владыкой своих подданных, так муж является господином своей семьи. Он несёт ответственность перед богом и государем за семью, за воспитание детей – верных слуг государства. Согласно домостроительной традиции, как отмечал русский историк и археолог XIX века И.Е. Забелин, «муж, gospodarь дома, оставался... единым лицом, самостоятельность которого была несомненна и ничем непререкаема. В этой одной только форме личность признавалась самостоятельной и обществом. На этом одном лице утверждался и союз

общежития. Это одно лицо было, так сказать, целым полным лицом. Все остальное имело значение неполноты, неоконченности, вообще значение детства» [Забелин, 1869, с. 48].

Глава семьи, «домохозяин», в своём личном «государстве» просто обязан был *«дома вести себя правильно»*, как носитель духовного «чина» (т.е. порядка) он должен обеспечить дом экономически и нравственно. За хозяином остаётся главное – воспитание и общее руководство, причём основным инструментом его действий и решений остаётся личная его *совесть*. Кстати, отметим, что это слово в привычном для нас значении впервые появляется как раз в памятниках XVI в., в том числе и в Домострое. Отличие лишь в одном: это не личная совесть человека, а соответствие его поведения моральным установкам «божественной добродетели».

Триипостасность «государя» дома в точности отражает творящийся в сознании средневекового человека мир. В противопоставлении к жене он – муж, к сыну – отец, к домочадцам – хозяин, государь. По отношению к жене муж – и человек, и мужчина, и супруг. Точно так же даётся типичный портрет и жены, которая по отношению к мужу – и хозяйка, и женщина, и супруга.

Жена, по Домострою, должна вести все домашнее хозяйство. Однако воля и личность женщины всецело подчиняются мужчине. По мысли В.Г. Иваницкого, пространство памятника по горизонтали делится на внешнее (мужское) и внутреннее (женское): «На первый взгляд кажется, – пишет исследователь, – что автор помещает женщину в центр, но это лишь первое впечатление. Цель автора – дать рецепт контроля за этим «центром», что осуществляется: 1) через контроль доходов и денежных сумм; 2) через подчинение себе...; 3) через лишение женщины права принимать самостоятельные решения; 4) через присвоение мужской половине дома права вмешиваться в области, традиционно принадлежавшие женской половине (воспитание детей, контроль за продуктами питания, женскими рукоделиями и т.п.)» [Иваницкий, 1995, с. 171].

Действительно, в «Домострое» строго регламентируется поведение женщины в гостях и дома, вплоть до того, о чем она может вести разговоры. Однако, «Домострой», по сравнению с другими более ранними сочинениями русской средневековой литературы, как отмечает В.В. Колесов, «значительно мягче в своих рекомендациях в отношении к женщине» [Колесов, 2007, с. 336].

Женщине в «Домострое» уготован социальный ранг хозяйки в частной жизни дома. В иерархии семейных отношений она занимает своё особое место. И в то же время только совместно муж и жена составляют «дом». Без жены мужчина не является социально полноправным членом общества, он остаётся при другом (отцовском) «доме». Рассматривая по разным источникам взаимные отношения государя и государыни дома, И.Е. Забелин решался распределить их функции по известной правовой формуле средневековья: «слово и дело». Последнее слово всегда остаётся за государем, но делом в доме занимается государыня (*«делодержец дома»*), так что многим из женщин были присущи крепкое мужество и непреложный разум – качества безусловно мужские [Домострой, 2007, с. 111].

Другое дело – идеальные качества, которых требовал от женщины Домострой. В отличие от мужчины (он должен быть строг, справедлив и честен) от женщины требовались чистота и послушание. Такая специализация нравственного чувства также понятна в эпоху патриархального общества; в полной мере действует правило, упоминаемое ещё Владимиром Мономахом: «любите жену свою, но не дайте ей над собой власти». [Колесов, 2007, с. 338].

Всю ответственность за воспитание детей Домострой возлагает на родителей – и прежде всего на отца, «господина дома»: *«Следует тебе самому, господину, жену и детей, и домочадцев учить не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним – дружелюбным, к младшим и убогим – приветливым и милостивым»* [Домострой, 2007, с. 162]. Однако методы воспитания предлагаются довольно суровые. По Домострою, детей надо воспитывать не только в любви, но в «страхе» и «наказании». *«...любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а осудив, побить. Наказывай детей в юности – упокоят тебя в старости твоей»* [там же, с. 228].

Важной частью Домостроя является «наказы» «об управлении семейным хозяйством». Целью ведения домашнего хозяйства является разумный достаток, «достаточек», и самоограничение (нестяжательство) в соответствии с православными нравственными нормами. Домостроительная «хозяйственная

политика» всегда освящена нравственными установками божественных истин. «Вещный мир оживает, когда все «благословенно» и благословенная денежка по милости божией становится символом праведной жизни», – так комментирует «экономическую политику» «Домостроя» В.В. Колесов, – «Рачительное хозяйственное отношение к каждому кусочку, к крошечке, к лоскутку показывает, насколько ценились все эти блага: еда, питье, одежда. Все нужно сохранить, сберечь, приготовить для нового пользования. Во времена, когда каждый третий год был недород, а каждые десять лет уносили массу людей в различных поветриях, мечта о хлебе насущном – и есть мечта о хорошей, правильной жизни» [Колесов, 20007, с. 328].

Красной нитью через весь «Домострой» проходит отношение русских людей к труду как добродетели и нравственному деянию. Все социальные слои Московского царства – крестьяне, ремесленники; купцы, бояре и даже князья – представляли образ трудовой жизни русского человека: *«Люди торговые и мастеровые тоже пусть торгуют и промышляют лишь тем, что благословляется праведным их трудом, а крестьяне – работают на земле без краж, разбоя и грабежа, без поклёпов, без лжи, клеветы и обманов; торгуют и промышляют по возможности праведными трудами, не ростовщичеством, но благодаря приплоду, труду и всякому урожаю, и совершают дела свои добрые похристиански, по заповедям господним: угодит в сем мире – вечную жизнь заслужит»* [Домострой, 2007, с. 168].

Таким образом, Домострой – это духовно-нравственное хозяйство на уровне семьи, где «производится и воспроизводится помимо обычного домашнего продукта также духовно-нравственный капитал» [Юдина, 2009, с. 116], где экономика не отделена от морально-этических норм общества.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в «Домострое» впервые прозвучала «русская идея», сформированная русским философом рубежа XIX – XX веков Владимиром Соловьёвым. Идёт ли речь о власти и природном анархизме русского характера, о долге, о душевности, о щедрости и широте русского человека, даже об аскетизме как очистительной нравственной силе все эти идеи, которые волновали В. Соловьёва и его последователей так или иначе связаны с фиксированными в Домострое положениями. Вл. Соловьёв писал: «От века даны твердыни и устои жизни: семья, живым, личным

отношением связывающая наше настоящее с прошедшим и будущим; отечество, расширяющее и наполняющее нашу душу содержанием души народной с её славными преданиями и упованиями; наконец, церковь, окончательно избавляющая нас от всякой тесноты, связывая и личную, и национальную жизнь с тем, что вечно и безусловно. Итак, о чем же думать? Живи жизнью целого, раздвинь во все стороны границы своего маленького “я”, “принимай к сердцу” дело других и дело всех, будь добрым семьянином, ревностным патриотом, преданным сыном церкви, и ты узнаешь на деле добрый смысл жизни, и не нужно будет его искать и придумывать ему определения. В таком взгляде есть начало правды, но только начало, остановиться на нем невозможно» [Соловьёв, 1988, с. 89-90]. Но это и есть «необходимое условие нравственно-достойного бытия» [там же, с. 92]. Эта позиция русского философа, на наш взгляд, исходит из этических норм «Домостроя», расширяющего представления о личностном отношении человека к миру и дому.

Список литературы

- Домострой. СПб: Наука, 2007. 400 с.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М.: Типография Грачева, 1869. 178 с.
- Иваницкий В.Г. Русская женщина в эпоху «Домостроя» // *Общественные науки и современность*. 1995, № 3. С. 161-172.
- Колесов В.В. Домострой как памятник средневековой культуры // *Домострой*. СПб: 2007. С. 301-356.
- Ликкио Р. История древнерусской литературы. М.: Круг, 2002. 352 с.
- Святая Русь. Большая Энциклопедия русского народа. Русское Православие: В 3-х т. / Под ред. О.А. Платонова. М., Институт русской цивилизации, 2009. Т. 1. 864 с.
- Соловьёв В.С. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.
- Юдина Т.Н. Эволюция учения о домостроительстве в контексте формирования экономической системы России ((вторая половина IX – начало XX вв.): Дисс. ... д-ра эконом. наук. М., 2009. 324 с.

Обухова Т.М.
Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Obukhova T.
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

«ВНЕАХОДИМОСТЬ» В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР (ПО РАБОТАМ М.М. БАХТИНА)

«OUTSIDENESS» IN THE DIALOGUE OF CULTURES (IN M. BAKHTIN'S WORKS)

Данная статья посвящена рассмотрению бахтинского понятия «внеаходимость» и его роли в диалоге культур. В статье рассказывается о двух способах изучения культуры, выделенных М.М. Бахтиным. Кроме того, предлагается рассмотреть понятие «внеаходимость» в динамике мышления Бахтина – от внеаходимости героя и автора к внеаходимости культур. В работе обосновывается, что внеаходимость вмещает в себя потенциал возможной трансформации, тем самым указывает на невозможность чёткой границы между автором и героем в эстетической деятельности, как и между хронологически разделёнными культурами. Также рассказывается о пространственно-временном расположении современного сознания, которое позволяет задавать чужой культуре новые вопросы, которые она сама себе не ставила. Статья в первую очередь будет представлять интерес для всех, кто занимается вопросами лингвистики, филологии, культурологии и других гуманитарных наук.

This article is devoted to Bakhtin's notion of "outsidedness" and his role in the dialogue of cultures. The article describes two methods for the study of culture distinguished by M. Bakhtin. In addition, it is proposed to consider the concept of "outsidedness" in the dynamics of Bakhtin's theory – from outsidedness of hero and author to outsidedness of cultures. In this paper it is proved that outsidedness holds a potential for a possible transformation, it points to the impossibility of clear bound between author and hero in aesthetic activity as well as between chronotopically divided cultures. Also the paper describes the spatial and temporal location of the modern consciousness, which allows to ask new questions for a foreign culture. In the first place the article will interest all who are involved in linguistics, philology, cultural studies and the humanities.

Ключевые слова: вненаходимость, диалог, Другой, культура, событие, автор, герой, смысл, поступок, граница, эстетическая деятельность, сознание, незавершённость.

Key words: outsidersness, dialogue, Other, culture, event, author, character, sense, act, bound, aesthetic activity, consciousness, incompleteness.

Способы изучения истории культуры

По М.М. Бахтину (1895-1975), существует два главных способа изучения истории культуры. С одной стороны, историка культуры интересует идейная и психическая реальность, находящаяся за текстом и высматриваемая сквозь него. Текст в этом случае – источник, то есть пассивноеместилище информации, нуждающееся в анализе и проработке. Для этого текст требуется «разъять, вышелушить значимые для исследователя мотивы» [Баткин, 2002, с. 227] и затем обработать их, сгруппировать, сопоставить с аналогичными мотивами из других источников, «имея уже дело [...] с препарированными вытяжками ментальной ткани» [там же, 2002, с. 168], а не с целостными произведениями, не с авторами. Такой текст становится объектом описания и формализации. Вычлененные из текста правила его организации, значения, общие места, мировоззренческие мотивы часто оказываются похожими на правила и мотивы в других текстах или вовсе в других эпохах и регионах. Действительно, «всё было всегда, всё подобно всему» [Аристотель, 2008, с. 156]. Если есть тысячелетние традиции, «вечные идеи», эпохальные черты сознания, то получается, что богатство конкретного текста сводимо к богатству метатекстовых кодов и ментальности. Получается, что сам текст, с его своеобразием, оказывается умалён исследованием, открывающим в нём знакомое, общее с другими текстами. Такой текст «воспроизводит, но не производит культуру» [Библер, 1991, с. 24]. Цель такого познания культуры заключена, как и в естественных науках, в исследовании общего, сходного, инвариантного. Индивидуальное же принимается в расчёт как отклонение, осложнение, оно значимо только на фоне парадигмы. То есть если историю культуры изучают как историю цивилизации, то этот подход следует признать специфически научным.

С другой стороны, текст есть особая человеческая реальность, притом не всякий текст и не в качестве очередного подтверждения изоморфизма культуры, но именно «этот текст», только неповторимый и особенный текст, то есть

увиденный в качестве такового. Сколько бы в нём не было повторяющихся, заимствованных, готовых элементов, исследователю интересно, каким образом он пересоздаётся, как по ходу высказывания рождается новый смысл.

Именно смысл, а не информация, наталкивает исследователя на субъект (автора и героя, существующих в пространстве текста). Именно с этим субъектом мы можем вступить в диалогические отношения. И текст становится не просто объектом познания. Тогда цель каждый раз состоит в переосмыслении, в открытии произведения как бесконечно особенного, мыслимого лишь на границе со всеми иными особенными духовными мирами [Бахтин, 1979, с. 302].

Понятая так вслед за Бахтиным культура, оставаясь голосом своего времени и среды, пребывает вместе с тем принципиально незавершённой, «живой», так как сохраняет по отношению к нам подобно личности способность к ответу, не исчерпывающемуся ни условиями первичного создания текста, ни тем, что можно в нём объективно описать и объяснить. Осмысленная так культура «культурна в той мере, в какой принадлежит будущему» [Бахтин, 1979, с. 304], открыта для возможных собеседников. Так, по Бахтину, выглядит история культуры в специфически гуманитарном плане.

Сам Бахтин тяготел ко второму подходу. Только в диалоге, в постоянном смысловом сопоставлении и сопроникновении можно различить, во-первых, прошлый смысл, вложенный автором, во-вторых, современный смысл конкретного читателя и, в-третьих, высшая цель – дать оба смысла вместе, друг через друга, но неслиянными. «Безрефлексивное приложение к далёкому автору собственных предвзятых идей – монологическое насилие над ним, глухота к нему, стало быть, и незнание себя, своего отличия от него» [Баткин, 2002, с. 182].

Бахтин предложил никоим образом не исключать себя, но и не навязывать культуре прошлого, не ощущать свою вненаходимость как методологическое «неудобство», а включить в исследование преимущества смыслового избытка, которым обладаем мы, потомки.

Вненаходимость автора и героя

При всём многообразии исследований творческого наследия Бахтина как в России, так и за рубежом, понятие вневходимости по-прежнему остаётся малоизученным. Исследователей, в первую очередь, интересует теория культуры, а на долю вневходимости, как методологического инструмента, приходится лишь редкие упоминания в статьях [Аксёнов, 1999, с. 18]. Как правило, исследователи обращаются к конкретному произведению Бахтина, где бытие вневходимости транслируется только с одной стороны. Но динамика мышления Бахтина позволяет подойти в данному понятию с разных сторон с точки зрения его становления в разные периоды творчества философа.

Вневходимость в широком понимании предоставляет нам возможность воспринимать и оценивать окружающий мир на дистанции, связываться с различными культурами, отделёнными от нас течением времени и расстоянием.

Бахтин, рассматривая проблему разъединения между культурой и жизнью, видит решение в понимании события как эстетической деятельности. Под событием Бахтин имеет в виду совершение конкретной личностью определённого поступка, за который человек берёт на себя ответственность. Неповторимое наличное бытие поступка может происходить только с данным субъектом, только он может совершить поступок при единственных обстоятельствах. Отсюда можно сделать вывод об открытом событийном характере поступка, совершаемом субъектом в конкретной ситуации.

Актуальность вневходимости возникает из синхронного сосуществования двух обстоятельств, – пассивности и активности конкретного субъекта в событии. Отношения субъекта с миром, по Бахтину, есть осуществление эстетической деятельности.

Субъектом эстетической деятельности может выступать как автор, так и герой. В то же время автору и герою может отводиться роль Другого. Бахтин вводит понятие Другого, чтобы обнаружить пределы существования субъектов эстетической деятельности. Границы жизни могут наблюдать только со стороны, с точки зрения Другого. Только Другой, находящийся вне меня, имеет право завершать мою жизнь, только он может указывать пределы моего существования, только он может воспринимать мою жизнь как нечто единое.

Позицию Другого как в отношении автора, так и в отношении героя Бахтин называет вненаходимостью. Другой для Бахтина – не метафизическая субстанция, а отношение, где рождается эстетическая деятельность, которая даёт возможность прикоснуться к незавершённой действительности. Отсюда вытекает синонимичность данных понятий.

Автор, занимая позицию вненаходимости, может одновременно осуществлять своё бытие и в роли субъекта, и в роли Другого. Это оказывается возможным благодаря трансгредиентности, в результате которой автор приобретает полноту видения картины, или «избыток видения». Другой есть и место извне, и живое становящееся отношение между автором и героем, то есть трансгредиентное отношение. Отсюда, вненаходимость стоит понимать не только как видение извне в прямом значении этого слова, но и как способность к трансгредиентному переходу из одного статуса в другой и обратно. Такой переход возможен только в диалоге. «Только диалогическая, соучастная установка принимает чужое слово всерьёз и способна подойти к нему как к смысловой позиции, как к другой точке зрения. Только при внутренней диалогической установке моё слово находится в теснейшей связи с чужим словом, но в то же время не сливается с ним, не поглощает его и не растворяет в себе его как слова» [Бахтин, 1994, с. 270-271].

Вненаходимость вмещает в себя потенциал возможной трансформации, тем самым указывает на невозможность чёткой границы между автором и героем в эстетической деятельности.

Можно говорить и способности героя становиться Другим, опираясь на работу Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Самостоятельность героя, обладающего собственным голосом, – это новое воплощение Другого. Герой может видеть себя из положения Другого, тем самым трансформируя свой образ, который становится новым, иным, но по-прежнему незавершённым. Таким образом, герой как Другой может занимать позицию Другого для самого себя. Тогда от автора как Другого требуется наблюдать не героя, а героя в позиции Другого.

В итоге, благодаря вненаходимости, которая не чётко закрепляет позиции автора и героя, а даёт им возможность развиваться, вести диалог, трансформироваться, перед нами возникла новая схема положений автора и героя. Получается, что автор и герой способны не только осознавать себя из вне (с позиции Другого), но исполнять партию Другого по отношению к Другому, то есть можно говорить о сознании сознания и у автора, и у героя.

Таким образом, вненаходимость – это особая позиция субъектов эстетической деятельности (автора, героя и читателя), находящихся на хромотопической, смысловой и ценностной дистанции друг от друга. Каждый из них может занимать в диалоге не только своё конкретно отведённое место, но может перемещаться путём вживания в мысли и чувства иного субъекта: автор может видеть себя героем, и, наоборот; читатель также может занять место автора или героя, а автор место читателя путём предвосхищения его понимания. При этом они не теряют своё истинное положение как Другого. Вживание и возвращение в себя, осмысление этого процесса со стороны и есть позиция вненаходимости.

Вненаходимость в диалоге культур

Мы определили вненаходимость как возможность к пересечению границы. Вненаходимость не есть отвлечённое понятие (типа платоновской «идеи») или метафизическая сущность, она также не является каким-то конкретным пространством. Она лишь способствует пересечению границ между различными областями действительности, её можно понимать и как роль Другого.

Культура и сопряжённая с ней «вненаходимость», которую изучает Бахтин, не является неизменным, абсолютно устойчивым монолитом, хотя она и находится в рамках определённых исторических условий. Бахтин понимал культуру как непрерывно изменяющуюся субстанцию в историческом процессе, как непрерывное смыслотворчество. Итак, вненаходимость стоит осмысливать не в конкретно-пространственном смысле, а топологическом: она непрерывна, она распространяется на всё пространство эстетической деятельности.

Попробуем выразить нашу мысль для наглядности в математических терминах. Если мы представим две точки на замкнутой кривой, то расстояние между ними не будет иметь никакого значения, они имеют общую непрерывную границу, а значит, смежные. Если же эти точки будут находиться по разные стороны от замкнутой кривой, одна внутри или же на кривой, а другая снаружи, то их сопредельность исчезнет. Как бы близко они не находились друг к другу, они всегда будут удалены. Внезаходимость не может быть трансцендентной, то есть её нельзя вычислить алгебраическим путём, она внутренне присуща субъектам эстетической деятельности, проистекает из их природы, то есть имманентна. Если же теперь вместо замкнутой кривой представить конкретную культуру, то наши точки не могут оказаться по разные стороны демаркационной линии, они могут быть только на ней, на её границах. Так происходит взаимодействие культур – на границах. Культуры сообщаются, их положение всегда смежное, как бы они не были отделены друг от друга временем или пространством. При этом каждой из культур, взятых в паре, всегда будет отводиться роль Другого.

Внезаходимость в имманентном смысле сталкивает, разъединяет элементы, чтобы появлялись новые отношения, в этом и заключается становление, о чём мы говорили выше. Во внезаходимости заложен потенциал «встреч и расставаний» между членами эстетической деятельности при сохранении их качественных и количественных параметров. Аналогичную мысль мы встречаем у Фуко, правда, он использует понятие «внешнего» вместо внезаходимости. «Внешнее не есть фиксированный предел, но движущаяся материя, оживлённая перистальтическими движениями, складками и извилинами, которые вместе образуют Внутреннее; они – внешнее, но внутреннее Внешнего; мысль приходит из Внешнего, остаётся к нему привязанной, но не затапливает Внутреннее как элемент, о котором мысль не должна и не может помыслить...» [Делёз, 1998, с. 127-128].

Разрушение старых границ и построение новых, то есть способность к переходу (трансгредиентность), к диалогу – вот жизненная сила внезаходимости. Только теперь трансгредиентность стоит понимать шире. Это

не только переход от автора к герою и обратно, но вживание и возвращение из одной культуры в другую. Наша культура уже занимает позицию Другого по отношению к исследуемой культуре.

Вненаходимость проявляется на границах, где происходит столкновение, изменение и возрождение разных культур. Если мы говорим о заимствованиях от одной культуры в другую, то мы сталкиваемся всё с той же вненаходимостью с её стремлением к постоянному становлению. Сама культура уже есть и становящаяся сила, и трансгредивная способность. Следовательно, культура вслед за вненаходимостью тоже проявляется только на границах. «Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территорией у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле её» [Бахтин, 1975, с. 25].

Общение с Другой культурой

Автор ведёт диалог с бесконечным читателем: настоящим, будущим, вечным. Нарушение связи между прошлым, настоящим и будущим ведёт к уничтожению диалога.

Читатель совершает ошибку, замыкая произведение в эпохе его создания, в его современности. Ограничение культурно-исторического контекста приводит к пониманию произведения как факта, а не как события. Нельзя объяснить писателя и его произведение именно из его современности и ближайшего прошлого. Пытаясь понять и объяснить произведение только из условий эпохи его создания, только из условий ближайшего времени, мы никогда не проникнем в его смысловые глубины. Произведение уходит своими корнями в далёкое прошлое. Кроме того, замыкание художественного произведения в отдельной эпохе не позволяет понять и будущей его жизни в последующих веках.

Произведение через трансгредиентное восприятие читателя разрушает границы своего времени, живёт в веках, то есть в «большом времени». И такая жизнь в едином хронотопе всей человеческой истории проходит интенсивнее, полнее, чем в рамках своей современности.

«Традиция искусства придаёт отношениям прошлого и настоящего диалогичность, поэтому произведения прошлого обретают язык и отвечают нам только тогда, когда современный наблюдатель находит вопрос, возвращающий произведение из изоляции» [Аксёнов, 1999, с. 31].

Позиция вневходимости подразумевает не только существование продукта эстетической деятельности в «большом времени», но и его пространственную или временную вневположенность, то есть дистанцию. Вневположенность культур, по Бахтину, даёт начало самым интересным для современного сознания диалогическим отношениям – между автором (произведением) и надресатом.

Пространственно-временное расположение современного сознания даёт возможность ставить чужой культуре новые вопросы, которые она сама себе не ставила. «Мы ищем в ней ответа на эти вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. [...] Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого. При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет своё единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [Бахтин, 1979, с. 335].

Несовременная позиция читателя по отношению к произведению способствует более глубокому его пониманию. Читатель должен осознать своё место в историческом ряду читателей, не должен отказываться «от себя», от своего места во времени, от своей культуры. «Великое дело для понимания – это вневходимость понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять» [Бахтин, 1979, с. 334]. Понять – значит учесть мнения предшественников, всю историю восприятия произведения. Всё это, включая само произведение, есть поток воздействия, направляющий сознание воспринимающего, составляющий «избыток видения».

По Бахтину, «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут ещё больше» [там же]. Это означает, что чем дальше находится творческое воспринимающее сознание от произведения, тем больше рождается потенциальных значений. Отсюда следует заведомо благоприятная смыслотворческая позиция наддресата, в отличие от первого (по времени восприятия) читателя, находящегося в плену своей современности. Смыслы текста способны разворачиваться в сознании читателя лишь во времени. При этом стоит отметить, что Бахтин не сводил актуализацию смысла к накоплению некоторого количества мнений, суждений о произведении, но к рождению нового смысла, имманентного каждому конкретному периоду развития духовной культуры человека.

Интересно отметить тот факт, что само произведение непосредственно может быть актуализацией смысла прошлого произведения. Произведения готовятся веками, а в момент своего создания мы получаем от него те смыслы, которые явились плодами длительного и сложного процесса смыслозревания. «Произведение не может жить в будущих веках, если оно не вобрало в себя как-то и прошлых веков. Если бы оно родилось все сплошь сегодня (то есть в своей современности), оно не могло бы жить в будущем. Все, что принадлежит только к настоящему, умирает вместе с ним» [Бахтин, 1979, с. 331].

Список литературы

- Аксёнов А.В.* Внеаходимость и диалог (философско-эстетическое наследие М.М. Бахтина в свете проблем рецептивной эстетики) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. № 1. 1999.
- Аристотель.* Метафизика // Политика. Метафизика. Аналитика. М.: Эксмо, Мидгард, 2008. 960 с.
- Баткин Л.М.* Два способа изучать историю культуры // Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. Изд. 2-е, доп. М.: РГГУ, 2002. 640 с.
- Баткин Л.М.* Заметки о современном историческом разуме // Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. Изд. 2-е, доп. М.: РГГУ, 2002. 640 с.
- Бахтин М.М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Бахтин М.М. Проблемы творчества поэтики Достоевского. Киев: Next, 1994. 508 с.

Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры. М.: Гнозис, 1991. 363 с.

Делез Ж. Фуко / Пер. с фр. Е.В. Семиной. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 172 с.

Паниткова Э.Ю.
Мурманский государственный гуманитарный университет
г. Мурманск (Россия)

Panitkova H.
Murmansk State Humanities University
Murmansk (Russia)

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

THE PROBLEM OF CONSTRUCTION OF REALITY FROM THE STANDPOINT OF LANGUAGE AND CULTURE

Статья с социально-феноменологических позиций рассматривает проблему конструирования реальности с учётом разнообразия языков и культур. Несмотря на то, что понимание друг друга – весьма сложное и, быть может, недостижимое явление, люди в повседневных взаимодействиях стремятся к тому, чтобы понимать друг друга, т.к. лишь это может служить фундаментом социальной реальности. Общество есть коммуникативная среда, среда понимания, несмотря на то, что каждый из нас, обладая уникальным опытом, уникальным жизненным миром, так или иначе говорит на своём языке. При этом в процессах взаимодействия мы вырабатываем общие конвенции, правила, традиции, типизации, с помощью которых создаётся внешний, понятный, конвенциональный мир, который также становится общей культурной средой.

The article views from the socio-phenomenological positions the problem of construction of reality taking into consideration variety of languages and cultures. In spite of the fact that mutual understanding is a very complicated, perhaps, unachievable phenomenon, people in everyday interaction aspire to it, as only this can be the basis for social reality. Society is the communicative community, community of understanding, in spite of the fact that each of us, having his/her own experience, unique inner worlds, speaks his/her language. In the process of interaction we work out common conventions, rules, traditions, typisations, with the help of which outer, understandable, conventional world is constructed, which becomes a common cultural sphere.

Ключевые слова: язык, культура, конструирование реальности, понимание, взаимодействие.

Key words: language, culture, construction of reality, understanding, interaction.

Проблема человеческого взаимодействия была и остаётся одной из самых главных для философии, социологии, культурологи, этики, психологии и многих других наук, изучающих человека и различные аспекты его бытия в мире. Идеи социального конструирования реальности, разрабатывавшиеся в философии в двадцатом веке, представляют собой один из взглядов на данную проблему.

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману – авторам теории социального конструирования реальности – люди конструируют мир, т.к. это является их биологической необходимостью. При этом человек оказывается не только творцом, но и жертвой созданной им реальности, т.к. она, объективируясь, неизбежно влияет на него. Конструирование реальности происходит в непрерывном взаимодействии (используя терминологию феноменологии, в интересующем пространстве). С этих позиций можно сказать, что с одной стороны, люди сами принимают непосредственное участие в создании языка и культуры, с другой - они вынуждены подчиняться их требованиям.

С одной стороны, язык как система знаков есть созданное людьми орудие деятельности (язык «создан по мерке человека»), но, с другой стороны, люди зачастую осознают ту мощь, которой наделён язык, чувствуют, как одно слово или фраза могут изменить поведение человека, как, находясь «в плену языка», сложно выразить свои мысли и чувства (поскольку слов для их выражения оказывается недостаточно). Более того, любое общество знает и всегда знало язык лишь как продукт (именно поэтому язык, по мнению Ф. де Соссюра, не может быть уподоблен просто договору).

Язык является неотъемлемой частью человеческого существования: человек заявляет о себе как о личности, являет себя миру в основном через языковую коммуникацию, с помощью языка человек как личность устанавливает социальные связи, регулирует межличностные отношения, язык представляет собой хранилище разнообразия накопленных значений и жизненного опыта, передающихся от поколения к поколению и т.д. Это наделяет язык особым статусом и позволяет ему диктовать условия своему создателю. Язык, несомненно, есть нечто большее, чем инструмент познания и общения, он проникает во все сферы бытия человека, что подтверждает точность хайдеггеровского определения языка как дома бытия.

Язык тесно связан с процессами нашего мышления и занимает особое место в осмыслении окружающего мира. Язык выступает в роли так называемого социально-генетического фильтра (фильтра, под действие которого попадает индивид как член определённой социальной системы), формирующего представление о действительности [Тамерьян]. Люди не живут в мире непосредственных чувственных впечатлений, но существуют в субституциональном мире, состоящем из системы значений, а язык, как известно, – одно из главных средств создания данной системы.

Исследователи языка обращают особое внимание на то, что те содержания человеческих переживаний, для которых в языке уже есть имя, входят в самовосприятие человека во многом иначе, чем те, которые остаются безымянными, поскольку они обладают некой закреплённой за ними «готовой» понятностью [Гайденок, 1997, с. 406-409]. В этой связи французский лингвист К. Ажеж, признавая язык механизмом социализации, говорит о том, что, поскольку познаваемый нами мир уже распределён по языковым категориям, «любой человек обращает меньше внимания на то, что не поименовано в языке», и предмет, не выраженный языковыми средствами, «доступен разве что для интуиции» и даже более радикально: «если для людей мир реально существует, то лишь потому, что в их языках есть имена для того, что они могут воспринимать благодаря своим органам чувств или приборам» [Ажеж, 2003, с. 134, 248]. Представляется, однако, что последнее высказывание является слишком категоричным, и действительность мира не может зависеть от наличия или отсутствия имён для его предметов.

В связи с этим возникает вопрос о том, означает ли это, что родной язык неизбежно влияет на способ мышления и категоризации мира. Одним из знаменитых ответов на него является гипотеза лингвистической относительности-лингвистического детерминизма³⁸. Следует уточнить, что она не вполне корректно именуется гипотезой Сепира-Уорфа, поскольку, хотя Э.

³⁸ Подобное наименование гипотезы содержится в работе М. Коула и С. Скрибнера «Культура и мышление»: Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: психологический очерк / пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. С. 56.

Сепир и упоминал о детерминации языком мышления людей [Сепир, 1993, с. 261], особого акцента на этом в его работах не наблюдается.

Гипотеза утверждает мысль о том, что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определённому отбору интерпретаций, расчленению, организации сознанием окружающего мира, к определённому мировоззрению, и люди никогда не в состоянии выйти за пределы форм отражения и способа передачи отношений, предопределённых формами нашей речи. Таким образом, люди не вольны описывать природу абсолютно независимо от языка, даже если считают себя свободными от такой зависимости, поскольку «реальный мир» в значительной степени строится в соответствии с языковым габитусом той или иной группы.

Основными аргументами против гипотезы лингвистической относительности считаются следующие: существуют «универсальные когнитивные стратегии»; мышление (логика мышления) людей, говорящих на разных языках, в своих главных очертаниях остаётся сходным, человек лишь опосредствует мышление языком в той мере, в какой это отвечает содержанию и задачам мышления; существует единая действительность, позволяющая «производить перерасчёт реальных ценностей» с одного языка на другой; существует единая человеческая практика освоения мира; промежуточным миром, стоящим между человеком и реальностью, является не язык, а мир понятий, а понятия есть вненациональные категории; язык предоставляет возможности продуктивного комбинирования слов, что помогает решить проблему отсутствия эквивалентных слов и т.д.

В настоящее время признается, что гипотеза лингвистической относительности имеет сильный и слабый варианты: сильный вариант предполагает, что язык, особым образом анализирующий, синтезирующий, обобщающий явления действительности, определяет характер мышления, слабый же вариант указывает на то, что некоторые аспекты языка могут предрасполагать к выбору определённого мышления и поведения, и именно последний вариант в настоящее время является наиболее популярным, поскольку он сохраняет возможность взаимопонимания, что необходимо для современного глобализированного мира. Более того, само существование

глобализированного мира позволяет отрицать правомерность более критичного варианта гипотезы Сепира-Уорфа, хотя справедливо отметить, что наличие конфликтов между странами, народами, социальными группами, отдельными индивидами вновь возвращает к критичным идеям сторонников гипотезы лингвистической относительности.

В целом, можно сказать, что данная гипотеза имеет главную ценность в том, что она акцентирует языковые и, соответственно, культурные различия. Согласно ей, лингвистические системы, речевые модели языка непосредственно связаны с мышлением и опытом, родной язык предопределяет мировоззрение, систему понятий человека (народа/нации), поэтому восприятие и толкование того, что принято называть «фактами действительности» находится в непосредственной зависимости от конкретного языка, а данные толкования различны настолько, насколько различны грамматики и логики разных языков.

Несмотря на то, что точка зрения, согласно которой логика человеческого мышления едина для всех людей, является достаточно популярной, и гипотеза лингвистической относительности-лингвистического детерминизма признается чересчур утрирующей роль языка в мышлении и познании, проблема успешной межкультурной коммуникации в связи с различиями культур по-прежнему остаётся острой, что подтверждается возникновением новых направлений исследований, обозначаемых терминами «этническая конфликтология», «этническая психолингвистика», «этнография общения», «этногерменевтика», «когнитивная этнопсихолингвистика» [Залевская]. В терминах социального конструирования реальности можно отметить, что каждая нация/каждый народ конструирует свою реальность, которая, безусловно, является частью общечеловеческой реальности. Тем не менее, в ней присутствуют и определённые особенности: жители Запада, как правило, выражают свои мнения открыто и прямо, в то время как жители Востока склонны формулировать мысли косвенно, приводя в пример аналогии, анекдоты, пословицы, цитаты и т.д.

До сих пор не утихают споры вокруг того, насколько особенности национальных языков могут предопределять мышление и поведение людей. То, что русский язык не имеет специальной грамматической формы

иррационального сослагательного наклонения, по мнению В.Л. Шульца и Т.М. Любимовой, способствовало тому, что в течение многих веков в сознании говорящих на русском языке не вырабатывался специальный механизм, предохраняющий от иррациональности в поступках и поведении, что могло дать проекцию на ход русской истории, наполненной героическими страницами и многочисленными переходными состояниями (следует отметить, что авторы сами предостерегают от преувеличения значения данного факта для истории России и российского национального характера). По мнению авторов, распространённость случаев антиципации (случаев, когда знак, необходимый для понимания другого знака, предшествует последнему) в немецком языке (на что указывал Ш. Балли в «Общей лингвистике») может служить объяснением того, что именно этот язык сыграл значительную роль в развитии философского знания, поскольку говорение на нем, подразумевающее постоянную тренировку рациональных способностей, постоянные интеллектуальные усилия, направленные на предугадывание смысла, сравнимы с игрой в шахматы [Шульц, Любимова, 2008, с. 38-50; Балли, 1955, с. 186-187].

Подобные наблюдения, конечно, зачастую не лишены утрированности и стереотипизированности, но они, при их критическом рассмотрении, могут оказать помощь в овладении особенностями и тонкостями разнообразных общественных норм другой культуры, необходимыми для успешного межкультурного общения.

Анализируя повседневное бытие людей, философы и социологи отмечают, что оно во многом основывается на некоем наборе типизаций, абстракций. Типизации, идеализации, абстракции являются неотъемлемой чертой социальной реальности, создаваемой людьми, они находят прочное обоснование в структуре повседневного мышления: каждый шаг моего истолкования мира основывается на запасе раннего опыта, все предметы и события встречаются с самого начала в своей типичности. Явление типизации является психологически-адаптивной функцией нашего мышления, поскольку позволяет экономить мыслительные усилия. Вопрос о том, являются ли типизации, в целом, общими для всех или значительно отличаются в зависимости от культуры, языка, принадлежности к определённой социальной группе и т.д. по-

разному решается в рамках различных концепций. Стоит, однако, отметить, что типизации, разнообразные по принадлежности к отраслям знания, по содержанию, по структуре, не являются раз и навсегда данными, они могут изменяться, расширяться, сужаться в соответствии с нуждами партнёров по общению. Типизации представляют собой и средство успешного общения, и его результат. Таким образом, можно предположить, что обоюдное желание партнёров по общению понять типизации другого, к какой бы культуре они ни принадлежали и на каком бы языке ни говорили, является основной взаимопонимания.

Язык – важнейшая сфера существования и воплощения типизаций: язык как система знаков хранит типизации и предоставляет их для использования, а речь как использование языка в разнообразных ситуациях даёт возможность выработки типизаций. П. Бергер и Т. Лукман указывают на то, что язык типизирует опыт и переживания, позволяет распределить их по более широким категориям, «в терминах которых они приобретают значение не только для меня, но и для других людей» [Бергер, Лукман, 1995, с. 68]. Согласно одному из ярчайших представителей феноменологической социологии А. Шутцу, «язык имён, вещей и событий» является диалектом повседневности, сокровищницей типовых, социальных по происхождению характеристик. Словарь и синтаксис повседневного языка именуется Шутцем «типизирующим медиумом *par excellence*, посредством которого передаётся социальное знание», и «любое имя предполагает типизацию и обобщение в свете системы релевантностей, преобладающей в лингвистической «мы-группе» [Шутц, 1998, с. 132].

Таким образом, в трактовке Шутца язык предстаёт в качестве опыта опредмечивания, задающего тип пре-интерпретации реальности в грамматических и лексических формах, что позволяет подтвердить тезис В. фон Гумбольдта о том, что различные языки связаны с различными мировидениями (тем самым в некоторой степени «оправдывая» гипотезу лингвистической относительности). Согласно теории социального конструирования реальности, язык имеет качество объективности, он является для человека внешней фактичностью, оказывает на него принудительное влияние. В сфере грамматики, лексики, синтаксиса существуют так называемые семантические

поля и смысловые зоны, которые определяют схемы классификации для объектов. Следовательно, наше поведение оказывается детерминированным языком в той мере, в какой оно определяется всем усвоенным нами опытом. Любопытно, что радикальный конструктивист Э. фон Глазерсфельд замечал, что именно различия между языками привели его к мысли о конструктивизме.

Однако можно пойти дальше и сказать, что любой человек обладает уникальным неповторимым жизненным опытом и уникальным внутренним миром и поэтому полное понимание другого невозможно. Радикальные конструктивисты прямо заявляют об этом, к примеру, Г. Рот обращает внимание на то, что мы должны просто уметь осуществлять коммуникативные действия на некоем требуемом уровне, невозмутимо принимая факт невозможности полного понимания [Roth, Poerksen, 2004, p. 124]. Данное положение перекликается с идеализацией, обеспечивающей интерсубъективность у Шутца: идеализацией конгруэнтности систем релевантностей (предполагающей, что для достижения цели можно пренебречь различиями, проистекающими из частных систем релевантностей). Но даже если признать невозможность полного понимания друг друга, это отнюдь не тупиковая ситуация, ведь понимание в этом случае, вслед за радикальными конструктивистами, можно трактовать как «сформированную слушателем концептуальную структуру, сходную в данном контексте с той структурой, которую имеет в виду говорящий» [Glaserfeld, 2008, p. 62]. Для коммуникации, согласно радикальным конструктивистам, достаточно того, чтобы ре-презентации, концепты, значения коммуникантов не вступали в противоречие с ситуационным контекстом или ожиданиями партнёра по общению. И люди взаимодействуют в меру своих сил и возможностей, и чем больше усилий направлено на понимание, тем более успешным оно будет. Пусть, может быть, мы никогда не в силах встать на место другого человека, но приложить все усилия для того, чтобы это сделать – необходимость, если речь идёт об обеспечении нормального сосуществования и взаимодействия, что и является основой социальной реальности. И чем богаче будет арсенал типизаций, тем успешнее будет общение. Даже если признать, что типизации во многом «навязаны» нам нашим опытом, культурой, воспитанием, то необходимо, узнавая новое (изучая новые языки, читая книги, путешествуя и

т.д.), постоянно расширять горизонты познания, способствуя тем самым построению успешного взаимодействия с другими.

При этом не стоит забывать и о том, что сами типизации не столь важны, сколь важна их интерпретация, применение на практике, в повседневности важнейшую роль играет именно ситуативность, использование правил в определённом контексте. Повседневное взаимодействие можно охарактеризовать как поток герменевтических процедур, а само общество – как процесс понимания. Общество – это коммуникативный процесс [Шибутани, 1999, с. 506; Якобсон, 1996, с. 214.], поскольку оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздаётся с помощью определённых актов коммуникативного характера [Сепир, 1993, с. 210]. В процессе разговора уточняется значение неизвестных участникам общения знаков и символов, осуществляется выработка новых правил, новых смыслов, что и является основой взаимопонимания. В рамках социалингвистики эта идея может быть выражена следующим образом: «языковое общество характеризуется не столько согласием в использовании языковых элементов, сколько участием его членов в создании набора общих для всех норм» [Лабов, 1975, с. 320-335]. С философской точки зрения подобные идеи разрабатывались, в частности, Х.-Г. Гадамером, утверждавшим, что диалог не является ни утверждением лишь одного мнения, ни простым сложением мнений, но он есть преобразование мнений, что делает возможным выработку новых правил, и язык является той универсальной средой, в которой происходит процесс взаимного договаривания собеседников и обретается взаимопонимание [Гадамер, 1991, с. 48; Гадамер, 1988, с. 447, 452]. Схожие взгляды разделяет и Н. Элиас, указывающий на то, что значение есть, прежде всего, значение для других, устанавливающееся в диалогических отношениях [Elias, 1991, р. 56]. Основанием интерсубъективности является, в первую очередь, человеческий язык, на что указывали представители и феноменологической социологии, и философской герменевтики, и конструктивизма. Клаус Криппендорф, осуждающий радикальных конструктивистов за то, что они концентрируют внимание на индивидуальном познании, не уделяя должное внимание языку, убеждён, что все без исключения реальности, в которых живут люди (физические, биологические, когнитивные,

лингвистические, социальные и т.д.), формируются в разговоре. Криппендорф, утверждая укоризненность разговора в истории, в отличие от Гадамера, делает акцент не на его предпосылочности, а на его последствиях, т.е. тех изменениях, которые участники разговора вносят в мир в виде решений, институционализации процедур, проектов, дизайнов, текстов и т.д. [Krippendorf, 2009, с. 138-150].

Для Э. фон Глазерсфельда сама возможность успешных интеракций через язык является воплощением объективности, поскольку пресуппозицией данного факта являются аналогичные концептуальные процессы в сознаниях пользователей определённого языка [Glaserfeld, 2009, p. 27].

Разумеется, подобное понимание объективности представляет собой «объективность» лишь в рамках радикального конструктивизма, но здесь значим следующий факт: даже радикальный конструктивизм, который отрицает наличие абстрактных общих значений, идею «транспортировки» значения от одного человека к другому, не может отрицать возможности выработки значений для каждого субъекта таким образом, чтобы эти значения у субъектов не противоречили друг другу, были совместимы (compatible). Язык представляется наиболее совершенным инструментом для этих целей. Именно благодаря подобной «совместимости» является возможным говорить о языке нации/народа, языке военных, банкиров, молодёжи, мужчин, женщин и т.д. В рамках конструктивизма «объективностью» называется большее или меньшее соответствие между моими конструкциями и конструкциями других. Обращаясь к теории аутопоэзиса У. Матураны, можно сказать так: у одинаковых (похожих) аутопоэтических систем одно и то же воздействие вызывает одинаковые пертурбации, и, чем богаче совместный опыт, тем больше взаимопонимание. Соответственно, чем больше у людей общих переживаний, интересов, общей истории и т.д. – тем больше они способны понимать друг друга. Конструктивисты У. Матурана и Ф. Варела также полагают, что передача знания невозможна, оно должно явиться результатом личного опыта.

Таким образом, даже если признать, что полное понимание друг друга недостижимо, мы все равно в состоянии строить взаимодействия и конструировать общую реальность, используя для этого все имеющееся

средства. И именно конструируемая социальная реальность, эта общекультурная среда, оказывается основополагающей базой для понимания. Главной побуждающей силой здесь является желание понимать другого, принимать его позицию и обогащать свой внутренний мир познанием внутреннего мира другого. Общаясь с другими, быть может, сами того не замечая, мы расширяем горизонты своего сознания, что способствует более тонкому пониманию не только других и мира в целом, но и самого себя.

Список литературы

- Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж; пер. с фр. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 304 с.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; пер. с фр. / ред., вст. ст. и примеч. Р.А. Будагова. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с нем. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Гадамер Х-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Гадамер Х-Г.* Язык и понимание / Х.-Г. Гадамер // Актуальность прекрасного; пер. с нем. М.: Искусство, 1991. С. 43-60.
- Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века / П.П. Гайденко. М.: Республика, 1997. 495 с. (Философия на пороге нового тысячелетия).
- Залевская А.А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к её исследованию [Электронный ресурс] / А.А. Залевская // Языковое сознание и образ мира. – Режим доступа: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-5.html
- Лабов У.* Отражение социальных процессов в языковых структурах / У. Лабов // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 320-335.
- Сепир Э.* Коммуникация / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии ; пер. с англ. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. (Филологи мира). С. 210-215.
- Сепир Э.* Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии; пер. с англ. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. (Филологи мира). С. 259-265.
- Тамерьян Т.Ю.* Интеллектуальные характеристики языковой личности [Электронный ресурс] / Т.Ю. Тамерьян. – Режим доступа: <http://www.ulsu.ru/conference/2006/imo/documents/32.doc>
- Шибутани Т.* Социальная психология / Т. Шибутани ; пер. с англ. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1999. 544 с.
- Шульц В.Л., Любимова Т.М.* Язык как метареальность и прогностическая структура / В.Л. Шульц, Т.М. Любимова // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 38-50.
- Шутц А.* Структура повседневного мышления / А. Шутц // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 129-137.

Якобсон Р. Жить и говорить / Р. Якобсон // Язык и бессознательное; пер. с англ., фр. / сост., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе, ред. пер. Ф. Успенский. М.: Гнозис, 1996. С. 199-222.

Elias, N. The symbol theory / N. Elias. L.: Sage Publications, 1991. 176 p.

Glaserfeld, E. von. Reconstructing the Concept of Knowledge / E. von Glaserfeld // Key Works in Radical Constructivism. Rotterdam: Sense Publishers, 2009. P. 21-29.

Glaserfeld, E. von. Who Conceives of Society? / E. von Glaserfeld // Constructivist Foundations. 2008. Vol. 3. No. 2. P. 59-64.

Krippendorf, K. Conversation : Possibilities of its Repair and Descent into Discourse and Computation / K. Krippendorf // Constructivist Foundations. 2009. Vol. 4. No. 3. P. 138-150.

Roth, G., Poerksen, B. We Are Constructs Ourselves / G. Roth, B. Poerksen // The Certainty of Uncertainty : Dialogues Introducing Constructivism. UK: Imprint Academic, 2004. P. 109-132.

Степанова Н.А.
ФБОУ «Алтайский государственный университет»
г. Барнаул (Россия)

Stepanova N.
Altai State University
Barnaul (Russia)

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНТРОПОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА)

EVOLUTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: CAUSES AND EFFECTS (ON AN EXAMPLE АНТРОПОНИМОВ RUSSIAN)

Статья посвящена рассмотрению актуальной на сегодняшний день проблемы эволюции русской языковой картины мира. Целью данной работы является осмысление и анализ антропонима как элемента русской языковой картины мира. Показано, что на примере анализа антропонимов русского языка возможно рассмотрение русской языковой картины мира в диахронном аспекте. На основании анализа антропонимов устанавливается, что в настоящее время русская культура претерпевает значительные изменения. Статья подводит некоторые итоги изучения имен Вера, Надежда, Любовь как единого ономастического комплекса. В статье выяснена значимость имен для носителей русского языка. Представлена ядерно-периферийная структура каждого имени. Работа имеет междисциплинарный характер. Написана на стыке лингвистики и культурологии. Такой взгляд будет интересен специалистам в области лингвистики, лингвокультурологии, ономастики.

The article includes actual problem's consideration of evolution russian language worldview. The goal of this work is a perception and analysis anthroponym such as element of russian language worldview. It's fact in evidence, that in terms of analysis anthponyms may consider the russian language worldview in diachronic aspect. For the reason of analysis anthroponyms shows the russian culture changing now. The article includes the result of researching names Vera, Nadezda and Lubov as general anomastic complex. There is the importance of names knows for russian informants and shows nuclear-peripheral structure of every names in the article. The work has interdisciplinary charcher. It's written between linguistics and culturology.

Ключевые слова: языковая картина мира, менталитет, антропоним.

Key words: the language worldview, mentality, anthroponym.

Человека вне языка нет и, по всей вероятности, быть не может, так как развитие индивидуальности во многом опирается на язык, который всегда оставался и продолжает оставаться наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса. Так В. фон Гумбольдт видел в языке воплощение и проявление духа народа, его миропонимания и менталитета. Не вызывает сомнений, что язык – специфический инструмент ментального упорядочения мира, средство закрепления этнического мировидения, которое складывается из мировидения личностей, являющихся представителями определенного этноса и носителями национальной культуры, с одной стороны, а с другой, способ представления определенных ценностей человечества в целом. Наиболее наглядны в этом плане имена собственные.

Осознание имен собственных как особой подсистемы языка в настоящее время является общепризнанным. Они представляют самостоятельную сферу со свойственными им закономерностями, занимая, таким образом, особое место в лексической системе языка в связи с их способностью аккумулировать этнокультурный опыт. Имена – часть истории народа. В них отражается быт, верования, художественное творчество народа, его исторические контакты. Это объясняется тем, что для появления имени необходимы определенные культурно-исторические условия. Мы можем говорить о том, что многие имена содержат в себе яркий отпечаток соответствующей эпохи, создавая тем самым благоприятные условия для комплексного изучения сознания, культуры и языка, так как, с одной стороны, личное имя является определенным средоточием культуры народа, с другой стороны, оно само – порождение народной культуры.

Круг объектов, которым человеческое общество присваивает собственные имена, очень широк и разнообразен. В роли таких объектов выступают, прежде всего, сами люди, животные, элементы географической среды и т.д. При этом принципы и процесс номинации любого объекта являются свидетельством перехода от системно-структурной и статистической парадигмы к парадигме антропоцентрической возвратившей человеку статус «меры всех вещей» и вернувшей его в центр мироздания. Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих языковых

построений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета.

В рамках антропоцентрической парадигмы антропоним представляет собой тот языковой знак, который можно назвать предельно антропоцентрическим, максимально приближенным к человеку. В связи с этим целесообразно говорить об антропониме, как о единице национального менталитета.

Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в неё, развивается в ней и выражает её; каждый язык отражает культурные реалии того социума, где он функционирует, при этом адекватно обслуживая культуру данного социума. И сама культура есть своего рода прошлое, просвечивающее в настоящем. Чем глубже это прошлое, тем выше культура.

Культуру хранят в себе как имена нарицательные, так и имена собственные. Внимание к системе имён собственных, в частности антропонимов, определяется их особым положением в языке. Еще в XIX в. известный собиратель антропонимов М.Я. Морошкин писал, что личные имена имеют важность и значение не только как языковой материал, но и как памятник воззрений, понятий и представлений народных, в них нередко отражается характер и дух народный лучше всех других исторических памятников.

Личные имена становятся достоянием человечества лишь благодаря языку. Но язык неотделим от самого народа. Именно поэтому личные имена у каждого народа связаны со множеством экстралингвистических факторов: бытом, религией, культурой, с развитием производительных сил и т.п. А.В. Суперанская пишет о том, что личное имя является определенным средоточием культуры народа, и то же время оно само – порождение народной культуры. При этом на протяжении много времени культура определялась, прежде всего, религией. Любая религия несла с собой комплекс моральных, правовых и традиционных бытовых норм и привычек. Одной из главных культурных ценностей, сопутствующих религии, служит определенный массив личных имен. Можно отметить, что в настоящее время в системах и способах именовании людей сохраняется ряд традиций, привнесенных религией.

Национальная антропонимия содержит обширные сведения об особенностях социальной организации, экономическом развитии, культуре, этнографии общества.

О сумме имен, употребляющихся в данное время у какого-либо народа, обычно говорят как о системе, в которой все сбалансировано. Все имена собственные, функционирующие в социуме, составляют ономастическое пространство, определяемое моделью мира, существующей в представлении народа, дающего имена. С развитием общества система имен также не остается постоянной: имена устаревают, меняется их популярность.

Антропонимы являются важнейшим звеном, связывающим человека с непосредственным окружением и обществом в целом. Человек живет не просто среди людей, но и среди имен, которые образуют вокруг него определенное особое национально-культурное пространство, единое для всего языкового коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена. При этом у каждого народа со временем формируется своя концепция собственных имен, т.е. оценка имен обществом.

Имена собственные, функционируя в качестве своеобразных культурно - исторических языковых индексов, отражают наиболее престижные для данного пласта лексики понятия и создают благоприятные условия для комплексного изучения сознания, языка и культуры народа. Следует отметить, что в настоящее время можно видеть следующую концепцию именника: происходит возрождение исконных, национальных имен, создание и распространение имен, связанных с историческими, национальными личностями, активизация благозвучных имен. При этом в ономастической системе народа на протяжении долгого времени сохраняется определенный национальный фонд, т.е. ядро, имен собственных. Однако живучесть традиционных имён сейчас не позволяет предположить, что и в будущем сохранятся многие нам уже привычные имена. Следовательно, неизбежное возникновение в нашем обществе возрастания роли различительной приводит к появлению новых имён, красивых и ярких.

Благодаря изучению природы имен собственных, выявлению их особенностей, раскрытию семантики и этимологии исследователи приходят к мысли о том, что имена собственные глубоко национальны. При этом особенности ономастикона того или иного народа обусловлены как их

принадлежностью к национальному языку, так и спецификой национальной культуры, в среде которой создавалась и формировалась система имен. Следовательно, истоки положения о национальной специфике имен собственных нужно искать в национальной культуре народа. В этом плане понятие «национально-культурная специфика» применительно к именам собственным подразумевает тесное единство мировидения народа с его духовной, социальной и материальной культурой. При этом подобное единство обязательно отражается в семантике имени собственного.

Говоря об отражении национальной культуры в именах, следует отметить, что в своем большинстве имена собственные представляют собой знаки вторичной номинации, т.е. они не создаются заново, а образуются на основе тех средств, которые имеются в языке. Таким образом, имена уже содержат в себе определенные значения, заложенные в словах, участвующих в их образовании, и «прежде всего необходимо выделить лексемы, словообразовательные модели и др., хранящие культурную информацию и участвующие в образовании имени собственного».

Антропонимы занимают среди имен собственных особое место. В первую очередь потому, что все имена собственные – продукт деятельности человека, а имя – необходимый его атрибут. На наш взгляд, антропонимы – важнейшие компоненты лексической системы любого языка. В языковой картине мира они занимают уникальное положение. Имена – одни из первых слов, которые, как пишет Якобсон, усваивает человек, последние, которые он утрачивает при афотических расстройствах речи.

Антропонимы являются важнейшим звеном, связывающим человека с непосредственным окружением и обществом в целом. Человек живет не просто среди людей, но среди имен, которые образуют вокруг человека особое национально-культурное пространство, единое для всего коллектива и индивидуальное для любого его отдельного члена.

Наиболее полно проанализировать отношение человека к имени как к ментальной сущности, нами было решено в ходе бесед с носителями русского языка. Целью такого эксперимента явилось выяснение важности/неважности этих имен для культуры. В ходе опросов и бесед респондентам было задано несколько вопросов:

1. Считаете ли Вы, что имена ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ важны для русской культуры?

2. Можно ли говорить, что имена представляют собой единый комплекс?

3. Актуальна ли на данный момент их связь с именами святых мучениц ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ?

4. Отражается ли в этих именах смысл нарицательных существительных ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ?

5. Какое место в настоящее время личные имена ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ занимают нашей культуре?

По итогам эксперимента респонденты были разделены нами на три группы:

1. Православные люди, верящие в бога;

2. Респонденты, которые не являются верующими людьми, но знакомы с историей имен;

3. Люди, которые не знакомы с Библией и историей этих имен.

Для первой группы респондентов три этих имени напрямую связаны с нарицательными именами ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ и имеют очень важное значение (*Мы верим, мы надеемся, мы любим; для христиан они значат очень много; это придает сил в жизни русского человека: мы верим, надеемся и любим; А вот если действительно смотреть по значению в Библии, то эти понятия едины, более того, они отражают характер Божий; Вот единство: искренняя вера, крепка надежда, нелицемерная любовь*). При этом личные имена ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ для верующих людей связаны именно с историей трех сестер – мучениц, которые пострадали за их веру (*Вера, Надежда и Любовь – сестры во Христе. Конечно они одно целое; Мне кажется, что не случайно эти три имени получили именно три сестры; Когда я слышу эти имена, сразу думаю о подвиге сестер; Есть праздник в православии – день великомученицы Софии и трех ее дочерей. Это именно их имена*). Следует отметить, что, несмотря на то, что это три разных имени, респонденты рассматривают их как единый ономастический комплекс (*Да, я думаю, это единое целое. Эти слова, имена, просто не существуют друг без друга. Каждое из них дополняет друг друга!; Конечно, эти имена – единое целое, одно без другого невозможно; Имена являются единым целым. У них история одна; Я думаю, в языке они существуют как триада*,

потому что есть аналог нарицательных существительных, а для имени София аналога такого аналога у нас в языке нет).

Опрос показал, что эти имена, по мнению респондентов, содержат в себе те ценности, добродетели и основные ориентиры, на которые опирается человек *(С этими именами раньше шли в бой за Россию! Да и сейчас нам приходится опираться только на эти имена. Вера умирает без любви и надежды; Если говорить об изменении в культуре и нравственности, то нужно отталкиваться от традиций)*. В связи с этим, имена собственные, по мнению респондентов, вбирают в себя значения нарицательных имен, которые являются первичными по отношению к собственным именам *(Апостол Павел писал о понятиях. Как понятия они взаимосвязаны, они кажутся мне чем-то единым; Они же так и называются, как нарицательные существительные, поэтому и значат это. Святые погибли, но они воплощали в себе веру, надежду и любовь)*.

По мнению респондентов, смысл нарицательных имен, который вобрали в себя собственные имена ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ должен иметь первостепенное значение для нашей культуры *(Рискну предположить, что в христианской культуре все-таки должно быть стремление называть своих детей именами или понятиями, которые встречаются в Библии, ведь Вера, Надежда и Любовь – это не только имена, но и понятия сочень глубоким смыслом)*. Однако на сегодняшний день следует отметить снижение популярности этих имен, что было отмечено выше. Причины такого снижения заключаются, по мнению респондентов, не только в стремлении, к новшествам *(Возможно, эти имена уже не так модны, ведь история забывается; Сейчас я все реже встречаю девушек с такими именами, может их считают старомодными)*, но и в том, что, во – первых, уровень религиозности населения достаточно низок *(В наше время не верят больше; В церковь перестали ходить, вот и забыли про все; Может это потому, что мало во что верят)*, а, во-вторых, меняется сама русская культура *(Для русской культуры они уже ничего не значат; Ценности людские изменились, постепенно все исчезает; В современной культуре эти имена все больше сходят на «нет». Эти слова перестают значить что-то для людей)*. Именно эти два параметра были названы как основные причины изменения динамики имен ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ.

Вторая группа респондентов (деление условно) придерживается мнения, что имена ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ и соответствующие понятия сейчас уже не так важны, как раньше (*Да, конечно, я слышала про подвиг мучениц, но сейчас это неактуально; Чем они сейчас нам помогут? Может помогут только тем, кто и правда верит*). Это, безусловно, является свидетельством того, основные концепты нашей культуры сейчас находятся в стадии трансформации.

Следует отметить, что имена ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ, по мнению, респондентов, связаны в большей степени с именами нарицательными, чем с именами святых мучениц (*Потому что есть понятия, есть такие имена; А ведь не все имена, которые есть, были именами Святых; Они связаны с именами сестер, но не так сильно, как с понятиями*). Этот факт является свидетельством того, что постепенно картина мира меняется. Это происходит постепенно, что со временем находит свое выражение в языке. Однако на сегодняшний день мы видим, что восприятие этого фрагмента нашей культуры уже изменилось.

Основанием объединения имен ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ для респондентов служит то, что в языке имеются соответствующие понятия (*Скорее всего, их объединяют вера, надежда, любовь; Если бы не было мучениц, наверное, имена бы все равно были*). Несмотря на знание истории имен трех сестер, для респондентов она не является первопричиной объединения этих имен в один ономастический комплекс. Однако эта связь, по их мнению, все-таки не является причиной их постоянного объединения (*Имена же разные, хотя и есть вера, надежда, любовь; Я могу говорить об одном имени, даже не вспомнив про другое; Когда говорят о понятиях, конечно, они объединены, а имена не так*).

При этом личные имена ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ, по мнению респондентов, напрямую отражают смысл нарицательных имен вера, надежда, любовь (*В них смысл такой же*).

Исходя из всего вышесказанного, мы можем говорить о частичном изменении отношения носителей языка к ономастическому комплексу «ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ». С точки зрения респондентов он является важным для нашей культуры и духовности, но при этом постепенно он перестает быть таковым (*Для нашей культуры он важен, но ведь и культура меняется; Чтобы сохранить культуру, надо сохранять традиции, а эти имена, наверное, и есть традиция; Для нашей культуры он не так важен, как для христианина*).

Третья группа респондентов, участвующих в опросе, составила большинство (46 человек). В ходе эксперимента выяснилось, что респонденты отвечали, что имена Вера, Надежда, Любовь, по их мнению, никакого значения для нашей культуры не имеют (*А что они могут рассказать; Это же просто имена, сейчас они уже не в моде; Для меня они неинтересны; Не могу об этом ничего сказать*). Кроме того, стало понятно, что в их картине мира отсутствует связь между личными именами ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ и соответствующими нарицательными именами (*Что-то не вижу я никакой связи тут; Какая связь, если одни понятия, а другие имена?; Мне кажется, что так все можно связывать на пустом месте*), что свидетельствует о трансформации видения этих личных имен. Они уже не воспринимаются носителями языка как производные от нарицательных имен вера, надежда, любовь.

При этом нами было отмечено, что собственные имена ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ не остаются для данной категории респондентов единым комплексом (*Это совершенно разные имена; Раньше я слышал их вместе, а сейчас нет; Так и любые три имени можно объединить*). В связи с этим, можно сделать вывод, что основания для объединений этих имен в один комплекс для респондентов отсутствуют.

Как показал опрос, собственные имена ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ, по мнению респондентов, не могут иметь содержания, в связи с чем, для этой группы респондентов каждое из имен является просто звуковой оболочкой (*Они звучат и все, как другие имена; Ну имена как имена, правда ничего особенно в них нет; Да ведь просто звук!*). В связи с этим мы не можем говорить, что в современной культуре эти имена являются символами. Как показал опрос, каждое имя в настоящее представляет собой только звуковой комплекс, за которым ничего не стоит.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что эта группа респондентов не рассматривает ономастический комплекс «ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ» как значимый для русской культуры. Несмотря на то, что эти имена имеют свою историю, они перестали существовать для носителей языка именно как часть культуры. Такую позицию занимают большинство опрошенных нами людей, что свидетельствует об изменении в духовной культуре носителей языка.

Обращение к изучению ономастического пространства дает возможность системно представлять связь языка и культуры народа, а также открывает перспективы для дальнейших ономастических исследований.

В настоящей работе было уделено внимание важности имени собственного для культуры народы. Имена собственные, функционируя в качестве своеобразных культурно - исторических языковых индексов, отражают наиболее престижные для данного пласта лексики понятия и создают благоприятные условия для комплексного изучения сознания, языка и культуры народа. При этом особенности ономастикона того или иного народа обусловлены как их принадлежностью к национальному языку, так и спецификой национальной культуры, в среде которой создавалась и формировалась система имен. Следовательно, национальная культура является отражением национальной специфики собственных имен. В этом плане понятие «национально-культурная специфика» применительно к именам собственным подразумевает тесное единство мировидения народа с его духовной, социальной и материальной культурой.

Ономастическое пространство представляет собой отражение единой языковой картины мира, которая складывается в совокупности речевых произведений различных языковых личностей.

Анализ ономастического комплекса Вера, Надежда, Любовь в рамках ономастического пространства показал, что постепенно снижается популярность этих имен. На протяжении всего двадцатого века эти имена входили в десятку популярных имен Алтайского края. К концу двадцатого века частотность этих имен меняется. Мы можем наблюдать, что с 1981 по 1990 гг. в десятку самых частотных имен входит только имя Надежда, с 1991 по 2000 гг. – только имена Вера и Надежда, а с 2001 года ни одно из трех имен не входит в число десяти самых частотных имен г. Барнаула. Снижение частотности имен свидетельствует о снижении их популярности среди населения. Этот факт говорит о том, что отношение к этим именам меняется.

Обобщив все результаты эксперимента, мы выяснили, что в современной культуре ономастический комплекс Вера, Надежда, Любовь перестает существовать как единое целое. Постепенно происходит снижение его

значимости для нашей культуры, что, безусловно, отражается в языковом выражении.

Собственные имена Вера, Надежда, Любовь в настоящее время оказываются значимыми только для людей, которые верят в бога. Они знакомы с Библией, в которой отражена история подвига за свою веру трех сестер Веры, Надежды и Любви, а также их матери Софии. Именно поэтому для них собственные имена Вера, Надежда, Любовь являют собой единый комплекс, отражающий напрямую смысл нарицательных имен вера, надежда, любовь. При этом в ответах этой группы респондентов подчеркивается, что этим имена важны только для верующих людей, а не для культуры в целом.

Следует отметить, что для респондентов первой группы эти имена являются отражением духовных ориентиров, жизненных установок и т.п., наряду с нарицательными именами вера, надежда. Любовь, так как являются образованными именно от них.

Как показало исследование, в картине мира второй группы респондентов уже видно изменение ее элемента. Мы видим, что имена Вера, Надежда, Любовь, для них связаны в большей степени с именами нарицательными, чем с именами святых мучениц. С точки зрения ономастического комплекс Вера, Надежда, Любовь является важным для нашей культуры и духовности, но при этом постепенно он перестает быть таковым.

В ходе анализа ответов третьей группы респондентов, мы выяснили, что, по их мнению, ономастический комплекс Вера, Надежда, Любовь никакого значения для нашей культуры не имеет. Каждое из имен является просто звуковой оболочкой, не несущей в себе никакого содержания. Эти имена уже не воспринимаются носителями языка как производные от нарицательных имен вера, надежда, любовь, что свидетельствует о трансформации восприятия этих личных имен.

Таким образом, можно говорить о том, в настоящее время фрагмент картины мира носителей русского языка изменился за счет переоценки духовных ценностей. Сложившаяся ситуация показывает, насколько изменилась наша культура. Культура является своего рода нормативным отношением к миру, базирующимся на определённых образцах, одобряемых большинством членов общества, правилах. Нормы каждой культуры

проявляются в следующих её составляющих: традициях, обычаях, привычек, нравов, табу, законов, вкусов и увлечений, верований, знаний. Как показывает проведенное нами исследование, изменился определенный элемент русской языковой картины мира, что, в свою очередь позволяет сделать вывод об изменении части культуры народа. Однако, не оставляет сомнений тот факт, что должно быть сохранено культурное наследие русской культуры. **Культурное наследие** представляет собой фактически главный способ существования культуры. То, что не входит в культурное наследие, перестает быть культурой и, в конечном счете, прекращает свое существование.

Фрольцова В.В.
Венский университет
г. Вена, (Австрия)

Froltsova V.
University of Vienna
Vienna, (Austria)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: INTERPLAY OF LANGUAGE AND CULTURE

Основой эффективной межкультурной коммуникации является межкультурная компетентность, поэтому изучение взаимодействия языков и культуры, а также когнитивных аспектов межкультурной коммуникации представляется особенно актуальным сегодня. Развитие у студентов таких навыков как культурная толерантность и терпимость, уважение к уникальным особенностям каждой культуры и когнитивная гибкость является основной целью не только в языковых, но и неязыковых вузах. Несмотря на пристальное внимание науки к данным аспектам, отсутствие единой терминологической базы позволяет нередко свободную интерпретацию понятий когнитивной лингвистики и сдвигает тем самым фокус исследований в исключительно теоретическую сторону.

Intercultural competence is a basis of efficient intercultural communication that is why interaction between languages and culture as well as of the cognitive aspects of intercultural communication and their research represent one of the most challenging topics today. Students should develop such skills as cultural tolerance, respect towards unique particularities of each culture and cognitive flexibility which is the main goal in linguistic and non-linguistic universities. Although linguistics pay careful attention to these aspects, the lack of the unified terminological basis leads to free interpretation of terms in cognitive linguistics and shifts the research focus to exclusively theoretical questions.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика, концепт, культурная память, межкультурная компетентность.

Key words: intercultural communication, cognitive linguistics, concept, cultural memory, intercultural competence.

Значение межкультурной коммуникации сегодня очень трудно переоценить. В настоящее время проблемами межкультурной коммуникации занимаются не только теоретические науки, как-то: антропология, этногерменевтика, психолингвистика и т.д., но и многие иные, на первый взгляд почти не связанные с ней напрямую. Именно тот факт, что многие мыслительно-речевые процессы, а значит, и соответствующие реакции, обусловлены национально-культурными особенностями стал одной из основных причин включения в программы обучения специалистов неязыковых вузов, например, в области экономики, юриспруденции и международных отношений, такого специализированного курса/-ов как «Межкультурный менеджмент» и/или «Межкультурная коммуникация». С одной стороны, это можно объяснить междисциплинарным характером таких понятий как «культура» и «коммуникация», что приводит к постоянному росту количества определений данных терминов, которые каждая дисциплина трактует по-своему, в зависимости от направленности исследований. Существует, например, более 300 определений понятия «культура», при этом в каждом из них акцентируется один определенный аспект исследования. С другой стороны, возросшее в последние годы число статей о так называемой «культурной некомпетентности (неграмотности)» и осознание того, что одно лишь знание иностранного языка не является условием для эффективной реализации межкультурного диалога, привлекли дополнительное внимание к данной проблеме и способствовали ее изучению.

Еще в 70-х годах в своей работе «*Defense and Growth*» А. Маслоу высказал идею о том, что каждый человек подвержен воздействию двух сил, которые определяют его дальнейшее поведение, – стремление к безопасности и росту [Maslow, 1956, p. 37-38]. Именно желание быть в безопасности, по Маслоу, заставляет человека отдавать предпочтение знакомому перед незнакомым и определяет, таким образом, фильтрацию (как когнитивный механизм) информации в зависимости от происхождения, образования, принадлежности к определенной социальной группе и культуре, ценностных ориентиров и т.д. При этом со стороны неносителя языка могут возникать дополнительные фильтры при отборе информации, обусловленные тем, что при попадании в чужую культуру неносителю языка бывает трудно дифференцировать и сортировать

информацию по важности и релевантности. Игнорирование существенной информации в пользу несущественной в большинстве случаев является следствием низкой межкультурной компетентности. Даже без учета эмоционального фактора, который, несомненно, также влияет на фильтрацию информации, функция самозащиты, или стремление к безопасности по А. Маслоу, заставляет носителя языка фиксировать только знакомое и положительное, отфильтровывая незнакомое и негативное.

От компетентного участника межкультурной коммуникации ожидается умение вести межкультурный диалог, оперируя разными когнитивными системами, поэтому в основе этого навыка лежит развитие когнитивной гибкости. По мнению Е. Чайки, результатом знания двух языков является когнитивная гибкость [Chaika, 1994, p. 45]. Однако стоит не согласиться с тем, что лишь одно знание языка способствует развитию когнитивной гибкости. Оперирование когнитивными структурами, образующимися в результате обработки языковой и неязыковой информации, поступающей в сознание в процессе коммуникации, и составляют основу коммуникативной деятельности с точки зрения когнитивной лингвистики [Тарнаева, 2008]. Основными признаками когнитивной гибкости являются признание права представителей другой культурно-языковой общности на иное, отличное от собственного, восприятие мира; готовность к восприятию явлений, которые являются чуждыми, и, как следствие, их объяснение и познание не может базироваться на предыдущем опыте в виду его отсутствия; отказ от конвергентного типа мышления (то есть объяснения явлений чуждой культурно-языковой общности через призму собственной культуры, системы ценностей и восприятия), и, как следствие, желание и способность к преодолению стереотипов. Одно лишь (техническое) знание иностранного языка создает необходимые предпосылки, но часто является недостаточным для развития когнитивной гибкости, что, в свою очередь, усложняет также и сам процесс изучения иностранного языка. Это подтверждает и Тер-Минасова, утверждая, что «именно эта необходимость перестройки мышления, перекраивания собственной, привычной, родной картины мира по чужому, непривычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком, причем трудность неявную, не лежащую на поверхности, часто вообще

не осознаваемую учащимися (а иногда и учителем), что, по-видимому, и объясняет недостаток внимания к этой проблеме» [Тер-Минасова, 2000, с. 48]. Именно сам опыт международного общения и функционирование в инокультурном и иноязычном пространстве способствуют развитию когнитивной гибкости [Леонтович, 2002, с. 30]. Развитие когнитивной гибкости позволяет отказаться от противопоставления по оси «свой-чужой» и способствует развитию межкультурной коммуникации, а значит взаимопонимания.

Развитие когнитивной гибкости связано с одним из ключевых понятий, утвердившихся в когнитивной лингвистике, а именно, понятием «концепта». Тем не менее, нужно отметить, что его определения также существенно варьируются в зависимости от приоритетов и мнений научных школ и отдельных исследователей. Подобно понятиям «культура» и «коммуникация», «концепт» является междисциплинарным понятием, позволяющим его свободное толкование. Однако все существующие определения понятия «концепт» сходятся в одном: концепт является дискретной, объемной в смысловом отношении единицей, то есть единицей, отражающей память народа [Попова, Стернин, 2007, с. 34]. Отсутствие единого определения понятия «концепт» связано, в первую очередь, с тем, что концепт обладает сложной многомерной структурой, включающей в себя кроме понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая «не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им» [Маслова, 2004, с. 36]. В концепте содержатся оценочные нормы, модели поведения и обобщенные ситуационные схемы. Культурные концепты определяют вербальное поведение представителей определенной культурно-языковой общности. В.И. Карасик предлагает выделить три компонента концепта – образный, фактуальный и ценностный [Карасик, 2004]. По мнению Г.Г. Слышкина, ценностная составляющая концепта является самой главной и отличает его от остальных ментальных единиц [Слышкин, 2004].

Концепты образуют концептосферы, которые по определению, предложенному Д.С. Лихачевым, являются совокупностью концептов нации, и при этом намного шире семантической сферы [Лихачев, 1993, с. 5]. По мнению Д.С. Лихачева, концептосфера народа тем богаче, чем богаче культура нации [там

же, с. 5]. Разбирая понятия «концепта» и «концептосферы», Попова и Стернин приходят к выводу, что концептосфера – это «упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления» [Попова, Стернин, 2007с. 36]. По мнению Дж. Лакоффа, когнитивные системы представителей разных культурно-языковых общностей отличаются друг от друга способами концептуализации действительности [Лакофф, 1988, с. 437], что проявляется на разных уровнях. Поэтому межкультурная компетентность является не просто условием для более эффективного освоения иностранного языка, то есть развития языковой коммуникативной компетентности, но ее развитие осуществляется на экстралингвистической основе. Сегодня в стремительно развивающемся мировом сообществе, которое отличатся все большей интеграцией народов, многие социологи отмечают все больше возрастающую потребность в осознании различий концептов и их понимании. Именно от этого и зависит успех межкультурной коммуникации.

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о мире, т.е. формируется определенная модель мира, описывающая человеческую ментальность, или картина мира. По мнению Серебренникова, картина мира «запечатлевает в себе определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира» [Серебренников, 1983, с. 60]. В.А. Маслова характеризует картину мира как «определенное видение и конструирование мира в соответствии с логикой миропонимания» [Маслова, 2004, с. 48]. В когнитивной лингвистике принято различать концептуальную и языковую картины мира, причем, как утверждают многие лингвисты, концептуальная картина мира на много богаче языковой. Как подчеркивает Е.С. Кубрякова, «картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, - феномен более сложный, чем языковая картина мира, т.е. та часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и переломлена через языковые формы» [цит. по: Попова, Стернин, 2007, с. 38]. Именно эта двойственность картины мира и является предметом многих научных разногласий, так как она включает в себя овнешненный внутренний мир человека и отражение реальной действительности в его сознании.

Говоря о национальной картине мира, необходимо также упомянуть и о такой ее составляющей как культурная память, которая представлена на двух

уровнях – коллективная и индивидуальная [Erl et alt., 2008, p. 99]. По Ассманну, культурная память индивидуального уровня – это знания, накопленные лично отдельным индивидом в социально-культурном контексте, или среде, иначе говоря, опыт когнитивного уровня. Коллективная культурная память представляет собой опыт, накопленный определенной социальной группой или общностью, формирующий ее представления, систему ценностей и знаний и транслируемой от одного поколения к другому как условия сохранения идентичности данной группы или общности [ibid]. Опираясь на такое разграничение культурной памяти, предложенное Ассманном, можно еще раз убедиться в правильности постулата о существовании двух картин мира – национальной, чьей непосредственной составляющей является коллективная память, и индивидуальной, которая содержит как коллективную, так и индивидуальную культурную память.

В научном сообществе уже давно обсуждается гипотеза, выдвинутая Э. Сепиром и Б. Уорфом о том, что люди видят мир сквозь призму своего родного языка, то есть фактически, что языки различаются своими картинками мира. Однако согласно их теории, тот факт, что люди, говорящие на разных языках, имеют разные типы мышления, они не просто связали с языком, а обусловили им. Б.А. Серебренников критикует данную теорию, утверждая, что язык не имеет самодовлеющей силы при формировании картины мира. Иными словами, было бы неверным утверждать, что разные языки выстраивают в сознании их носителей разные картины мира. Маслова поддерживает мнение Серебренникова, утверждая, что язык придает картине мира лишь специфическую окраску, обусловленную значимостью предметов, явлений, процессов, которые определяются особенностями образа жизни и национально-культурными особенностями народов [Маслова, 2004, с. 56]. Таким образом, еще раз подтверждается мнение многих исследователей о том, что языковая картина мира и концептуальная система тесно связаны между собой, а язык придает ей лишь некоторые специфические характеристики, которые обусловлены различиями в культуре различных социальных групп и культурно-языковых общностей.

Будучи членом языкового общества, индивид не только обогащает свою концептуальную систему благодаря коллективному и личному опыту, но и сам

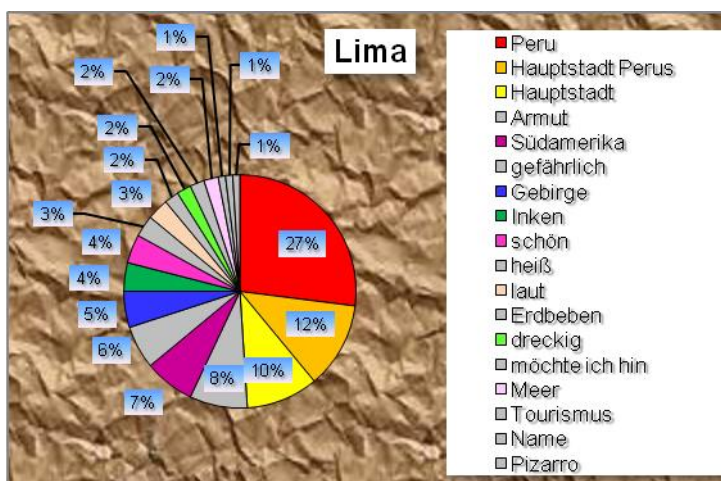
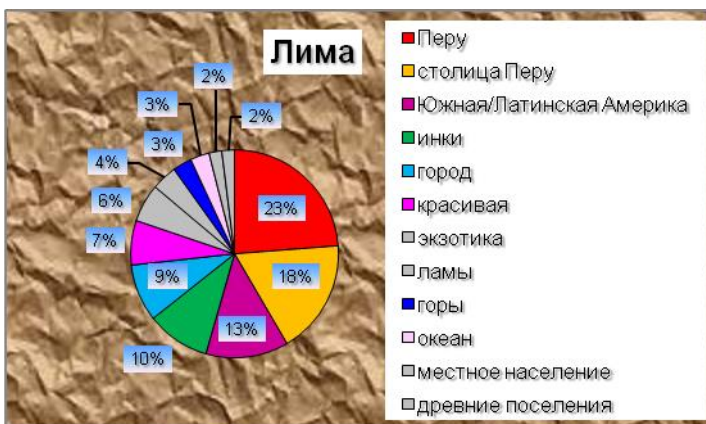
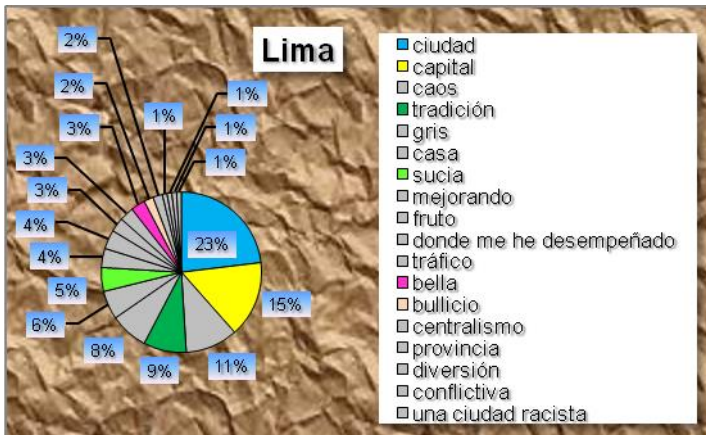
изменяет ее. Пытаясь разграничить языковую и концептуальную картины мира, лингвисты пытаются определить процесс формирования концептов. Многие лингвисты подчеркивают, что в формировании и репрезентации того или иного этнокультурного пространства принимают участие не только когнитивные смыслы, но и языковые значения, которые в определенной степени даже предполагают наличие друг друга [Алефиренко, 2002, с. 189]. По мнению Вежбицкой, «языковое значение – это интерпретация мира человеком» [Вежбицкая, 1996, с. 6]. Картина мира, окружающая носителей языка, не просто отражается в языке, она формирует язык и его носителя и определяет особенности речеупотребления [Зангиева, 2012, с. 34]. Следовательно, невозможно изучать иностранный язык как средство общения, не изучая мир изучаемого языка.

Одним из самых интересных способов для описания концептов в когнитивной лингвистике является ассоциативный эксперимент, в результате которого происходит построение номинативного поля концепта. Моделирование номинативного поля концепта представляет собой установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки [Попова, Стернин, 2007, с. 176]. Ассоциативное поле концепта образуется за счет ассоциаций, полученных на стимул.

Для иллюстрации данного вида работы можно привести в качестве примера результаты, полученные в рамках международного междисциплинарного исследования для моделирования ассоциативных полей в трех разных культурно-национальных группах, а именно: русской, австрийской и перуанской. Данные данного эксперименты были получены на основе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в два этапа. На первом этапе, в котором участвовали представители трех культурно-национальных групп, были получены слова-стимулы. На втором этапе в трех экспериментальных группах, состоящих из 100 участников каждая, были получены реакции на предложенные стимулы. При формировании экспериментальных групп особое внимание уделялось тому, чтобы они были максимально идентичными, т.е. участники эксперимента имели сходное образование в одной и той же или смежной областях и принадлежали к одной и

той же возрастной группе. Как подтверждают различные оценочные данные, «выборку из 100 ассоциативных реакций на каждый стимул можно считать достоверной и достаточно репрезентативной» [Палкин, 2008, с. 83].

В качестве иллюстрации приведем пример анализа ассоциативных реакций на слово стимул «Лима», которые были получены в трех выше описанных группах, участвующих в эксперименте.

На слово-стимул «Лима» в перуанской экспериментальной группе были получены 104 реакции и 2 отказа, в русской экспериментальной группе – 101 реакция и 5 отказов, в австрийской экспериментальной группе – 100 реакций и 5 отказов. Наиболее частотными реакциями перуанской группы на предложенный стимул стали «*cuidad*» (23%) и «*capital*» (15%). Данные реакции были также ожидаемы в обеих других экспериментальных группах. Согласно полученным результатам, в русской экспериментальной группе были получены реакции «*столица Перу*» (18%) и «*город*» (9%), в австрийской экспериментальной группе – «*Hauptstadt Perus*» (12%) и «*Hauptstadt*» (10%). Наиболее частотными реакциями в русской и австрийской экспериментальных группах стала реакция «*Перу*» (23% и 27% соответственно). Другой подобной реакцией является «Южная / Латинская Америка» (13%) в русской группе и «*Südamerika*» (7%) в австрийской группе, но данная реакция также отсутствовала в перуанской группе. Отсутствие данных реакций в перуанской группе можно объяснить эффектом присутствия, так как данное исследование в перуанской экспериментальной группе проводилось в Перу – в Лиме для которых и страна, и город являются родными, в то время как с русской и австрийской группами в России и Австрии соответственно. Третьей по рангу реакций в перуанской группе стала реакция «*caos*» (11%), которая не в последнюю очередь объясняется постоянными транспортными проблемами и пробками в Лиме (среди прочих были получены следующие реакции «*caos*» (7), «*caos vehicular*» (1), «*desordenada*» (1), «*desorden*» (1) и «*estrés*» (1)). Этим же объясняется реакция «*tráfico*» (3%). Данные реакции характерны исключительно для перуанской экспериментальной группы, которой известны данные факты о Лиме. Данная реакция не была получена в русской и австрийской группах. Здесь нужно также добавить, что данная реакция является непостоянной, так как ситуация на улицах Лимы может в какое-то время измениться. Другой реакцией, которая была получена исключительно в перуанской экспериментальной группе, стала реакция «*casa*» (6%), что было бы невозможно ожидать от респондентов русской и австрийской экспериментальных групп. То же самое можно сказать и о реакции перуанской группы «*donde me he desempeñado*» (3%) (иначе говоря: *donde me he desarrollado*), которую практически невозможно было бы получить в двух других экспериментальных группах. Лима, как и любая столица, является центром

притяжения для людей, в особенности молодежи, из других провинций, приезжающих в Лиму для обучения в университетах и поиске работы. Для перуанских респондентов важно также, что Лима играла важную роль в истории Южной Америки, поэтому среди реакций данной группы были получены также «*tradición*», «*capital del Virreinato*» и «*cuidad de Reyes*», которые вместе составляют 9% от общего числа полученных реакций на данный стимул. В русской и австрийской экспериментальных группах были однако получены реакции «*инки*» (10%) в русской экспериментальной группе и «*Inken*» (4%) и «*Pizarro*» (1%) в австрийской экспериментальной группе, свидетельствующие о наличии знаний у респондентов. Вследствие смога и постоянного тумана перуанцы часто называют Лиму серой или опалового цвета. Именно поэтому для перуанской экспериментальной группы характерна реакция «*gris*» (8%), которая не была получена в других экспериментальных группах. Многие перуанцы считают Лиму достаточно шумным и грязным городом (по сравнению с другими провинциями Перу), этим объясняются такие реакции, полученные в перуанской экспериментальной группе, как «*sucia*» (5%) (среди прочих были получены реакции «*porquería*», «*sucia*», «*contaminada*»), а также «*bullicio*» (2%), «*conflictiva*» (1%) и «*una ciudad racista*» (1%). Данные реакции отсутствуют в русской экспериментальной группе. От австрийских респондентов были получены реакции «*dreckig*» (2%) и «*laut*» (3%), что указывает на наличие предыдущего опыта. Среди реакций русской группы была получена реакция «*экзотика*» (6%). Данную реакцию русской группы нетрудно объяснить, так как страны Латинской Америки до сих пор считаются экзотичными вследствие своей удаленности. Реакции «*красивая*» (7%), «*bella*» (3%) и «*schön*» (4%) на стимул «*Лима*» были получены во всех трех экспериментальных группах. Реакцию перуанской экспериментальной группы на данный стимул «*mejorando*» (4%) было бы сложно ожидать получить в двух других группах, так как респонденты этих групп вряд ли будут иметь базу для сравнения, а, следовательно, не смогут прийти к данной реакции. Другой реакцией, полученной исключительно в перуанской экспериментальной группе, является «*fruto*». Это связано с тем, что испанское слово «*lima*» является не только названием столицы Перу, но и обозначает фрукт лайм, название которого звучит по-другому на русском и немецком языках. К иным реакциям низкого ранга, полученным также

исключительно в перуанской группе, относятся «*diversión*» (1%), «*provincia*» (1%) и «*centralismo*» (2%).

Такие реакции русской экспериментальной группы как «*ламы*» (4%), «*горы*» (3%), «*местное население*» (2%) и «*древние поселения*» (2%) были получены исключительно в русской экспериментальной группе. В данном случае речь идет о субституте одного стимула другим, так как данные реакции являются скорее реакциями на стимул «Перу», но не «Лима», что встречается нередко при реакциях на инокультурные стимулы. Такие объекты действительности как ламы, горы или древние поселения практически невозможно увидеть в Лиме. Ламы и альпаки характерны для такой природной зоны Перу как сьерра, в то время как Лима расположена на побережье. Однако для привлечения туристов этих животных привозят в популярные среди туристов места, как например, Мачу-Пикчу или зоопарки, в том числе и в Лиме (например, Парк Легенд). Природные условия побережья непригодны для проживания данных животных, что приводит к их преждевременной гибели и является причиной постоянных протестов для защитников животных. Тем не менее для туристов, посещающих Лиму, ламы являются неотъемлемой частью перуанской культуры. Поэтому данную реакцию сложно ожидать в перуанской группе респондентов, но она легко объяснима в других двух. Так как Лима в первую очередь ассоциируется со страной, то получение реакций «*ламы*» или «*горы*» объясняется тем, что они являются одними из основных притягательных пунктов для туристов.

Лима расположена на побережье Тихого океана, поэтому в русской и австрийской группах были также получены реакции «*океан*» (3%) и «*Meer*» (2%). Перу известна своей постоянной сейсмической активностью и крупными землетрясениями, как например, в 1993 году, когда 14 человек погибло и 200 пострадало, или в 1974 году, в результате которого погибло более 250 человек и более 300 000 пострадало. Этим объясняется реакция австрийской группы «*Erdbeben*» (2%). Однако данная реакция отсутствует в перуанской и русской экспериментальных группах. Несмотря на кажущееся многообразие можно выделить общие реакции во всех трех экспериментальных группах, а также свойственные отдельной экспериментальной группе, объясняемые особым восприятием перуанской действительности.

Подобные исследования необходимы для определения совпадающих и несовпадающих областей ассоциативного поля. Несовпадающие области помогают обратить внимание на различия в восприятии в инокультурном иноязычном сообществе. Как показывают проведенные исследования, сокращение несовпадающих участков возможно, если при изучении иностранного языка уделяется достаточное внимание также страноведению и культурным особенностям страны изучаемого языка.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Проблема вербализации концепта. Волгоград: Перемена, 2002.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. Москва: 1996.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: 2004.
- Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Москва: 1988, С. 12-21.
- Леонтович О.А.* Механизмы межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов / Ред. Л.И. Гришаева, Т.Г. Струкова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. С. 29-36/
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка. // Изв. РАН. СЛЯ, №1, 1993, С. 3-9.
- Палкин А.Д.* Ассоциативный эксперимент как способ кросскультурного исследования образов сознания. // Вопросы психологии, № 4, 2008, С. 81-89.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007.
- Серебрянников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка, Москва: 1983.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: 2006.
- Стернин И.А.* Язык и национальное сознание // Логос 4 (49), 2005.
- Тарнаева Л.П.* Когнитивная парадигма и современное переводоведение / Л.П. Тарнаева // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. N 16. С. 152-158.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация, Москва. 2000.
- Chaike, E.* Language: The Social Mirror. Boston: Heinle and Heinle Publishers, 1994.
- Erl, A., Nünning, A. (Ed.)* A Companion to Cultural Memory Studies. Berlin: 2008.
- Maslow, Abraham.* Defense and Growth. Merril-Palmer Quarterly, 1956.

Шахматова Мария Андреевна
МГУПС (МИИТ) ИПСС
Москва (Россия)

Shakhmatova M.
Moscow State University of Railway Transport
Moscow Institute of Transport Engineers
Institute for Road Construction and Structural Engineering
Moscow (Russia)

ВОПРОСЫ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

QUESTIONS OF COMMUNICATION IN THE FIELD OF TOURISM

В данной статье рассматриваются вопросы и задачи коммуникации в сфере туризма. Структура статьи определена исходя из поставленных задач, задаваемых вопросов и содержания темы. В работе подробно рассмотрены интересные темы, такие как: общая характеристика коммуникаций в туризме; понятие, значение и классификация коммуникации; делового общения и его значимость; особенности межкультурной коммуникации в деловой сфере туризма; способы эффективной коммуникации в сфере туризма; функциональная характеристика профессионального и делового общения в сфере туризма; преодоление коммуникационных барьеров. Более подробно изучен вопрос о деловом общении. Теоретическая значимость исследования определяется его актуальностью и новизной. В работе обосновывается специфика темы изучения, указывается степень научной разработанности проблемы, определяются цели и задачи исследования. Целью данной работы является рассмотрение способов эффективной коммуникации в туризме. Объект исследования – туризм, предмет – деловое общение. Полностью определено понятие, значение и классификация коммуникаций; выявлено значение делового общения; рассмотрена межкультурная коммуникация в сфере туризма и ее особенности.

This article discusses the issues and challenges of communication in tourism. The structure of the article is determined based on the objectives, questions and the content of the topic. In detail considered the interesting topics, such as: general characteristics of communication in tourism, the concept, meaning and classification of communication, business communication and its importance, features of intercultural communications in business tourism, methods of effective communication in tourism, functional description of professional and business communication in the sphere of tourism; overcoming communication barriers. The question of business communication is studied in more detail. Theoretical significance is determined by its relevance and novelty. A specific of theme of studying is justified in work, degree of a scientific readiness of

a problem is specified, the purposes and research problems are defined. The purpose of this work is consideration of ways of effective communication in tourism. Object of research – tourism, a subject – business communication. The concept, significance and classification of communications are completely defined; value of business communication is revealed; intercultural communication in the sphere of tourism and its feature is considered.

Ключевые слова: туризм, коммуникации, деловое общение, управление, обмен информации, межкультурная коммуникация, менеджмент в сфере туризма, сотрудничество, культурная мобильность, деятельность в сфере туризма.

Key words: tourism, communications, business communication, management, information sharing, cross-cultural communication, management in tourism, cooperation, cultural mobility, activities in the field of tourism.

Актуальность изучения данной темы связана с тем, что в настоящее время индустрия туризма является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей мирового хозяйства. В полной мере это относится и к российскому туризму, который, активно развиваясь, начинает включаться в конкурентную борьбу на мировом туристском рынке. В то же время имеется ряд факторов, негативно влияющих на жизнедеятельность российских туристских организаций. И одним из основных является слабая профессиональная подготовка значительной части сотрудников, проявляющаяся в их недостаточной компетентности, низкой результативности труда, в неумении осуществлять эффективное профессиональное и деловое общение.

Как отмечают руководители многих крупных туристских предприятий, профессионально-коммуникативная подготовка является сегодня одним из наиболее «узких» мест в общей системе профессиональной подготовки сотрудников. В то же время, несмотря на все большее количество учебно-методической литературы, появляющейся в последнее время по проблемам общения, в России нет ни одного учебника или учебного пособия, посвященного профессиональному и деловому общению, в котором была бы отражена специфика индустрии туризма.

В настоящее время имеется значительное количество вопросов, которые постоянно являются актуальными и входят в круг «традиционных» тем профессионального и делового общения в сфере туризма. К таким вопросам относятся как вопросы, касающиеся проблем туризма в целом (например,

история и факторы развития туризма; компоненты спроса и предложения на туристском рынке; психологические особенности потребителя турпродукта и услуг; количество и качество рабочих мест в туризме; маркетинг в туризме и т. д.), так и вопросы, относящиеся к жизнедеятельности конкретной турфирмы.

Проблема общения в сфере коммуникаций является, на мой взгляд, значимой. Вопросы по данной теме освещаются в учебной литературе по менеджменту туризма, в общих книгах по основам делового общения, в журнале «Туризм: практика, проблемы, перспективы». Цель моей статьи - рассмотреть способы эффективной коммуникации в туризме.

Понятие, значение и классификация коммуникаций

Невозможно переоценить важность коммуникаций в управлении, особенно для предприятий индустрии сервиса и туризма. Едва ли не все, что делают руководители для достижения определенной цели, требует эффективного обмена информацией, то есть коммуникации.

Существующие представления о коммуникативных процессах построены на следующей трактовке. Коммуникация (единовременный акт) — это процесс передачи сообщения от источника к получателю с целью изменения поведения последнего. Коммуникация (коммуникационный процесс) — это обмен информацией между сторонами. Основная цель коммуникационного процесса — обеспечение понимания информации, поступающей к потребителю посредством обмена сообщениями [Грачева А., 2003:5].

Все виды управленческой деятельности основаны на обмене информацией. Однако коммуникация и информация — различные, хотя и связанные между собой понятия. Коммуникация включает и саму информацию, и способ ее передачи.

Совокупность каналов, с помощью которых осуществляется взаимодействие субъектов управления, образует его коммуникационную структуру, которая может быть глобальной, когда охватывает организацию в целом, и локальной, если относится только к одной ее части, например подразделению. Если взаимодействие осуществляется только через одно какое-то центральное звено, это означает, что коммуникационная структура является централизованной, а само звено выступает в качестве не только посредника, но и источника и контролера коммуникаций, имеющих в основном форму

вертикальных связей. Структура коммуникаций может быть полицентричной, предполагающей наличие нескольких равноправных субъектов, осуществляющих концентрацию и перераспределение информации, или децентрализованной, когда большая ее часть (обычно по содержанию второстепенная) минуется центральное звено.

Наличие в коммуникационной структуре параллельных и пересекающихся каналов свидетельствует о ее сложности, дающей гарантию того, что желаемое взаимодействие состоится даже в условиях тех или иных сбоев и неполадок. В то же время в сложной структуре заложена потенциальная возможность искажения обмениваемой информации.

По характеру восприятия информации коммуникации делятся на прямые, или целевые (в которых цель сообщения заложена в его тексте), косвенные (в которых информация заложена скорее «между строк») и смешанные.

По взаимодействующим сторонам коммуникации можно разделить следующим образом:

Значение делового общения

Общение — основная форма человеческого бытия, извечное свойство человека. Французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери называл общение

людей роскошью. Эта роскошь делает человека человеком. Отсутствие или недостаток общения деформируют человеческую личность.

Таким образом, общение — важнейшая форма взаимодействия людей. У большинства людей процессы общения занимают до 70 % времени, а менеджеры на различные виды общения тратят в среднем 80 % своего рабочего времени. В процессе общения одни люди передают другим свои идеи. Между ними устанавливается обратная связь, в их поведение вносятся определенные коррективы.

Многие считают, что общение — это универсальный элемент человеческого опыта, и поэтому воспринимают его как должное. Распространено мнение, что общение — это простой инстинктивный процесс, который дается людям естественно, от рождения. На самом же деле, как показывают исследования, общение — невероятно тонкая и сложная деятельность. И от того, насколько умело построено общение, зависит немало: результативность переговоров, степень взаимопонимания с партнерами, клиентами и сотрудниками, удовлетворенность работников фирмы своим трудом, морально-психологический климат в коллективе, взаимоотношения с другими предприятиями и организациями, а также с государственными органами.

Особенности межкультурной коммуникации в деловой сфере туризма

Межкультурная коммуникация не только объединяет участников процесса коммуникации, она опосредованно знакомит их с особенностями различных общественных институтов отличных микрокультур (в том числе микробизнес культур), к которым принадлежат коммуникаторы. Составляющими внешней среды, влияющей на коммуникацию, являются социокультурные взаимодействия между индивидуумами, то есть переплетение и взаимопроникновение социокультурных действий разных лиц. Социокультурные взаимодействия (их еще называют интеракциями) происходят на символическом уровне, обуславливая взаимосвязанное поведение людей, то есть они формируют это поведение. Важный для нас вывод - то, что для успешного понимания действий другого человека не- обходимо знать и понимать смысл, которым он наделяет свои и не свои действия

На основе собственной интерпретации человек определяет для себя значимость выражений и определений того или иного рода. Кроме того,

сотрудничество между культурами в XXI в. должно быть основано на политике сотрудничества. Она подразумевает добровольное овладение представителями одной культуры (или микрокультуры, микро бизнес-культуры) полезными навыками, терминологией, традициями отношений, корпоративной культурой и этикой другой, обогащая тем самым взаимодействующие микрообщества. Происходит адаптация и ассимиляция языка, терминов, понятий, особенностей профессионального и разговорного сленга. При адаптации человека к другой бизнес-культуре не нужно отказываться от ценностей культуры собственной. Тем более что бывают ситуации, когда сделать это не представляется возможным.

Знание всех этих особенностей поможет агенту по продаже или агенту отдела бронирования объяснить конечному потребителю — путешественнику, бизнесмену, как вести себя в той или иной ситуации. Непонимание специфики страны пребывания или воздействие иной культуры может сказаться на здоровье туриста в большей степени, чем перемена климата или отсутствие привычной пищи.

Необходимо рассматривать туризм как систему, в которой межкультурная коммуникация имеет главенствующее значение. Туристская деятельность невозможна без сохранения уникальностей отдельной культуры и ее носителей. В то же время любая межкультурная коммуникация является своеобразным противопоставлением этнокультурных идентичностей, включая их взаимное проникновение.

Чем «космополитичнее» будут функциональные и межличностные взаимодействия в туристской организации, тем успешнее она будет на рынке. Ведь данная организация будет обладать культурной мобильностью - объединять ценности различных культур, ориентироваться в потребностях разных обществ и так далее.

Закономерен вопрос: есть ли необходимость в специалистах по МКК в сфере туризма, включая гостиничный бизнес, а также индустрию делового и инсентив-туризма - MICE (Meeting Incentive Conference Events), способных заниматься комплексным решением проблем? Такая необходимость, безусловно, назрела. Туриндустрия сегодня - не просто бессистемный сектор «купи-продай». Она представляет собой сложный конгломерат

взаимоотношений разного рода структур. Это туроператоры, создающие продукт для конечного потребителя, посредники-агенты, туристские ведомства, авиаперевозчики, гостиницы и курорты, бюро аренды (от автомобилей до загородных вилл и апартаментов), системы по обеспечению безопасности и так далее. Для успешного взаимодействия всех этих структур и развития отрасли в целом профессионалы по МКК необходимы. Проблема становится актуальнее, когда взаимодействие культур выходит за рамки одной страны или региона. Коммуникативные потоки в организационных коммуникациях сферы туризма могут двигаться в горизонтальном или вертикальном направлении. Вертикальное направление, в свою очередь, подразделяется на нисходящее и восходящее. Нисходящее направление используется руководителями для постановки задач, информирования подчиненных, предложения организовать обратную связь по результатам работы. Восходящая информация используется для информирования подчиненными руководителей о результатах работы, текущих проблемах, доведения до сведения руководителей мнения работников. Горизонтальное направление коммуникативного потока возникает тогда, когда общение осуществляется между работниками одного уровня.

Кроме того, информационные связи в условиях внутригруппового общения могут иметь централизованный и децентрализованный характер, быть неполными и полными. Степень централизованности определяется наличием центральной позиции в сети коммуникации, количеством каналов, связывающих одну позицию с другой. Полнота определяется количеством связей каждого члена организации (группы) с другими сотрудниками. Общение — средство познания работниками турпредприятия и клиентами друг друга, в ходе которого каждый получает свою оценку. При этом оценке подвергаются все реакции работника. В результате оценки работник может быть отнесен к различным категориям людей, которые встречаются в группах: лидер, деловой, авторитетный, принципиальный, подхалим, марионетка и др. Кроме того, по своим психологическим особенностям каждый работник и клиент относится к тому или иному типу. Например, по психогометрической характеристике люди относятся к одному из пяти типов: либо к «квадратам», либо к «треугольникам», либо к «прямоугольникам», либо к «кругу», либо к «зигзагу», и общение с

каждым из них должно строиться по своей особой логике, определяемой особенностями того или иного типа.

В общении как средстве самовыражения необходимо учитывать то обстоятельство, что работник для достижения поставленной цели (например, формирования благоприятного впечатления) может использовать информацию о себе, характеризующую как реальные стороны его бытия, так и вымышленные.

При организации деятельности главная функция общения заключается в достижении взаимопонимания и взаимосогласия по отношению к целям и способам действий, нормам поведения и другим вопросам, обеспечивающим высокую эффективность труда. Однако во множестве взаимодействий, в которые вступают люди, существует и другая сторона, суть которой состоит в «расшатывании» совместной деятельности, создании на ее пути преград (конкуренция, конфликты, оппозиция и т. п.). Влияние на другого человека в ходе коммуникации может быть осуществлено с помощью вербальных (словесных), паралингвистических (интонации, паузы, покашливание, громкость речи и др.) и невербальных средств (поза, мимика, перемещение, жесты, направление взгляда и др.). Существуют различные способы психологического влияния в ходе коммуникации: убеждение, внушение, самовыдвижение (самопрезентация), просьба, принуждение, критика (конструктивная и деструктивная), игнорирование, манипулирование и др. Основными являются убеждение и внушение.

Преодоление коммуникационных барьеров

Значительному повышению эффективности общения способствует преодоление возникающих коммуникационных барьеров.

Основными причинами плохой коммуникации обычно являются:

- недостаточное понимание важности общения;
- неправильная установка сознания;
- плохое построение сообщения;
- слабая память;
- неудачное формирование средств обратной связи.

Непонимание важности общения. Может проявляться как со стороны обслуживающего персонала, так и со стороны клиента, при этом работники сферы обслуживания исходят, как правило, из предположения, что клиенту вряд

ли интересен процесс создания (оказания) услуги, а клиенты чаще всего боятся выглядеть глупыми в глазах работников или надеются на то, что работник сам поймет, что ему надо делать.

Неправильная установка сознания. Установка сознания -это отношение человека к окружению, основанное на всем его жизненном опыте. Неправильная установка сознания может выражаться в виде стереотипов мышления, предвзятых представлений, неправильных отношений, отсутствия внимания и интереса, пренебрежения к фактам.

Предвзятое представление. Заключается в том, что каждый человек ищет подтверждение прежде всего своим взглядам и с критичностью относится к взглядам других.

Неправильные отношения. Высокая эффективность общения невозможна без уважительного отношения друг к другу. Пока собеседники питают враждебность друг к другу, вряд ли кому-то удастся убедить другого в справедливости своего взгляда на вещи.

Результат общения не может быть достигнут без взаимного интереса собеседников к обсуждаемой теме. Постоянная информационная нагрузка, характерная для современного общества, заставляет людей быстро отключаться от всего, что не представляет для них непосредственного интереса, поэтому процесс общения, как правило, должен начинаться с привлечения внимания, а затем вызова интереса собеседника к разговору.

Плохое построение сообщения. Ошибки в построении сообщения значительно затрудняют его понимание. Любой коммуникационный процесс должен иметь свою внутреннюю логику: от внимания - к интересу, от интереса - к основным положениям, от основных положений - к возражениям и вопросам, от возражений и вопросов - к заключению, а от заключения - к действию. Иногда заключение в целях привлечения внимания и вызова интереса к последующему разговору ставится в начало процесса общения, затем следуют основные положения коммуникативного процесса, возражения и вопросы, однако в конце все равно делаются выводы.

Ошибка в оценке способностей собеседника. Содержание и структура общения должны соответствовать уровню понимания собеседником темы разговора. С этой целью беседа даже с высокообразованным и проницательным

собеседником должна происходить с использованием слов повседневной речи. Безусловно, это не относится к общению специалистов, вызванному их служебной деятельностью.

Слабая убедительность. Пока собеседник не поверит вашим словам, коммуникативный процесс не даст желаемого результата. Доверие собеседника к вашим словам обусловлено достоверностью приведенных вами ранее фактов. Если собеседник обнаружил в ваших словах ложные и искаженные факты, то все последующие ваши доводы будут восприниматься с большим недоверием.

Отсутствие призыва к действию. Коммуникационный процесс не будет иметь своего логического завершения без определения последующей программы действий каждой из сторон в целях достижения нужного результата. Такая программа действий будет подчеркивать ваше серьезное отношение к коммуникационному процессу, повысит ответственность каждой стороны к последующим процессам общения.

Таким образом, коммуникация представляет собой процесс, связанный с межличностным и организационным общением как внутри организации, так и с внешней средой. Как показывают исследования, менеджеры большую часть своего рабочего времени тратят на коммуникации, т.е. на обмен информацией. Именно посредством коммуникации информация передается руководителям, принимающим решения, а решения — исполнителям. Информация связывает подразделения предприятия, обеспечивает контакты с поставщиками туристских услуг, клиентами, другими организациями.

При осуществлении коммуникаций в сфере туризма следует руководствоваться основными правилами и принципами ведения делового общения.

Общение - это процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый их потребностями в совместной деятельности или достижении взаимовыгодных договоренностей. Особенностью процесса общения является то, что он осуществляется сразу на двух уровнях - вербальном и невербальном.

Основными коммуникационными барьерами чаще всего являются недостаточное понимание важности общения, неправильная установка сознания, плохое построение сообщения, слабая память и неудачное

формирование средств обратной связи. Для преодоления этих барьеров с обслуживающим персоналом проводится работа по изучению и овладению навыками общепринятого и профессионального этикета.

Туризм – феномен и результат массовой культуры, и в этом своем качестве он стремительно расширяет и укрепляет свои позиции как социокультурная практика и модель рекреации и досуга, сфера бизнеса и система международных коммуникаций, динамично развивающаяся индустрия и, в целом, транснациональное по своей природе явление. Он продолжает вовлекать в туристский обмен и туристскую профессиональную деятельность все новых и новых участников (акторов) и утверждается как одновременно глобальный социокультурный феномен и локальный способ освоения окружающего мира.

Список литературы

- Богданова С.* Коммуникационные технологии в туризме / С. Богданова // Туризм: практика, проблемы, перспективы. 2005. №11. – С.40-41.
- Ботавина Р.Н.* Этика деловых отношений Учеб. пособие для студентов по экон. Специальности / Р.Н. Ботавина. М.: Финансы и статистика, 2001. 203 с.
- Введенская Л.А.* Культура речи / Л.А. Введенская. Ростов на Дону: Феникс, 2000. (Учебники, учебные пособия). 441с.
- Власова Т.И.* Профессиональное и деловое общение в сфере туризма: учеб. пособие / Т.И. Власова, М.М. Данилова, А.П. Шарухин. СПб.: Д.А.Р.К., 2001. 288 с.
- Голова О.Б.* Менеджмент туризма : практический курс: учеб.-метод. пособие / О.Б. Голова. М.: Финансы и статистика , 2007. 221 с.
- Грачева А.* Зарплата по-британски / А. Грачева // Турбизнес. 2003. №5. С. 5-6.
- Егоршин А.П.* Этика деловых отношений: Учеб. пособие для вузов по специальности "Упр. персоналом" и "Менеджмент орг." / А.П. Егоршин, В.П. Распопов, Н.В. Шашкова. Н. Новгород: НИМБ, 2005. (Высшее образование). 404 с.
- Жукова М.А.* Индустрия туризма: менеджмент организации / М.А. Жукова. М.: Финансы и статистика , 2006. 197 с.
- Ильина Е.Н.* Деятельность туристских агентств: туристский рынок и предпринимательство: учеб. пособие по специальности 061100 "Менеджмент орг." / Е.Н. Ильина; Рос. междунар. акад. туризма. М.: Советский спорт , 2004. 63 с.
- Кабушкин Н.И.* Менеджмент туризма: учеб. для специальности "Экономика и упр. социал.-культур. сферой" вузов / Н.И. Кабушкин. Минск: Новое знание , 2006. 408 с.
- Квартальнов В.А.* Теория и практика туризма: Учеб. для вузов турист. профиля / В.А. Квартальнов; Рос. междунар. акад. туризма; Рос. междунар. акад. туризма. М.: Финансы и статистика, 2003. 670 с.
- Кузин Ф.А.* Культура делового общения: практич. пособие / Ф.А. Кузин. 6-е изд., перераб. и доп., с ил. М.: Ось-89, 2003. 320 с.

Лызин А. Межкультурная коммуникация в туризме и её особенности /А. Лызин // Туризм: практика, проблемы, перспективы. 2005. №5. С. 26-27.

Основы теории управления: учеб. пособие под ред. В.Н. Парахиной, Л.И. Ушвицкого. М.: Финансы и статистика, 2003. 288 с.

Саак А.Э. Менеджмент в социально-культурном сервисе и туризме: учеб. пособие для вузов по специальности 100103 "Социал.-культур. сервис и туризм" / А.Э. Саак, Ю.А. Пшеничных. СПб.: Питер, 2007. 512 с.

Туризм и гостиничное хозяйство: Учеб. для вузов по специальности "Менеджмент" / Д.Н. Акуленок, Н.М. Васильев, М.А. Жукова и др.; Под ред. А.Д. Чудновского; Ассоц. вузов турист. образования. М.: Юркнига , 2005. 447с.

Туризм как объект управления. Учеб. для вузов турист. профиля / Н.И. Волошин, Н.В. Исаева, Е.Н. Ильина и др.; Междунар. каф. ЮНЕСКО по культурному туризму в целях мира и развития, Рос. междунар. акад. туризма. М.: Финансы и статистика, 2002. 300 с.

Черных Н.Б. Технология и организация туроператорской и турагентской деятельности: учеб. пособие / Н.Б. Черных. изд. 2-е, испр. и доп. М.: Советский спорт, 2005. 360 с.

Чудновский А.Д. Менеджмент в туризме и гостиничном хозяйстве: учеб. пособие для вузов / А.Д. Чудновский, М.А. Жукова. М.: КноРус , 2006. 318 с.: табл.

Шетиева А.Т.
КазНУ им. аль-Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Shetiyeva A.
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty (Kazakhstan)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАРОДА

USING OF IMPERATIVE UTTERANCES AS THE REFLECTIVE OF MENTAL FEATURES OF THE PEOPLE

В статье рассматриваются императивные высказывания, выражающие побуждение, как универсалии, свойственные всем языкам мира, употребление которых обусловлено на территории Казахстана влиянием казахской культуры и ментальности. Представлен обзор исследований императивных высказываний в науке: рассматриваются западная и русская традиции изучения этих единиц. Императивные высказывания в речи функционируют в виде приказов, просьб, требований, советов и предложений, которые в русском языкознании определяются как подвид, «оттенки» волеизъявления, а в западной традиции рассматриваются в рамках теории речевых актов как одна из разновидностей перформативов – директивы. Поскольку язык является отражением культуры, речь носителей пропитана этой культурой. С целью выявления такого влияния был проведён опрос среди носителей языка. Задачей респондентов было дать определение понятию «императивное высказывание» и привести примеры – конкретные конструкции, выражающие побуждение, которые соответствовали заданным в листе-опроснике ситуациям.

The imperative utterances expressing hortatory are considered in this article as the universal unit in all languages of the world. The Kazakh culture and mentality influence for using of this utterances in the territory of Kazakhstan. The review of researches of imperative utterances in science is submitted: the western and Russian traditions of studying of these units are considered. Imperative utterances in speech function in the form of orders, requests, requirements, councils and offers. In the Russian linguistics these types of hortatory utterances are defined as subspecies of hortatory. And in the western tradition they are considered in “theories of speech acts” as one part of performatives – directives. The Language is a reflection of culture. Speech is impregnated with this culture. For the purpose of identification of such influence it was interviewed among native speakers. Task of respondents was to give definition to the concept “imperative utterance”

and to give examples – the concrete expressing motivation which corresponded to the situations set in a questionnaire.

Ключевые слова: императивные высказывания, директивы, приказ, требование, совет, предложение, просьба, влияние культуры, традиции.

Key words: imperative statements, directives, order, requirement, council, offer, request, influence of culture, tradition.

В каждом языке есть значения и категории времени, лица, определённости / неопределённости, фазовости и др., а также выражающие их единицы, которые используются человеком в речи, выполняя своё коммуникативное назначение. Такие значения и категории, встречаясь практически по всех языках, составляют их основу, базу, являются универсалиями. Одной из таких универсалий – «универсальным грамматическим значением в языках мира» В.А. Плунгян считает императив, рассматривая его как «грамматикализованное средство выражения побуждения» [Плунгян, 2003, с. 318].

Выполняя своё коммуникативное назначение в речи, эти категории представляют универсалии речевые. В общепринятом виде *речь* понимается двояко («как сам процесс говорения (речевая деятельность)» и как его результат (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом)» (высказывания) [ЛЭС: <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-termíny/rech/?q=486&n=1555>]). Дж. Лайонз выделяет базовые акты и высказывания, свойственные всем языкам мира: утверждения, вопросы и директивы. (высказывания, которые «выражают волю говорящего, чтобы некоторое другое лицо, обычно адресат, выполнило действие») [Лайонз, 2003, с. 268]. Их универсальность проявляется в том, что, «во-первых, не может быть такого человеческого общества, в котором эти акты не играли бы никакой роли, и во-вторых, многие, если не все иллокутивные акты (а следовательно и высказывания как результат этих актов – *добавл. А.Ш.*) могут быть рассмотрены как относящиеся к более специализированным подклассам одного из этих трёх базовых классов». Несмотря на «базовость» и «универсальность» этих актов и высказываний, «они тем не менее регулируются во всех обществах более или менее культурно-специфическими институтами, обычаями и верованиями»

[Лайонз, 2003, с. 268]. Таким образом, на функционирование высказываний, безусловно, влияет культура, традиции, ментальность народа, который говорит на том или ином языке. Но перед тем, как определить степень влияния, обратимся непосредственно к описанию функционирования императивных высказываний (или директивов) (далее сокращённо ИВ – *сокр. А.Ш.*)

В зарубежной (преимущественно западной традиции) лингвистике (работы Дж. Остина, Дж. Серля, Дж. Лайонза, П. Стросона и др.) и русистике («Русская грамматика», работы В.В. Виноградова, В.М. Никитевича, И.И. Мещанинова, А.В. Бондарко и его школы, М.А. Шелякина) выделяются два направления в изучении употребления императивных высказываний носителями языка.

В европейской традиции ИВ рассматриваются, как правило, в рамках теории речевых актов как перформативные высказывания. Среди перформативов выделяются как особая группа – *директивы*, прагматическая функция которых обусловлена тем, что они «представляют собой попытки (в различной степени, а поэтому точнее было бы сказать, что они суть конкретные значения параметра, определяемые действием «пытаться») со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» [Серль, Что такое иллокутивный акт / <http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/>]. Или, как отмечает Е.А. Красина, «директивы предполагают, что говорящий субъект Я совершает попытку побудить или заставить слушателя Ты реализовать некоторую линию действий, представленную в пропозиции Р» [Красина, 1999, с. 75]. К директивам принято относить глаголы: *приказывать, командовать, затребовать, советовать, приглашать, спрашивать, запрашивать, просить, молить, умолять, заклинать*, а также *позволять* [Серль: Что такое иллокутивный акт / <http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/>].

В русистике же директивы, выражающие побуждение рассматриваются как «*оттенки волеизъявления*»: *приказ, просьба, совет, требование, предложение, запрет* (*выделено – мною, А.Ш.*) и др. Данный факт объясняется тем, что «у этих оттенков нет специальных средств выражения» [Бондарко, 1999, с. 200].

Предлагая описание глаголов как основы предложения, оформленного в речи в виде высказывания, Ю.Д. Апресян выделяет **просьбы** (глаголы:

заклинать, молить, просить, умолять, ходатайствовать, в этой группе рассматриваются вопросы – просьбы об информации, поэтому иногда рассматриваются глаголы *сказать* и *спросить*), **предложения** и **советы** (экзерситивы Дж. Остина) (*вызывать, звать, предлагать, приглашать, призывать, рекомендовать*), **требования и приказы** (*наказывать, настаивать, поручать, приказывать, ставить условие, требовать*), **запреты** и **разрешения** (*воспрещать, запрещать, накладывать вето, давать право, позволять, разрешать, санкционировать*) [Апресян, 1995, с. 201-202].

В данной статье мы представляем наиболее частотные значения или «оттенки волеизъявления», представленные в работах исследователей (у А.В. Бондарко и его школы, 1999, Е.В. Падучевой, 2003, В.С. Храковского и А.П. Володина, 2001 и др.). Перейдём к описанию каждого значения.

«**Приказывая**, говорящий предполагает, что исполнитель должен сделать то действие, о котором идёт речь. Слушающий обычно интерпретирует волеизъявление как приказ, учитывая ситуацию побудительного речевого акта, а также социальные роли его участников». «Причины и мотивы приказа, как правило, не излагаются, поскольку приказ обычно исходит от начальника к подчинённому, который обязан его выполнить, здесь проявляется «социальный приоритет говорящего» [Падучева, 2001, с. 71]. «Приказ не подлежит обсуждению и часто отдаётся в ситуации дефицита времени» [Бондарко и др., 1999, с. 205]. Семантическую интерпретацию приказа могут иметь центральные формы 2-го лица, формы совместного действия и формы 3-го лица [Володин, Храковский, 2001, с. 138].

«Обращаясь с **просьбой**, говорящий предполагает, что исполнитель может, но не должен выполнить то действие, о котором идёт речь. У просьбы есть свои особенности – употребляемые говорящим стандартные показатели вежливости (*пожалуйста, будь(те) добр(ы), прошу тебя / вас* и т.п.): *Я очень прошу, пожалуйста, забудем о нем* (Е. Шварц). При выражении просьбы естественно изложение её причин и мотивов: *Пожалуйста! Говорите! Учите меня! Я ведь ученый, а ученые учатся всю жизнь!* (Е. Шварц)» [Бондарко и др., 1999, с. 205]. По мнению Е.В. Падучевой, «если вы обращаетесь к человеку с просьбой совершить некоторое действие, вы не можете считать совершение этого действия само собой разумеющимся с его стороны» [Падучева, 2001, с. 77].

«**Требование** отличается от приказа тем, что говорящий обязательно отделен от адресата каким-то устойчивым социальным приоритетом. Говорящий эксплицитно мотивирует побуждение своей волей. *Дайте мне коня, я требую! Немедленно развяжите меня!*» [Падучева, 2001, с. 77]

«**Советуя**, говорящий предполагает, что, будучи на месте исполнителя, он бы сам выполнил то действие, о котором идёт речь. Советчик должен сообщить адресату неизвестную ему информацию, т.е. предложить ему некое новое действие, вытекающее из ситуации с очевидностью; кроме того мотивировкой побуждения адресата к данному действию должно быть то, что оно принесёт ему пользу, а не то, что это действие само собой разумеется в данной ситуации. *У ребёнка прекрасный слух. Отдайте его в музыкальную школу!*» [Падучева, 2001, с. 77].

Семантическую интерпретацию **предложения** могут иметь все формы императивной парадигмы [Володин и Храковский 2001: 139].

Представленная картина является теоретическим обобщением и даёт возможность посмотреть на императивные высказывания как на явление, свойственное языку в целом. Выше было отмечено, что на употребление таких единиц влияет ментальность, культура народа, который говорит на этом языке. Итак, рассмотрим особенности императивных высказываний, обусловленные таким влиянием.

Для этого нами был проведён опрос, цель которого заключалась в выявлении культурных и ментальных особенностей, влияющих на употребление императивных высказываний. В опросе принимало участие 93 человека в возрасте от 17 до 50 лет – студенты и преподаватели факультета филологии Казахского национального университета им. аль-Фараби. Опрашивались преимущественно носители языка по национальности – казахи, которые усвоили русский язык в качестве второго (родной язык – казахский), но владеющие русским свободно. Такой выбор респондентов объясняется тем, что на освоение и изучение иного языка влияет родная культура и как одна из его частей – язык, который «представляет собой определённый способ восприятия и концептуализации мира» и «отражает единую систему взглядов, охватывающую все стороны бытия, включая человека как составную часть этого бытия» [Сабитова и др., 2011, с. 8].

Респонденты должны были представить дефиниции «оттенков волеизъявления» – *приказа, требования, просьбы, предложения, совета* и самого императивного высказывания, а также отметить вид императивного высказывания, который они используют в речи чаще. Затем предлагалось привести конкретные примеры высказываний, которые употребляются говорящими в определённых ситуациях. Эти ситуации учитывали социальные особенности и включали отношения *старший – младший* (здесь же *отношение к детям*) (ситуация – обращение к старшему / младшему с волеизъявлением), *начальник – подчинённый* (ситуация – обращение подчинённого к начальнику, начальника к подчинённому с волеизъявлением), *гендерные особенности: мужчина – женщина* (обращение к лицу противоположного пола), *отношения со сверстниками*. В соответствии с социальным статусом опрашиваемые указывали, как мы убедимся позже, и определённый вид императивных высказываний.

Итак, перейдём к результатам опроса. Императивное высказывание понимается респондентами как *“выражение приказа / просьбы” / “отдать приказ” / “требовать” / “заставлять”, “предложение с тональностью приказа / с тоном приказа”, “высказывание, вызывающее действие / побуждение к действию, это – “говорить в приказном виде / в приказной форме”, “говорим, когда обращаемся с просьбой”*.

Самым употребительным «оттенком волеизъявления» оказалось предложение (45%), менее используется просьба (30%), в меньшей мере носители дают советы (13%) и выражают требования (10 %). Приказ (1%) оказался на последней позиции. Данный факт можно объяснить тем, что большинство опрашиваемых – студенты – молодые люди, которые по казахским традициям должны почитать и уважать старших, соответственно и должны избираться речевые обороты, выражающие меньшую категоричность. 10% респондентов, использующих в своей речи требования, являются старостами групп либо выполняют какие-либо общественные работы и наделены определёнными полномочиями.

Так, по отношению к старшим, как показало исследование, наиболее часто употребляется **просьба**. У казахов существует «обычай уважения старшего, беспрекословное исполнение всех его желаний» [Кшибеков, 2006, с. 110],

поэтому употребление требования или приказа, подразумевающих категоричное побуждение к действию, неуместно. Носителями языка избираются в основном косвенные формулировки как признаки вежливости, хотя и имеются просьбы с императивом в составе:

- **Вам не трудно будет** заполнить эту анкету?
- **У меня большая просьба**, можете ли Вы мне помочь?
- **Извините, не могли бы Вы...?**
- **Не могли бы Вы** помочь мне сделать..
- **Можете ли вы...?**
- **Подскажите, мне, пожалуйста...**
- **Будьте любезны, позовите, пожалуйста**, докторанта Асель.
- **Помогите мне с этой задачей, если это Вас не затруднит.**
- **Папа, можешь помочь мне переставить стол в моей комнате?**
- **Я хотела Вас попросить** заполнить эту анкету.

К детям же (и вообще к младшим) в силу их возраста обращаются, используя **приказы** с императивными формами:

- **Убери игрушки! / Собери свои игрушки! / Положи игрушки на место!**
- **В школе веди себя хорошо / (нормально)!**
- **Читай книги, пока есть время!**
- **Иди спать!**
- **Ну-ка перестань!**

Также используются превентивные предложения (*Не бери чужие вещи! Не капризничай! Не шумите! Не прыгайте!*), в основном выражающие запрет.

При обращении с волеизъявлением, стремлением побудить адресата (лицо противоположного пола) выполнить то или иное действие говорящие употребляют как просьбы, так и требования (*Жаным, купи мне шубу*) и приказы (*Забери меня у входа*), менее частотны предложения (*Давай в кино сходим?*), советы (*Пап, я думаю надо позвонить*). Но в этом случае на говорящего будет влиять в большей мере отношения «старший – младший». Как показали

результаты исследования, на использование императивных высказываний гендерные характеристики оказывают незначительное влияние.

Более существенным в речи является социальный статус говорящего и слушающего. В разговоре с начальством при обращении подчинённым избираются преимущественно просьбы:

1. С императивными формами:

*Пожалуйста, **дайте** мне академотпуск!*

2. С перформативным глаголом **просить** (+ инфинитив):

- ***Прошу** принять моё заявление.*
- ***Прошу** Вас отпустить меня ...*
- ***Прошу** предоставить мне отпуск.*

3. С косвенными формами:

- ***Может** нам выгоднее будет сделать так?*
- ***Извините, Вы могли бы** поднять зарплату?*
- ***Извините, пожалуйста, Вы можете** мне объяснить ...*
- ***Вы бы не могли подсказать,** когда мне можно будет в отпуск?*
- *Апай, **можно** я об этом расскажу?*
- *Здравствуйте, Гульмира Кудайбергеновна! **Я хотела бы** уточнить расписание летней практики.*

Менее употребительны в таких ситуациях, когда говорящим является подчинённый, требования (***Сделайте** мне выходные в понедельник! **Поставьте** мне баллы! Я **требую** у Вас отнестись к работникам с уважением!*) и предложения (***Давайте постараемся** заключить контракт на этой неделе. А почему бы нам не сделать так?*).

При обращении начальника к подчинённым говорящий-начальник избирает высказывания-приказы с императивами во 2-м лице:

- *Завтра я вас всех жду на собрании! / Завтра я вас жду в моем кабинете!*
- *Где отчёт за последний месяц? **Принесите** мне его.*
- ***Возьмите** документы!*

Общаясь со **сверстниками**, относящимися к одному социальному статусу, что и говорящий, носители языка используют в основном предложения с

императивными формами совместного действия (давай(те) + глаг. 1-го лица ед. ч. (надо: мн. ч.):

- **Давайте** сегодня **пойдём** в парк.
- **Давайте пойдём** в кино? / **Давайте вместе** (сегодня) **сходим** в кино? *Давайте соберёмся и пойдём в кино?*
- *Слушай, а давай* сегодня **пойдём** в университет?
- **Давай встретимся** сегодня завтра в 3 возле «Апорта»?

В равной степени используются **просьбы** (*Пожалуйста, Анель, **принеси** мне завтра мою тетрадь! **Заполни**, пожалуйста, эту анкету!*), **советы** (*Тебе к лицу второе платье. Дана, я тебе **не советую** идти на эту консультацию. Ардак, да прости ты этого Ержана!*), **приказы** (***Не бери** мой комп! **Дай** ручку! **Сделай** быстро! **Не веди** себя так!*).

Таким образом, императивные конструкции как универсальные единицы в каждом конкретном языке употребляются носителями с учётом культуры и ментальности народа, использующего язык. В нашем случае на употребление языковых единиц носителями русского языка, генетически являющимися казахами, которые усвоили русский язык как второй, влияние безусловно оказывают казахская культура и традиции в обществе. Учитывая возраст респондентов (большинство студенты), доминирующим видом выражения побуждения к действию следует считать просьбу. Поскольку в культуре казахов на первом месте стоит уважение и почитание старших, в общении с ними употребляются просьбы, при обращении к младшим – приказы, к начальству – просьбы, к сверстникам – предложения. В императивных высказываниях наряду с императивными и перформативными глаголами употребляются в основном косвенные конструкции, выражающие вежливость.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: темпоральность и модальность / Беляев Е.И., Бирюлин Л.А., Корди Е.Е., Сильницкий Г.Г., Храковский В.С., Цейтлин С.Н., Шелякин М.А. Л.: «Наука», 1990. 264 с.
- Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Пер. с англ. В.В. Морозов и Б.В. Шатуновского; Под общ. ред. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с. (Язык. Семиотика. Культура).

- Лингвистический энциклопедический словарь – <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/>
- Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
- Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Сабитова З.К.* Речевое поведение: вчера и сегодня: учебное пособие. Алматы: Казак университеті, 2012. 174 с.
- Словарь евразийской лингвокультуры Казахстана: Учебный словарь. Сабитова З.К., Жанкидирова Г.Т., Скляренко К.С., Шантаева Д.С., Шетиева А.Т. Алматы: Казак университеті, 2010. 180 с.
- «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (обзор направлений) / Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. [<http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/>] Сборник. Под общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
- Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
- Шелякин М.А.* Функциональная грамматика русского языка. М.: Рус. яз., 2001. 288 с.

Юсупова С.М.
Центр социально-стратегических исследований
г. Грозный (Чеченская Республика)

Yusupova S.
Centre for socio-strategic research
Grozny (Chechen Republic)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

INTERACTION OF VALUES IN LANGUAGES AND CULTURES

В статье рассматривается семантическое поле «ценности» во фразеологии английского, немецкого, русского и чеченского языков, проводится семантический, корпусный анализ.

The article considers the semantic field “values” in phraseology of the English, German, Russian and Chechen languages, deals with the semantic, corpus analysis.

Ключевые слова: ценности, идиомы, когнитивный, семантический, корпусный анализ

Key words: values, idioms, cognitive, semantic, corpus analysis

Ценности являются фундаментом разных культур и народов. Будучи основой социального взаимодействия в пределах одной и разных культурных сообществ, ценности представляют собой важный компонент формирования самосознания, национальной идентичности.

Целью данной работы является анализ понятия «ценности» в идиоматике английского, немецкого, русского и чеченского языков.

Рабочая гипотеза исследования. Несмотря на то, что ценности относятся к общечеловеческим, универсальным категориям, в разных языках и культурах обнаруживаются специфические способы репрезентации ценностей, отношения к ним и их национально-своеобразные формы.

Методами исследования стали когнитивный, семантический, корпусный, сопоставительный анализ. Материалом исследования послужили английские, немецкие, русские и чеченские идиомы семантического поля «ценности», а также контексты их употребления.

Результаты исследования. В наиболее общем смысле ценности определяются как важность, значимость, польза. В литературе выделяют такие

типы ценностей, как материальные, духовные, культурные и др. На основе проведенного анализа идиом, были отмечены следующие виды ценностей:

- материальное благополучие, богатство, деньги, доход, заработок,
- культурные ценности (традиции, предметы материальной культуры),
- самореализация в работе, карьерный рост, успех,
- интеллектуальный труд.

В семантике английских, немецких, русских и чеченских идиом к актуальным относятся ценности, связанные с инструментальным типом отношения к труду, выражаемом в цели работы для получения материального результата. Также подчеркивается ориентированность на успех в карьере, профессиональный рост, чувство служебного долга. Соотношение труда с конечным результатом заработком объясняется современными условиями жизни, стремительно развивающейся экономикой, пропагандируемой ценностью денег, богатства как показателе успеха. В то же время, не менее важное место занимает в этой иерархии современных трудовых ценностей карьерный рост как осознание собственной значимости, самореализации в социальной системе.

Рассмотрим английские, немецкие и русские идиомы таксона «повышение в карьере». Повышение в карьере описывается как «нахождение в определенной точке пространства, движение по направлению снизу вверх».

Английская идиома *at the bottom of the ladder* (букв.: «внизу лестницы») имеет значение 'с самых низов, с самой простой, черной работы'. Фрейм НАХОЖДЕНИЕ ВНИЗУ ЛЕСТНИЦЫ и фрейм НАХОЖДЕНИЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ КАРЬЕРЫ имеют общий слот «быть внизу на некой вертикально ориентированной шкале: как в пространственном, так и в социальном отношении». Мотивирующим звеном является стандартное для языкового сознания восприятие социальных позиций в пространственных терминах, то есть концептуальная метафора ЧЕМ ВЫШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ.

Although Laing started *at the bottom of the ladder*, he admits that the fact he and his brother inherited control of the business early on in their careers helped them to climb the hierarchy rather swiftly (*Advice from the top*. Oates, David and Ezra, Derek. Newton Abbot, Devon: David & Charles Publishers plc, 1989). (Хотя Лэинг начал с *самой простой работы*, он признает, что тот факт, что он и его брат переняли

управление бизнесом в самом начале своей карьеры, помогло им довольно быстро подняться по карьерной иерархии).

Актуальное значение немецкой идиомы *die Treppe hinauffallen / rauffallen / hochfallen* разг. (букв.: «упасть вверх по лестнице») – ‘пережить внезапное и неожиданное профессиональное повышение’ также мотивировано образом лестницы, проецируясь на ситуацию карьерного роста.

Wir brauchen eine grundlegende Neukonzeption der Verkehrspolitik. Gegenwärtig laufen wir in eine Sackgasse. Ihre Vorgänger im neuen Amt sind – salopp gesagt – *die Treppe hinaufgefallen*: Wolfgang Gröbl ist jetzt Staatssekretär in Bonn, Alois Glück hat eine Schlüsselposition in der Landespolitik inne (Nürnberger Nachrichten, 19.03. 1991). (Нам нужна новая базовая концепция транспортной политики. В настоящий момент мы в тупике. Предшественники по новой должности, грубо говоря – *свалились наверх*: Вольфганг Гребль сейчас заместитель министра, Алоис Глюк имеет ключевую позицию на уровне федеральной политики).

В русской идиоме *продвигаться по служебной лестнице* в структуре фрейма ПРОДВИЖЕНИЕ ПО ЛЕСТНИЦЕ высвечивается содержание «служебный», что дополнительно проясняет пространственную метафору.

Все вышеприведенные идиомы несколько различаются по актуальному значению, однако общим для всех них является стандартная метафорическая интерпретация идеи «верха» и «низа» применительно к карьере. В связи с карьерой особую актуальность приобретает деловой труд, регламентированный установленными обществом нормами и правилами.

Английское выражение *Monday feeling* передает идею наличия в культуре рабочей недели и выходных в конце недели – ‘необходимость работать в понедельник; нежелание работать после выходных’. Идиома описывает ситуацию психологического переживания человеком наступления понедельника, ассоциированного с началом трудовой недели. В русском языке закрепилось представление о понедельнике как тяжелом дне, когда после отдыха необходимо настраиваться на рабочий лад – *понедельник – день тяжёлый*.

‘It's important that people realize the *Monday feeling* is not just felt by those who do not like their jobs,’ said Professor Laura, author of a new book *Hidden Hazards*

(*Liverpool Echo & Daily Post*. Liverpool: Liverpool Daily Post & Echo Ltd, 1993). («Важно, чтобы люди осознавали, что *чувство понедельника* ощущается не только теми, кому не нравится их работа», – сказала профессор Лаура, автор новой книги «Скрытые опасности»).

Немецкая идиома *Blauer Montag* разг. – ‘понедельник, в который работу оставляют в стороне’, также употребляется для обозначения любого выходного дня. Фрейму ПОНЕДЕЛЬНИК приписывается дополнительное содержание «цвет – синий». Значение идиомы можно интерпретировать как «понедельник, отличающийся от других понедельников по каким-то признакам, характеристикам». Ситуация во фрейме источнике повторяется во фрейме цели «особый для человека понедельник» – «выходной день».

Die grösseren Städte konnten sich offenbar leisten, während Jahrzehnten oder Jahrhunderten gut bezahlte Steinmetzen zu beschäftigen. Diese verdienten so viel, dass sie am Montag nicht zu arbeiten brauchten. Der «*blaue Montag*» als zusätzlicher Nach-Feiertag (nicht nur an Ostern und an Pfingsten) bedeutete für die Bauhandwerker die Fünftagewoche (St. Galler Tagblatt, 16.07. 1997). (Более крупные города могли, очевидно, позволить себе, в течение десятилетий или столетий нанимать хорошо оплачиваемых каменотесов. Те же так много зарабатывали, что им не было необходимости работать в понедельник. *Понедельник* как дополнительный свободный день (не только на Пасху и Троицу) означал для рабочих пятидневную рабочую неделю).

Существуют разные интерпретации происхождения данной идиомы. Согласно одной из них, понедельник по старинному обычаю ремесленников был свободным днем подмастерьев. Символьный компонент цвета предположительно восходит к цвету одежды, которую носили ремесленники в средние века в воскресные и праздничные дни [Duden, 2008].

В качестве примера ценности долга в работе можно привести следующие идиомы:

англ. *pull one's weight* разг. (букв.: «тянуть свой вес, груз») – нем. *seinen Strang ziehen* (букв.: «тянуть свою веревку») – русск. *тянуть/тащить воз* – чеч. *г1уллакх д1акхехьа* (букв.: «дело тащить») – ‘выполнять свою долю работы, свои обязанности, свой долг’

В сценариях идиом передается знание о том, что человек вынужден передвигать какой-либо предмет. Это концептуальное содержание проецируется на область цели «выполнение своей доли работы, своих обязанностей». В разных языках фрейм ТЯНУТЬ КАКОЙ-ЛИБО ПРЕДМЕТ и фрейм ВЫПОЛНЯТЬ ОБЯЗАННОСТИ имеют общие слоты «прилагать усилие», «проявлять терпение, усердие». Анализ контекстов показывает, что идиомы употребляются в деловой сфере, описывая ситуацию официальной работы, налагающей определенные обязательства.

Should partners neglect to do their work or fail to *'pull their weight'* through absence, etc., the other partners are entitled to compensation (*Principles of hotel and catering law* Pannett, A. London: Cassell, 1992). (Если одни коллеги не заботятся о том, чтобы выполнить свою работу или *пренебрегают своими обязанностями*, не являясь на работу и пр., другие сотрудники имеют право на возмещение).

"35 Damen und Herren engagieren sich in unserem Namen und zum Wohle unserer Stadt in den verschiedensten Ausschüssen - und jeder *zieht vorbildlich seinen Strang!*", sagte Löhr lobend beim Arbeitsessen (Rhein-Zeitung, 21.03. 2007). (35 сотрудников активно работают во всевозможных комитетах от нашего имени и на благо нашего города – и каждый образцово *исполняет свои обязанности*», – сказал Лер в своей благодарственной речи за деловым обедом). Наблюдается нарушение фразеологической целостности.

Идиома *тянуть воз* употребляется в сочетании с дополнением, уточняющим, какие обязанности выполняются, что связано с влиянием образной составляющей на актуальное значение, активирующей знание о том, что воз может иметь содержимое.

В технологическом же плане механизма, способного заставить глав субъектов *тянуть воз федеральной политики* в ущерб своим прямым интересам, как не было, так и нет (Дмитрий Орешкин, Владимир Козлов. Чижики против «кровопролитиев» // «Московские новости», 2003).

В контекстах чеченской идиомы дополнительными компонентами значения выступают: необходимость выполнения своего дела, начатого дела; способность выполнить дело; наличие таких качеств как сила, профессионализм, знание своей работы; мужество, энергия. Возможно нарушение фразеологической целостности идиомы, как в следующем контексте, например:

Бахархойн *г1уллакх т1е а лаьцна, и д1акхехьа кийча а, доьналла долуш вара юрт-да.* (Начальник села был мужественный человек, готовый *взять на себя дело людей*).

Айхьа долина *г1уллакх д1акхехьа хьуна ца лаахь и дола ма де.*

(Если не хочешь *выполнять начатое дело*, и не начинай его).

В контекстах все идиомы имеют значение «выполнять свою работу, дело, долг, обязанности». Общим семантическим признаком для проанализированных идиом является коннотация глаголов «тащить, тянуть», выражающая необходимость выполнения какого-либо дела.

В следующих идиомах также отражается опыт трудовых культур разных народов, описываются ситуации недовольства среди работников и борьбы за права посредством забастовок; работы по совместительству, неполную неделю, в зависимости от условий трудового договора.

Английская идиома *work to rule* – ‘тормозить работу пунктуальным соблюдением всех правил (метод борьбы, наряду с забастовками)’. Этимология связана с акцией рабочих, в которой не выполняется больше минимума, налагаемого условиями контракта, в точности соблюдаются все правила, чтобы снизить темп работы. Такая забастовка считается менее разрушительной, к известным примерам относятся нежелание няни отвечать на телефонные звонки, полицейских высылать повестку.

They may grumble, *work to rule*, sabotage industrial machinery, take strike action or attempt to organize other members of their class in an effort to overthrow capitalism (*Sociology: themes and perspectives*. Holborn, M and Haralambos, M. London: HarperCollins, 1991, pp. 1-80).). (Они могут жаловаться, *тормозить работу*, саботировать индустриальный аппарат, устраивать забастовки или пытаться организовать других членов своего класса в попытке свергнуть капитализм).

В немецком языке *Kurzarbeit leisten* (букв.: «добиться короткой работы») – ‘работать, быть занятым неполную неделю, неполный рабочий день’ передает информацию, что существует работа, на которой не требуется находиться каждый день в зависимости от количества отведенных часов.

Obwohl die meisten Mitarbeitenden noch bis Ende Woche *Kurzarbeit leisten*, bekommen sie keinen Lohn ausbezahlt. Die Gelder sind durch den Insolvenzantrag eingefroren (Die Südostschweiz, 16.12. 2010). (Несмотря на то, что большинство

сотрудников еще *работают* до конца недели *неполный рабочий день*, они не получают зарплату. Деньги по заявлению о неплатежеспособности заморожены).

Общим для данных идиом является идея нормированности труда, наличие трудового графика.

В идиомах, описывающих ценности, отражены концептуальные, семантические сходства и различия, проявляющиеся в образах, актуальном значении, символах. Разную степень акцентуации получает ценность интеллектуального, физического труда, духовного развития, самого акта творчества. В ряде идиом запечатлелись универсальные и культурные символы (душа, голова, рука и др.). Культурные символы (культурное знание выражается одним компонентом идиомы, а не целым образом) [Dobrovol'skij, Piirainen, 2005, p. 22; Piirainen, 2005, p. 50-53].

Следующие идиомы таксона «зарабатывать» содержат во внутренней форме символичный компонент *хлеб* – англ. *earn one's crust* (букв.: «зарабатывать свою корку (хлеба)») – нем. *sein Brot/ seine Brötchen verdienen* (букв.: «зарабатывать свой хлеб/ свои булочки») – русск. *зарабатывать на хлеб* – чеч. *сискал лаха / яккха* уст. (букв.: «искать/брать хлеб (из кукурузной муки)»)

В английской идиоме описывается то, что заработок невелик, всего лишь на корку хлеба, но стабильный, ежедневный. В немецкой идиоме глагол *verdienen* подчеркивает идею заработка, получение хлеба в награду за затраченные усилия. В чеченском языке компонент *сискал* связан со знанием о том, что в чеченской культуре делали лепешки из кукурузной муки, и они служили вместо хлеба. Общим для всех идиом является образ хлеба как символа пропитания, важнейшего культурного символа Европы [Dobrovol'skij, Piirainen, 1997].

Ср. типичный контекст:

Дешча дика ду, кхана 1уьйранна хьайна *сискал яккха* атта хир ду. (Хорошо, если учишься, завтра утром будет легче *зарабатывать на хлеб*).

Так, в следующих идиомах таксона «тяжелый труд; много, тяжело работать» англ. *work to death (oneself / somebody)* (букв.: «работать до смерти») – нем. *sich zu Tode arbeiten* (букв.: «работать до смерти») – русск. *работать до изнеможения (до потери пульса)* – чеч. *вала х1оьттина къахьега* (букв.: «работать до смерти») образ усиленного труда передается через метафору

СМЕРТИ, в русской идиоме смерть образно ассоциируется с физическим истощением, потерей пульса. Предел действия отражается в английском, немецком и русском языках использованием фраз, управляемых предлогами *to*, *zu* и *до*, в чеченской идиоме – деепричастным оборотом. Близость к смерти в описываемых во внутренней форме идиом ситуациях указывает на максимальное проявление степени измождения.

'But he loved us and he *worked himself to death* for us' (The Daily Mirror. London: Mirror Group Newspapers, 1992). (Но он любил нас и работал *до изнеможения* ради нас).

Немецкая идиома употребляется в соответствующих контекстах в двух значениях: 1) перетруждаться, работать до изнеможения; 2) много, усердно, усиленно работать.

Die bienenfleißigen Japaner, die *sich* in vielen Fällen wirklich *zu Tode arbeiten*, sollen es künftig – so wie die Europäer – besser haben. In einem von der Regierung gestern verabschiedeten Fünfjahresplan wird der Überarbeitung der Kampf angesagt und vorgeschlagen, die jährliche Arbeitszeit bis zum Jahr 1997 um 200 Stunden auf 1800 Stunden zu reduzieren. Damit würde die Wochenarbeitszeit von 44 auf 40 Stunden beschränkt (Die Presse, 11.07.1992). (Трудолюбивые как пчелы японцы, которые во многих случаях на самом деле *работают до полного изнеможения*, в будущем должны жить так же хорошо, как и европейцы. В утвержденном вчера правительством пятилетнем плане объявлена борьба с переутомлением и предложено до 1997 года уменьшить годовое рабочее время на 200 часов, доведя его до 1800 часов. Тем самым недельное рабочее время будет сокращено с 44 до 40 часов).

Чеченская идиома *вала х1оьттина къахъега* употребляется в таких контекстуальных интерпретациях, как: «трудиться, чтобы достичь результата, успеха, счастья, чтобы заработать». Значения идиомы в контекстах: 1) много, усердно, усиленно работать (физический труд); 2) трудиться, чтобы заработать; 3) напряженно учиться. Ср.:

Вала х1оьттина къахъега деза нохчийн мотт 1амо. (Нужно *усердно трудиться*, чтобы выучить чеченский язык).

Общим для английской, немецкой, русской и чеченской идиом является интенсификация действия, за счет выражения в грамматической структуре понятия предельности.

Таким образом, ценности формируются под воздействием социальных и культурных факторов. Семантика идиом, а также аутентичные контексты их употребления во многом опосредованно отражают специфику систем ценностей в разных культурах, а поведение идиом и их семантические свойства – сходства и различия идиоматики разных языков.

Список литературы

Байсултанов Д., Байсултанов Д. Чеченско-русский фразеологический словарь. Грозный: Книга, 1992. 320 с.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., перераб. М.: Рус.яз. Медиа, 2006. 1210 с.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. и с посл. А.И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2006. 524с.

Dobrovolskij, D., Piirainen, E. Cognitive theory of metaphor and idiom analysis // *Jezikoslovlje* 6.1 (2005). P. 7-35.

Dobrovolskij, D., Piirainen, E. Symbole in Sprache und Kultur: Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive. Bochum: Brockmeyer, 1997.

Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik 3., überarbeitete und aktualisierte Auflage. (Duden Band 11). Mannheim etc.: Dudenverlag, 2008.

Piirainen, E. Europeanism, internationalism or something else? Proposal for a cross-linguistic and cross-cultural research project on widespread idioms in Europe and beyond // *Hermes, Journal of Linguistics* № 35. 2005.

[en.wikipedia.org/wiki/work to rule](http://en.wikipedia.org/wiki/work_to_rule)

<http://corpus.byu.edu/bnc/>

<http://www.ids-mannheim.de/kl/.../korpora/>

<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

<http://www.ruscorpora.ru/>

Научное издание

«Языки. Культуры. Перевод»

Подписано в печать 10.06.2013. Формат 60x90 1/8

Тираж 70 экз.

Ордена «Знак Почета»

Издательство Московского университета. 125009,

Иосква, ул. Б.Никитская, 5/7. Тел. 629-50-91.

Факс: 697-66-71. Тел.: 9393323 (отдел реализации)

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru